3X
183
1г

Проф. А. Л. КАТАНСКІЙ.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.г.).

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

(годы 1847—1867).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.
1914.

Проф. А. Л. КАТАНСКІЙ.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.
1914.

ПРОВ. 1967

ВХ
493

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе», 1914 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
603
58

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.).

СТАРОСТЬ любитъ вспоминать старое доброе время, живя болѣе прошлымъ, чѣмъ настоящимъ. А потому читатели, вѣроятно, не особенно удивятся появленію моихъ «Воспоминаній».

«Воспоминанія» эти вызваны, впрочемъ, не столько внутренней моей потребностью подѣлиться впечатлѣніями изъ прошлаго, можетъ быть не безъинтересными для читателей, сколько внѣшними возбужденіями, именно настойчивыми просьбами моихъ дорогихъ сослуживцевъ по с.-петербургской духовной Академіи о томъ, чтобы я подѣлился своими воспоминаніями изъ многихъ лѣтъ моей академической службы.

Эти настойчивыя просьбы бывшихъ моихъ коллегъ особенно усилились предъ столѣтнимъ юбилеемъ нашей с.-петербургской Академіи въ 1909 г. и во время празднованія его. Но сначала я рѣшительно отклонялъ эти предложенія, стѣсняясь, по свойству своего характера, выдвигать свою личность, если не на первый планъ, то во всякомъ случаѣ на весьма видное мѣсто, что неизбѣжно, въ большей или меньшей степени, во всякихъ мемуарахъ. Однако, въ день моего 50-лѣтняго юбилея (18 ноября 1913 г.) моя рѣшимость значительно поколебалась. Съ одной стороны, въ этотъ знаменательный для меня день съ особенною силою нахлынулъ на меня потокъ воспоминаній и отчасти вылился въ моихъ рѣчахъ предъ делегатами отъ петербургской Академіи, почтившими меня посѣщеніемъ въ Гатчинскомъ моемъ уеди-

неніи [1]). Съ другой стороны, среди дружеской бесѣды по этому случаю, опять начались разговоры на прежнюю тему о воспоминаніяхъ съ усиленнымъ настаиваньемъ на ихъ составленіи. Все это начало клонить меня въ сторону противную первоначальному моему рѣшенію.

Послѣдній толчекъ въ этомъ направленіи далъ многоуважаемый редакторъ «Христ. Чтен.», потребовавшій отъ меня какой-либо статьи для этого журнала «по случаю моего юбилея». Справедливости его требованія я не могъ отрицать и рѣшился его исполнить. Но все-таки сначала я думалъ представить въ редакцію нѣчто изъ моихъ академическихъ чтеній по догматическому богословію. Однако, подъ конецъ, меня взяло раздумье: не лучше ли подѣлиться съ читателями этого старѣйшаго академическаго журнала моими воспоминаніями, преимущественно изъ академической жизни и чрезъ то удовлетворить и редакцію академическаго журнала и желаніе моихъ дорогихъ коллегъ по Академіи. Нѣчто изъ академическихъ моихъ лекцій, думалъ я, заслуживающее напечатанія, можетъ, если будетъ то угодно Богу, сохраниться въ моихъ рукописяхъ и не пропасть для читателей и послѣ моей смерти, а мои воспоминанія, если я буду медлить, да раздумывать, могутъ сойти со мною въ могилу, которая во всякомъ случаѣ, при 77-лѣтнемъ моемъ возрастѣ (1836—1913 г.), отъ меня недалека. При этомъ приходили мнѣ на мысль слѣдующія соображенія. Быть можетъ, краткая лѣтопись моей жизни для пожилыхъ читателей нашего духовнаго журнала представитъ нѣчто небезъинтересное въ томъ отношеніи, что напомнитъ достолюбезную многимъ старину, а для молодого поколѣнія дастъ еще и нѣчто нелишенное поучительности. А затѣмъ лѣтопись человѣка, прожившаго всю сознательную жизнь въ тѣсной, неразрывной связи съ духовною школою, можетъ оказаться небезполезною и вотъ еще въ какомъ отношеніи. Въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о коренномъ преобразованіи духовной школы, не послужитъ ли она въ качествѣ какъ бы своего рода исторической справки изъ прошлаго нашей духовной школы. Всѣ эти соображенія окончательно склонили меня къ составленію моихъ воспоминаній.

---

[1]) Заслуженный профессоръ и директоръ с.-петерб. Археол. Института Н. В. Покровскій и профессоръ протоіерей П. И. Лепорскій.

Вотъ, благосклонные мои читатели, исторія происхожденія моихъ «воспоминаній».

Да простятъ они: 1) неточность нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ, ибо я никогда не велъ дневниковъ и даже хотя бы краткихъ записей, о чемъ теперь очень сожалѣю; 2) что я невольно ставлю себя въ центрѣ совершающагося вокругъ меня, чего всячески хотѣлъ бы избѣжать, но, какъ увидятъ они, далеко не всегда могъ; 3) ошибки памяти и свойственныя человѣческой слабости пристрастія относительно лицъ и событій, встрѣчавшихся на моемъ жизненномъ пути, хотя старался въ этомъ отношеніи быть объективнымъ и безпристрастнымъ, насколько могъ, наконецъ 4) множество мелочей изъ обыденной жизни, которыя попали въ мои воспоминанія и которыхъ я не избѣгалъ, полагая, что они иногда служатъ лучшей иллюстраціей событій и лицъ, чѣмъ голословныя ихъ характеристики.

Гатчина, 29 ноября 1913 г.

1. Дѣтство и нижегородское духовное училище.

Начинаю съ первыхъ дней моей жизни, стараясь, однако, быть краткимъ относительно перваго ея періода, до поступленія въ Академію, чтобы поболѣе посвятить мѣста и времени второму періоду—ученія въ Академіи и третьему періоду—академической моей службы, что составляетъ главную цѣль моихъ «Воспоминаній».

Родился я въ 1836 г., 19 ноября, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ приходѣ преп. Сергія; гдѣ мой отецъ съ 1834 г. былъ діакономъ этой церкви (Сергіевской, какъ она и называлась официально). И замѣчательное совпаденіе: началъ я жизнь подъ покровомъ преп. Сергія и вступилъ въ дѣйствительную, какъ говорятъ, жизнь, т. е. началъ службу, также въ обители преп. Сергія, въ московской духовной Академіи, находящейся, какъ извѣстно, въ оградѣ Троицко-Сергіевой Лавры. Сюда же можно отнести слѣдующій случай: у моего отца былъ знакомый діаконъ, имѣвшій модель Троице-Сергіевой Лавры, разбиравшуюся и складывавшуюся, въ видѣ отдѣльныхъ кубиковъ. Маленькимъ мальчикомъ не разъ я видалъ эту модель, которую этотъ діаконъ приносилъ къ намъ въ домъ и старался обратить на нее мое особенное вниманіе, вѣроятно какъ на игрушку, интересную для маленькаго мальчика. Думалъ ли

я тогда, что это было какъ бы предзнаменованіемъ моей дальнѣйшей судьбы. Чрезъ много лѣтъ потомъ, во время моей службы въ московской Академіи, совершенно неожиданно, встрѣтилъ я упомянутаго діакона среди братіи Троице-Сергіевой Лавры, уже въ санѣ іеромонаха. Подивились мы тогда совпаденію настоящаго съ давно прошедшимъ [1]).

Помню себя въ маленькомъ, принадлежавшемъ моему отцу, собственномъ домикѣ, недалеко отъ церкви, состоявшемъ всего изъ двухъ комнатъ, включая сюда и кухню, съ довольно большимъ фруктовымъ садомъ, по преимуществу вишневымъ, круто спускавшимся въ оврагъ,—мѣстоположеніе нелишенное красоты. И въ этомъ-то крохотномъ домикѣ, стоявшемъ на церковной землѣ [2]), конечно деревянномъ, довольно уже ветхомъ, ухитрялись помѣщаться четверо хозяевъ, а подъ конецъ даже пять человѣкъ [3]), да еще *иногда* прислуга (далеко не всегда она у насъ была) и кромѣ того, насколько помню, всегда два или три человѣка изъ семинаристовъ, по большей части нашихъ близкихъ родственниковъ (трехъ родныхъ братьевъ моего отца [4]), впрочемъ неодновременно; изъ чужихъ помню только одного).

---

[1]) И замѣчательно еще, что Московская Академія привѣтствовала меня, по случаю 50-тилѣтняго моего юбилея, присылкою мнѣ, чрезъ двухъ своихъ делегатовъ профессоровъ (С. И. Смирнова и А. П. Орлова) именно св. иконы Препод. Сергія. Знаменательнѣе и трогательнѣе для меня такого способа ея привѣтствія ничего другаго быть не могло.

[2]) Что еще болѣе понижало и безъ того малую его цѣнность, такъ что, при продажѣ его (по случаю переѣзда нашего семейства въ церковный домъ), въ 1853—4 году, за него получено было всего 500 р. ассигнаціями. Тогда былъ еще въ маломъ ходу счетъ на серебро. по крайней мѣрѣ въ провинціи, дешевизна на все была необычайная.

[3]) Съ рожденіемъ, на моей уже памяти, моей младшей сестры, все наше семейство состояло изъ 6 человѣкъ: отца, матери, меня и трехъ сестеръ, изъ которыхъ старшая, старше меня на годъ, не жила съ нами, а со дня рожденія и до замужества воспитывалась у дѣдушки, сельскаго священника. Такимъ, по количеству, наше семейство осталось до конца жизни нашихъ родителей.

[4]) Всего было ихъ четыре брата: отецъ мой, старшій братъ, по фамиліи Катанскій, второй—Иванъ Гер. Садовъ, третій Петръ Гер. Елеонскій, четвертый—Ѳедоръ Гер. тоже Елеонскій. Откуда такая разница въ фамиліяхъ, читатель увидитъ далѣе. Всѣ три брата вышли, можно сказать, изъ подъ крыла моего отца, почти все время ученія въ училищѣ и семинаріи жили у него, воспитались подъ его вліяніемъ и подъ конецъ жизни онъ имѣлъ рѣдкое утѣшеніе видѣть плоды воспитанія своихъ близкихъ родныхъ: оказалось цѣлое гнѣздо не безызвѣстныхъ его выводковъ, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго нашего разсказа.

Мой отецъ (Левъ Герасимовичъ Катанскій) [1]) былъ далеко небогатый человѣкъ, принужденный, по недостатку средствъ, самолично много работать по дому, въ особенности надъ его ремонтомъ, даже иногда капитальнымъ [2]), но онъ былъ богатъ другимъ, — крѣпкою, непоколебимою вѣрою въ Бога и глубокою религіозностью. Былъ онъ очень кроткаго, незлобиваго характера и строгой жизни, усиленно боролся съ своими недостатками и грѣховными склонностлми, по временамъ и надолго предаваясь чисто аскетическимъ подвигамъ (посту, молитвѣ и др.), которымъ мы всѣ удивлялись. При этомъ былъ еще необыкновенно ревностнымъ проповѣдникомъ, не опускавшимъ ни одного праздничнаго дня безъ проповѣди собственнаго сочиненія, что въ то время было далеко необычнымъ явленіемъ,—даже и въ средѣ городскихъ священниковъ и протоіереевъ нижегородскихъ, не говоря уже о діаконахъ, каковымъ въ ту пору, какъ сказано выше, былъ мой отецъ,— и что сдѣлало его извѣстнымъ всему городу и мѣстному епархіальному начальству, — въ особенности преосвященнымъ Іакову и Іереміи. Въ виду того, что моему отцу не всегда было удобно и даже возможно представлять свои проповѣди мѣстному цензору (которому обыкновенно носилъ ихъ я), когда напримѣръ скоплялось нѣсколько праздниковъ подрядъ, онъ нерѣдко произносилъ непроцензурованныя проповѣди. За это

---

[1]) Изъ воспитанниковъ нижегор. дух. семинаріи. Окончилъ онъ полный ея курсъ въ 1834 г., но выпущенъ съ аттестатомъ 2-го разряда, что считалъ несправедливостью и объяснялъ лишеніе его 1-го разряда интригою своего товарища, всесильнаго, по его словамъ, любимца тогдашняго ректора семинаріи Иннокентія, оставившаго, какъ видно изъ исторіи нижегор. сем., недобрую о себѣ память. Зная необыкновенную правдивость моего родителя и его дѣятельность, какъ проповѣдника (см. далѣе), не могу въ этомъ ни на минуту усумниться.

[2]) Живо помню, какъ отецъ задумалъ однажды поднять весь домъ, вынуть старыя, сгнившія бревна и замѣнить ихъ новыми и осуществилъ это, нанявъ плотниковъ, но самъ болѣе всѣхъ ихъ работая; какъ затѣмъ, по доносу сосѣда, въ самый разгаръ работы нагрянула къ намъ полиція, съ полицмейстеромъ во главѣ, и какъ смущенъ былъ отецъ, не испросившій разрѣшенія на эти работы, вѣроятно потому, что не надѣялся его получить, въ виду ветхости дома (дѣло, однако, обошлось благополучно); далѣе, какъ онъ вырылъ землянку и самъ устроилъ въ ней баню, которую полиція по лѣтамъ иногда запрещала топить (вѣроятно изъ опасенія пожаровъ); какъ онъ занимался разными подѣлками для домашняго обихода, смастерилъ даже цѣлый комодъ, правда, нужно признаться, не отличавшійся изяществомъ, но зато очень крѣпкій и удобный.

однажды даже подвергся (вѣроятно по чьему-либо доносу) наказанію, довольно правда легкому (кажется, сколько помнится, денежному штрафу—рубл. въ 3—5). Это было при преосв. Іереміи, благоволившемъ къ отцу за ревностное проповѣдничество и потому смягчившемъ наказаніе, при какой-то характерной по этому дѣлу резолюціи (какой—не помню).

Посвященный въ санъ діакона (1834 г.) преосв. Амвросіемъ (Моревымъ) [1])и прослуживъ 18 лѣтъ (1834—1853 г.) въ этомъ санѣ при епископахъ Іоаннѣ (Доброзраковѣ), Іаковѣ (Вечерковѣ) и Іереміи (Соловьевѣ), мой отецъ посвященъ былъ этимъ послѣднимъ во священника при слѣдующихъ замѣчательныхъ обстоятельствахъ. Къ 50-мъ годамъ у скромнаго діакона накопилась масса проповѣдей не только на воскресные и праздничные дни, но и поученій другого рода—катихизическихъ и о христіанскихъ добродѣтеляхъ и порокахъ. Своими проповѣдническими трудами мой родитель очень охотно дѣлился съ сельскими священниками, нерѣдко приходившими къ нему, какъ извѣстному проповѣднику, въ трудныя минуты жизни, когда нужно было представлять епарх. начальству проповѣди, а ихъ не было. По вызову преосвященныхъ Іакова и Іереміи, обращенному къ нижегородскому духовенству, представлять сборники проповѣдей на разсмотрѣніе, онъ нѣсколько разъ подавалъ этимъ преосвященнымъ свои объемистыя тетради проповѣдей и поученій. Преосвященные одобряли и оказывали видимые знаки вниманія, а діаконъ проповѣдникъ, извѣстный всему городу и даже далеко за его предѣлами, все оставался діакономъ. Между тѣмъ домашніе, мать и ея отецъ, мой дѣдъ, въ виду немалаго нашего семейства и скудости доходовъ, падавшихъ на діаконскую долю отъ нашего небогатаго прихода,—настаивали, чтобы онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на мѣсто священника въ Нижнемъ. Но мой отецъ низачто не хотѣлъ этого сдѣлать, считая такую

---

[1]) 1807 г. кандид. (?) богосл. Александро-Невской сем., 1813 г.—префектъ Новгор. сем., 1816 г.—архим. Новгор. Антоніева монаст., 1822 г.—ректоръ Орловск. сем., 1823—еписк. Оренбургскій, 1828—Волынскій, 1832—Нижегор., 1835—Пензенскій, сконч. 1854 г. Хронологическія данныя въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, заимствую изъ труда Ю. В. Толстого, бывшаго тов. оберъ-прокур. Св. Синода: „Списки архіереевъ, архіер. каѳедръ іерархіи всероссійской (1721—1871 г.). Почему авторъ назвалъ пр. Амвросія *„канд.“* Александро-Невской сем., неизвѣстно. Тогда такихъ степеней ученыхъ еще не было.

просьбу несовмѣстимою со своими взглядами на полученіе благодати священства, которая не выпрашивается, а сама избираетъ для себя достойный органъ. «Уже не думаешь ли ты, что архіерей самъ позоветъ тебя и спроситъ, не желаешь ли ты быть священникомъ; вотъ тебѣ мѣсто», иронически замѣчали ему домашніе. «А отъ чего же и не быть такъ, если на то будетъ воля Божія. Я вѣрую, что такъ и будетъ. Да, позоветъ и предложитъ. Вотъ увидите». «Дожидайся. Вотъ еще какой пророкъ нашелся», говорили ему домашніе. И вотъ, въ одинъ изъ дней апрѣля 1853 г., случилось именно то, что предсказывалъ отецъ: преосв. Іеремія посылаетъ къ нему своего келейника съ приглашеніемъ къ себѣ и, когда тотъ явился, предлагаетъ ему мѣсто второго священника при Георгіевской церкви въ Нижнемъ, въ помощь заслуженному, но ослабѣвшему силами старцу протоіерею (І. А. Граціанову). Въ санѣ священника, а потомъ протоіерея и долгое время духовника градского духовенства Л. Г. прослужилъ еще 32 года, въ 1884 г. отпраздновавъ 50-лѣтній юбилей своей службы, въ 1887 г. поступилъ въ заштатъ по болѣзни и въ 1889 г. скончался. Въ концѣ своей жизни, окруженный общимъ уваженіемъ, онъ имѣлъ еще особенное утѣшеніе—насчитать изъ своихъ ближайшихъ родныхъ, по истинѣ его питомцевъ, выросшихъ подъ его вліяніемъ и руководствомъ, 5 человѣкъ съ академическимъ образованіемъ и учеными степенями и званіями: 2 ординарныхъ профессоровъ спб. дух. Академіи и докторовъ богословія (сына А. Л. К—го, роднаго брата Ѳ. Г. Е—го), 2 магистровъ (А. И. Садова [1]) и Ѳ. П. Елеонскаго—преподавателя нижегор. дух. семинаріи—родныхъ племянниковъ) и 1 кандидата богословія (Ѳ. И. Садова, преподавателя харьковской семинаріи—также роднаго племянника [2]). Дочери его всѣ были устроены, выданы замужъ за лучшихъ изъ студентовъ мѣстной семинаріи, бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ священниками. Мать моя, женщина очень

---

[1]) Въ то время А. И. Садовъ былъ еще магистромъ и экстраорд. спб. Акад. профессоромъ, но чрезъ нѣсколько времени и онъ получилъ степень доктора церковной исторіи и званіе ординарнаго профессора, а потомъ и заслуженнаго профессора.

[2]) Оба брата Садовы также жили нѣсколько времени въ нашемъ семействѣ. Ѳ. П. Елеонскій, хотя у насъ не жилъ (онъ какъ сирота жилъ въ бурсѣ), но и онъ не лишенъ былъ попеченія и надзора со стороны нашего семейства.

добраго сердца и религіозно-настроенная, но другого характера, чѣмъ отецъ, очень даровитая, но довольно бойкая и рѣзкая въ обращеніи, скончалась ранѣе его, за два года до его кончины.

Все дѣтство, отрочество и юношескіе годы провелъ я въ городѣ—Нижнемъ. Городской житель, я мало зналъ деревню. О ней получилъ понятіе только тогда, когда навѣщалъ, съ самыхъ впрочемъ малыхъ лѣтъ, своего дѣда, отца матери, священника въ одномъ большомъ и богатомъ селѣ Пурехѣ, въ 70 верстахъ отъ Нижняго, вверхъ по Волгѣ. Въ этомъ селѣ, бывшемъ когда-то вотчиною князя Пожарскаго, находится древняя церковь (съ реликвіями отъ знаменитаго князя), въ два этажа, изъ которыхъ нижній очень напоминаетъ собою древнія монастырскія церкви (очевидно, она нѣкогда была монастырскою), съ двумя высокими колокольнями и множествомъ колоколовъ (300, 200 и т. д. пудовъ) [1]). Этотъ мой дѣдъ, Е. А. Бардовъ, одинъ изъ трехъ священниковъ этого села, былъ воспитанникомъ еще старой, дореформенной (1809 г.) школы, не окончивъ полнаго курса семинаріи, вышелъ изъ нея за годъ до окончанія курса (1811—1812 г.), по предложенію тогдашняго преосвященнаго [2]) занять мѣсто священника. Мой дѣдъ очень любилъ разсказывать и о старой школѣ, съ ея фарой, инфимой, поэзіей и т. д., и о преосвященныхъ его времени, въ особенности о пр. Моисеѣ Близнецовѣ-Платоновѣ [3]), этой превосходной, приближающейся къ оригиналу копіи съ знаменитаго Платона, митроп. московскаго (такъ же, какъ и онъ, величественной, красивой наружности), прекрасномъ ораторѣ и краснорѣчивомъ проповѣдникѣ. Этотъ мой дѣдъ очень любилъ пересыпать свою рѣчь латинскими пословицами и изреченіями и писать стихи (на русск. языкѣ). Стихотворцемъ онъ былъ положительно неутомимымъ и даже всѣ письма (напр. ко мнѣ, во время моего студенчества и службы въ моск. и петерб. Академіяхъ)

---

[1]) Тогда. Теперь есть уже въ 1000 пуд.

[2]) Вѣроятно, пр. Моисея. Тогда это было въ обычаѣ, даже и въ позднѣйшее время; въ 1828 г. такихъ лицъ было—8 чел., въ 1830—22 чел,, 1832—18 чел., 1833—33 чел. (см. „Нижег. дух. сем. въ 1818—1840 годахъ“, стр. 98).

[3]) 1792 г. изъ Троице-Лаврской сем., 1795 г.—префектъ ея, 1796—префектъ Славяно-грекс-латин. Акад., 1804—ректоръ ея, 1808—епископъ Пензенскій, 1811—Нижегородскій, 1825—скончъ. и погребенъ въ нижегородскомъ каѳедр. соборѣ.

писалъ не иначе, какъ стихами. Передавъ мнѣ (чрезъ мою мать) много чертъ своей наружности, онъ, однако, не передалъ своего поэтическаго дара; я рѣшительно не имѣлъ способности писать стихи, что и обнаружилось въ низшемъ классѣ семинаріи (такъ наз. «словесности»). Скончался 86 лѣтъ.

Другой мой дѣдъ, со стороны отца, былъ въ другомъ родѣ. Окончивъ полный семинарскій курсъ и, даже кажется хорошо, онъ (Герасимъ Яковл. Владимірскій) былъ однако только діакономъ въ довольно бѣдномъ и отдаленномъ отъ Нижняго (въ 200 верстахъ слишкомъ) селѣ Успенскомъ, на Ветлугѣ, въ этомъ санѣ прожилъ тамъ всю свою жизнь и скончался также въ глубокой старости, свыше 80 лѣтъ. Среди нечастыхъ своихъ посѣщеній нашего дома (у него, въ селѣ, я никогда не бывалъ) онъ поражалъ меня очень кроткимъ выраженіемъ лица и въ высшей степени задумчивыми глазами, смотрящими куда-то вдаль, да еще своими разговорами съ моимъ отцемъ на религіозныя темы. Особенно живо помню ихъ бесѣду о причинахъ воплощенія Сына Божія. Дѣдъ не понималъ, почему оно было нужно, почему наше спасеніе не могло совершиться какъ-либо иначе. Отецъ старался выяснить, почему нужно было именно воплощеніе самого Сына Божія. Но дѣдъ все повторялъ: «не понимаю, не могу понять». Я былъ тогда очень малъ и, конечно, не могъ войти въ сущность спора и доводовъ той и другой стороны.

Подъ такими вліяніями я росъ и развивался. Но болѣе всѣхъ имѣлъ на меня вліянія мой отецъ.

Отецъ мой имѣлъ огромное на меня вліяніе, на мой характеръ, склонности и на складъ всей моей жизни—и своею личностью, примѣрами его жизни и принятою имъ системою воспитанія. А его система, съ которою согласна была вполнѣ и моя мать, состояла вотъ въ чемъ.

Прежде всего, онъ систематически удалялъ меня отъ всякаго рода товарищей, даже въ этихъ видахъ не позволялъ мнѣ прислуживать въ церковномъ алтарѣ (чего желалъ мѣстный священникъ), все изъ опасенія нравственной для меня порчи отъ сверстниковъ, прислуживавшихъ при богослуженіяхъ и подпадавшихъ, по его наблюденіямъ, разнымъ искушеніямъ отъ попадавшихъ въ ихъ руки, разными путями, денегъ. А денегъ въ моихъ рукахъ онъ боялся больше всего, почему до моего отправленія въ Академію у меня безусловно не было ни одной копѣйки въ личномъ моемъ распоряженіи,

на что я въ свое время, конечно, ропталъ, но за что теперь, оглядываясь на всю мою прошедшую жизнь, не могу не быть ему глубоко благодарнымъ.

И росъ я одинъ, безъ товарищей, проводя время въ играхъ только съ сестрами; не было у меня и дѣтскихъ игрушекъ, кромѣ самодѣльныхъ; въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, меня не баловали, а можетъ быть, не было и средствъ. Характеръ выработался у меня сосредоточенный, а можетъ быть здѣсь сказалась и наслѣдственность—отъ отца. Неудивительно поэтому, что какъ только подросъ и научился читать и достаточно понимать прочитанное, я скоро пристрастился къ чтенію сначала житій святыхъ Св. Димитрія Ростовскаго—изъ церковной библіотеки, а потомъ и свѣтскихъ книгъ, историческихъ (напр. огромной римской исторіи—соч. Ролленя въ варварскомъ—уже и тогда мнѣ такъ казалось—переводѣ Третьяковскаго) и другихъ—до романовъ тогдашняго времени включительно,—изъ довольно большой библіотеки одного купца, нашего прихожанина [1]).

А что удаляли меня отъ алтаря, и это сказалось важными послѣдствіями для всего склада моей жизни. Постоянно посѣщая и по собственному желанію и по настоянію родителей богослуженія, но не примыкая къ клиру, всегда стоялъ я среди мірянъ, да такъ и остался міряниномъ на всю жизнь, хотя и родители и всѣ родные очень желали, чтобы я, состоя на должности, принялъ священный санъ, да и обстоятельства

---

[1]) „Римская исторія“ Ролленя представляла 9 огромныхъ томовъ. Его же есть „Древняя исторія“—13 томовъ. Не помню, читалъ ли послѣднюю, но первую читалъ долго и усердно, хотя и съ пропусками полнаго текста рѣчей разныхъ полководцевъ, въ родѣ Суллы, Помпея и др., которыя мнѣ надоѣдали.—Кстати,– о нашихъ прихожанахъ. Былъ у насъ одинъ очень замѣчательный человѣкъ, гроза нашего клира, въ особенности низшаго, Н. Ѳ. В-въ, богатый человѣкъ и въ чинахъ (кажется, над. сов.), имѣвшій большой каменный домъ какъ разъ противъ алтаря нашей церкви. Это былъ бывшій причетникъ, отданный въ солдаты за кражу чего-то (какъ самъ онъ разсказывалъ), попавшій въ войска путейскаго вѣдомства, дослужившійся здѣсь до чиновъ и даже орденовъ и составившій себѣ хорошее состояніе. Онъ былъ очень богомоленъ, внимателенъ къ нашему клиру и щедръ въ платѣ за требы и въ другихъ случаяхъ (напр. въ праздники дѣлалъ подарки свящ., діакону), но строго слѣдилъ за порядкомъ богослуженія и нерѣдко дѣлалъ выговоры, особенно причетникамъ. Его вообще очень побаивались, но уважали и цѣнили, какъ самаго важнаго и главнаго нашего прихожанина.

моей службы не разъ складывались такъ, что казалось невозможнымъ уклониться отъ священства, но всегда что-то меня отъ него удерживало, кромѣ сложившагося у меня необыкновенно высокаго взгляда на священство. Если тутъ нѣсколько виноватъ мой родитель, то, думаю, только въ очень малой степени. Мнѣ кажется, это дѣло Промысла Божія, ведущаго насъ по назначенному каждому изъ насъ пути. Меня Онъ предназначилъ, повидимому, для *безраздѣльнаго* служенія богословской наукѣ. И вотъ что замѣчательно: благодать Божія, отъ принятія которой въ таинствѣ священства я уклонялся, заставила меня все-таки поработать именно для нея въ моихъ наиболѣе значительныхъ сочиненіяхъ («О семи церковныхъ таинствахъ» и «О благодати Божіей», сюда же можно отнести и статьи «О церкви»).

Въ 1847 году поступилъ я въ Нижегородское духовное училище во II классъ, имѣя отъ роду 10 лѣтъ (поздненько, почему и окончилъ семинарію 21 года). Тогда духовныя училища состояли изъ четырехъ классовъ (I, II, III и IV). Первый былъ, такъ сказать, приготовительнымъ, въ немъ учили только читать и писать и, можетъ быть, самымъ первымъ правиламъ грамматики [1]). Первый и второй классъ имѣли курсъ годичный, а третій и четвертый—двухгодичный. Первые два класса составляли приходское училище, третій же и четвертый—уѣздное.

Поступилъ я во II кл. вмѣстѣ съ своимъ сверстникомъ и одногодкомъ Ѳ. Г. Елеонскимъ (былъ онъ старше меня только на полгода), роднымъ моимъ дядей, братомъ моего отца, бывшимъ послѣдніе годы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ и почетнымъ членомъ С.-Петербургской духовной Академіи (сконч. въ 1906 г.). Привезенъ онъ былъ его отцомъ, а моимъ дѣдомъ изъ села Успенскаго, гдѣ его отецъ, былъ также діакономъ, какъ и мой. Живо помню, какъ мой отецъ и дѣдъ привели насъ съ Ѳ. Г. Ел—мъ къ ректору нижегор. дух. училища, прот. Лебединскому, бывшему въ то же время каѳедральнымъ протоіереемъ, но кажется еще не старшимъ [2]). Привели насъ въ большой ка-

---

[1]) Впрочемъ, хорошо этого не помню и не знаю, хотя и посылали меня иногда, какъ хорошаго ученика, изъ IV кл. въ I-й замѣнять тамъ учителя, въ его отсутствіе.

[2]) Тогда еще живъ былъ его тесть, протоіерей Фіалковскій, вмѣстѣ съ которымъ, въ одной квартирѣ, жилъ и нашъ училищный ректоръ о. Лебединскій (магистръ московской дух. Академіи IV курса 1820—

менный домъ соборнаго духовенства и поставили въ одной изъ прекрасныхъ, высокихъ и богато обставленныхъ комнатъ протоіерейской квартиры. Мы оба сильно трусили и отъ непривычной намъ обстановки, а главное отъ предстоящаго намъ, при поступленіи въ училище экзамена, но оказывается—совершенно напрасно, такъ какъ экзамена совсѣмъ не было. Предложенъ былъ нашимъ родителямъ только вопросъ, чему насъ учили и что мы знаемъ, а затѣмъ зашла рѣчь о томъ, подъ какими фамиліями насъ записать въ списокъ. На это отецъ мой заявилъ, что желалъ бы дать мнѣ фамилію «Невскій» по имени моего ангела, св. Александра Невскаго. Но тутъ о. ректоръ съ живостью замѣтилъ, повысивъ голосъ: «ну ужъ, нѣтъ, довольно мѣнять фамиліи; только что вышелъ указъ Св. Синода, запрещающій давать дѣтямъ произвольныя фамиліи. Пусть фамилія твоего сына будетъ Катанскій,—т. е. твоя фамилія». Но затѣмъ тутъ же самъ о. ректоръ совершилъ нарушеніе синодскаго указа. Когда мой дѣдъ, самъ по фамиліи Владимірскій, имѣя трехъ сыновей съ различными фамиліями (Катанскій, Садовъ и Елеонскій), заявилъ въ свою очередь, что желалъ бы своему четвертому сыну, Ѳедору Герасимовичу, дать фамилію «Ѳаворскій», о. ректоръ пришелъ въ негодованіе, воскликнувъ: «что же это такое? что за пестрота? Я знаю, что твой третій сынъ учится въ семинаріи (П. Г. Елеонскій, отецъ Ѳ. П. Ел—го, нынѣшняго преподавателя нижегор. дух. сем., магистра Спб. Академіи,—былъ онъ, кажется, тогда въ словесности или въ философскомъ классѣ, какъ тогда называли низшій и средній классы семинаріи), такъ пусть будетъ твой четвертый сынъ также Елеонскій. Почему же не «Владимірскій» по имени отца его, моего дѣда?—о ректоръ этого не объяснилъ [1]), а возразить ему, конечно, не посмѣли смиренные оо. діаконы. Въ заключеніе, а можетъ быть и въ самомъ началѣ аудіенціи у о. ректора (не помню) вручены были ему почтительно: моимъ родителемъ 1 р., а дѣдомъ, какъ болѣе бѣднымъ сельскимъ діакономъ, 50 к., что въ то время было въ общемъ обычаѣ и никого не смущало [2]).

1824 г., по выпускному списку значащійся подъ № 16). Онъ назывался именно „ректоромъ“, а не „смотрителемъ“, какъ уже и тогда назывались начальники училищъ—Печерскаго и Арзамасскаго.

[1]) Вѣроятно, во избѣжаніе упомянутой пестроты.

[2]) О. прот. Лебединскій, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, имѣвшій вѣсъ даже у пр. Іереміи, не гнушался, какъ говорили, даже очень

Вступилъ я въ училище, какъ сказано выше, въ 1847 г. (конечно осенью, въ сентябрѣ), въ годъ перемѣны епархіальнаго начальства.

Въ этомъ году весною оставилъ нижегородскую каѳедру, назначенный архіепископомъ донскимъ, нашъ землякъ, нижегородецъ, епископъ Іоаннъ Доброзраковъ, магистръ II курса Спб. дух. Академіи, на которомъ первенцемъ оказался также нашъ землякъ, нижегородецъ Иванъ Михайловичъ Скворцовъ, впослѣдствіи профессоръ Кіевской дух. Академіи и университета, сначала магистръ, а потомъ докторъ богословія, авторъ многихъ капитальныхъ сочиненій и учебника по каноникѣ, который мы изучали въ семинаріи. Пр. Іоаннъ [1]) былъ также докторомъ богословія за свою свящ. герменевтику (напечатанную въ 1828 г.), и мы нижегородцы гордились ими обоими. Пр. Іоанна я никогда не видалъ [2]), но много слышалъ о немъ отъ отца, нашихъ родныхъ и знакомыхъ [3]). Пр. Іоаннъ, судя

малыми приношеніями, добродушно приговаривая при этомъ: „годится на горшки?“.

[1]) Окончилъ курсъ спб. Акад. въ 1817 г., 11-мъ магистромъ по списку; 1824—ректоръ спб. семинаріи, 1826—ректоръ спб. акад., 1830—епископъ Пензенскій, 1835—Нижегородскій, 1847—архіеп. Донской, 1867—уволенъ на покой въ Кременецкій Вознесенскій монастырь, съ пенсіею 1,500 р.—какъ почему-то о немъ одномъ замѣч. въ „Списк. архіер. и архіерейск. каѳ.“ Ю. В. Толстого,—вѣроятно потому, что это была усиленная тогда пенсія.

[2]) Помню только, какъ теперь, раздавшійся въ одинъ дѣйствительно прекрасный день, кажется раннею весною, звонъ во всѣхъ церквахъ, по случаю, какъ мнѣ сказали, отъѣзда пр. Іоанна на Донъ.

[3]) Между прочимъ, не мало намъ разсказывалъ о немъ его товарищъ по семинаріи, нашъ довольно близкій родственникъ (родной дядя моей матери и родной братъ нашей бабушки), И. С. Бѣляевъ, діаконъ села Павлова—весьма замѣчательная личность. Первенецъ того семинарскаго курса, на которомъ состоялъ Михаилъ Добозраковъ (пр. Іоаннъ), окончившій семинарію кажется 5 или 6 студентомъ, И. С. Б-въ почему-то не попалъ въ академію, а посвященъ въ діакона богатаго села Павлова и здѣсь прожилъ всю жизнь. У насъ въ родствѣ считали его чуть не геніальнымъ, и дѣйствительно онъ производилъ на всѣхъ насъ впечатлѣніе человѣка необыкновенно умнаго, съ весьма выразительнымъ лицемъ, нѣсколько саркастическаго склада. Когда пр. Іоаннъ сдѣлался нижегородскимъ епископомъ, онъ вызвалъ къ себѣ бывшаго своего товарища и предложилъ ему мѣсто священника, но И. С. Б—въ не принялъ этого предложенія и на всю жизнь остался сельскимъ діакономъ. Не принялъ потому (какъ я понялъ изъ разговоровъ родныхъ,—я былъ тогда очень малъ), что не хотѣлъ одолжаться бывшему своему това-

по портрету, очень красивый лицемъ (чисто русскаго типа), по разсказамъ, очень краснорѣчивый и остроумный, добродушный, веселаго характера и очень общительный, любившій посѣщать гражданъ, даже купцовъ [1]), пользовался въ Нижнемъ большою любовію и уваженіемъ. Къ сожалѣнію, его одолѣвали родные, которыхъ было немало на его родинѣ и которымъ онъ покровительствовалъ поневолѣ, въ силу извѣстной пословицы, и только это одно падало нѣкоторою тѣнью на его блестящій образъ, сохранившійся доселѣ такимъ именно въ воспоминаніяхъ нижегородцевъ.

Его преемникъ, преосв. Іаковъ Вечерковъ—кандидатъ Спб. дух. Академіи слѣдующаго за пр. Іоанномъ III курса [2]), представлялъ совершенную противоположность своему предшественнику. Высокій ростомъ, брюнетъ, еще безъ особенно большой сѣдины, очень худощавый, аскетическаго вида, онъ производилъ впечатлѣніе древняго отшельника греческаго Востока, и былъ очень почитаемъ нижегородцами за свою строгую жизнь. При немъ я поступилъ въ духовное училище.

Онъ любилъ посѣщать семинарію и училище. Былъ однажды и въ моемъ II кл. и попалъ къ намъ на урокъ по ариѳметикѣ. Вошелъ онъ въ нашъ классъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я былъ вызванъ къ доскѣ. Помню, самъ онъ задалъ мнѣ рѣшить нетрудную задачу на сложеніе и вмѣстѣ вычитаніе, и я вѣрно ее рѣшилъ, за что послѣ ухода Архіерея похвалилъ меня учитель (В. В. В—ій), замѣтившій при этомъ, что онъ очень боялся, справлюсь ли я съ заданною мнѣ работою. Пр.

рищу. Объ этомъ сельскомъ діаконѣ разсказывалъ мнѣ, уже когда я служилъ въ петерб. Академіи, нашъ также родственникъ, Н. И. Розовъ (родной его племянникъ, докт. медиц., бывшій директ. медиц. департ.) вотъ какой случай: „заѣзжаю я въ с. Павлово навѣстить своего дядю и застаю его, уже старца, лѣтомъ, въ мѣховой шубѣ, за чтеніемъ французскаго романа въ подлинникѣ, т. е. на французскомъ языкѣ, чѣмъ конечно, я былъ крайне удивленъ?“ Вотъ какіе въ старину были сельскіе діаконы!

[1]) Разсказывали, что и въ нашъ приходъ онъ пріѣзжалъ къ одному купцу въ гости и привозилъ съ собою своихъ архіерейскихъ пѣвчихъ, для пѣнія концертовъ во время трапезы, даже иногда и вечерней.

[2]) У Чистов. („Истор. спб. Акад.“) „съ правомъ на магистра“ поставленъ, однако, подъ № 20, среди магистровъ; 1819 г.—ректоръ екатериносл. сем., 1832—еписк. Саратовск., 1847—Нижегор., скончъ. 1850 г. мая 20, въ санѣ архіеп., въ С.-Петербургѣ, во время присутствованія въ Св. Синодѣ.

Іаковъ очень любилъ также, чтобы ему представляли работы учениковъ нашего низшаго класса по каллиграфіи, почему въ числѣ прочихъ представляли и мои, хотя онѣ и не выдавались особеннымъ изяществомъ; нѣкоторые мои товарищи писали красивѣе меня. Кромѣ борьбы съ расколомъ пр. Іаковъ обращалъ особенное вниманіе на усиленіе проповѣдничества въ мѣстномъ духовенствѣ и поощрялъ ревностныхъ проповѣдниковъ, въ томъ числѣ моего отца, который ему, кажется, первому изъ преосвященныхъ представлялъ собраніе своихъ поученій. Проповѣдывалъ и самъ пр. Іаковъ и проповѣди его напечатаны, но я ихъ не слыхалъ въ его произношеніи съ каѳедры.

Въ училищѣ я сразу же началъ учиться хорошо къ великому удивленію моего отца, который никакъ этого не ожидалъ, полагая, что его сынъ совершенный тупица. Такое заключеніе онъ вывелъ изъ рѣдкихъ, нужно признаться, случаевъ провѣрки моихъ знаній по русской грамматикѣ, которую я постоянно таскалъ съ собою и дома и въ прогулкахъ по саду, такъ что совершенно ее истрепалъ, но не изучалъ. Строго слѣдя за моимъ поведеніемъ, мои родители мало обращали вниманія на мои учебныя занятія, почему-то—вѣроятно по недостатку времени, такъ какъ у нихъ было очень много хлопотъ по дому и хозяйству. Во II кл. насъ учили: русской грамматикѣ, катихизису, ариѳметикѣ, чистописанію на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, вѣроятно и церк. пѣнію. Не помню, подъ какимъ № по списку перешелъ я изъ II класса въ III, но во всякомъ случаѣ стоялъ очень высоко, однимъ изъ первыхъ.

Въ III кл. преподавались: латинскій и греческій языки, россійская и славянская грамматика, катихизисъ, ариѳметика, церковный уставъ и нотное пѣніе. Въ III кл. у насъ было два параллельныхъ отдѣленія, и тутъ мы разлучились съ Ѳ. Г. Ел—ъ; онъ попалъ въ одно, я въ другое. Я былъ счастливѣе Ѳ. Г. У насъ, въ нашемъ отдѣленіи, былъ прекрасный, можно сказать, идеальный учитель катихизиса, латинскаго языка и ариѳметики—С. П. Модератовъ [1]). Онъ пробудилъ въ насъ особенную любовь къ латинскому языку, который зналъ пре-

---

[1]) Окончившій семинарію первымъ студентомъ, но почему-то не попавшій въ академію (вѣроятно, по слабости здоровья). Онъ былъ очень уважаемъ не только въ училищѣ его коллегами, но и корпораціею семинарскихъ наставниковъ.

А. Л. КАТАНСКІЙ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

красно, и заложилъ въ насъ прочный фундаментъ знанія этого языка. Отношенія его къ ученикамъ во многомъ отличались отъ обычныхъ тогда, довольно грубоватыхъ пріемовъ. Относился онъ къ намъ, можно сказать, по-отечески, рѣдко прибѣгая къ обычнымъ тогда розгамъ, всячески поощряя лучшихъ учениковъ, приглашая ихъ къ себѣ, напр. по случаю своихъ именинъ, и раздавая имъ заранѣе приготовленныя небольшія связочки гостинцевъ (пряниковъ и т. п.) и—это изъ крайне скуднаго тогда учительскаго жалованья [1]). Мы его очень любили и уважали. Въ III кл. я былъ, кажется, несомнѣнно уже первымъ по списку. Былъ, впрочемъ, тогда обычай, такъ называемый certo de loco, т. е. заявленій учениковъ на высшее мѣсто, съ пересаживаніемъ съ одного мѣста на другое высшее. Не помню, были ли случаи сверженія меня съ занимаемаго мною мѣста; вѣроятно, дѣло безъ того не обошлось.

Въ IV кл. преподавались: латинскій и греческій языки, катихизисъ, свящ. исторія, географія и ариѳметика. Въ IV кл. не было параллельныхъ отдѣленій, въ него перешли ученики изъ обоихъ отдѣленій, почему мы снова соединились съ Ѳ. Г. Ел—мъ, который учился также прекрасно, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ по списку. Въ IV кл., помню, первымъ сидѣлъ я на первой правой партѣ, ближайшей къ учителю, т. е. первымъ ученикомъ, но въ этомъ же классѣ (кажется подъ конецъ двухлѣтняго въ немъ курса) произошла и потеря мною перваго мѣста: у меня явился сильный конкуррентъ въ лицѣ сидѣвшаго первымъ на лѣвой партѣ И. Ф. Спасскаго, перешедшаго изъ другого отдѣленія III класса.

Въ IV кл. у насъ было два или даже три учителя (хорошо не помню): греческаго языка—свящ. І. П. Ф—въ (онъ же и инспекторъ), уступавшій въ знаніи своего предмета нашему любимцу С. П. М—ву; еще учитель русскаго языка, ариѳметики и географіи (г. Р—въ) и перешедшій вмѣстѣ съ нами, или немного позднѣе, вышеупомянутый С. П. М—въ, учитель латинскаго языка, катихизиса и свящ. исторіи. За точность распредѣленія между ними предметовъ, впрочемъ, не ручаюсь и даже за количество учителей: можетъ быть ихъ было только

---

[1]) Вотъ жалованье учителей съ 1836 г.: въ приходскомъ учил. (I и II кл.) 250 р. *ассигн.*, въ уѣздномъ (III и IV кл.) 525 р. тоже *ассигн.*, т. е. въ первыхъ двухъ 6 р., а въ послѣднихъ 17 р. *на серебро* въ мѣсяцъ (Нижег. дух. сем. въ 1818—40 г. Н.-Новг. 1905 г. стр. 156).

два; не замѣнилъ ли г. Р—ва С. П. М—въ? Главными у насъ предметами считались древніе языки—греческій и особенно латинскій.

С. П. Модератовъ по прежнему ревностно занимался обученіемъ насъ латинскому языку и мы попрежнему глубоко его уважали и любили [1]). Предъ окончаніемъ IV кл. онъ давалъ лучшимъ ученикамъ даже сверхъурочныя занятія, на каникулы (помнится, рождественскія), переводить съ латинскаго языка на русскій сочиненія латинскихъ писателей: мнѣ напр. далъ онъ переводить соч. De natura deorum. Въ этихъ переводахъ и вообще во всѣхъ письменныхъ работахъ я всегда былъ сильнѣе, чѣмъ въ устныхъ отвѣтахъ, а мой конкурентъ—наоборотъ, что учитель разъ и замѣтилъ въ присутствіи всего класса [2]). Какъ бы то ни было, мой конкуррентъ, С. Ф. С—скій, къ концу курса IV кл., отбилъ у меня первое мѣсто и я окончилъ училище вторымъ ученикомъ.

Въ 1850—1852 годахъ, въ бытность мою въ IV кл. училища, Нижегородскимъ епископомъ былъ пр. Іеремія (Соловьевъ, 1850—1857 г.), преемникъ пр. Іакова. Пр. Іеремія [3]) весьма замѣчатель-

---

[1]) Степень нашего уваженія къ нему показываетъ слѣдующій случай. Какъ-то мы съ Ѳ. Г. Е—мъ шли изъ класса домой по довольно пустынному мѣсту и дорогой шалили, толкали другъ друга и т. п. и не замѣтили, что сзади насъ шелъ С. П. Окликнувъ насъ, онъ укоризненно покачалъ головой и сказалъ: „какъ не стыдно, а еще хорошіе ученики". Этого было довольно, чтобы, чрезъ нѣсколько часовъ, мы добровольно явились къ нему, расплакались и попросили у него прощенія, не изъ боязни, впрочемъ, наказанія, котораго и не ожидали, а просто потому, что намъ стыдно было предъ уважаемыхъ учителемъ за наше уличное поведеніе.

[2]) „Если бы С—кій писалъ „задачки" такъ же хорошо, какъ К—ій, а К—ій такъ же хорошо отвѣчалъ на устные вопросы, какъ С—кій, то это было бы совершенство"—сказалъ С. П. Кстати замѣчу, что то же самое явленіе наблюдалось въ теченіе всей моей жизни, зависящее отъ моей застѣнчивости, ненаходчивости, а можетъ быть и не особенно сильной памяти.

[3]) Изъ воспитанниковъ Орловской сем., товарищъ и другъ знаменитаго Иннокентія херсонскаго, окончилъ курсъ спб. Акад. (VII кур.) въ 1827 г., но *не принялъ никакой ученой степени*. Это фактъ общеизвѣстный и несомнѣнный. Въ спискѣ этого курса (И. А. Чистов. „Истор. спб. дух. Акад.") іеродіаконъ Іеремія Соловьевъ поставленъ (въ слѣдъ за 3 студентами, которымъ присвоено право на полученіе степени кандид. черезъ одинъ годъ съ одобреніемъ по должности и поведенію) послѣднимъ безъ всякой прибавки. Въ 1827 г.—законоучитель 2-го ка-

ная личность. Не былъ онъ ни церковнымъ ораторомъ, хотя владѣлъ хорошимъ даромъ слова и высоко цѣнилъ и поощрялъ ревностныхъ проповѣдниковъ; не былъ онъ и замѣчательнымъ ученымъ богословомъ. Но онъ былъ человѣкъ высокой духовной жизни и непреклоннаго характера, проникнутый идеею величія епископской власти. Необыкновенно, неподражаемо величественный при совершеніи богослуженія, любившій благолѣпную его торжественность и вообще пышность обстановки и въ храмѣ и у себя дома, онъ былъ однако въ душѣ аскетъ, что и обнаружилось съ особенною ясностью при удаленіи его на покой (1857 г.). Впрочемъ, о пр. Іереміи еще много придется мнѣ говорить впослѣдствіи, при обозрѣніи семинарскаго періода (1852—1858) моей жизни, который почти вполнѣ совпадаетъ со временемъ его пребыванія на нижегородской епископской каѳедрѣ.

При немъ насъ, учениковъ училища, нерѣдко посылали въ каѳедральный соборъ и крестовую церковь присутствовать при архіерейскомъ служеніи. Эти богослуженія производили необыкновенно сильное впечатлѣніе, чему всего болѣе содѣйствовала личность самого преосвященнаго, его величественная осанка, высокій ростъ, очень благообразное лицо, проницательный взглядъ и крайне симпатичный голосъ, высокій, довольно сильный, но нѣжный теноръ. Всего болѣе трогало меня и умиляло, когда, выйдя на амвонъ съ дикиріемъ и трикиріемъ въ рукахъ, онъ произносилъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, какимъ-то проникновеннымъ голосомъ извѣстныя слова: «призри съ небесе, Боже, и виждь»... Вообще, мнѣ никогда не приходилось видѣть такого архіерейскаго служенія, несравненнаго по чувству и красотѣ.

Пр. Іеремія зорко слѣдилъ за поведеніемъ духовенства, не только при исполненіи имъ своихъ обязанностей въ храмѣ, но и за домашнею его жизнью. Съ этою цѣлью онъ нерѣдко посѣщалъ жилища духовныхъ лицъ, при чемъ отъ проницательнаго его взора ничто не ускользало. И горе было тому, у кого онъ находилъ безпорядокъ въ домѣ. Былъ разъ и у

детскаго корпуса, въ 1829—баккалавръ Спб. Академіи, по классу богословскихъ наукъ, въ 1830—инспекторъ Кіевской Академіи, въ 1835—ректоръ кіевск. сем., въ 1839—ректоръ Кіевск. Академіи, въ 1841—вик. еп. чигиринскій, въ 1843—еп. кавказскій, въ 1849—полтавскій, въ 1850—нижегородскій, съ 1857 г. до 1884 г. на покоѣ, т. е. въ теченіе *27 лѣтъ*. Скончался въ 1884 г. 6 дек., 83 лѣтъ.

насъ, въ нашей діаконской квартирѣ, въ церковномъ домѣ [1]), и хотя все нашелъ въ порядкѣ, но все-таки сдѣлалъ одно замѣчаніе, по поводу вышитыхъ моею сестрою, разноцвѣтными шерстями, и висѣвшихъ на стѣнахъ, картинъ, въ рамкахъ, съ изображеніемъ какого-то святого и птицъ (пѣтуха и попугая). Первая работа заслужила его одобреніе, вторая—порицаніе. И такого рода посѣщенія имѣли мѣсто не только во время его служеній въ приходскихъ храмахъ, но нерѣдко были и внезапными, хотя оо. благочинные и старались, по возможности, предупреждать тѣхъ, кому готовился визитъ преосвященнаго.

Въ приходскихъ церквахъ пр. Іеремія служилъ часто. Служилъ, помнится, разъ и въ нашей Сергіевской церкви и даже произнесъ самъ проповѣдь, что бывало нечасто. Не поэтому ли нашъ храмъ удостоился его проповѣди, что имѣлъ извѣстнаго ему діакона проповѣдника?

Пр. Іеремія часто навѣщалъ семинарію и училище. Бывалъ и въ нашемъ IV кл. и, кстати сказать, оказывалъ мнѣ видимое благоволеніе, безъ сомнѣнія потому, что зналъ моего отца. Къ окончанію нами этого класса онъ пожелалъ нѣсколько лучшихъ учениковъ (въ томъ числѣ меня, Спасскаго, Ѳ. Г. Елеонскаго, В. Я. Рожанскаго, впослѣдствіи баккалавра Казанской Академіи), посвятить въ стихарь, что и совершилось въ Вербное воскресенье, въ Крестовой церкви архіерейскаго дома. Этого прежде не бывало,—обыкновенно посвящали въ стихарь уже въ семинаріи, въ «философскомъ» или даже «богословскомъ» классахъ (такъ называли тогда средній и высшій классы семинаріи).

Этотъ преосвященный любилъ вообще пышную обстановку, выходя при этомъ, вѣроятно, изъ идеи величія епископскаго сана, ибо въ душѣ, какъ сказано, онъ былъ аскетъ. Онъ носилъ великолѣпныя, бархатныя рясы. А въ великіе праздники Рождества Христова и Пасхи,—среди торжественнаго собранія знатнѣйшихъ лицъ изъ мѣстнаго духовенства, начальствую-

---

[1]) Куда наше семейство переселилось изъ нашего собственнаго маленькаго дома и гдѣ у насъ было уже 4, даже 5 (съ большою кухнею) просторныхъ комнатъ. Въ этой квартирѣ также жило у насъ нѣсколько учениковъ училища, моихъ сверстниковъ, помнится трое. Изъ нихъ, кромѣ Ѳ. Г. Е—го, нашего близкаго родственника, было еще двое чужихъ. Родители ихъ упросили моихъ родителей принять ихъ на наше попеченіе.

щихъ и преподавателей всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній города, въ архіерейскихъ его покояхъ,—любилъ, чтобы привѣтствовали его воспитанники не только семинаріи, но и училища—на разныхъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ, греческомъ и др. И мнѣ не разъ приходилось произносить эти рѣчи даже въ училищѣ, а потомъ въ семинаріи. Помню, разъ, когда я былъ въ IV кл. училища, назначена была мнѣ рѣчь на греческомъ языкѣ къ 1 мая, ко дню ангела владыки, но онъ заболѣлъ и рѣчь, составленная, конечно, учителемъ и мною уже выученная, произнесена не была.

Изъ замѣчательныхъ случаевъ моего ученья въ IV кл. врѣзался у меня въ памяти споръ нашего о. ректора, магистра академіи, прот. Лебединскаго съ много разъ упоминаемымъ мною учителемъ С. П. М—мъ, кажется, на экзаменѣ по катихизису,—споръ о древѣ познанія добра и зла и о древѣ жизни, объ естественныхъ или сверхъестественныхъ ихъ свойствахъ. Что утверждалъ одинъ изъ диспутантовъ и что другой — изгладилось изъ памяти. Помню только, что о. ректоръ очень вспылилъ на учителя, ему противорѣчившаго, и въ доказательство справедливости своего взгляда на предметъ спора ссылался на академическія лекціи, а С. П., оставаясь сравнительно спокойнымъ, не уступалъ ему, продолжая развивать свою мысль. Этотъ споръ произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе, и мы удивлялись, какъ семинаристъ рѣшился спорить съ академистомъ, да еще начальникомъ. Отъ этого спора наше уваженіе къ любимому и почитаемому учителю, конечно, не убавилось.

Изъ лучшихъ учениковъ IV кл., жившихъ на квартирахъ, назначали въ то время такъ называемыхъ «старшихъ», которые являлись какъ бы помощниками инспектора по наблюденію надъ такими же учениками того же класса, но худшими, а равно и надъ квартирными учениками другихъ младшихъ классовъ. Назначались они для надзора, для посѣщенія квартиръ во время вечернихъ занятій учениковъ и для наблюденія за аккуратнымъ посѣщеніемъ ими богослуженій и чиннаго, группами, стоянія ихъ въ храмѣ. Такихъ «старшихъ» было немало, человѣкъ 5—6; опредѣлены были районы ихъ дѣятельности въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ были ихъ собственныя квартиры; обыкновенно соединялось нѣсколько приходовъ подъ одно старшинство; у меня, помнится, было 4 прихода, включая и мой (Сергіевскій). Эти квартирные

старшіе въ извѣстное время подавали инспектору рапорты о томъ, все ли обстояло благополучно въ ихъ участкахъ. Этого рода обязанности немало поднимали нашъ духъ, льстили нашему маленькому самолюбію, и мы не безъ важности посѣщали ученическія квартиры и ходили по церквамъ нашихъ районовъ.

Но если быть квартирнымъ «старшимъ» не лишено было пріятности, то быть такъ называемымъ «нотаторомъ» и особенно дежурнымъ въ классѣ положительно не доставляло никакого удовольствія. Нѣсколько льстя самолюбію, то и другое сопряжено было съ отвѣтственностью и сопровождалось иногда непріятными послѣдствіями.

«Нотаторы» были во всѣхъ классахъ училища. Они назначались также изъ лучшихъ учениковъ и обязаны были предъ приходомъ учителя спрашивать и выслушивать у порученныхъ имъ учениковъ (обыкновенно 5—6), ихъ же товарищей, отвѣты на заданный урокъ и затѣмъ отмѣчать степень ихъ знанія въ особыхъ листкахъ условными знаками: sc., err., nt., ns. (т. е. знаетъ, съ ошибками, не все, не знаетъ). Нотаторъ въ свою очередь подвергался тому же со стороны другого своего товарища. Понятно, какъ было трудно нотатору быть справедливымъ въ оцѣнкѣ знанія своихъ товарищей, не поддаться чувству дружбы, жалости, а иногда и искушеніямъ въ видѣ маленькаго подкупа сластями, булками и т. п. А между тѣмъ, невѣрная отмѣтка въ «нотатѣ» грозила нотатору наказаніемъ—самое малое, стояньемъ столбомъ или на колѣняхъ, а то и розгами, судя по строгости и темпераменту учителя.

Но самое непріятное было—дежурить по классу, т. е. отвѣчать за порядокъ и тишину въ классѣ. Наши училищные классы помѣщались въ нижнемъ этажѣ зданія семинаріи, а въ верхнемъ—были классы семинаріи съ квартирами ея ректора и инспектора. Когда шумѣли у насъ въ классахъ, слышно было по всему зданію и по этому поводу къ намъ заглядывало нерѣдко и семинарское начальство. Помню, разъ, въ какомъ-то изъ классовъ отворяется дверь и показывается гнѣвное лицо самого о. ректора семинаріи, знаменитаго (по Нижегородской семинаріи, 1842—1851 г.) архим. Аполлонія (Матвѣевскаго) [1]), котораго я тутъ только въ первый разъ видѣлъ,

[1]) О. Аполлоній былъ весьма замѣчательною личностью: въ исторіи нижегор. сем. онъ составилъ цѣлую эпоху, такъ что справедливо по-

да еще потомъ—при богослуженіяхъ въ семинарской церкви. Въ другой разъ, уже въ IV кл., когда я былъ дежурнымъ (а дежурить тогда приходилось мнѣ чуть ли не безсмѣнно), спустился внизъ изъ своей квартиры, помѣщавшейся какъ разъ надъ нашимъ классомъ, инспекторъ семинаріи о. іером., или игуменъ, Паисій и, выведенный изъ себя страшнымъ шумомъ въ классѣ, потребовалъ меня какъ дежурнаго, отвѣтственнаго за тишину въ классѣ, и расправился со мною, за всѣхъ моихъ шалуновъ товарищей, собственноручно; тѣмъ дѣло и кончилось. О. Паисій, впрочемъ, былъ человѣкъ добрый, но—только очень вспыльчивый и впослѣдствіи, когда былъ ректоромъ семинаріи, очень благоволилъ ко мнѣ; при немъ я окончилъ курсъ семинаріи и потому мнѣ придется еще говорить о немъ.

Для перехода изъ училища въ семинарію были ли особые экзамены, съ участіемъ делегатовъ отъ семинаріи, не припоминаю; были, кажется, обычные экзамены, только нѣсколько болѣе строгіе, чѣмъ въ другіе годы. Правда, смутно помню одного ревизора отъ Казанской Академіи, ревизовавшаго семинарію и училище, архим. Антонія Радонежскаго [1]), и быв-

---

священъ ему цѣлый почти томъ „Нижегородск, дух. сем. 1840—1851 г.“. Уроженецъ Екатеринославской губ., кандид. Кіевской Акад. (1829—1833), учитель и инспекторъ Псковской сем. (1833—1842 г.), ректоромъ Нижегор. семинаріи былъ въ теченіи 9 лѣтъ—съ 1842 по 1851 г. Послѣ отставки отъ ректорства былъ назначенъ настоятелемъ московскаго Симонова монастыря, которымъ и пробылъ почти 10 лѣтъ, до своей кончины въ 1861 г. По твердости, непреклонности характера онъ могъ поспорить съ пр. Іереміей, а по необыкновеннымъ административнымъ способностямъ, по энергіи и умѣнію привести семинарію въ блестящее, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніе, былъ личностью вполнѣ рѣдкою, необыкновенною.

[1]) Антоній (Радонежскій), родомъ нижегородецъ, 8-й магистръ Моск. Акад. (1834 г.), сначала (1834 г.) инсп. Нижег. сем., потомъ, уволенный отъ инспекторства административнымъ порядкомъ, остался простымъ ея преподавателемъ, 1842 г. перемѣщенъ въ Яросл. сем., 1834 г.- бакк. Казанской Акад., 1846—ордин. проф. Въ этотъ періодъ врем. онъ (1850 г.) и былъ назначенъ отъ Казанской Академіи ревизоромъ въ Нижній. Ректоръ Аполлоній его игнорировалъ, не далъ ему даже квартиры въ семинаріи. словомъ, не признавалъ его ревизоромъ и не исполнялъ его распоряженій, почему, не смотря на всѣ свои заслуги, былъ уволенъ (1851 г.) на покой. Архим. Антоній былъ потомъ ректоромъ Пермской сем. (1851—1854), Ярославской (1854—1858), епископомъ Оренбургскимъ (1858—1862), членомъ моск. Синод. Конт. (1862—1866), въ 1866 г. уволенъ совсѣмъ на покой.

шаго у насъ на экзаменѣ, но это было въ 1850 г., слѣдовательно, когда мы были въ III кл. При окончаніи училищнаго курса, лучшимъ ученикамъ выдали въ награду книги, купленныя, впрочемъ, на нашъ счетъ и по нашему выбору. По совѣту отца я купилъ для себя томъ твореній св. Тихона воронежскаго. Такой оригинальный способъ награжденія объясняется, конечно, тогдашнею крайнею скудостью денежныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи училищнаго начальства. Этимъ же объясняется и то, что мы сами должны были выполнять работу училищной канцеляріи, которой, вѣроятно, и не было совсѣмъ: при выпускѣ изъ училища, намъ приказано было собственноручно переписать наши документы для представленія въ семинарское правленіе. Когда это было сдѣлано, насъ отпустили съ миромъ. Это было 15 іюля 1852 г. Вакаціи въ мое время всегда начинались съ этого времени и оканчивались 1 сентября. Трудненько было въ маѣ, іюнѣ и до половины іюля сидѣть въ душныхъ классныхъ комнатахъ, да еще какъ никакъ работать головою, когда тянуло на воздухъ, въ садъ, въ поле, къ играмъ.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о помѣщеніи училища—зданіи семинаріи, семинарскомъ дворѣ, нашихъ на немъ дѣтскихъ играхъ и наконецъ объ общемъ впечатлѣніи, вынесенномъ изъ ученья въ училищѣ.

Пока я учился въ училищѣ, ректоромъ семинаріи былъ вышеупомянутый архим. Аполлоній, превосходный хозяинъ, приведшій зданіе семинаріи (кстати сказать, и донынѣ вмѣщающее ее) въ блестящее состояніе: и въ классахъ и въ коридорахъ была чистота и полный порядокъ. Только воздухъ во всемъ зданіи семинаріи былъ очень плохъ, вслѣдствіе первобытнаго устройства извѣстныхъ мѣстъ уединенія. Впрочемъ, въ то время какъ будто и воздухъ былъ въ ней лучше, чѣмъ тогда, когда я въ ней учился, какъ ученикъ уже семинаріи, т. е. послѣ ректора Аполлонія.

Обширный семинарскій дворъ содержался также въ порядкѣ. На немъ мы рѣзвились, забавлялись играми: въ камешки, въ «чижа» [1]) и въ лапту. Во дни рекреацій,—испра-

---

[1]) Игра въ камешки—игра еще малышей, учениковъ I и II кл. Она состояла въ подбрасываньѣ и ловлѣ рукою камешковъ отъ 1 до 5, такъ чтобы пойманные поочердно—оставались всѣ въ той рукѣ, которою ловили и изъ нея не выпадали. Игроки обыкновенно сидѣли около стѣнъ

шиваемыхъ учениками семинаріи у ихъ начальства (и непремѣнно съ пѣніемъ словъ: rogamus, rogamus, reverentissime pater Rector, recreationem) и простиравшихся и на насъ, учениковъ училища,—иногда заставляли насъ переносить дрова съ семинарскаго двора въ сараи. По большей же части мы или уходили отдыхать домой, или отправлялись въ поле, близъ Печерскаго монастыря, и туда же являлось и наше начальство и учителя, помнится, даже съ нѣкоторымъ угощеніемъ для насъ (пряниками, орѣхами и т. п.).

Нравы и поведеніе учениковъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ, жившихъ на квартирахъ, хотя и были грубоваты, но далеко не были похожи на тѣ, которые рисуются въ извѣстныхъ очеркахъ бурсы Помяловскаго, такъ что по пріѣздѣ въ Спб. Академію и по прочтеніи этихъ очерковъ, я не хотѣлъ вѣрить, чтобы могло быть нѣчто подобное, да еще въ столичномъ духовномъ училищѣ. Къ сожалѣнію, изъ бесѣдъ съ новыми товарищами петербуржцами я долженъ былъ убѣдиться, что изображеніе бурсы у Помяловскаго близко къ истинѣ, и удивленію моему не было конца. Отношеніе учителей къ ученикамъ въ нашемъ училищѣ было, по тому времени, очень гуманное. Хотя порядочно насъ сѣкли, но жестокихъ, повальныхъ порокъ у насъ совсѣмъ не было. И вотъ доказательство: я ни разу не былъ наказанъ розгами. Только одинъ разъ былъ къ тому близокъ, именно во II кл. Учитель, по поводу не совсѣмъ твердаго знанія мною урока изъ русской грамматики, замѣтилъ: «кажется, я ни разу тебя не высѣкъ, а слѣдовало бы хоть разъ», но такъ и не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

Вообще, считаю себя и своихъ товарищей счастливыми, что учились въ нижегородскомъ духовномъ училищѣ.

зданія, чтобы не видѣло ихъ начальство. Игрою въ „чижъ“ занимались и болѣе взрослые. „Чижъ“—небольшая, заостренная съ обоихъ концовъ палочка, которую одинъ бьетъ большою палкою по концу, палочка летитъ вверхъ, а другой партнеръ стоитъ противъ и. если удастся, ловитъ ее. Играя въ эту игру съ Ѳ. Г. Ел—ъ, на семинарскомъ дворѣ, помнится, подъ прикрытіемъ полѣнницъ дровъ тутъ стоявшихъ, я подвергся разъ большой опасности: чижъ попалъ мнѣ въ глазъ, вѣроятно я его ловилъ. Къ счастью, я отдѣлался только большимъ синякомъ. Дома объяснилъ этотъ синякъ случайнымъ ушибомъ объ дверь въ училищѣ.

II. Въ Нижегородской духовной семинаріи (1852—1858 г.).

Шесть лѣтъ моего ученья въ нижегородской семинаріи заслонены и отодвинуты послѣдующими впечатлѣніями и событіями моей жизни, въ такую даль, что стоило большого труда воспроизвести въ памяти и изложить въ должномъ порядкѣ и по возможности фактически вѣрно все то, что касается учебной части этого періода моей жизни.

Въ особенности спутывались воспоминанія относительно предметовъ преподаванія и отчасти преподавателей. Отлично всегда помнилъ, какіе предметы составляли тогда полный семинарскій курсъ, а также и всѣхъ преподавателей тогдашняго времени, ихъ наружность, фамиліи, и (за исключеніемъ 3-хъ) даже имена и отчества. Но путалось въ памяти: какіе именно предметы (кромѣ главныхъ и нѣкоторыхъ другихъ) преподавались въ каждомъ изъ трехъ тогдашнихъ двухгодичныхъ классовъ,—низшемъ, среднемъ и высшемъ,—какіе переходили изъ класса въ классъ и какіе соединялись въ одномъ лицѣ преподавателя, что̀ было неизбѣжно, въ виду огромнаго количества предметовъ тогдашняго семинарскаго курса, доходившаго до 30. И если, какъ увидитъ читатель, мнѣ удалось всетаки многое припомнить и фактически и даже хронологически по возможности точно возстановить обликъ старой семинаріи, съ ея тогдашнею программою преподаванія, преподавателями, начальниками и попечителями, въ лицѣ епархіальныхъ преосвященныхъ, то этимъ во многомъ обязанъ слѣдующимъ счастливымъ обстоятельствамъ.

Во-первыхъ, у меня оказались подъ рукою прекрасно составленныя книжки по исторіи нижегородской семинаріи за 1818—1840 и 1842—1851 годы [1]), за время, правда, пред-

[1]) „Нижегор. дух. семинарія въ 1818—1840 гг. Нижн. Новг. 1905 г.“ и „Нижег. дух. семинарія въ 1842—1851 гг. Ниж. Новг. 1903 г.“ Добавленіемъ къ нимъ служитъ „Краткая памятная записка нижег. дух. семинаріи. Нижн. Нов. 1905 г.“ Послѣдняя подписана: „А. Тиховъ“. Очевидно, ему же принадлежатъ и двѣ первыя. Эти довольно большія книжки (186 стр., 268 стр. и третья 81 стр.) содержатъ массу прекрасно и всесторонне разработаннаго матеріала, въ добавокъ очень хорошо изложеннаго, такъ что читаются съ захватывающимъ интересомъ не только нижегородцемъ по рожденію и по образованію въ этой семинаріи, но

шествовавшее 1852—1858 годамъ, но весьма къ нимъ близкое. Эти книжки чрезвычайно оживили мои воспоминанія, весьма многое напомнили мнѣ изъ далекаго прошлаго. А затѣмъ, очень цѣнное пособіе получено мною отъ досточтимаго о. ректора нижегородской семинаріи, прот. І. М. Померанцева, къ которому я обратился съ просьбою, не найдетъ ли онъ возможнымъ попросить кого-либо изъ служащихъ въ семинаріи собрать въ ея архивѣ свѣдѣнія относительно предметовъ преподаванія и преподавателей въ каждомъ изъ трехъ классовъ семинаріи моего времени. О. ректоръ самъ взялъ на себя этотъ немалый трудъ, за что не могу не принести ему глубочайшей сердечной благодарности. Біографическія свѣдѣнія относительно преподавателей я почерпалъ изъ другихъ источниковъ [1]), кромѣ сохранившагося у меня въ памяти.

Переходъ изъ училища въ семинарію внесъ въ нашу жизнь много новаго: новые предметы изученія, другіе пріемы преподаванія, отсутствіе авдиторовъ (нотатъ и нотаторовъ), розогъ и появленіе новыхъ товарищей изъ другихъ нижегор. епархіальныхъ духовныхъ училищъ: Печерскаго (въ томъ же Нижнемъ, но за городомъ, въ Печерскомъ монастырѣ), Арзамасскаго и Лысковскаго. Эти новые товарищи внесли въ нашу среду большое оживленіе и для лучшихъ учениковъ явились кон-

---

смѣю думать, могутъ быть прочитаны съ такимъ же почти интересомъ и всякимъ, серьезно интересующимся нашею духовною школою. По истинѣ жаль, что авторъ этихъ талантливыхъ трудовъ, такъ умѣло занимавшійся архивными изысканіями и съ любовію къ нимъ относившійся, теперь, какъ слышно, потерянъ для духовнаго вѣдомства, которое не съумѣло удержать его у себя. Онъ перешелъ на службу по министерству Народнаго Просвѣщенія. Не умѣютъ у насъ цѣнить хорошія силы, добрыхъ, всецѣло преданныхъ своему дѣлу работниковъ, въ которыхъ главнымъ образомъ—наше спасеніе отъ всѣхъ нашихъ золъ, а не въ проектахъ и новыхъ уставахъ, какъ бы ни были хорошо они написаны на бумагѣ.

[1]) Много помогли мнѣ въ этомъ случаѣ вышеуказанныя исторіи родной семинаріи, а также исторіи нашихъ четырехъ духовныхъ Академій, съ приложенными къ нимъ списками окончившихъ въ нихъ курсъ ихъ питомцевъ и нѣкоторыя другія пособія. Исторіи кіевской Академіи я не имѣлъ, но въ рукахъ у меня былъ отдѣльн. оттискъ статьи „Списки начальниковъ и наставн. и списки студентовъ кіевской дух. Академіи“— до XXV курса (1869) включительно.

куррентами на высшія мѣста въ спискахъ, что вскорѣ и обнаружилось. Переходъ въ семинарію, наконецъ, почти совпалъ съ большимъ переворотомъ въ нашей семейной жизни. Только нѣсколькими мѣсяцами позже моего перехода въ семинарію, мой родитель посвященъ во священника къ другой церкви (апр. 1853 г.)—Георгіевской, и мы перешли по этому случаю на жительство изъ одной части города въ другую, болѣе центральную, видную и близкую къ семинаріи.

За исключеніемъ этихъ новостей, все остальное, что касается внѣшней обстановки учебной жизни, осталось прежнее. Остались мы въ прежнемъ зданіи семинаріи, даже, что касается лично меня, въ томъ же корридорѣ зданія, гдѣ помѣщались училищные классы; перешелъ я только съ одной стороны корридора на другую, съ лѣвой отъ входа, съ окнами на улицу, гдѣ помѣщалось училище, на правую, съ окнами во дворъ. Здѣсь находилась классная комната 2-го отдѣленія низшаго класса, или словесности, какъ тогда обыкновенно называли этотъ классъ [1]). Въ это 2-е отдѣленіе попалъ я вѣроятно потому, что былъ вторымъ ученикомъ, по училищу, перваго же ученика, И. Ф. С-го, назначили въ 1-е отдѣленіе; туда же зачисленъ былъ и мой близкій родственникъ и товарищъ дѣтства, Ѳ. Г. Ел—ій, бывшій по списку въ училищѣ вѣроятно третьимъ или пятымъ (нечетные попадали въ 1-е, четные №№ во 2-е). Это первое отдѣленіе помѣщалось, хотя въ томъ же зданіи и въ томъ же нижнемъ этажѣ, какъ и наше 2-е, но уже на правой сторонѣ отъ входа и выходило окнами не во дворъ, какъ наше, а на улицу. Эти два отдѣленія существовали во всѣхъ трехъ классахъ семинаріи (низшемъ, среднемъ и высшемъ), имѣли отдѣльныя классныя комнаты [2]) и отдѣльныхъ преподавателей. Только въ рѣдкихъ

---

[1]) Второй—средній назывался—философскимъ, третій—высшій—богословскимъ. Такія названія удерживались не только въ разговорномъ языкѣ, но даже въ литературномъ, что видно изъ упомянутыхъ „исторій ниж. семин.“, гдѣ встрѣчаются эти наименованія постоянно и рѣдко официальныя названія: низшій, средній и высшій. Я даже забылъ эти официальныя названія и вспомнилъ о нихъ только тогда, когда перебиралъ уцѣлѣвшія семинарскія мои сочиненія или „задачки“, какъ ихъ тогда называли, съ надписями: ученикъ низшаго, средняго класса А. К. Въ высшемъ, богословскомъ классѣ почему-то не встрѣчается названія класса, а стоятъ только имя и фамилія.

[2]) Низшаго и средняго классовъ комнаты помѣщались въ нижнемъ этажѣ, высшаго—въ среднемъ, бельэтажѣ, гдѣ были: залъ собранія

случаяхъ ученики обоихъ отдѣленій соединялись въ одно, въ отсутствіе преподавателя какого-либо отдѣленія, по случаю или его отставки, до прибытія другаго, или болѣзни.

Низшій классъ семинаріи, или классъ словесности — $185^{2}/_{3}$—$185^{3}/_{4}$ учебныхъ годовъ. Въ этомъ классѣ преподавались: словесность (или офиц. названіе—«риторика и поэзія»), всеобщая исторія, алгебра, геометрія и пасхалія, «катихизическое ученіе» (Православное Исповѣданіе Петра Могилы), «о богослужебныхъ книгахъ», Св. Писаніе, греческій и латинскій языки [1]).

Изъ преподавателей этого класса самымъ вліятельнымъ и очень хорошимъ нашимъ наставникомъ былъ А. А. Крыловъ [2]), профессоръ [3]) словесности, главнаго предмета этого класса. Онъ былъ большимъ любителемъ чистоты и изящества слога,

---

правленіе и квартиры ректора и инспектора. Помнится, мы, словесники, съ завистью смотрѣли на старшихъ учениковъ, спускавшихся по лѣстницѣ съ верхняго этажа и мечтали о томъ, когда и намъ придется подняться наверхъ. Впрочемъ, кажется, одно изъ отдѣленій философскаго класса имѣло классную комнату также въ верхнемъ этажѣ.

[1]) Названія: „риторика и поэзія“, „катихизическое ученіе“ и „о богослужебныхъ книгахъ“ приводимъ по таблицѣ, приложенной къ „Своду Уставовъ и проектовъ уставовъ дух. семинарій 1808—1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. СПБ. 1908“.

[2]) А. А. Крыловъ, курскій урож., 19-й маг. XIX курса Спб. акад. (1851 г.), впослѣдствіи священникъ нижег. Рождественской ц., протоіерей и законоучитель нижег. Маріинскаго Института благ. дѣвицъ и, наконецъ, законоучитель нижегор. Аракчеевскаго Кадетскаго корп., скончался въ 1900-хъ годахъ, вскорѣ послѣ своего 50-ти-лѣтняго юбилея черезъ годъ или два. Онъ имѣлъ, въ концѣ своей жизни, рѣдкія для провинціальнаго духовенства награды: св. Анны 1 ст. и даже св. Владиміра 2 ст., благодаря, безъ сомнѣнія, своей службѣ въ военно-учебномъ заведеніи.

[3]) Такъ называлась тогда семин. преподаватели, имѣвшіе степень магистра. Такъ они и подписывались въ классныхъ журналахъ. Кандидаты же подписывались или просто именами и фамиліями (чаще всего), или прибавляя къ нимъ слово „учитель“ (рѣже всего). Помню, что и А. А. К—въ, до утвержденія въ степени магистра и полученія о томъ увѣдомленія, съ высылкою одновременно и диплома, подписывался словами А. К—въ. Но вотъ въ одинъ изъ дней какого-то года, вѣроятно 1852, его вызываютъ изъ нашего класса, за тѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвращается замѣтно веселый, съ улыбающимся лицемъ, и послѣ звонка подписывается въ журналѣ уже Проф. А. К—въ. Мы тогда сейчасъ же догадались, что онъ только что получилъ увѣдомленіе о высылкѣ ему магистерскаго диплома.

врагомъ иностранныхъ выраженій («галлицизмовъ») и въ этомъ отношеніи былъ достойнымъ ученикомъ проф. К. И. Лучицкаго, по спб. Академіи, у котораго и я также потомъ учился. А. А. К—въ началъ наше обученіе съ предложеній и простыхъ періодовъ, потомъ условныхъ, уступительныхъ и пр., хрій и т. д., затѣмъ перешелъ къ разнымъ родамъ словесныхъ произведеній, описаніямъ, повѣствованіямъ и т. д. и къ характеристикѣ разныхъ слоговъ: простого, возвышеннаго... Образцы заимствовалъ преимущественно, почти исключительно, изъ Св. Писанія и твореній св. отцовъ, въ чемъ вѣроятно сказалось вліяніе пр. Іереміи. Перейдя къ поэзіи, знакомилъ насъ сначала съ различными размѣрами стиха, а потомъ съ различными родами поэтическихъ произведеній: баснею, балладою, одою, съ различными родами поэзіи—лирической, драматической, романомъ и т. д. Образцы стиховъ заставлялъ заучивать, въ родѣ Державинской «оды Богъ». Пробовалъ онъ насъ и въ способности сочинять стихи. Помнится, задалъ онъ намъ задачу—переложить какую-то басню, выразить ее своими словами, но въ стихотворной формѣ. Не смотря на массу положеннаго труда, мой опытъ оказался весьма плачевнымъ, даже по моему собственному сознанію, а отъ преподавателя я получилъ слѣдующую рецензію на своей «задачкѣ»: «авторъ не имѣетъ способности писать стихи, лучше ему писать прозою». У нѣкоторыхъ же моихъ товарищей такая способность оказалась, въ особенности у И. Тихомирова и П. Румянцева. А. А. К—въ составлялъ собственныя записки по своему предмету, выдавая листки ихъ къ каждому новому уроку. Добывать ихъ для списыванья составляло большую заботу для насъ, въ особенности для своекоштныхъ учениковъ, жившихъ въ разныхъ частяхъ города, нерѣдко далеко отъ семинаріи. Хотя нашъ профессоръ словесности не отличался особенною глубиною мысли и въ этомъ отношеніи уступалъ своему коллегѣ по 1-му отдѣленію, также магистру, Д. И. Страхову [1]), но въ общемъ, нужно признать, что онъ былъ болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ этотъ послѣдній, которому слѣдовало бы быть препода-

[1]) Д. Ив. Страховъ, нижегор., 9-й магистръ казан. акад. II к. (1848), 1848—1852 преп. симбирской сем., съ 1852—58—нижегор., 1856—свящ. Георгіев. ц., 1558—1867—законоуч. Маріинской жен. гимназіи, 1867—78—смотрит. нижегор. дух. учил., 30 лѣтъ былъ прот. настоят. Вознесенской ц. въ Нижнемъ, † 1894 г.

вателемъ логики и психологіи, а не словесности. Указанный выше недостатокъ нашего наставника, вообще нами уважаемаго и довольно любимаго, не смотря на его насмѣшливый характеръ, почувствовался нами въ особенности на послѣднемъ экзаменѣ по словесности (въ 1854 г.), происходившемъ въ присутствіи ревизора отъ Казанской Академіи, архим. Серафима (Протопопова) [1]), какъ оказалось, профессора академіи именно по каѳедрѣ словесности. Архим. Серафимъ очень худощавый, весьма болѣзненный по виду, производилъ своимъ лицемъ и особенно глазами, впечатлѣніе очень умнаго человѣка. Мнѣ пришлось отвѣчать о драматической поэзіи. Я передалъ то, что было у насъ въ запискахъ, но о. ревизоръ не нашелъ удовлетворительнымъ наше опредѣленіе драмы, а далъ свое, поразившее меня своею глубиною и рѣзко выдѣлившее ее изъ ряда другихъ поэтическихъ произведеній. Вотъ, подумалъ я тогда, какая громадная разница между академическимъ и семинарскимъ преподаваніемъ.

Большою симпатіею и уваженіемъ пользовался у насъ преподаватель всеобщей гражданской исторіи, проф. Николай Васильевичъ Охотинъ (пр. Гурій, скончавшійся потомъ въ санѣ новгородскаго архіепископа), магистръ С.-Петербургской Академіи [2]), благороднѣйшая по характеру личность и очень хорошій преподаватель [3]). Трудно было преподавать такой предметъ, который имѣлъ своимъ учебникомъ жалкую исторію Кайданова. Мы старались восполнять недостатки этого несчастнаго учебника чтеніемъ исторіи Лоренца. Въ памяти остался у меня урокъ изъ исторіи французской революціи. Н. В. Ох-нъ, сидя на учительскомъ креслѣ, держалъ предъ собою какую-то книжку и довольно медленно, но складно

---

[1]) Семенъ Ивановичъ Протопоповъ (въ мон. Серафимъ). москвичъ, 6-й маг. моск. акад. XIV к. (1844), 1844 бакк. каз. акад. по общ. слов., 1847—монахъ, 1854—инсп. моск. акад. 1855 ректор. симбир. сем., 1856—тверской, 1866—викар. старор., 1869—еп. Смоленскій.

[2]) Н. В. Охотинъ, симбир. 15-й магистръ Спб. акад. XX к. (1853 г.), 1853 г.—препод. нижег. сем., 1855—инсп. симб. сем., 1874—прот. (безъ вступленія въ бракъ) ректоръ симб. сем., 1889—архим. и епископъ смоленскій, 1896—предсѣд. Училищ. Совѣта при Св. Синодѣ съ управл. моск. Донск. мон., 1900—архіеп. новгородскій., 1904—членъ Св. Синода. Сконч. 1910 г.

[3]) До него, короткое время (до конца 1852 г.) преподавалъ этотъ предметъ П. И. Казанскій, костр., 15-й маг. XVIII к. (1852 г.) моск. акад., въ 1853 г. священникъ въ Москвѣ.

передавалъ ея содержаніе. Очевидно, онъ переводилъ съ французскаго оригинала. Въ 1-мъ отд. читалъ этотъ предметъ гораздо болѣе слабый наставникъ, В. Ѳ. Никольскій [1]).

Но зато это отдѣленіе имѣло предъ нашимъ 2-мъ отд. большое преимущество въ личности своего наставника по классу математики (алгебры, геометріи и пасхаліи) и соединенныхъ съ нею предметовъ, Прав. Испов. и «о богослужебныхъ книгахъ», кандидата А. И. Остроумова [2]). Онъ былъ способнымъ преподавателемъ, хорошо зналъ и любилъ свой предметъ—математику и очень усердно занимался съ своими учениками; выдавалъ даже собственныя записки по этому предмету. Не то представлялъ нашъ преподаватель, также кандидатъ, И. С. Тихонравовъ [3]), попавшій очевидно не на свое мѣсто, человѣкъ уже очень пожилой, товарищъ по семинаріи (1834 г.) моего отца, а главное любитель не математики, а археологіи и особенно этнографіи, усердный собиратель этого рода свѣдѣній, побуждавшій и насъ къ тому же, но не довольно усердно занимавшійся своимъ прямымъ дѣломъ, притомъ же очень вспыльчивый, неровнаго характера. Результатомъ было то, что мы совсѣмъ не знали математики. На классѣ ея мы занимались чѣмъ попало. Помню, что мой товарищъ и конкуррентъ на первенство, чувствовавшій однако ко мнѣ симпатію, Апол. Ив. Смирновъ (впослѣдствіи орд. проф. Казанскаго университета по философіи) вздумалъ обучать меня французскому языку, который онъ уже зналъ, казалось мнѣ, порядочно, а я совсѣмъ не зналъ. Нѣсколько

---

[1]) В. Ѳ. Никольскій, нижег., 36-й канд. XIII к. (1842 г.) моск. акад., 1842—1853—въ нижег. семин., 1853—выбылъ, былъ настоятелемъ нижегор. Рождественской ц. † 1881 г.—Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ нижеслѣдующихъ мѣстахъ *цифра при словѣ „канд." означаетъ № всего академическаго списка, начиная съ 1-го магистра.*

[2]) А. И. Остроумовъ, нижег., казанск. акад. 20-й канд. III к. (1850). 1850—1860—нижег. сем., 1861—1878 прот. г. Василя, 1878—85—Варвар. нижег. ц., 1885—Архангел. соб. и членъ консист., † 1892. Не помню, чтобы кому-либо изъ нашихъ наставниковъ, давались у насъ прозвища, но А. И. О—въ имѣлъ его, правда безобидное, касавшееся одной его внѣшности. Всегда чѣмъ нибудь испачканный, преимущественно мѣломъ, онъ имѣлъ прозвище „мазилка". Онъ былъ экономомъ семинаріи съ 1852 г. до несчастнаго для нея 21 авг. 1858 г. (см. ниже), послѣ чего уволенъ отъ этой должности.

[3]) И. С. Тихонравовъ, нижег., 39-й канд. моск. акад. XI к. (1838). Служилъ въ сем. до 1864 г. Другихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

классовъ прошло для насъ благополучно, но наконецъ И. С. замѣтилъ наши занятія и прогналъ насъ навсегда съ первыхъ мѣстъ (я былъ первымъ, А. И. С-въ вторымъ ученикомъ) на одну изъ заднихъ партъ и, кажется, еще поставилъ на колѣни.

Кто былъ преподавателемъ Св. Писанія въ этомъ классѣ, не помню; изъ архивной же справки тоже не видно ясно. Думаю, что—Пор. Ас. Владимірскій [1]), канд., также человѣкъ пожилой и также товарищъ моего отца по семинаріи, но окончившій курсъ позднѣе его (1836 г.), потому что оставался въ одномъ изъ классовъ на второй годъ, человѣкъ гораздо болѣе сохранившійся, чѣмъ И. С. Т—въ, несравненно болѣе спокойнаго, благодушнаго характера, знавшій свой предметъ и любившій его. Въ этомъ классѣ преподавались историческія книги Св. Писанія Ветх. Зав. и законоположительныя.

Латинскій языкъ соединенъ былъ съ словесностью, а греческій обыкновенно соединялся съ Св. Писаніемъ, но у насъ преподавалъ его особый наставникъ магистръ Ип. Ив. Свѣтовидовъ [2]), человѣкъ невозмутимаго характера, холоднаго темперамента и важной, гордой осанки, за что, вѣроятно, и не взлюбилъ его пр. Іеремія, вообще же хорошій преподаватель. Помню, мы переводили по греческой христоматіи отрывки изъ твореній св. Иринея Ліонскаго.

Новые языки и еврейскій были необязательны для всѣхъ, объ нихъ сказано будетъ въ концѣ обозрѣнія всего учебнаго курса.

Изъ сочиненій, которыя мы писали на задаваемыя темы, сохранились у меня почти всѣ. Меньше всего осталось, конечно, изъ риторическаго класса, такъ какъ не было интереса сохранять упражненія въ составленіи періодовъ, хрій и т. п. Первое, сколько помнится, мое словесное произведеніе, признанное А. А. К-мъ весьма удачнымъ, лучшимъ изъ на-

---

[1]) П. А. Владимірскій, нижег., 34 канд. моск. акад. XII к. (1840), въ нижег. сем. до 1855., съ 1856—68 свящ. Никольской ц., 1868—81—прот. ярмароч. Спасскаго соб., 1881—1906 гг. каѳедр. прот., † 1906. Въ концѣ своей очень долголѣтней жизни онъ имѣлъ рѣдкія для провинціальнаго духовенства отличія: ордена св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 ст.

[2]) И. И. Свѣтовидовъ, ниж., 20-й маг. XII к. (1840) моск. акад., въ сем. до 1853 г., 1854—56—прот. г. Макарьева, 1856—59—прот. ярмароч. соб., 1880—каѳедр. прот. † 1880 г.

писанныхъ моими товарищами, было «описаніе Благовѣщенскаго монастыря»—по образцу извѣстнаго описанія Печерскаго мон. гр. Соллогуба. Далѣе—«Разсужденіе изъ XI чл. Символа вѣры: чаю воскресенія мертвыхъ» (съ обозначеніемъ на поляхъ: приступъ, раздѣленіе, изслѣдованіе, 1-е доказательство, 2-е, 3-е и заключеніе). «Разговоръ отца съ сыномъ объ Ангелѣ Хранителѣ». «Характеръ крестовыхъ походовъ». Рецензіи проф. А. А. Крылова. Послѣднее соч. написано на тему Н. В. Охотина († Гурія), проф. общей гражд. исторіи.

Изъ низшаго класса въ средній—философскій я перешелъ первымъ ученикомъ, Ап. Ив. Смирновъ вторымъ, а В. Я. Рожанскій, впослѣдствіи баккалавръ Казанской Академіи, третьимъ по списку.

Средній классъ—философскій $185^4/_5$—$185^5/_6$. Въ этомъ классѣ преподавались: логика и психологія (1-й годъ), патристика (2-й), библейская исторія, русская гражданская исторія, физика, естественная исторія и сельское хозяйство, Св. Писаніе (книги учительныя и пророческія Ветх. Завѣта), греческій и латинскій языки.

Главными предметами были логика и психологія съ патристикою. Въ нашемъ, 2-мъ отдѣленіи преподавалъ эти предметы, вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, магистръ А. Ѳ. Лазаренко [1]). Онъ выдавалъ собственныя, хорошо составленныя записки, а когда не спрашивалъ учениковъ по заданному уроку, говорилъ лекціи, на манеръ академическихъ, безъ тетрадки, ходя по классу. Владѣлъ онъ даромъ слова, говорилъ простымъ, яснымъ русскимъ языкомъ, безъ иностранныхъ выраженій, довольно глубоко входилъ въ предметъ и вообще былъ прекраснымъ преподавателемъ, да и характера былъ благороднаго, симпатичнаго. Изъ его преподаванія многое помнится, въ частности—о магнетизмѣ и месмеризмѣ, изъ патристики—объ александрійской школѣ. Къ концу курса въ этомъ классѣ онъ далъ нѣсколькимъ лучшимъ ученикамъ, помнится 3-мъ, первымъ по списку, особыя темы для «курсоваго», какъ онъ выразился, сочиненія. Замѣчательно, что мнѣ онъ далъ разборъ «Огласительныхъ и тайноводственныхъ поученій св. Кирилла іерусалимскаго», какъ будто предугадывая мою склон-

[1]) А. Ѳ. Лазаренко, черниг., 13-й маг. XVI к. (1853 г.) кіевской акад., въ ниж. сем. 1853—1862 г., перешелъ потомъ на службу въ Черниговъ и былъ тамъ совѣтникомъ губ. правленія.

ность къ богословскимъ предметамъ, тогда какъ Ап. Ив. Смирнову — тему философскаго характера (какую, не помню), что также соотвѣтствовало настроенію этого моего, очень даровитаго товарища, бывшаго впослѣдствіи, какъ сказано выше, профессоромъ по философіи въ Казанскомъ университетѣ. Моимъ сочиненіемъ, довольно большихъ размѣровъ, тщательно и искусно (съ выборкой самаго существеннаго и характернаго въ этомъ твореніи св. отца) составленнымъ и очень стройно и хорошо изложеннымъ, А. Ѳ. Л—ко остался весьма доволенъ и положилъ на немъ рецензію: «прекрасное сочиненіе». Наше отдѣленіе, въ лицѣ этого преподавателя, имѣло преимущество предъ 1-мъ, въ которомъ преподавалъ эти предметы магистръ казанской Академіи Павелъ Ивановичъ Раевъ (впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій Палладій). П. И. Раевъ, хотя былъ также очень хорошимъ, способнымъ, знающимъ свой предметъ и весьма усерднымъ преподавателемъ, но все-таки, по нашему мнѣнію, уступалъ А. Ѳ. Л — ко. Живо помню, какъ въ первый разъ я увидѣлъ П. И. Раева въ семинарской церкви, за всенощной (очевидно, въ 1853 г, осенью). Какъ теперь вижу его, высокаго, худощаваго, съ характернымъ лицемъ. Тутъ же узналъ отъ товарищей, что это новый профессоръ по философіи, только что пріѣхавшій изъ Казани, второй, какъ говорили тогда, а на самомъ дѣлѣ, третій магистръ его курса и что онъ спеціалистъ собственно по исторіи. Онъ также выдавалъ свои записки по философскимъ предметамъ и патристикѣ.

Библейскую исторію, по учебнику митр. Филарета, у насъ преподавали: магистръ моск. акад. Гр. А. Политковскій [2]), а въ 1-мъ отд. маг. кіевск. акад. К. И. Миловидовъ [3]), подъ ко-

---

[1]) П. И. Раевъ, нижегор., 3-й маг. казанск. акад. IV к. (1852), съ 1852 до 1863 г. преподаватель ниж. сем., свящ. (Покровской ц.), іеромонахъ (1861) инспект. сем., архимандр. (1862), 1863—инсп. спб. сем., 1864—1866 ректоръ спб. сем., 1866—еп. ладожск. вик. спб., 1869—еп. вологодскій, 1873—еп. тамбовскій, 1876 – еп. рязанскій, 1881—архіеп., 1882—1887 г. архіеп. казанскій, 1887—экзархъ Грузіи, 1892—митрополитъ с.-петербургскій, сконч. 1898 г. 5 дек.

[2]) Гр. А. Политковскій, костр., 17-й маг. XIII к. моск. акад. (1842), съ съ 1842 по 1855 въ ниж. сем., съ 1851 г. свящ. и потомъ прот. ниж. Архангельскаго собора, очень дѣловитый членъ консисторіи, † 1885 г.

[3]) К. И. Миловидовъ, нижег., 5-й маг. кіев. акад. X к. (1841), 1841—орловск. сем., 1842—1856 – нижег. сем., 1844—свящ. и закон. нижег. Дворянскаго Инст., въ 1860-хъ годахъ каѳедр. прот. † 1880 г.

нецъ же курса этого класса обоимъ отдѣленіямъ послѣдній, т. е. К. И. М — въ. Оба они были очень способными преподавателями. Первый—очень умный и основательный человѣкъ, не владѣвшій однако даромъ слова, а второй — блестящій и краснорѣчивый, очень видной и представительной наружности.

Кто и гдѣ преподавалъ общую церковную исторію, не припоминаю [1]). Если въ этомъ классѣ, а не въ высшемъ, въ которомъ она полагается по нормальному росписанію [2]), то несомнѣнно — вышеуказанные наставники, т. е. Гр. А. П—кій и К. И. Миловидовъ. Учебникомъ была «Церковная исторія пр. Иннокентія» (пензенскаго) въ 2-хъ частяхъ, старинный учебникъ (отъ 1807 г.), многосодержательный, но сухой, полный отрывочныхъ свѣдѣній; событія разбиты по вѣкамъ. Цѣльнаго и связнаго представленія о событіяхъ церковной жизни не давалъ и былъ похожъ болѣе на подробный конспектъ по исторіи церкви, чѣмъ на исторію въ собственномъ смыслѣ.

Русскую гражданскую исторію преподавалъ, по учебнику Устрялова, тотъ же, что и въ низшемъ классѣ, общую гражданскую, Н. В. Охотинъ († архіеп. Гурій) до 1856 г., а съ 1856 г. А. И. Стекловъ, въ то время кандидатъ, а впослѣдствіи (1868 г.) магистръ казанской Академіи, бывшій потомъ ректоромъ нижегородской семинаріи (1868 г.) [3]), способный преподаватель, но довольно грубоватый и рѣзкій по характеру.

Физику—тѣ же, что и математику въ низшемъ: И. С. Тихонравовъ, въ нашемъ 2 отд., и А. И. Остроумовъ въ 1 отд., и съ тѣмъ же успѣхомъ и характеромъ преподаванія.

Естественную исторію (зоологію, ботанику, минералогію) и сельское хозяйство преподавалъ у насъ Л. И. Сахаровъ [4]), преданный своему дѣлу и недурной преподаватель. Учились

---

[1]) Въ архивной справкѣ также объ этомъ не сказано ясно, а показано только, что въ среднемъ классѣ преподавалась: „*Церковно*-Библейская исторія“, въ высшемъ же, богословскомъ кл., другихъ исторій, кромѣ русской церковной исторіи, не значится.

[2]) Въ упомянутой уже таблицѣ, приложенной къ „Своду устав. дух. сем.“ СПБ. 1908 г.

[3]) А. И. Стекловъ 16-й канд. казан. акад. V к. (1854), съ 1854—1868 г.—преп. ниж. сем., съ 1868 г. магистръ и ректор. нижег. сем., съ 1882—ректор. таврич. сем. † 1884.

[4]) Л. И. Сахаровъ, нижег., воспит. Горы-Горѣцкой землед. школы, служилъ въ сем. съ 1846 по 1858 г., выбылъ на свѣтскую службу. Его коллега по 1 отд. И. П. Соколовъ, воспитанникъ той же школы, служилъ до 1860 г., былъ священникомъ церквей Рождественской и Никольской.

мы по запискамъ, передаваемымъ изъ курса въ курсъ и покупаемымъ отъ предшественниковъ,—со множествомъ ошибокъ въ родѣ напр. слѣдующей: голуби отличаются «однообразіемъ»—вмѣсто «однобрачіемъ». Такъ именно разъ отвѣчалъ урокъ въ классѣ одинъ ученикъ, ссылаясь на записки, въ которыхъ написано: «однообразіемъ». Много сообщалось намъ свѣдѣній по ботаникѣ и зоологіи; кое-что удержалось въ памяти доселѣ, но, конечно, немногое. Эти предметы считались у насъ даже не второстепенными, а, можно сказать, третьестепенными, и мы обращали на нихъ очень мало вниманія.

Св. Писаніе (учительныя и пророческія книги Ветх. Зав.)—сначала Пор. А. Владимірскій, какъ и въ низшемъ классѣ, до іюля 1855 г., а потомъ наставникъ 1 отд. канд. П. И. Невзоровъ—въ обоихъ отдѣленіяхъ. П. А. Владимірскій и здѣсь былъ хорошимъ, солиднымъ преподавателемъ. Онъ заставлялъ насъ заучивать наизусть замѣчательныя мѣста и изреченія изъ кн. Притч. Солом., Премудр. Солом. и изъ кн. І. с. Сирахова; за это одно можно вспомнить его добромъ. Не то представлялъ его преемникъ П. И. Невзоровъ, кандидатъ спб. Академіи [1]). Видный и даже красивый собою, довольно богатый, благодаря женѣ, онъ считался аристократомъ между нашими учителями, но не выдавался по уму, занимался не своимъ предметомъ, а посторонними, коммерческими предпріятіями, въ которыхъ запутался, и даже попалъ подъ судъ.

Латинскій языкъ соединенъ былъ съ логикою, психологіею и патристикою, греческій—сначала читался отдѣльно Ип. Ив. Свѣтовидовымъ, потомъ В. Ѳ. Никольскимъ (вмѣстѣ съ 1 отд.) и наконецъ А. И. Стекловымъ.

Изъ этого класса сохранилось у меня особенно много сочиненій, кажется всѣ. Кромѣ указаннаго выше разбора «Огл. и тайнов. поуч. св. Кирилла іер.» даны были слѣд. темы по логикѣ, психологіи, патристикѣ: «Что значитъ мыслить?», «Разсужденіе о значеніи историческаго познанія въ области знанія», «О вліяніи темпераментовъ на духовную жизнь человѣка», «Отъ чего люди боятся ночью?», «Кто самъ себя не обижаетъ, того никто обидѣть не можетъ (Златоустъ)», «Какая цѣль существованія человѣка на землѣ?», «О направленіи оте-

[1]) П. И. Невзоровъ, костром., 32 канд. с.-петерб. акад. XV (1843), съ 1843 по 1857 г. на службѣ ниж. сем., потомъ былъ судимъ, отбылъ наказаніе, прощенъ, † 1902 въ Нижнемъ.

ческихъ писаній IV в.», «Объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, по ученію александрійскихъ катехетовъ», «О направленіи отеческихъ писаній II и III вѣковъ», «Жизнь бл. Августина, какъ поучительнѣйшій примѣръ промышленія Божія о спасеніи человѣка». По Св. Писанію: «Жертва Богу духъ сокрушенъ (Псал. 50, 19)», «Иже воздастъ злая за благая, не подвигнутся злая изъ дому его (Прем. Сол. 17, 13)», «Блаженъ человѣкъ, его же обличи Богъ, наказанія же Вседержителева не отвращайся (Іов. 5, 17)». Наконецъ, есть одно «Поученіе объ исполненіи христіанскаго долга, т. е. исповѣди съ раннихъ лѣтъ, — съ года, св. Церковію установленнаго». Всѣ сочиненія съ отмѣтками и оцѣнкою читаны А. Ѳ. Лазаренко и (по Св. Писанію) П. А. Владимірскимъ. Поученіе — безъ рецензіи, но съ подписью: «Аминь» вѣроятно ректора Ѳеофила.

Перешелъ я изъ средняго, философскаго класса, въ высшій, богословскій, по списку, вторымъ ученикомъ, а Ап. Ив. Смирновъ, какъ и подобало будущему профессору философіи, первымъ [1]), В. Я. Рожанскій третьимъ.

Высшій, богословскій классъ $185^{6}/_{7}$—$185^{7}/_{8}$ г.г. Въ этомъ классѣ преподавались слѣдующіе предметы: 1) догматическое богословіе, 2) нравственное, о должностяхъ пресвитеровъ, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ (съ расколомъ), гомилетика, 3) Св. Писаніе (Нов. Завѣта), 4) основаніе церковныхъ законовъ и каноническаго права, церковныя древности и обряды, 5) цер-

---

[1]) А. И. Смирновъ происходилъ, какъ видно, изъ даровитаго рода. Онъ имѣлъ въ Нижнемъ дядю, бывшаго прежде преподавателемъ нижегородской семинаріи, Ап. А. Княгининскаго, канд. кіевской академіи X к. (1841). А. А. Кн—ій, хотя окончилъ академію кандидатомъ и притомъ очень низко по списку (подъ № 50), былъ очень даровитый человѣкъ. Въ нижегор. семинаріи ходило много разсказовъ о немъ, какъ человѣкѣ выдающейся даровитости, но крайне неупорядоченномъ по поведенію, страдавшемъ „болѣзнію“ (нетрезвости), изъ за которой, вѣроятно, онъ и окончилъ академію такъ низко по списку, не смотря на свои способности, и принужденъ былъ оставить и службу въ ниж. сем. (1850), а потомъ, хотя получилъ мѣсто въ тамбовской сем. (1853), но какъ слышно было, не удержался и тамъ. Къ сожалѣнію, и его племянникъ, мой товарищъ, Ап. Ив. Смирновъ, пошелъ было по стопамъ своего дяди. Началось съ богословскаго класса, а по окончаніи семинарскаго курса онъ едва было не погибъ совсѣмъ, если бы не спасъ его счастливый случай, или, лучше сказать, Провидѣніе, которому угодно было сохранить эту большую силу для университетской науки. Объ этомъ случаѣ будетъ сказано въ концѣ главы.

ковная исторія, исторія россійской церкви, 6) чтеніе св. отцевъ греческой церкви, 7) медицина и сельское хозяйство.

Догматическое богословіе преподавали, въ обоихъ отдѣленіяхъ, по учебнику архим. Антонія, сначала (въ сентябрьскую треть 1856 г.) ректоръ архим. Ѳеофилъ (Надеждинъ), а потомъ его преемникъ, архим. Паисій (Понятовскій). Первый съ довольно свѣтлой и крѣпкой головой производилъ впечатлѣніе дѣльнаго наставника. Осталось въ памяти, что въ ученіи о Богѣ онъ развивалъ мысль: «Богъ есть свѣтъ». Преподаваніе архим. Паисія какъ-то вышло изъ памяти; вѣроятно оно не представляло ничего особеннаго ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ «Кр. пам. истор. запискѣ ниж. дух. сем.» А. Тихова сообщается, что пр. Іеремія ходатайствовалъ (11 янв. 1857 г.) предъ Св. Синодомъ о назначеніи инспектора архим. Паисія преемникомъ ректора Ѳеофила (8 дек. 1856 г. назначеннаго епископомъ въ Самару, а 13 янв. 1857 г. посвященнаго во епископа въ Спб., см. «Списки архіер.» Ю. Толстого). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ объ освобожденіи новаго ректора, человѣка уже «въ преклонныхъ лѣтахъ», отъ преподаванія догм. богословія и миссіонерскихъ предметовъ (этотъ фактъ намъ, тогдашнимъ ученикамъ, былъ неизвѣстенъ). 7 февр. это представленіе Св. Синодомъ было утверждено, но отъ преподаванія новый ректоръ освобожденъ не былъ. Вѣроятно, къ этому періоду времени (янв. и первая пол. февраля 1857 г.) относится памятный мнѣ случай изъ временнаго преподаванія этого предмета А. А. Крыловымъ, тогда уже священникомъ, вѣроятно по словесному распоряженію преосвященнаго, почему, по архивной справкѣ, слѣдовъ такого распоряженія не оказалось. Въ одинъ изъ уроковъ приходитъ къ намъ въ классъ о. А. А. Кр—въ и приноситъ съ собою какую-то книгу, указывая на которую, говоритъ въ свойственномъ ему шутливомъ тонѣ: «вотъ книжица», небольшая по объему, но заключающая въ себѣ многое: кажется, такъ именно характеризовалъ ее, затѣмъ началъ читать изъ нея какія-то страницы. Къ сожалѣнію, онъ не разъяснялъ намъ великаго значенія этого творенія св. отца, — составляющаго сводъ всего святоотеческаго богословствованія и даже квинтъ-эссенцію древняго философскаго и космологическаго міровоззрѣнія, а можетъ быть, и самъ недостаточно ясно это сознавалъ. Мнѣ показалось тогда неумѣстнымъ и даже страннымъ, что онъ читаетъ намъ изъ этой старой книги, вмѣсто того, чтобы прочесть что-либо изъ

другой, болѣе новой или дать намъ свои разъясненія, прочитать намъ свою лекцію. Не думалъ я тогда, что во время моей профессорской службы въ С.-Петербургской Академіи, придется мнѣ такъ много и такъ часто обращаться къ этому творенію св. отца, въ шутливомъ тонѣ въ первый разъ рекомендованному мнѣ семинарскимъ моимъ наставникомъ.

Другіе богословскіе предметы: нравственное богословіе, ученіе о должностяхъ пресвитеровъ, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, расколъ, гомилетику, у насъ во 2 отд., преподавалъ сначала, можетъ быть, инсп. арх. Паисій, а вѣрнѣе, обоимъ отдѣленіямъ — помощникъ ректора магистръ П. П. Владиміровъ [1]), въ послѣдній же годъ 1857—1858 г., съ іюля 1857 г. іером. Діонисій (Аретинскій), канд. казанской Академіи [2]). Видный собою, представительный, даровитый, обладавшій хорошей дикціей, былъ вообще очень хорошимъ, самымъ выдающимся въ этомъ классѣ, преподавателемъ, издавалъ собственныя записки даже по ученію о должностяхъ пресвитеровъ. Мы удивлялись, почему онъ окончилъ академію кандидатомъ, а не магистромъ [3]). Помнится мнѣ нравилось, какъ на классѣ практическаго богословія, или гомилетики, читалъ онъ намъ, съ хорошею интонаціею и даже ораторскими пріемами, превосходное произведеніе знаменитаго кіевскаго профессора Я. К. Амфитеатрова: «Бесѣды объ отношеніи Церкви къ православнымъ христіанамъ». Къ сожалѣнію, онъ страдалъ одною слабостью (къ спиртнымъ напиткамъ), которая, какъ слышно было,

---

[1]) П. П. Владиміровъ, нижегор., 8-й маг. III к. (1850) казанск. акад. 1850—1856—преп. вятской сем., 1856—нижегор. сем., 1860—самар. сем., въ 1861—въ отставкѣ, вскорѣ сконч. Помню, онъ преподавалъ и у насъ, во 2-мъ отд., но кромѣ памяти объ его наружности ничего не сохранилось, осталось только общее впечатлѣніе, что онъ былъ человѣкъ способный, недурной преподаватель.

[2]) Діонисій (въ мірѣ—Дмитрій Николаевичъ Аретинскій), орлов., 14-й канд. I к. (1846) казан. акад., 1846 — въ вятск. сем. препод. церк. истор., 1857—препод. филос. и патрист., а потомъ, съ принятіемъ (1852) монашества—богосл. наукъ, съ 1857—1860—инспект. нижегор. сем., 1860—архим. и ректоръ вятской сем., † 1863. Онъ былъ роднымъ братомъ Серафима (Аретинскаго), 1-го маг. VIII к. (1837) кіевск. акад. († архіеп. воронежск.), бывшаго въ то время, 1842—1846 г., инспекторомъ казан. академіи.

[3]) У насъ въ семинаріи ходили слухи, что онъ былъ даже первымъ въ старшемъ курсѣ академіи, но что ему не повезло на выпускномъ экзаменѣ. Справедливость этого слуха теперь вполнѣ подтверждается въ „Истор. казан. дух. Акад."—П. В. Знаменскаго (т. II, стр. 194).

и свела его преждевременно въ могилу, когда онъ былъ ректоромъ вятской семинаріи (1860—1863 г.). Изъ другихъ нашихъ преподавателей этой слабости были подвержены очень немногіе; можно указать только 2—3 человѣка.

Каноническое право и церковныя древности и обряды преподавали: сначала П. П Мышкинъ магистръ казан. акад. [1]), а потомъ кандидатъ кіевск. акад., И. В. Петропавловскій [2]). О первомъ не сохранилось у меня воспоминаній, помню только его наружность. Второй, только что пріѣхавшій изъ кіевской академіи, не безъ даровитости, горячаго темперамента, весьма старательный и не лишенный дара краснорѣчія, производилъ на насъ впечатлѣніе новыми пріемами преподаванія, напр. устроялъ диспуты между лучшими учениками на темы по каноническому праву. По этому предмету былъ прекрасный учебникъ—извѣстное сочиненіе кіевск. проф. И. М. Скворцова. По церковной археологіи — были какія-то старыя записки.

Если общая церковная исторія преподавалась въ этомъ классѣ (или вся или во второй ея половинѣ), то преподавателями ея были тѣ же П. П. Мышкинъ и И. В. Петропавловскій, по указанному выше учебнику пр. Иннокентія.

Исторію русской церкви преподавали у насъ, во 2-мъ отдѣленіи сначала П. П. Мышкинъ, потомъ А. И. Стекловъ, а 1857—8 году И. В. Петропавловскій. Учебникомъ была «Исторія россійской церкви—А. Н. Муравьева», крайне плохой учебникъ. По своей безсодержательности и обилію фразъ и общихъ мѣстъ она съ успѣхомъ могла конкуррировать съ учебникомъ по всеобщей гражд. исторіи — Кайданова. Чѣмъ мы восполняли недостатокъ свѣдѣній по этому предмету, не знаю, кажется — ничѣмъ. Вообще, у насъ было очень мало знаній по русской церковной исторіи, что почувствовалось особенно на пріемномъ экзаменѣ въ академію.

Св. Писаніе (Нов. Зав.), греческій и латинскій языкъ (чтеніе греч. и латин. св. отцевъ) въ 1856—7 г. въ обоихъ отдѣленіяхъ—П. И. Невзоровъ, а въ 1858 г. магистр. казан-

---

[1]) П. П. Мышкинъ, вятск., 15 маг. VI к. (1856) казан. акад., 1857—1860 преп. физики и матем. въ вятской сем., † 1862 г.

[2]) И. В. Петропавловскій, нижегор., 39-й канд. XVIII к. кіевск. акад. (1857), въ нижег. сем. 1857—1882 г. † 1887.

ской академіи И. Т. Златообрѣзовъ [1]), дѣльный преподаватель, но холоднаго, апатическаго характера, старался вводить въ свои чтенія подробный комментарій мѣстъ Св. Писанія. Помню его комментарій на слова: «Павелъ апостолъ».

Медицину преподавали сначала, и очень неважно, семинарскіе врачи Цвѣтковъ (къ тому же всегда бывшій болѣе или менѣе навеселѣ) и Безсоновъ, а потомъ недолго, уже къ концу учебнаго года (съ февр. 1858 г.), военный докторъ, докторъ медицины Н. Е. Флорентійскій. Послѣдній былъ прекраснымъ преподавателемъ, читалъ намъ, ходя по классной комнатѣ, настоящія лекціи, конечно безъ тетрадки, говорилъ краснорѣчиво и съ жаромъ. Помню, какъ онъ рисовалъ намъ картины и передавалъ исторію разныхъ болѣзней: чахотки, тифа, водянки и др. и указывалъ способы ихъ леченія. Мы слушали его съ большимъ вниманіемъ и воображали себя больными разными болѣзнями, смотря потому, о какой болѣзни шла рѣчь, хотя докторъ и предупреждалъ насъ, чтобы мы не впадали въ эту ошибку, отъ которой не были свободны, по его словамъ, даже и студенты медицинской академіи, когда начинали слушать курсъ патологіи. Медицину, такъ же, какъ и естественную исторію съ сельскимъ хозяйствомъ, изучали по запискамъ, передаваемымъ и перекупаемымъ отъ предшествующихъ курсовъ и также полнымъ ошибокъ. Напр. помню: кончиковая кость вмѣсто «копчиковая». Эту ошибку замѣтилъ врачъ Цвѣтковъ чуть ли не въ моемъ отвѣтѣ.

Новые языки были необязательны, равно какъ и еврейскій. Я избралъ нѣмецкій. Въ самомъ началѣ ученья въ семинаріи, въ словесности, я ходилъ на классъ этого языка къ П. М. Сладкопѣвцеву [2]), вѣроятно съ осени 1852 г., когда онъ былъ еще на службѣ въ нашей семинаріи, преподавая въ среднемъ классѣ, 1-го отдѣленія, логику, психологію и патристику. Здѣсь мы учились у него нѣмецкому языку вмѣстѣ съ весьма извѣстнымъ впослѣдствіи литераторомъ либеральнаго ла-

[1]) И. Тр. Златообрѣзовъ, астрахан., 9-й маг. I к. (1846) казан. акад., 1846—1857—астрах. сем., 1857—1864—нижег. сем., 1864—на службѣ по Мин. Нар. Просв. въ Запад. краѣ, учитель гимназіи, скончался въ 1870-хъ годахъ.

[2]) П. М. Сладкопѣвцевъ, симбир., 10-й маг. XIX к. (1851) спбург. акад., потомъ перешелъ въ симбирск. сем., гдѣ былъ впослѣдствіи, какъ я слышалъ, ректоромъ.

геря, Н. А. Добролюбовымъ [1]). Н. А. Добролюбовъ былъ тогда въ богословскомъ классѣ семинаріи, стоялъ первымъ по списку (2-го отд.) и славился необыкновенною даровитостью, такимъ же трудолюбіемъ и примѣрнымъ поведеніемъ. По выходѣ П. М. С—ва изъ нашей семинаріи учились мы нѣмецкому языку у Д. И. Страхова.

Еврейскій языкъ я изучалъ у Ап. И. Понятовскаго, магистра кіевск. акад. [2]), сына ректора Паисія (Понятовскаго). А. П. П—ій былъ человѣкъ очень симпатичный; еврейскій языкъ зналъ, но мы занимались имъ плохо.

Изъ сочиненій, писанныхъ въ этомъ классѣ, сохранилось много, кажется, даже всѣ. Темы были: «Какое назначеніе образа Божія въ человѣкѣ»? «Одѣяніе мужа и смѣхъ зубовъ и стопы человѣка возвѣстятъ, яже о немъ, Еккл. 19, 27». «Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху, Прем. Сол. 1, 14». «О важности тройственной обязанности пастыря церкви: учить, священнодѣйствовать и управлять». «О необходимости духовенства въ церкви Христовой, какъ отдѣльнаго сословія». «Какія Промысломъ Божіимъ употреблены были, во времена гоненій, средства для сохраненія, утвержденія и распростра-

---

[1]) Какъ извѣстно, Добролюбовъ въ своихъ воспоминаніяхъ восторженно отзывался о Сладкопѣвцевѣ, какъ наиболѣе дѣльномъ и симпатичномъ своемъ наставникѣ. Кстати, о Н. А. Добролюбовѣ. Нѣсколько лѣтъ подрядъ, когда я былъ еще въ училищѣ, мы постоянно встрѣчали его, вмѣстѣ съ его другомъ и товарищемъ по классу В. В. Лаврскимъ (4-й маг. казан. акад. VII к. 1858 г. послѣ службы въ семинаріяхъ самарской и нижег. и священнической въ Варшавѣ, ректоръ саратовск. сем. 1875—1885, а съ 1885 каѳедр. прот. въ Самарѣ), вторымъ ученикомъ по семинарскому списку. Послѣ классовъ шли они обыкновенно по тому же пути, по которому и мы съ Ѳ. Г. Е—мъ, отправляясь домой на свои квартиры. Въ это время Доб—въ поражалъ насъ своимъ видомъ очень благовоспитаннаго юноши, скромнаго, изящнаго, всегда хорошо одѣтаго, съ нѣжнымъ, симпатичнымъ лицомъ. Онъ былъ похожъ на красную дѣвушку и никакимъ образомъ не могло придти мнѣ въ голову, что изъ него выйдетъ такой литературный дѣятель, да еще извѣстнаго направленія. Въ семинаріи ходили тогда слухи о большой его даровитости и необыкновенномъ трудолюбіи, разсказывали, что онъ писалъ огромныя сочиненія на задаваемыя темы, просиживалъ за ними цѣлыя ночи, что его родители отбирали у него даже свѣчи для прекращенія его ночныхъ занятій.

[2]) Ап. И. Понятовскій, нижегор., 5-й маг. кіевск. акад. XVII к. (1855).

ненія христіанской церкви?» и шесть проповѣдей на разные праздники. Читалъ сочиненія: ректоръ Паисій, инсп. іером. Діонисій, проф. К. И. Миловидовъ и П. П. Владиміровъ и учитель И. В. Петропавловскій. Особенно удачными у меня оказались: разсужд. «О необход. духовенства» (рец. И. В. П—ій) и двѣ проповѣди—на день сошествія Св. Духа и на день рожденія Государя Императора (рец. іером. Діонисій), съ очень лестными для молодаго автора похвальными отзывами.

Во время ученья въ высшемъ богословскомъ классѣ я занималъ первое мѣсто по списку и удержалъ это мѣсто и при выпускѣ изъ семинаріи.

Учебныя занятія въ классахъ были два раза въ день: отъ 8 часовъ утра до 12 ч. дня и отъ 2 часовъ до 4 ч., по два часа урокъ. Учители спрашивали у учениковъ заданные уроки и достоинство отвѣтовъ отмѣчали въ своихъ записныхъ книжкахъ. То же, конечно, дѣлали и съ отмѣтками на нашихъ сочиненіяхъ, на которыхъ ставили баллы по системѣ: 1, 2 [1]).

Преподаватели поэтому хорошо знали успѣхи каждаго ученика, вслѣдствіе чего экзамены производились больше для формы. Они были два раза въ годъ, предъ Рождествомъ Христовымъ и предъ лѣтними каникулами (отъ 15 іюля до 1 сентября), продолжались недолго, спрашивали не каждаго ученика по каждому предмету, такъ что для каждаго класса назначалось времени не болѣе 2—3 дней. Во время экзаменовъ давались темы для экспромптовъ—сочиненій на русскомъ и латинскомъ языкахъ; эти экспромпты писались въ классахъ.

Какъ видитъ читатель, преподавалась намъ масса предметовъ. Тяжесть изученія ихъ облегчалась раздѣленіемъ ихъ на главные и второстепенные, да еще тѣмъ, что цѣнились больше всего сочиненія, почему на нихъ и обращено было преимущественное наше вниманіе и тратилось больше всего нашего времени. Отъ достоинства ихъ зависѣли главнымъ образомъ

---

[1]) Система неудобная. Высшій баллъ былъ 1, но единица могла обозначать и хорошо и очень или весьма хорошо и превосходно. Неудобство этой системы побудило одного изъ наставниковъ (только одного, А. А. Крылова) въ низшемъ классѣ, въ словесности, прибѣгнуть къ системѣ +, даже двойныхъ, съ правой и лѣвой стороны единицы, и еще съ покрышкой —, что обозначало превосходно (у меня было сочиненіе съ такимъ балломъ—„описаніе Благов. монастыря“), одинъ плюсъ означалъ очень хорошо, два—весьма хорошо.

мѣсто въ спискѣ и разрядѣ; конечно, при этомъ не опускались изъ вниманія и устные отвѣты. Какъ составлялись разрядные списки, намъ ученикамъ было неизвѣстно.

Что касается семинарскихъ преподавателей того времени, то среди ихъ было немало очень даровитыхъ людей. Въ то время еще не было почти поголовнаго бѣгства семинаристовъ въ свѣтскія высшія учебныя заведенія, университеты и т. п.; для лучшихъ учениковъ семинаріи было завѣтною мечтою попасть именно въ духовную академію (какъ мечтали и мы, въ сравнительно уже позднее время, въ концѣ 50-хъ годовъ) и они шли въ наши академіи, и оттуда назначались учителями въ семинаріи. Вотъ почему большинство преподавателей семинаріи моего времени были очень хорошими педагогами, добросовѣстно и умѣло исполняли свои нелегкія обязанности, несмотря на крайне скудное жалованье. Годовой окладъ жалованья былъ: магистру 257 р. и магистерскаго оклада 100 р., кандидату—257 р. и кандидатскихъ 71 р., за преподаваніе необязательныхъ новыхъ языковъ и еврейскаго—85 р. (прибавка къ жалованью), за инспекторство 128 р., эконому (изъ наставниковъ семинаріи—тоже прибавка) 128 р., секретарю правленія 85 р., библіотекарю 71 р. [1]). Скудость такихъ окладовъ заставляла огромное большинство учителей, за очень малыми исключеніями, занимать священническія мѣста или въ приходскихъ церквахъ или законоучительскія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, при продолженіи въ то же время преподаванія въ семинаріи. Такое совмѣстительство не отражалось замѣтно на его успѣшности.

Чтобы покончить съ выдающимися личностями изъ преподавателей того времени, которыхъ я зналъ, хотя и не учился у нихъ, слѣдуетъ упомянуть объ іеромонахѣ Макаріѣ (Миролюбовѣ—сконч. архіеп. донскимъ † 1894 г.) [2]) и Веніаминѣ Ивановичѣ Николаевскомъ (Антоніѣ, еп. пензенскомъ † 1889 г.) [3]), Перваго видалъ много разъ въ санѣ іеромо-

[1]) „Ниж. дух. сем. 1840—1851 г.“, стр. 179—180.

[2]) Н. К. Миролюбовъ (пр. Макарій), рязан., 13-й маг. моск. акад. XIII к. (1842), 1842—1851—преп. въ ниж. сем. филос., патр., евр. яз., а по принятіи монашества (1846 г.) богословск. предм., 1851—инсп. пермск. сем., 1858—ректор. рязан. сем., 1860—ректор. новгор. сем., 1866— вик. балахн. 1867—еп. орловск., затѣмъ еп. архангел., нижегор., архіеп. Донской † 1894 г. на покоѣ въ ниж. Благовѣщенскомъ монастырѣ.

[3]) В. И. Николаевскій (пр. Антоній), костр., 19-й канд. XIV к. (1841) спбург. акад., съ 1841 до 1855 въ нижегор. сем. преподавалъ физику и

наха, когда я былъ еще въ училищѣ, а затѣмъ, нѣсколько разъ, когда уже служилъ въ академіи, а пр. Макарій былъ въ Нижнемъ епископомъ (сначала викарнымъ—балахнинскимъ, а потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ нижегородскимъ). Онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся преподавателей семинаріи, долго служилъ въ ней (9 лѣтъ) и исполнялъ разныя порученія преосвященныхъ, разсматривалъ напр. собраніе проповѣдей (въ томъ числѣ—и моего отца) и пр. Извѣстный археологъ, описатель древностей нижегородскихъ и новгородскихъ, былъ онъ человѣкъ чрезвычайно живой, подвижной, простыхъ, довольно вульгарныхъ манеръ. Когда изъ Архангельска пріѣхалъ онъ въ Нижній, уже епархіальнымъ епископомъ, одинъ изъ членовъ нижегородскаго духовенства выразился о немъ такъ: «налетѣла на насъ вьюга, ураганъ съ Сѣвера». В. И. Николаевскаго (пр. Антонія пензенскаго) помню еще свѣтскимъ. Въ качествѣ помощника инспектора онъ бывалъ даже у насъ, въ нашемъ маленькомъ домѣ, посѣщая квартиры учениковъ семинаріи; въ то время жили у насъ младшіе братья моего отца. Цѣлыхъ 14 лѣтъ прослужилъ онъ въ нижегородской семинаріи преподавателемъ разныхъ предметовъ, вначалѣ физики и математики (10 лѣтъ), былъ очень хорошимъ наставникомъ и весьма добрымъ, даже добродѣтельнымъ человѣкомъ. Помню его и іеромонахомъ, при служеніяхъ въ семинарскомъ храмѣ и особенно при архіерейскихъ богослуженіяхъ, при пр. Іереміи. Костромичъ родомъ, онъ говорилъ съ костромскимъ акцентомъ, былъ оригиналенъ въ обращеніи, голосъ имѣлъ очень высокаго, рѣзкаго тембра.

Наиболѣе вліятельными въ семинаріи лицами были, конечно, ея ректоры. Во время моего въ ней обученія ректорами были: архим. Ѳеофилъ (Надеждинъ) магистръ С.-Петербургской Академіи [1]), въ продолженіе почти всего моего семинарскаго курса (1851—1857) и магистръ Кіевской Академіи,

---

матем. и др. предметы, 1855—инсп. тамб. сем., 1858—ректор. екатериносл. сем., 1866—викар. старицкій, 1873—еп. енисейскій, 1881—пензенскій, † 1889 г.

[1]) Іером. Ѳеофилъ Надеждинъ, рязан., 9-й маг. спетерб. акад. X к. (1833) 1833—1840—инсп. волынск. сем., 1841—ректор. полтав. сем., 1850—курск. сем., 1851—нижегор. сем., 1857—еп. самарскій, † 1865 г. Почему-то въ „Памят. истор. зап.“ А. Тихова сказано, что „съ сент. 1863 г.“ онъ былъ еще „еписк. саратовскимъ“. У Юр. В. Толстого въ „Списк. архіер.“ 1872 г. этого не показано. Не помнится и мнѣ.

архим. Паисій (Понятовскій) [1]) въ теченіе только полуторыхъ лѣтъ (1857—1858).

Ректоръ Ѳеофилъ, человѣкъ сильнаго, властнаго характера, обращалъ должное вниманіе на учебную часть, но мало заботился о хозяйственной, что̀ послѣ оставленія имъ ректорства (1857 г.) замѣтилъ пр. Іеремія. Въ семинаріи, по его словамъ, «во многомъ уже далеко не то теперь», сравнительно съ тѣмъ, что было при ректорѣ Аполлоніи и что онъ, преосвященный, нашелъ въ 1851 г., по прибытіи на нижегородскую паству, «и въ классахъ, и больницѣ, и въ жизни учениковъ и въ церкви» [2]). Замѣтно это было и намъ, ученикамъ. Когда я поступилъ въ семинарію, всюду и въ классныхъ комнатахъ и въ помѣщеніяхъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ поражала необыкновенная чистота и порядокъ, полы были устланы половиками, или толстымъ холстомъ, даже подъ партами. Подъ конецъ же ученья въ семинаріи все какъ-то опустилось, постарѣло, пообносилось, а серьезнаго ремонта не производилось, и если черезъ годъ (1858 г.), въ ректорство архим. Паисія, случилось съ нашей семинаріей нѣчто весьма непріятное (о чемъ будетъ сказано далѣе), именно вслѣдствіе запущенности хозяйственной ея части, то въ этомъ почти всецѣло виноватъ ректоръ Ѳеофилъ, который получилъ семинарію въ блестящемъ видѣ отъ своего предшественника (Аполлонія) и не умѣлъ или не озабстился поддержать ее въ прежнемъ состояніи, не говоря уже объ улучшеніяхъ [3]). Въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ хорошимъ ректоромъ, авторитетнымъ, слѣдилъ за учебною частью, требовалъ, напримѣръ, къ себѣ для просмотра ученическія письменныя работы и ежедневно, въ учебное время,—дежурныхъ по классу съ классными журналами. По поводу этихъ дежурствъ былъ со мною такой случай. Въ богословскомъ, да кажется и въ философскомъ, классѣ я былъ безсмѣннымъ дежурнымъ и долго все шло благополучно. Ректоръ Ѳеофилъ относился ко мнѣ очень хорошо; кажется, онъ именно и настоялъ на томъ, чтобы я безсмѣнно являлся къ нему съ класснымъ журналомъ. Но вотъ однажды

---

[1]) Петръ Лукичъ Понятовскій, воронеж., 6-й маг. кіевск. акад. III к. (1827) съ самого окончанія академическаго курса, т. е. съ 1827 г. служилъ въ нижег. семинаріи, не оставляя ее.

[2]) „Кратк. памятн. записка нижегор. дух. сем.“ А. Тихова, стр. 53—54.

[3]) У насъ, учениковъ, было подозрѣніе, что по временамъ онъ прибѣгаетъ къ „келію утѣшенію братіи“, особенно въ праздничные дни.

прихожу къ нему, показываю журналъ, посмотрѣлъ ректоръ въ журналъ и вдругъ говоритъ мнѣ: «просись въ другую семинарію, здѣсь тебѣ не мѣсто». Оказалось, что я не записалъ одного казеннокоштнаго своего товарища, выходившаго изъ класса и въ это время натворившаго что-то въ занятныхъ комнатахъ, а ректоръ на мою бѣду это тотчасъ же и узналъ. Конечно, ни въ какую другую семинарію я не просился, ректоръ ни разу не напомнилъ мнѣ о томъ и вообще все пошло попрежнему, т. е. я продолжалъ ходить къ нему съ журналомъ; никакого наказанія мнѣ не послѣдовало. Кстати, о наказаніяхъ въ семинаріи. Въ низшемъ классѣ еще ставили на колѣни, за запаздываніе на уроки, въ среднемъ, кажется, и того не было. Наказаніе розгами допускалось въ семинаріи въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, при совершеніи учениками какихъ-либо особо важныхъ проступковъ, и производилось не въ классахъ, а въ правленіи семинаріи, чрезъ сторожей, по особому его опредѣленію. Такихъ случаевъ припоминается не болѣе двухъ за весь семинарскій курсъ.

Преемникъ архим. Ѳеофила, ректоръ архим. Паисій (Понятовскій), прослужилъ въ нашей семинаріи до своего ректорства цѣлыхъ 30 лѣтъ, во многихъ должностяхъ, начиная съ преподавателя словесности (1827 г.). По принятіи (1847 г.) монашества и священства (смутно помню его еще свѣтскимъ), перешелъ онъ на богословскіе предметы, долго (20 лѣтъ, 1831—1852 г.) былъ библіотекаремъ, а потомъ почти столько же времени (15 лѣтъ, съ 1842 по 1857 г.) инспекторомъ, сначала (до 1846 г.) испр. долж. инсп., а потомъ (съ 1846 г.) дѣйствительнымъ инспекторомъ, былъ поэтому человѣкъ уже очень пожилой, притомъ имѣлъ характеръ нерѣшительный и безъ практическаго склада ума, по сердцу же былъ очень добрый и вообще весьма почтенный старецъ. Онъ, конечно, прекрасно зналъ семинарію и пережилъ разные періоды ея исторіи, и періодъ ея упадка и блестящій—аполлоніевскій и ѳеофиловскій, когда она снова начала клониться къ упадку, въ одной правда, хозяйственной только части, но не принялъ мѣръ къ ея подъему въ этомъ отношеніи [1]). Хотя пр. Іеремія,

[1]) Можетъ быть, за краткостью времени своего начальствованія въ ней, а можетъ быть успокоивалъ себя мыслію, что по крайней мѣрѣ учебная часть находится въ прекрасномъ порядкѣ. Въ самый годъ катастрофы, случившейся съ нашею семинаріею въ 1858 г., т. е. въ годъ

какъ сказано выше, обращалъ его вниманіе на эту сторону, но онъ все-таки оставилъ все попрежнему, за что и поплатился, какъ увидимъ далѣе.

При этомъ ректорѣ мы, съ Ѳ. Г. Елеонскимъ, окончили полный семинарскій курсъ въ 1858 году.

Кромѣ нашихъ преподавателей и начальниковъ, особенно сильное впечатлѣніе производилъ на насъ, семинаристовъ, тогдашній преосвященный нижегородскій, Іеремія, своею необыкновенною личностью и характеромъ его управленія нижегородскою епархіею. Онъ былъ нашимъ епархіальнымъ архіереемъ почти все время нашего ученья въ семинаріи— до 17 іюня 1857 года. Много приходилось намъ слышать разсказовъ объ его властныхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ мѣстному духовенству и о борьбѣ его съ свѣтскими властями, по поводу ихъ попытокъ къ вмѣшательству въ церковныя дѣла. Но прежде всего скажемъ объ его отношеніи къ семинаріи и къ намъ, семинаристамъ, къ нашимъ занятіямъ.

Такъ какъ архіерейскій домъ помѣщался (какъ и доселѣ находится) сзади семинаріи, непосредственно къ ней примыкалъ и сообщался съ нею калиткою въ раздѣлявшемъ ихъ заборѣ, то этотъ преосвященный, какъ и другіе наши владыки, могъ во всякое время неожиданно являться въ семинарію, что онъ нерѣдко и дѣлалъ, къ неособенному удовольствію семинарскаго начальства, въ частности ректора Ѳеофила.

Пр. Іеремія требовалъ, чтобы предъ богослуженіями всѣ ученики, не исключая и квартирныхъ, собирались въ залѣ семинаріи и въ порядкѣ шли въ семинарскую церковь, нерѣдко приказывалъ намъ присутствовать и при своихъ архіерейскихъ

окончанія нами курса, „нижегородская семинарія“ (читаемъ въ „Кратк. пам. истор. запискѣ ниж. дух. сем.“ А. Тихова, стр. 56—57), послѣ вступительныхъ экзаменовъ въ казанской акад., была признана *лучшей въ округѣ*—при извѣстномъ ректорѣ акад., архим. Іоаннѣ Соколовѣ, и это именно въ такое время, когда новое академ. начальство было особенно недовольно постановкой обученія въ семинаріяхъ своего округа. Академія выразила даже особую благодарность семинаріи за представленіе отличныхъ студентовъ: В. Я. Рожанскаго (моего товарища по 2 отд.) и А. М. Хитровскаго (тов. Ѳ. Г. Ел—го по 1 отд.), впослѣдствіи первыхъ магистровъ IX курса каз. акад. Вообще, съ конца 40-хъ годовъ нижегор. сем. дала казанской акад. очень много выдающихся по своимъ способностямъ студентовъ“.

богослуженіяхъ, въ каѳедральномъ соборѣ, сверхъ того заставлялъ насъ учить всѣ вечернія и утреннія молитвы (это было, кажется, въ словесности) и распорядился, чтобы въ семинарской церкви за всенощною мы читали, поочередно, шестопсалміе и каѳизмы. Приходилось и мнѣ дѣлать это послѣднее, что страшно волновало меня, застѣнчиваго и слабоголосаго. А когда въ 1855 г. празднованъ былъ харьковскимъ университетомъ (основ. 1805 г.) 50-ти-лѣтній юбилей и по этому случаю произнесено было немало рѣчей на латинскомъ языкѣ, то мы были обязаны, по его приказанію, выучить всѣ ихъ наизусть. Помнится, было ихъ не меньше 3—4-хъ.

Присутствуя на экзаменахъ въ семинаріи, онъ почему-то не задавалъ ученикамъ никакихъ вопросовъ и не дѣлалъ возраженій. Смиряя въ себѣ и другихъ гордость ума, можетъ быть, онъ не хотѣлъ питать ее совопросничествомъ. Или, быть можетъ, думалъ какую-нибудь думу. Смотря на насъ пристально-проницательными и въ то же время задумчивыми глазами, онъ былъ точно въ созерцательномъ состояніи, думалъ, что выйдетъ изъ насъ, птенцовъ его паствы, какіе плоды принесемъ мы для Церкви Христовой. Ко мнѣ онъ относился съ неменьшимъ благоволеніемъ, чѣмъ въ училищѣ.

На публичныхъ экзаменахъ лучшими учениками читались ихъ сочиненія. У меня сохранилось два экземпляра такого сочиненія, изъ философскаго класса, на тему, данную, помнится, самимъ преосвященнымъ: «О трудахъ пр. Питирима, архіеп. нижегородскаго, какъ основателя нижегородской семинаріи». На первомъ экземплярѣ надпись пр. Іереміи: «внести въ книгу»; на второмъ—«списать для меня копію сего. 14 іюня 1855 г.». Не помню, читалъ ли я это сочиненіе на публичномъ экзаменѣ, но судя по обращенію къ владыкѣ въ концѣ его (преосвященнѣйшій владыко, милост. Архипастырь и т. д.), нужно думать, что произносилъ его съ каѳедры. Слѣдуетъ прибавить, что окончательная редакція этого моего маленькаго труда не обошлась безъ участія преподавателя—А. Ѳ. Лазаренко.

Попрежнему, какъ и въ училищѣ, въ великіе праздники Рождества Христова и Пасхи, привѣтствовали пр. Іеремію рѣчами ученики семинаріи разныхъ классовъ. Приходилось произносить привѣтственныя рѣчи, не разъ, и мнѣ. Помню, однажды говорилъ рѣчь на русскомъ языкѣ; немало говорилось рѣчей и на иностранныхъ языкахъ. Кто составлялъ эти

рѣчи, не помню. Если не ошибаюсь, въ числѣ произносившихъ рѣчи учениковъ другихъ высшихъ классовъ былъ и П. В. Знаменскій, впослѣдствіи заслуж. проф. Казанской Академіи и знаменитый ея историкъ, авторъ многихъ капитальныхъ трудовъ по русской церковной исторіи,—справедливая гордость нашей нижегородской семинаріи. Онъ былъ старше меня однимъ только курсомъ по семинаріи. Въ отношеніяхъ къ подчиненному духовенству пр. Іеремія былъ строгъ, но строго онъ относился не ко всѣмъ его проступкамъ безъ различія. Къ обычнымъ его слабостямъ, напр. нетрезвости, онъ былъ даже довольно снисходителенъ, особенно когда видѣлъ раскаяніе виновнаго. Но чего онъ никогда не прощалъ и безпощадно каралъ,—это неповиновеніе и гордость. Въ такомъ суровомъ отношеніи къ этимъ грѣхамъ сказалось, безъ сомнѣнія, аскетическое его настроеніе, которому онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь, отъ студенчества (отказъ его отъ всякой ученой степени) и до принятія схимы, въ теченіе 27-ми лѣтъ его жизни въ монастырскомъ уединеніи, на покоѣ. Случаевъ тяжелаго наказанія провинившихся въ этомъ отношеніи лицъ было нѣсколько, но въ особенности тяжело онъ покаралъ одного нашего почтеннаго наставника, И. И. Свѣтовидова, который былъ замѣченъ преосвященнымъ въ этомъ грѣхѣ и за то былъ переводимъ нѣсколько разъ съ мѣста на мѣсто. Вообще пр. Іеремія любилъ переводить священниковъ и діаконовъ съ одного мѣста на другое, за что духовенство очень роптало на него, и не безъ основанія. Вѣроятно, онъ дѣлалъ это, выходя опять изъ аскетическихъ своихъ воззрѣній: «не имамы здѣ пребывающаго града», но духовенству приходилось иногда очень тяжко, да едва ли не страдали отъ того и истинные интересы приходскихъ пастырей и маленькихъ ихъ паствъ.

Вообще пр. Іеремія былъ характера непреклоннаго и рѣшительнаго. Ревнитель вѣры Христовой и благочестія, онъ однажды удивилъ весь городъ, запечатавъ на страстной недѣлѣ и на всю Пасху Благовѣщенскій соборъ. Проѣзжая, въ страстную пятницу, мимо этой церкви, въ каѳедральный соборъ на выносъ Плащаницы, онъ увидѣлъ, что находящіяся подъ этою церковью лавки (бакалейныя) открыты и торгуютъ. Этого было достаточно, чтобы онъ не остановился предъ упомянутою рѣшительною мѣрою. Начался ропотъ немногочисленныхъ, правда, прихожанъ этого храма (рядомъ стоитъ другая церковь), а настоятель его, старѣйшій въ то время и всѣми

уважаемый, протоіерей П. И. Лебедевъ, всячески умолялъ преосвященнаго снять печати хотя бы на первый день Пасхи, но безуспѣшно; печати оставались до Ѳоминой недѣли.

Для лицъ, опредѣляющихся на мѣста псаломщиковъ, діаконовъ и даже священниковъ, пр. Іеремія учредилъ должность экзаменатора, которую поручилъ моему родителю, очень имъ уважаемому за строгую жизнь и за проповѣдничество, рѣдкому, какъ однажды онъ выразился, его «ставленнику» [1]). Экзаменъ состоялъ въ испытаніи умѣнья экзаменуемаго читать хорошо и раздѣльно при богослуженіи, пѣть, въ знаніи церковнаго устава и катихизиса. Съ 1854 до 1857 г. перебывало у насъ много лицъ, и съ низшимъ и съ среднимъ образованіемъ, подвергавшихся испытанію при опредѣленіи на различныя мѣста. Случалось видѣть даже довольно почтеннаго возраста студентовъ семинаріи, бывшихъ народныхъ учителей, ищущихъ священства. Въ этихъ случаяхъ мой родитель, по своему смиренію и въ сознаніи невысокаго своего образованія и недавняго посвященія во священника, очень стѣснялся и смущался, но долженъ былъ исполнять волю владыки, которому было угодно поручить исполненіе этой немаловажной обязанности именно ему, а не какому-либо заслуженному протоіерею или лицу монашествующему, хотя бы и незаслуженному. У этого преосвященнаго, очевидно, была своя, особенная расцѣнка людей— не по годамъ службы и не по цвѣту духовенства.

Съ свѣтскими властями пр. Іеремія, вообще говоря, не ладилъ, да и трудно было ему, съ его характеромъ и принципами, ладить въ такихъ случаяхъ, когда они, какъ напримѣръ тогдашній нижегородскій губернаторъ, кн. Урусовъ, вмѣшивались въ церковныя дѣла. Разсказывали, напр., такой случай. Пріѣзжаетъ пр. Іеремія служить литургію въ нижегородскій ярмарочный соборъ. Ему подаютъ облаченіе не то, какое онъ назначилъ, а другое, и на вопросъ, почему—не предназначенное имъ, отвѣчаютъ, что таково распоряженіе г. начальника губерніи. Говорили, что изъ-за этого случая возникла непріятная переписка между архіереемъ и губернаторомъ, и дѣло чуть ли не доходило до Петербурга. А все это произошло отъ того, что нижегородскіе губернаторы всегда (еще до появленія

---

[1]) При посвященіи моего отца во священника, пр—ый выразился, какъ намъ передавали, такъ: „много лѣтъ я архіерействую, но такого ставленника имѣю только въ первый разъ“.

положенія объ усиленной охранѣ) считали себя полновластными хозяевами на нижегородской ярмаркѣ, въ томъ числѣ и въ тамошнемъ соборѣ. Да и въ городѣ, точно нарочно для искушенія ихъ, губернаторскій домъ находился, какъ и теперь находится, въ крѣпости какъ разъ противъ каѳедральнаго собора (тоже въ крѣпости), наводя губернаторовъ на различныя размышленія, при чемъ естественно являлось поползновеніе дать архіерею почувствовать силу губернаторской власти и попытаться хоть немного похозяйничать въ архіерейской области, символъ которой (каѳедральный соборъ) ежеминутно мозолилъ имъ глаза, какъ символъ власти чужой, совершенно отъ нихъ независимой. Положеніе дѣйствительно несовсѣмъ естественное, тѣмъ болѣе, что архіерейскій домъ помѣщался какъ разъ противъ театра, на одной изъ ближайшихъ, правда, къ крѣпости и собору улицъ. Не находили это натуральнымъ и жители города. Въ то время острили, спрашивая: гдѣ живетъ губернаторъ? противъ собора. А гдѣ архіерей? противъ театра. Такъ было при пр. Іереміи, когда прямо противъ архіерейскаго его дома стоялъ старый деревянный театръ, потомъ сгорѣвшій. Сгорѣлъ онъ дотла на глазахъ пр. Іереміи, который, говорятъ, благословлялъ бушующее пламя. Теперь театръ уже каменный и находится совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Этотъ преосвященный оберегалъ духовенство отъ нападковъ помѣщиковъ и свѣтскихъ властей. И съ моимъ отцомъ былъ одинъ такой случай. Судебныя власти старались всячески вывѣдать у моего отца о причинахъ смерти одной купеческой жены, духовной его дочери, напутствованной имъ предъ кончиною. Возникло подозрѣніе относительно неестественной ея смерти, самоотравленія. Отца подвергли допросу въ качествѣ свидѣтеля, старались отъ него узнать, что покойная говорила ему предъ смертью. Отецъ, конечно, отказался отвѣчать на этотъ вопросъ; заявилъ, что можетъ сказать только о томъ, что видѣлъ, а не то, что сообщено ему на исповѣди, въ силу ея тайны. Преосвященный, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, призвалъ отца, утвердилъ его въ его рѣшеніи и вдобавокъ вошелъ съ своей стороны въ сношеніе съ судебными властями, при чемъ доказывалъ, что они не имѣютъ права подвергать допросу священника-духовника.

До какой степени онъ оберегалъ достоинство епископскаго сана, высоко и крѣпко держалъ его знамя и чуждъ былъ угодливости предъ сильными міра сего, показываетъ слѣдующій

замѣчательный случай. Къ концу его управленія нижегородской епархіей умираетъ князь—царевичъ грузинскій, одинъ изъ потомковъ грузинскихъ царей, имѣвшій огромное помѣстье въ селѣ Лысковѣ, чуть ли не владѣлецъ всего этого села [1]). Онъ былъ человѣкъ весьма добраго сердца и крайне щедрый, но необузданнаго права и крайне страстнаго темперамента. Разсказывали, что кромѣ многихъ и тяжкихъ грѣховъ плоти, на душѣ у него было немало и душегубствъ. Въ необузданномъ гнѣвѣ онъ способенъ былъ убить человѣка, но проходила вспышка и онъ не зналъ, чѣмъ ее загладить, готовъ былъ дать какую угодно награду избитому имъ человѣку, чѣмъ нерѣдко и пользовались, нарочно его раздражая, потомъ убѣгая отъ него и наконецъ, когда проходилъ его гнѣвъ, являясь къ нему за наградой. Итакъ, этотъ именитый князь-царевичъ, по обыкновенному человѣческому суду, великій грѣшникъ, хотя и не безъ добрыхъ дѣлъ, умираетъ. Приглашаютъ пр. Іеремію пріѣхать въ с. Лысково для отпѣванія. А нужно замѣтить, что какъ разъ въ это время (20 сент. 1856 г.) былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода зять этого князя грузинскаго гр. Толстой Александръ Петровичъ, однофамилецъ послѣдующаго, столь памятнаго духовному вѣдомству Оберъ-Прокурора, Дм. Андр. Толстого, человѣкъ очень религіозный и набожный, къ тому же хорошо, безъ сомнѣнія, знакомый преосвященному, такъ какъ предъ тѣмъ (въ 1855 г.) былъ начальникомъ нижегородскаго ополченія. Такимъ образомъ, все повидимому располагало къ тому, чтобы приглашеніе было принято, но пр. Іеремія отвѣтилъ на него рѣшительнымъ отказомъ, мотивируя свой отказъ со всею откровенностью приблизительно такъ:

---

[1]) И кромѣ того, онъ имѣлъ домъ, съ огромнымъ мѣстомъ, въ Нижнемъ, вѣроятно на случай своего туда пріѣзда. Въ Нижній князь, дѣйствительно, повременамъ и пріѣзжалъ и очень часто посѣщалъ богослуженія пр. Іереміи; вѣроятно они ему нравились, да и кому они могли не нравиться? Видѣлъ я его однажды въ нашей Сергіевской церкви, когда въ ней служилъ пр. Іеремія, и былъ пораженъ видомъ князя, стоявшаго на лѣвомъ клиросѣ, очень дряхлаго старца, съ слѣдами сильныхъ страстей и весьма бурно проведенной жизни. Городской домъ князя былъ совсѣмъ въ другомъ приходѣ, далеко отъ нашего, и если князь пожаловалъ къ намъ въ церковь, то очевидно только потому, что служилъ въ ней архіерей. Этотъ князь былъ очень богатъ и въ этомъ отношеніи такъ же извѣстенъ въ Нижнемъ, какъ гр. Шереметевъ въ Петербургѣ.—„На счетъ кн. грузинскаго“ выражались у насъ въ Нижнемъ такъ же, какъ „на счетъ гр. Шереметева“—въ Петербургѣ.

покойный князь по своей жизни, полной тяжкихъ грѣховъ, не заслуживаетъ почести архіерейскаго отпѣванія, по настоящему слѣдовало бы лишить его и простого христіанскаго погребенія, а потому пусть похоронятъ князя безъ него. Этотъ отказъ отъ поѣздки въ село Лысково молва, и, вѣроятно, не безъ основанія, связывала съ прошеніемъ пр. Іереміи объ увольненіи отъ управленія епархіей. Не многіе преосвященные, будь на его мѣстѣ, поступили бы такъ, какъ онъ. И недаромъ митр. московскій Филаретъ, узнавъ объ удаленіи пр. Іереміи на покой, выразилъ сожалѣніе и прибавилъ при этомъ: нужно бы намъ такихъ людей побольше [1]). Невольно приходитъ на мысль, что живи нашъ покойный владыка въ стародавнія времена, изъ него вышелъ бы замѣчательный патріархъ, подобный нашему земляку, патр. Никону, хотя и съ судьбой, вѣроятно, не во многомъ отличной отъ судьбы послѣдняго.

Предъ самымъ удаленіемъ на покой пр. Іеремія лишился многолѣтняго друга, начиная съ ранней молодости, архіепископа херсонскаго Иннокентія (Борисова), скончавшагося 27 мая 1857 г., слѣдовательно за три недѣли до отставки нашего владыки (17 іюня того же года). Въ одинъ изъ послѣднихъ дней мая вдругъ, въ необычное время, раздаются удары большого соборнаго колокола, насъ семинаристовъ собираютъ въ каѳедральный соборъ на панихиду и мы видимъ скорбное лицо нашего владыки, творящаго поминовеніе о своемъ знаменитомъ другѣ. Мы уже и тогда знали объ ихъ многолѣтней дружбѣ, но конечно не знали того, что стало извѣстнымъ впослѣдствіи изъ обнародованныхъ воспоминаній пр. Іереміи о пр. Иннокентіи [2]). Въ этихъ воспоминаніяхъ встрѣчается весьма характерное сравненіе, обрисовывающее ихъ взаимныя отно-

---

[1]) Пишу по памяти; не ручаюсь за буквальную точность, но мысль передаю вѣрно. Гдѣ-то читалъ, кажется у пр. Саввы, архіеп. тверского въ его обширной автобіографіи (въ Богосл. Вѣстн.).

[2]) Очень много въ высшей степени интересныхъ подробностей относительно обстоятельствъ ихъ жизни и дружбы встрѣчается въ этихъ воспоминаніяхъ. Они напечатаны въ брошюрѣ прот. І. З. Виноградова: „Пр. Іеремія еп. нижег. и воспоминанія его о пр. Иннокентіи, архіеп. Херсонскомъ. Н. Новг. 1886 г.“. Изъ этой брошюры сдѣлано мною подробное извлеченіе въ статьѣ „Церк. Вѣстн.“ 1887 г. № 44. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ теперь подъ руками ни той, ни другой. Замѣчательно, что друзья и товарищи по семинаріи сошлись въ спб. академіи, одинъ какъ инспекторъ ея—Иннокентій (съ 1823—1830 г.), а Іеремія, какъ студентъ (оконч. 1827 г.).

шенія,—одного друга къ другому. Пр. Іеремія сравниваетъ себя съ крѣпкимъ, но безплоднымъ сукомъ, подпирающимъ прекрасную, обремененную плодами яблонь (пр. Иннокентія).

17 іюня 1857 г. пр. Іеремія ушелъ на покой, въ нижегородскій Печерскій монастырь, поступивъ въ число братіи безъ управленія монастыремъ. Неизвѣстно, самъ ли онъ просилъ такъ именно его устроить или такъ рѣшило Высшее Начальство; вѣроятнѣе всего первое [1]). Здѣсь онъ провелъ много лѣтъ въ малой келліи, съ очень маленькою церковью, съ послушникомъ іеродіакономъ Никономъ (впослѣдствіи архим. и экономомъ с.-петербургскаго митрополичьяго дома, при митр. Палладіѣ), совершалъ въ этой церкви богослуженія, какъ простой священникъ, никогда не выходилъ изъ монастыря, въ теченіе многихъ лѣтъ, и долгое время не принималъ у себя никого изъ посѣтителей, но потомъ началъ принимать, принялъ и меня, впрочемъ уже не ранѣе, какъ черезъ 10 лѣтъ послѣ удаленія на покой, когда я былъ уже профессоромъ С.-Петербургской Академіи, сейчасъ же узналъ, былъ очень привѣтливъ и даже просилъ меня прислать къ нему моего отца для бесѣды о духовной жизни. Черезъ нѣсколько лѣтъ пр. Іеремія переселился изъ Печерскаго монастыря въ другой, нижегородскій же, Ѳедоровскій (Городецкій), а потомъ въ Благовѣщенскій, находящійся въ самомъ Нижнемъ. Здѣсь онъ и скончался 6 дек. 1884 г., 83 лѣтъ, въ схимѣ, съ именемъ Іоанна, пробывъ на покоѣ цѣлыхъ 27 лѣтъ.

По удаленіи его съ епископской каѳедры намъ нижегородцамъ не доставало великолѣпнаго его архіерейскаго служенія [2]), да и вообще отъ многихъ слышалъ я выраженіе сожалѣнія, что мы лишились такого замѣчательнаго епископа.

---

[1]) Чрезъ нѣсколько времени послѣ его отставки выслана была ему пенсія въ размѣрѣ 1000 р. Въ городѣ возбудила много толковъ одновременная высылка, съ одною почтою, этой пенсіи бывшему нижег. епископу и такой же точно, въ томъ же размѣрѣ, т. е. въ 1000 р., какому-то артисту Императорскихъ театровъ.

[2]) Какъ-то разъ, послѣ удаленія его въ Печерскій монастырь, захожу въ каѳедральный соборъ, въ нижнюю его церковь, въ склепѣ, гдѣ помѣщается прахъ Минина, и вижу архіерейское служеніе. Служившій епископъ показался мнѣ похожимъ на пр., Іеремію, и я очень обрадовался, что опять его вижу, но оказалось, что это былъ апостолъ Сибири, камчатскій архіеп. Иннокентій (Веніаминовъ † митр. московскій), проѣздомъ бывшій въ Нижнемъ и служившій здѣсь литургію. Онъ дѣйствительно очень напоминалъ бывшаго нашего епископа и ростомъ и осанкою и всею фигурою.

Преемникъ пр. Іереміи, пр. Антоній (Павлинскій), магистръ С.-Петербургской Академіи [1]), имѣлъ мало сходства съ своимъ предшественникомъ и наружностью и особенно отличительными чертами характера и духовнаго склада. Правда, онъ былъ представительной, внушительной наружности, высокаго роста, довольно полный собою, крѣпкаго сложенія, но его наружность не имѣла того изящества, которымъ отличалась вся фигура пр. Іереміи, а по характеру онъ былъ спокойный, ровный человѣкъ, доброжелательный, не безъ твердости въ потребныхъ случаяхъ, съ практическимъ складомъ ума, безъ увлеченія идеальными задачами и стремленіями,— словомъ, представлялъ въ значительной степени противоположность своему предшественнику. Нижегородскому духовенству жилось при немъ, конечно, гораздо легче и спокойнѣе, чѣмъ при пр. Іереміи. Къ семинаріи онъ относился не то, чтобы совершенно безучастно, но не проявлялъ и особенной о ней заботливости, по крайней мѣрѣ въ моихъ воспоминаніяхъ не сохранилось никакихъ сюда относящихся фактовъ.

При немъ-то совершилось, въ 1858 году, 21 августа, т. е. въ каникулы того года, когда мы окончили семинарскій курсъ, весьма памятное по своимъ послѣдствіямъ, посѣщеніе семинаріи Государемъ Императоромъ Александромъ II. Разсказывали тогда, что Государь, нѣсколько разъ проѣзжая мимо семинаріи, виднаго, даже красиваго зданія, находящагося на пути Его выѣздовъ изъ губернаторскаго дома,—временнаго Его мѣстопребыванія,—заинтересовался зданіемъ семинаріи и на обѣдѣ, данномъ нижегородскимъ властямъ и представителямъ города, спросилъ пр. Антонія: семинарія ваша хороша снаружи, а какъ она внутри? Преосвященный будто бы отвѣчалъ, что внутреннимъ ея благоустройствомъ похвалиться не можетъ, но судя по отпускаемымъ на нее небольшимъ средствамъ, она содержится въ должномъ порядкѣ. Государь при этомъ замѣтилъ, что намѣренъ ее посѣтить. Посѣщеніе это состоялось 21 августа, въ 4 часа дня, и было очень неблагополучно для семинаріи. Это было во время каникулъ, а въ каникулярное время, при совершенномъ отсутствіи воспитанниковъ, какъ своекоштныхъ, такъ и казеннокоштныхъ, въ се-

[1]) Іером. Антоній (Павлинскій), новг., 14-й маг. спб. акад., IX к. (1831), 1831—инсп. калуж. сем., 1840—ректор. новгор. сем., 1852—викар. еп. острогож., 1853—вик. старорус., 1854—еп. архангел., 1857—еп. нижегор., 1860—волынскій, 1862—архіепископъ, 1866 - архіеп. владимірскій.

минаріи царствовало обыкновенно полное запустѣніе: порядка и чистоты было меньше, чѣмъ даже въ учебное время. Классы и жилыя комнаты запирались, больница, за отсутствіемъ больныхъ, превращалась въ кладовую мебели и другого домашняго скарба. Такъ приблизительно было и на этотъ разъ, при Высочайшемъ посѣщеніи. Впрочемъ, вѣроятно, классныя комнаты были открыты и нѣкоторыя изъ жилыхъ, которыя хотѣли показать Государю, но несомнѣнно не всѣ, потому, что, какъ разсказывали, Ему угодно было обратить вниманіе на нѣкоторыя помѣщенія, которыя оказались запертыми и едва ли приготовлены были даже ключи на случай ихъ осмотра, больница же несомнѣнно была заперта и имѣла несвойственный ей видъ. Государь, привыкшій въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ видѣть образцовый порядокъ и чистоту, былъ крайне недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ здѣсь [1]), видъ же больницы-кладовой окончательно Его возмутилъ. Передавали, что Государь даже топнулъ при этомъ ногою и сказалъ нижеприведенныя слова, очень нелестныя для семинаріи. На бѣду, пр. Антоній почему-то не присутствовалъ при Высочайшемъ посѣщеніи семинаріи, хотя архіерейскій домъ находится, какъ замѣчено выше, сзади ея и сообщается съ нею калиткою, такъ что достаточно было какихъ нибудь 5 — 10 минутъ, чтобы явиться въ семинарію; но вѣроятно ректоръ Паисій растерялся и забылъ извѣстить преосвященнаго о прибытіи Государя, или пр. Антонія не было въ это время дома. Въ заключеніе своего осмотра, кажется, именно послѣ осмотра больницы, Государь, обращаясь къ ректору, приказалъ передать преосвященному, что Онъ остался очень недоволенъ семинаріей, «такъ и скажите», заключилъ Государь. Передаю исторію этого Высочайшаго посѣщеніи нашей семинаріи на основаніи ходившихъ въ то время разсказовъ, не ручаясь, конечно, за безусловную ихъ вѣрность, что касается всѣхъ частностей. День 21 августа имѣлъ роковыя послѣдствія прежде всего,

---

[1]) А отчасти и то, что слышалъ. Государя разсердилъ еще одинъ изъ моихъ товарищей, окончившій въ этомъ году (1858), въ іюлѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ нами, семинарскій курсъ (А—ій). Почему-то онъ былъ, въ это время, гдѣ-то въ семинарскомъ зданіи, попался на глаза Государю и на вопросъ Его: „ты семинаристъ“? далъ глупый отвѣтъ: „ни какъ нѣтъ, Ваше Величество, я окончившій курсъ семинаріи“, за что и получилъ нелестное для него названіе, которое осталось за нимъ на всю жизнь, съ прибавкою „царскій“.

конечно, для начальства семинаріи, ея ректора, архим. Паисія, который сначала временно былъ устраненъ отъ должности, а потомъ вскорѣ и совсѣмъ уволенъ отъ духовно-учебной службы [1]). Невольно приходитъ на мысль вопросъ, что чувствовалъ бывшій ректоръ нашей семинаріи архим. Аполлоній, тогда еще здравствовавшій, въ званіи настоятеля московскаго Симонова монастыря († 9 окт. 1861 г.), когда узналъ, чѣмъ окончилось Высочайшее посѣщеніе любимаго его дѣтища, нашей семинаріи, на благоустройство которой и приведеніе въ блестящій видъ, въ особенности хозяйственной ея части, онъ положилъ столько силъ и хлопотъ и которую онъ передалъ въ другія руки только 7 лѣтъ тому назадъ (1851 г.).

Черезъ 5 лѣтъ послѣ описаннаго выше событія, Нижегородской семинаріи удалось, наконецъ, возстановить свою репутацію. Въ 1863 г., въ годъ окончанія нашего академическаго курса, опять въ августѣ мѣсяцѣ (2 авг., въ 3 часа дня), Государь Императоръ Александръ II снова удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашу семинарію, подробно ее осмотрѣлъ, вспомнилъ о прежнемъ своемъ посѣщеніи ея и остался на этотъ разъ ею доволенъ. Я былъ тогда въ Нижнемъ, помню, что Государь пріѣзжалъ, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Маріей Александровной, въ нашу Георгіевскую церковь, находящуюся очень близко, почти рядомъ съ семинаріею, но подробностей новаго Высочайшаго осмотра семинаріи не помню,

---

[1]) Устраненъ 8 окт., а совсѣмъ уволенъ (послѣ ревизіи архим. Іакова Кроткова, настоятеля моск. Данилова монастыря) 30 ноября того же 1858 г., съ оставленіемъ за нимъ настоятельства только въ нижег. Благовѣщенскомъ монастырѣ. „Вскорѣ“ (по словамъ „Кр. истор. записки ниж. сем.“ стр. 57—58) „по собственному избранію“ онъ удалился настоятелемъ въ бѣдный Густынскій монастырь полтавской губерн., гдѣ провелъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, скончавшись преклоннымъ старцемъ“. Вѣроятно, „вскорѣ“ предложили ему очистить мѣсто для новаго ректора, архим. Ювеналія (Карюкова). А жаль, что не дали о. Паисію окончить дни въ Нижнемъ, въ которомъ онъ прожилъ болѣе 30 лѣтъ. Впрочемъ, онъ оставилъ Благовѣщенскій монастырь въ всякомъ случаѣ не ранѣе осени 1860 г. Въ этомъ году лѣтомъ я былъ у него, когда на каникулы пріѣхалъ на родину студентомъ спб. академіи. Памятенъ мнѣ нашъ разговоръ съ нимъ. О. Паисій спрашиваетъ меня, какъ поживаетъ проф. В. Н. Карповъ, его землякъ, воронежецъ, и почти товарищъ по кіевской академіи (II к. 1825, а Паисій Понятовскій III к. 1827 г.) и продолжаетъ съ полнымъ благодушіемъ: „Что, еще служитъ? Пора бы ему на покой. Вотъ и я все служилъ, да дослужился до того, что мнѣ наконецъ сказали: пора уходить. Служи, да не заслуживайся. Такъ-то“.

даже по разсказамъ, вѣроятно потому, что въ нихъ не было ничего выходящаго изъ ряда вонъ, какъ въ первомъ случаѣ. Объ этихъ подробностяхъ можно прочитать въ «Кр. пам. истор. запискѣ Ниж. дух. сем.» стр. 60—61) [1]). Въ ней (см. стр. 60) приведены и характерныя для нашей семинаріи слова тогдашняго Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, при посѣщеніи и подробномъ осмотрѣ имъ Нижег. семинаріи, въ 1861 г. 14 авг.: «зданіе семинаріи, кажется, самое обширное во всемъ городѣ», при чемъ Государь Наслѣдникъ изволилъ прибавить, что Онъ всѣмъ видѣннымъ въ семинаріи доволенъ и сожалѣетъ только о томъ, что не видитъ самихъ ея воспитанниковъ.

Зданіе нижегор. семинаріи, дѣйствительно, очень выдающееся, видное и довольно обширное. По фасаду украшено массивными колоннами (правда изъ оштукатуреннаго кирпича), стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, на широкой площади, прямо противъ воротъ нижегородскаго Кремля, ведущихъ къ каѳедральному собору и губернаторскому дому (носящему у насъ, въ Нижнемъ, названіе дворца, вѣроятно потому, что въ немъ останавливались всегда Высочайшія Особы, во время Ихъ пріѣзда въ Нижній). Наконецъ, домъ семинаріи находится почти на краю высокой горы, съ которой открывается обширный видъ на низменный берегъ Волги. Такая внушительная наружность семинаріи, вызвавъ ожиданіе соотвѣтственнаго внутренняго благоустройства, усугубила невыгодное впечатлѣніе, полученное Императоромъ Александромъ II отъ перваго Его посѣщенія ея въ 1858 г.

Но если наша семинарія находится на очень видномъ

---

[1]) „Встрѣченный при входѣ пр. Нектаріемъ (Надеждинымъ) и начальствомъ семинаріи, Его Величество, направляясь въ залъ, изволилъ спрашивать о благосостояніи семинаріи. Въ залѣ Его Величеству были представлены наставники семинаріи, смотрители и учащіе нижегор. и печерскаго училищъ. Изъ залы Государь прошелъ въ библіотеку, потомъ осматривалъ классы, помѣщавшіеся тогда (часть) въ нижнемъ этажѣ, затѣмъ въ верхнемъ этажѣ изволилъ осматривать спальныя и занятныя комнаты, въ среднемъ этажѣ—комнаты правленія и канцеляріи, въ нижнемъ—столовую комнату и наконецъ изволилъ пройти въ больничный корпусъ. Государь вспоминалъ при этомъ и о Своемъ первомъ посѣщеніи семинаріи... Покидая семинарію, Государь изволилъ обратиться къ сопровождавшимъ Его лицамъ съ слѣдующими милостивыми словами: „Что касается до внѣшности семинаріи, то Я нашелъ ее въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ прежде. Доволенъ. Благодарю“.

мѣстѣ, то храмъ св. Георгія, при которомъ мой родитель состоялъ священникомъ и жилъ вмѣстѣ съ нами вблизи его, имѣетъ еще болѣе красивое мѣстоположеніе. Онъ стоитъ, почти рядомъ съ семинаріею, на самой вершинѣ очень высокой горы, съ которой открывается обширнѣйшій видъ на все Заволжье, на низменные берега Волги, на нѣсколько десятковъ верстъ, такъ что въ ясный солнечный день можно различать, даже безъ бинокля, церкви города Балахны, находящагося въ 30 верстахъ отъ Нижняго. Да и весь Нижній Новгородъ—одинъ изъ красивѣйшихъ нашихъ русскихъ городовъ. По красотѣ мѣстоположенія онъ не уступаетъ Кіеву, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ его, имѣя съ нимъ большое сходство [1]). Въ этой-то красивѣйшей мѣстности суждено мнѣ было прожить и дѣтскіе и юношескіе годы. Сначала, когда былъ въ училищѣ, бѣгалъ по крутымъ живописнымъ горамъ, спускающимся къ Окѣ, противъ нижегородской ярмарки, которую тоже очень нерѣдко посѣщалъ, когда она была открыта, а потомъ, когда вмѣстѣ съ моимъ поступленіемъ въ семинарію наше семейство перешло въ другую часть города, наслаждался несравненными видами, открывающимися изъ Кремля и вдоль по набережной, отъ нашей Георгіевской церкви до Печерскаго монастыря. Безчисленное множество разъ гулялъ я по этой набережной и никогда не могъ насытиться красотою открывающихся съ нея видовъ. По высокой горѣ разбитъ такъ называемый англійскій садъ, спускаю-

---

[1]) Уступая Кіеву въ отсутствіи южной растительности и благодатнаго климата Малороссіи, а также и памятниковъ глубокой исторической древности, Нижній превосходитъ его болѣе высокимъ мѣстоположеніемъ и болѣе обширнымъ видомъ изъ всѣхъ пунктовъ нагорной стороны на низменные берега двухъ великихъ рѣкъ Оки и Волги, сливающихся у подножія нижегородскихъ горъ. Сходство Нижняго съ Кіевомъ выразилось въ характерныхъ наименованіяхъ и нѣкоторыхъ нижегородскихъ мѣстностей: Почайны и Печоръ (Печерскій монастырь съ лежащимъ близъ него селеніемъ). Неудивительно поэтому, что нѣкоторыя лица, какъ напр. пр. Іеремія, проживъ немало лѣтъ въ Кіевѣ (1830—1843=12 лѣтъ) и вообще на югѣ (на Кавказѣ и Полтавѣ 1843—1851=7 лѣтъ) предпочли остаться въ Нижнемъ, вмѣсто того, чтобы уѣхать въ Кіевъ или куда-нибудь на югъ. Другой примѣръ: архіеп. донской Макарій, пробывъ немало лѣтъ на берегахъ Дона, пріѣзжаетъ кончать свои дни на берега Оки и Волги, въ нижегор. Благовѣщенскій монастырь (†1894), имѣющій очень красивое мѣстоположеніе, при самомъ сліяніи Оки и Волги, противъ знаменитой нижегородской ярмарки.

щійся внизъ къ самой Волгѣ. А внизу широкая рѣка со множествомъ взадъ и впередъ снующихъ по ней пароходовъ. Особенно красивъ былъ видъ съ набережной на Волгу вечеромъ въ сумерки, когда на пароходахъ зажигались огни, а изъ пароходныхъ трубъ поднимались столбы искръ; рѣка, въ тихую погоду, какъ зеркало, вдали на огромное пространство луга, лѣса, деревни и озера, а къ западу, вверхъ по Волгѣ, багровый закатъ солнца, точно опускающагося въ рѣку, вверху же, надъ головою, глубокое небо, усѣянное звѣздами. Сильно чувствовалась красота родной природы, и имѣй я хоть немного способности къ стихотворству, непремѣнно сдѣлался бы стихоплетомъ подобно (упомянутому въ 1 гл.) одному изъ моихъ дѣдовъ.

Мои родители жили очень замкнуто, избѣгая всякихъ знакомствъ, такъ что мои прогулки по набережной составляли почти единственное мое развлеченіе, кромѣ посѣщенія немногихъ моихъ товарищей, одобренныхъ моими родителями. Эти товарищи ходили и къ намъ, но больше я къ нимъ, въ особенности къ В. Я. Рожанскому, съ которымъ сблизился, особенно въ послѣдніе 2—3 года, да еще къ Ѳ. Г. Ел—му, который, тоже послѣдніе 2—3 года, жилъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, отдѣльно отъ насъ, на квартирѣ.

Кстати о прогулкахъ по нашей дивной набережной и по другимъ живописнымъ мѣстамъ нашего города. Были ли эти прогулки и вообще наслажденіе прекрасной природой роднаго города только развлеченіемъ? Не имѣли ли они еще другого, болѣе серьезнаго для насъ значенія,—воспитательнаго. Широкія, открывающіяся предъ нами картины не возбуждали ли въ насъ идеальныхъ стремленій и думъ, порывовъ къ чему-то высшему мелочей обыденной жизни? Не даромъ «книга природы» ставится въ нѣкоторую параллель съ книгами Откровенія. Не даромъ и монастыри, какъ бы инстинктивно чувствуя вліяніе прекрасной природы на духовную жизнь человѣка, избирали для себя красивѣйшія мѣстности.

Приходъ моего отца — Георгіевскій—тянулся какъ разъ вдоль великолѣпной набережной. Онъ былъ большой по протяженію, простирался до конца города, до самаго Печерскаго монастыря, но количество прихожанъ было невелико и онъ вообще былъ небогатъ. Въ немъ было много казенныхъ зданій: духовная семинарія, консисторія, архіерейскій домъ, городская больница. Были и пустыя, незастроенныя мѣста (гдѣ

теперь Маріинскій женскій Институтъ). Да и прихожане были небогатые люди, а потому доходы причта были очень небольшіе, и не будь въ нашемъ храмѣ чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери, приходъ нашъ былъ бы совсѣмъ бѣднымъ. На долю моего родителя выпадало очень много трудовъ по хожденію съ чудотворною иконою по всему городу и служенію многочисленныхъ молебновъ, съ водосвятіемъ и акаѳистами, особенно въ холерное время. Въ такое время труды его усугублялись еще совершеніемъ требъ по напутствованію больныхъ на волжскихъ пароходахъ. Да и въ другое, болѣе благополучное время приходилось нерѣдко отправляться на нихъ съ тою же цѣлію [1]).

Среди прихожанъ, въ первые годы службы отца при Георгіевской церкви, не было выдающихся личностей. Были, впрочемъ, довольно необычные прихожане. Это—актеры стараго городского театра, какъ сказано выше, потомъ сгорѣвшаго. Они помѣщались въ довольно большомъ, деревянномъ, казенномъ домѣ, [2]) и были въ большинствѣ духовными дѣтьми моего отца, который, кстати замѣтить, выражалъ удивленіе, по поводу добраго, религіознаго ихъ настроенія, котораго никакъ не ожидалъ. Нѣсколько позднѣе поселился въ приходѣ богатый купецъ Рукавишниковъ, родной братъ котораго, большой любитель церковнаго пѣнія, завелъ великолѣпный хоръ церковныхъ пѣвчихъ. По всей Россіи собирались въ него лучшіе голоса, что стоило, конечно, большихъ денегъ. Этотъ хоръ пѣлъ и въ нашей церкви и въ другихъ церквахъ города. Мой родитель не долюбливалъ этого хора изъ-за его вычур-

---

[1]) Дѣло въ томъ, что, въ этой части города, наша Георгіевская церковь была единственная (другой—Троицкой еще не было), которая видна была съ пароходовъ, стоявшихъ противъ нашей набережной. Мы очень боялись за отца, когда его требовали, часто глухою ночью, для совершенія такихъ требъ. Нужно было спуститься съ очень высокой горы внизъ, пройти порядочное пространство среди рабочаго населенія по берегу Волги, затѣмъ плыть въ лодкѣ до парохода, стоявшаго часто довольно далеко отъ берега, подняться на пароходъ по трапу, напутствовать больного, нерѣдко холернаго, и потомъ возвратитьсл тѣмъ же путемъ домой, нерѣдко пѣшкомъ и безъ провожатаго. Но Богъ хранилъ отца и съ нимъ ни разу не случилось ничего худого.

[2]) Когда сгорѣлъ старый и выстроенъ новый театръ, актеры поселились въ другихъ мѣстахъ и вышли изъ нашего прихода; а старый ихъ домъ проданъ и на мѣстѣ его выстроено уже каменное зданіе, имѣющее другое назначеніе.

наго, партеснаго пѣнія, а главное изъ-за той толпы народа, которая, благодаря ему, собиралась въ храмѣ, отнюдь не для молитвы, а просто для развлеченія, какъ въ концертный залъ.

По переходѣ въ этотъ приходъ (изъ прежняго Сергіевскаго), наше семейство, первое время, жило на тѣсныхъ, часто неудобныхъ квартирахъ, потомъ перешло въ деревянный церковный домъ, находившійся въ концѣ города и нашего прихода, далеко отъ церкви. А когда рѣшено было построить новый церковный каменный домъ въ другомъ мѣстѣ, на нашей великолѣпной набережной, вблизи англійскаго сада, пришлось жить опять на наемныхъ квартирахъ. Изъ одной такой квартиры родители проводили меня въ Петербургскую Академію.

Когда мы оканчивали семинарію, наша дальнѣйшая судьба складывалась такъ. Троимъ изъ окончившихъ семинарскій курсъ 1858 г. предстояло отправиться на казенный счетъ въ Казанскую Академію, вызывавшую тогда именно 3 студентовъ изъ нашей семинаріи. Наше семинарское начальство предназначило, изъ 1-го отдѣленія двухъ первыхъ по списку: Н. С. Потоцкаго и А. М. Хитровскаго, а изъ 2-го меня, А. Л. К—го, какъ перваго по списку, за моимъ же отказомъ слѣдующаго за мною, второго—В. Я. Рожанскаго. Ѳ. Г. Елеонскій, какъ третій по списку 1-го отдѣленія [1]), не получилъ назначенія въ академію, а равно и А. И. Смирновъ, окончившій курсъ въ числѣ послѣднихъ студентовъ, 13-мъ [2]).

---

[1]) Въ теченіе всего семинарскаго курса онъ, по большей части, занималъ это мѣсто, впрочемъ иногда и второе среди годичныхъ курсовъ, переходя, однако, изъ класса въ классъ всегда подъ № 3. И. Ф. Спасскій, перешедшій изъ училища въ семинарію первымъ ученикомъ, окончилъ ее подъ 5 № и ни въ какое высшее учебное заведеніе не поступилъ; дальнѣйшая его судьба мнѣ неизвѣстна.

[2]) Такъ низко онъ окончилъ отчасти потому, что мало занимался своимъ дѣломъ, отчасти за поведеніе. Весьма замѣчательна дальнѣйшая судьба этого даровитаго моего товарища. Замѣченный еще въ семинаріи въ нетрезвомъ поведеніи, онъ продолжалъ вести такую же жизнь и по окончаніи семинарскаго курса и, наконецъ, дошелъ до того, что попалъ въ писари къ становому приставу, въ какомъ-то селѣ. Но здѣсь, на его счастье, обратила на него вниманіе гувернантка одного помѣщика, жившаго въ своемъ имѣніи въ томъ же селѣ. Разсказывали, что, встрѣтившись какъ-то разъ, съ А. И. С—мъ, она неожиданно вступила съ нимъ въ разговоръ и начала говорить на тему о томъ, какъ не стыдно ему, какъ она слышала, такому даровитому человѣку, такъ вести себя. Ея слова такъ подѣйствовали на него, что онъ пересталъ пить, познакомился съ нею, женился, поступилъ въ казанскій универ-

Изъ всѣхъ же студентовъ нашей семинаріи, курса 1858 г., получили потомъ высшее образованіе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ по нашему 2-му отд. шесть человѣкъ (кромѣ меня, А. Л. К. и В. Я. Рожанскаго)—А. И. Смирновъ (въ каз. унив.), М. М. Добротворскій, [1]) П. А. Румянцевъ [2]) и П. Ѳ. Лебедевъ, [3]) изъ 1-го же отд. только три (Н. С. Пот—ій [4]), А. И. Хитр—ій [5]), посланные въ Каз. Акад., и Ѳ. Г. Елеонскій), слѣдовательно вдвое меньше противъ нашего, если не считать 2-хъ вышедшихъ изъ 1-го отд. ранѣе окончанія полнаго семинарскаго курса, для поступленія въ

ситетъ, блестяще окончилъ въ немъ курсъ, оставленъ при университетѣ и потомъ занялъ каѳедру философіи. Съ Ап. И. С—мъ мы ни разу не видались по окончаніи семинаріи, но въ послѣдніе годы своей службы, будучи уже ординарнымъ профессоромъ, онъ вспомнилъ о мнѣ, прислалъ мнѣ письмо и фотографическую свою карточку, я отвѣтилъ ему тѣмъ же, а затѣмъ онъ вскорѣ скончался.

[1]) М. М. Добротворскій поступилъ въ медицинскую академію, былъ военнымъ докторомъ гдѣ-то въ Сибири. Живъ ли, неизвѣстно. Онъ изъ даровитаго семейства Добротворскихъ, родной братъ знаменитаго И. М. Добротворскаго, бывшаго профессора казанской академіи и казанскаго университета. Мой товарищъ М. М. Добротворскій всегда занималъ въ нашихъ семинарскихъ спискахъ третье мѣсто, подъ этимъ же № окончилъ и семинарскій курсъ.

[2]) П. А. Румянцевъ, 7-й студентъ, по списку, поступилъ сначала, черезъ два или три года, по окончаніи семин. курса, въ кіевскую акад., перешелъ потомъ въ кіевскій университетъ на медицинскій фукультетъ, былъ военнымъ докторомъ, скончался.

[3]) П. Ѳ. Лебедевъ, 14-й нашъ студентъ, человѣкъ замѣчательной энергіи, удивлявшій насъ тѣмъ, какъ онъ готовился къ поступленію въ спб. педагогическій, старый институтъ, въ который и поступилъ. Потомъ, когда институтъ былъ закрытъ (1859 г.), онъ перешелъ въ спб. университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ очень успѣшно, былъ потомъ учителемъ и инспекторомъ петрозаводской гимназіи, вышелъ въ отставку и доселѣ здравствуетъ, живя въ Петрозаводскѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Готовясь къ экзамену для поступленія въ спб. педаг. институтъ, онъ не ходилъ даже обѣдать, въ перерывъ между уроками (12—2 часа дня), все это время употреблялъ на изученіе математики, новыхъ языковъ и др. предметовъ. Ту же энергію онъ обнаруживалъ и въ Петербургѣ, добывая средства для жизни уроками, которыхъ было у него много.

[4]) Н. С. Потоцкій 11-й маг., 1862—1873—препод. тобольской сем., 1873—1877—ея ректоръ, +1877 г.

[5]) А. М. Хитровскій 2-й маг., препод. саратовской сем. до 1867 г., а потомъ самарской, +1869 г.

университетъ: Н. Касаткина [1]) и П. Ив. Покровскаго [2]). Зато 1-е отдѣленіе дало впослѣдствіи двухъ епископовъ, не получившихъ академическаго образованія: Ѳедора Доримедонтовича Счастнева [3]) и Александра Петровича Соболева [4]).

Отказъ мой отъ посылки въ Казанскую Акад. произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Года за 2—3 предъ окончаніемъ сем. курса, я былъ очень напуганъ постигшею меня серьезною болѣзнью дыхательныхъ вѣтвей — сильнѣйшимъ бронхитомъ или даже плевритомъ, задыхался, могъ дышать не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, обращался къ хорошему доктору, который очень меня напугалъ [5]), но потомъ помогъ, а затѣмъ цѣлый годъ я лечился самъ: пилъ парное молоко, морковный сокъ и пр. Когда полегчало, задумали мы съ В. Я. Рожанскимъ, за годъ до окончанія полнаго семинарскаго курса, отправиться на свой счетъ въ Кіевскую Академію, гдѣ былъ профессоромъ его родственникъ (кажется, двоюродный дядя) знаменитый И. М. Скворцовъ. Это предпріятіе особенно сблизило насъ, хотя мы всегда были дружны; В. Я. Р—кій, очень остроумный, веселый, отчасти замѣнялъ мнѣ тогда давняго моего друга Ѳ. Г. Ел., который учился въ другомъ отдѣленіи, да и жилъ тогда не у насъ, а на отдѣльной квар-

---

[1]) Судьба его мнѣ неизвѣстна.

[2]) П. И. Покровскій, шуринъ П. И. Раева († митр. Палладія), окончилъ курсъ въ москов. унив. по мед. фукультету, былъ докторомъ въ Москвѣ, въ одной изъ больницъ. Когда я служилъ въ моск. акад., не разъ бывалъ у него. Сконч.

[3]) Ѳ. Д. Счастневъ, 10-й по списку студ. ниж. сем., въ монашествѣ Евѳимій, нынѣ епископъ Енисейскій и красноярскій (1860 г.—свящ., 1892—протоіерей, 1893—постриж. въ монаш., 1894 — архим. и настоят. Спасо-Преображ. мон. въ г. Арзамасѣ, 1897—вик. еп. новгородсѣверскій, 1898—еп. енисейскій). Здравствуетъ.

[4]) А. П. Соболевъ (по сем. списку 39-й), въ монашествѣ Алексій, былъ епископомъ вологодскимъ. До постриженія въ монашество былъ священникомъ при нижег. Покровской церкви, при которой былъ нѣкогда свящ. и П. И. Раевъ († митр. Палладій). А. П. Соболевъ, очень видный собою и представительный, держалъ себя, будучи священникомъ, съ большимъ тактомъ. Вѣроятно, благодаря этому, да еще митр. Палладію, который былъ его (вмѣстѣ съ Ѳ. Д. Счастневымъ) наставникомъ въ семинаріи, онъ и выдвинулся на такой видный постъ. Сконч.

[5]) Фонъ-Путренъ, главн. докт. Мартыновской городской больницы. Осмотрѣвъ меня, онъ замѣтилъ: „сдѣлаю, что могу“. Изъ этихъ словъ я заключилъ, что мое дѣло плохо. Докторъ приписалъ мнѣ рвотный пластырь, который велѣлъ положить на грудь. Пластырь значительно мнѣ помогъ.

тирѣ. Мой новый другъ написалъ въ Кіевъ письмо и мы съ нетерпѣніемъ ждали на него отвѣта. Отвѣтъ, наконецъ, былъ полученъ, но такой охлаждающій нашъ пылъ, что пропала у насъ всякая охота попытаться счастья, не смотря на мечты, въ особенности мои, о теплой, поэтической Малороссіи. И мы рѣшили терпѣливо ждать полнаго окончанія курса, при чемъ мысль объ академіи меня не покидала, но куда ѣхать, въ какую академію? Казань страшила меня своимъ, какъ мнѣ говорили, болотнымъ климатомъ, а главное, мнѣ сообщили, что зданіе Казанской Академіи имѣетъ амосовское отопленіе, весьма вредное, по своей сухости, для такихъ слабогрудыхъ, какъ я. А потому, предвидя предложеніе ректора о назначеніи меня, въ числѣ другихъ товарищей, въ эту академію на казенный счетъ, рѣшился отказаться отъ этого назначенія и сообщилъ объ этомъ своему другу, при чемъ прибавилъ, что намѣренъ ѣхать черезъ годъ въ Петербургскую Академію и что буду очень радъ, если и онъ поѣдетъ со мною. Петербургъ же, хотя и былъ извѣстенъ мнѣ по своему, тоже болотному климату, но привлекалъ меня, какъ столица; по крайней мѣрѣ, думалъ я, повидаю ее, если суждено мнѣ недолго жить. В. Я. Р—кій отвѣтилъ на мое предложеніе какъ-то уклончиво, или даже совсѣмъ не отвѣтилъ. Во всякомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ онъ началъ вести себя въ отношеніи ко мнѣ довольно двусмысленно [1]). Такъ и окончилась наша дружба; хотя мы остались въ добрыхъ отношеніяхъ, но прежней дружбы уже не было.

Предъ окончаніемъ семинарскаго курса ректоръ архим. Паисій три раза призывалъ меня къ себѣ, настойчиво предлагая отправиться на казенный счетъ въ Казань, но всякій разъ я рѣшительно отказывался отъ этого лестнаго предло-

---

[1]) Въ душѣ, очевидно, онъ рѣшился ѣхать въ Казань, если ему, какъ слѣдующему за мною по списку, сдѣлаютъ это предложеніе, послѣ моего отказа, но прямо этого мнѣ не заявилъ, а я изъ деликатности не хотѣлъ приставать къ нему, вызывать на откровенность. Въ сущности я не имѣлъ ничего противъ его намѣреній, которыя въ послѣднее время началъ подозрѣвать, хорошо понимая, что было бы слишкомъ большою съ его стороны жертвою, въ пользу нашей дружбы и давней мечты о совмѣстномъ обученіи въ академіи, отказаться отъ поѣздки на казенный счетъ въ Казань. Непріятно было одно—недостатокъ откровенности съ его стороны,—откровенности, которой я ждалъ, но такъ и не дождался. Окончили мы курсъ, не проронивъ ни слова о занимавшемъ насъ обоихъ предметѣ.

женія, въ виду слабости здоровья. Тогда онъ призвалъ слѣдующаго за мною по списку В. Я. Р—го, который принялъ предложеніе и блестяще, первымъ магистромъ, окончилъ курсъ въ Казанской Академіи, въ 1862 г.

Мнѣ, однако, очень не хотѣлось ѣхать въ академію одному. Настроенный на совмѣстной съ товарищемъ поѣздкѣ туда и разочарованный въ новой дружбѣ, я вспомнилъ старую,—самаго стараго друга и близкаго родственника, Ѳ. Г. Елеонскаго и увлекъ его за собою. Когда явилась у насъ мысль о совмѣстной поѣздкѣ въ Петербургъ, не помню; вѣроятно тогда, когда я окончательно рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Казань. Въ концѣ концовъ все вышло лучше, чѣмъ можно было ожидать. И случись какъ-либо иначе, С.-Петербургская Академія едва ли получила бы Ѳ. Г. Ел—каго, впослѣдствіи прекраснаго профессора, очень солиднаго и трудолюбиваго ученаго библеиста. По собственной иниціативѣ, онъ едва ли рѣшился бы ѣхать въ академію, да и матеріальныя средства тутъ играли большую роль, а вдвоемъ все казалось какъ-то легче и удобнѣе, наконецъ, и моимъ родителямъ было пріятнѣе отпустить меня въ дальнюю сторону не одного.

Когда ректоръ архим. Паисій въ послѣдній разъ призвалъ меня къ себѣ по дѣлу объ отправкѣ въ Казань и, выслушавъ отъ меня рѣшительный отказъ, спросилъ, что же я намѣренъ дѣлать по окончаніи курса, я заявилъ ему, что черезъ годъ намѣренъ ѣхать въ С.-Петербургскую Академію, даже на свой счетъ, если не удастся на казенный. Въ такомъ случаѣ семинарское правленіе съ удовольствіемъ будетъ рекомендовать васъ въ качествѣ кандидата на казенную вакансію; нужно только подать просьбу о томъ въ канцелярію Оберъ-Прокурора Св. Синода, сказалъ мнѣ ректоръ. То же обѣщаніе дано и Ѳ. Г. Е—му, когда онъ чрезъ нѣсколько времени заявилъ о томъ же.

Конецъ 1858 года провелъ я въ приготовленіяхъ къ поѣздкѣ въ Петербургъ, въ повтореніи пройденнаго семинарскаго курса. Между прочимъ, прочиталъ всю Библію, но почти безъ пользы, больше механически, чтобы прочитать только все и нѣсколько книгъ изъ библіотеки хозяина того дома, въ которомъ мы тогда жили, А. И. Граціанова, бывшаго учителя семинаріи: какой-то словарь церковныхъ писателей, кажется митр. Евгенія, «О ересяхъ и расколахъ въ русской церкви»—Руднева, часть исторіи Карамзина и др. Этотъ годъ принесъ мнѣ

мало пользы—даже для укрѣпленія моего некрѣпкаго здоровья, истомивъ меня ожиданіемъ будущей поѣздки и экзамена, что, при моей нервности, нетерпѣливости и заботливомъ характерѣ, было для меня во многихъ отношеніяхъ далеко не полезно. Гдѣ провелъ этотъ годъ Ѳ. Г. Елеонскій, у насъ ли въ Нижнемъ, или на родинѣ, въ селѣ,—какъ-то вышло изъ памяти. По всей вѣроятности, въ томъ и другомъ мѣстѣ, начало—въ селѣ, вторую же половину года—въ нашемъ семействѣ, въ Нижнемъ.

Въ свое время мы обратились къ преемнику бывшаго нашего ректора, архим. Ювеналію (Карюкову) [1]) съ просьбою рекомендовать насъ въ качествѣ кандидатовъ для поступленія въ Спб. Академію на казенный счетъ, ссылаясь на обѣщаніе его предшественника Паисія. Просьба наша исполнена, но изъ канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода полученъ былъ отказъ, несмотря на отличную рекомендацію данную намъ со стороны семинарскаго начальства. Другого исхода—нельзя было и ожидать послѣ Высочайшаго посѣщенія нашей семинаріи 21 авг. 1858 г. Тогда мы рѣшились ѣхать на свой счетъ «волонтерами».

По полученіи изъ врачебной управы свидѣтельства о состояніи нашего здоровья, предъ отправленіемъ въ Петербургъ, мы явились къ пр. Антонію принять благословеніе. Меня онъ принялъ благосклонно, но не такъ отнесся къ моему товарищу, Ѳ. Г. Ел., давъ ему понять, въ рѣзкихъ, неделикатныхъ выраженіяхъ, покоробившихъ меня, что считаетъ его претензію на полученіе академическаго образованія неосновательной [2]). А между тѣмъ, при поступленіи въ академію, какъ увидимъ впослѣдствіи, вышло какъ разъ наоборотъ. Прославленный [3]) въ семинаріи ученикъ чуть не провалился на пріем-

---

[1]) Іером. Ювеналій (Карюковъ) екатериносл., послѣдній, 30-й магистръ кіевск. акад. XII к. (1845), 1851—инсп. кишинев. сем., 1858—ректор. нижегор. сем., 1968—вик. еп. михайловскій, 1871—еп. архангел., 1877—орловскій, †1882 г.

[2]) Помнится, обращаясь къ Ѳ. Г., онъ спросилъ: „и ты туда же"?.. Въ этихъ словахъ хорошо обрисовался характеръ личности этого пресвященнаго.

[3]) Таково было обо мнѣ мнѣніе семинарскаго начальства, преподавателей и моихъ товарищей, которые охотно признавали мое первенство, но только у нихъ закрадывалось сомнѣніе (замѣчательная черта времени!), дѣйствительно ли я человѣкъ очень дѣльный,—на томъ осно-

номъ экзаменѣ въ Петербургской Академіи, а менѣе славившійся по семинаріи, но даровитый и трудолюбивый ея питомецъ принятъ въ академію довольно высоко по экзаменскому списку.

Эту главу моихъ воспоминаній не могу закончить иначе, чѣмъ и первую. Считаю счастьемъ для себя и моихъ товарищей, что мы учились въ Нижегородской духовной семинаріи, въ старыя добрыя времена. Учились мы при старой, далеко несовершенной программѣ и при старыхъ методахъ преподаванія, дававшихъ намъ много простора для самодѣятельности, при хорошихъ въ общемъ преподавателяхъ и при сильномъ на насъ вліяніи лицъ, стоявшихъ во главѣ мѣстной администраціи (пр. Іаковъ, пр. Іеремія, ректоръ архим. Аполлоній,— первый и послѣдній оставили по себѣ жившія и въ наше время традиціи), наконецъ при воздѣйствіи на насъ прекрасной природы родного города, помогавшей нашему саморазвитію. Учебная программа 1840 года не помѣщала тому, чтобы изъ Нижегородской семинаріи этого періода времени (1840—1867 г. до введенія новаго устава дух. сем.) вышло очень много видныхъ, даже выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ служенія церкви, отечеству и наукѣ [1]). Стало быть,

---

ваніи, что не пью вина. „Всѣмъ бы хорошъ нашъ первакъ, говорили они, да только отъ чего онъ не пьетъ“? Очевидно, я не совсѣмъ подходилъ къ тогдашнему семинарскому идеалу.

[1]) Полный перечень ихъ можно читать въ „Кр. истор. пам. зап. ниж. сем.“ А. Тихова (стр. 70—76). Здѣсь мы упоминаемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, не касаясь ни тѣхъ, которые учились въ семинаріи до 1840 г., ни тѣхъ, которые окончили въ ней курсъ послѣ 1867 г. Перечисляемъ ихъ по порядку семинарскихъ курсовъ. *1842* года: прот. *А. П. Владимірскій* (1-й маг. I курса казан. академіи), проф. казан. унив. и ректоръ казан. академіи въ теченіе 25 лѣтъ (1871—1896); *1848*—первые студенты семинаріи: *Н. И. Глоріантовъ* (2-й маг. спб. акад.) и прекрасный ея проф. физики, прот. *П. А. Матвѣевскій*, извѣстный многочисленными и цѣнными богословско-литературными трудами, *П. И. Раевъ* († спб. митр.), *И. Я. Охотинъ* († пр. Іустинъ, архіеп. херсонскій); *1850*—*М. И. Лузинъ* († пр. Михаилъ, еп. курскій), выдающійся проф. моск. акад. и ректор. кіевской, авторъ многихъ замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ (противъ Ренана, Толковое Еванг. и др.), *Л. П. Полетаевъ* (пр. омскій Григорій) 1-й маг. казанской акад., а потомъ долгое время, 13 лѣтъ, ея проф. по Св. Пис., *1852*—*И. М. Добротворскій* (1-й маг.), знаменитый проф. казан. академіи по расколу, проф. и деканъ каз. унив., *А. И. Лиловъ* (2-й маг.), бакалавръ казан. акад., выдающійся преподаватель психологіи и палеографіи, 20 лѣтъ потомъ служившій по Мин. Нар. Пр. на Кавказѣ;

дѣло не столько въ программѣ, сколько въ личностяхъ ее выполняющихъ. Удачный выборъ лицъ, въ особенности начальствующихъ и бережное, къ достойнѣйшимъ изъ нихъ, отношеніе часто спасаютъ все учебно-педагогическое дѣло, въ противномъ же случаѣ его губятъ.

Н. А. Виноградовъ, конкуррентъ И. М. Д—го по успѣхамъ, изъ богосл. класса вышедшій (1851 г.) въ казанскій унив., его проф. и знаменитый по всей Волгѣ докторъ (казанскій Боткинъ); *1856—П. В. Знаменскій*, знаменитый проф. казанской акад., ея историкъ и авторъ многихъ капитальныхъ трудовъ; *1858—А. Л. Катанскій*, *Ѳ. Г. Елеонскій*,—засл. проф. спб. акад. *В. Я. Рожанскій*, бакк. казан. акад., *Ап. Ив. Смирновъ*, проф. казан. унив.; *1864—В. А. Снегиревъ*, извѣстный проф. казан. акад. по психол., читавшій лекціи и въ казан. унив., *Я. А. Богородскій*, заслуж. проф. казан. акад. по библейской исторіи. Сюда же можно причислить и воспит. нижегор. сем. 1846 г. прот. *В. И. Вербицкаго*, извѣстнаго алтайскаго миссіонера, просвѣтившаго до 2100 инородцевъ св. крещеніемъ († 1890), родственника и продолжателя еще болѣе извѣстнаго миссіонера *С. В. Ландышева*, также изъ питомцевъ нижег. сем. (въ 1836 г. онъ вышелъ изъ философскаго класса; въ 1843 выдержалъ экзаменъ на студента сем.). Скончъ. 1882 г.

III. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи: XXV-й курсъ 1859—1863 г.

ОТЪѢЗДЪ изъ Нижняго Новгорода въ Петербургъ имѣлъ для меня большее значеніе, чѣмъ для другихъ, въ томъ числѣ и для моего спутника, Ѳ. Г. Елеонскаго. Это былъ рѣшительный переломъ, крутой поворотъ въ моей личной жизни. Жившій доселѣ, со временъ младенчества, въ семействѣ, да еще очень замкнутомъ, не испытавшій жизни среди чужихъ, я чувствовалъ себя беззащитнымъ птенцомъ, выпавшимъ изъ родного гнѣзда. Другіе мои товарищи, оставлявшіе родительскіе домы на цѣлые учебные годы, для ученья въ училищѣ и семинаріи, не могли и наполовину чувствовать того, что переживалъ *я*. Неудивительна поэтому моя растерянность и нервность, сопутствовавшія мнѣ во все время нашего путешествія и еще болѣе усилившіяся по пріѣздѣ въ холодный во всѣхъ смыслахъ Петербургъ, всего менѣе способный успокоительно и живительно подѣйствовать на взбудораженные нервы и захолодѣвшее сердце.

Трогательно простившись съ родителями, родными и прекраснымъ Нижнимъ Новгородомъ, поѣхали мы, въ началѣ августа 1859 г., на Самолетскомъ пароходѣ, вверхъ по Волгѣ на Ярославль, такъ какъ нижегородской дороги тогда еще не было; она только что начинала строиться. На этомъ пароходѣ, совершенно неожиданно, оказался у насъ еще спутникъ, студентъ пермской семинаріи, ѣхавшій также въ Петербургскую Академію и такъ же, какъ и мы, волонтеромъ—А. Е. Адріановскій. Пріѣхали мы въ Ярославль рано утромъ, на очень короткое время остановились въ общей залѣ одной весьма видной, едва ли не самой лучшей гостинницы этого города,—родины и разсадника русскихъ трактирщиковъ и трактировъ.

Здѣсь, въ этой гостинницѣ (Пастухова) мы поражены были множествомъ сборщиковъ и сборщицъ, въ особенности монаховъ и монахинь, пристававшихъ въ общей залѣ къ посѣтителямъ съ просьбами о пожертвованіи. Хотя мы и привыкли въ своемъ Нижнемъ, въ особенности во время ярмарки, къ этому зрѣлищу, но слишкомъ большое количество сборщиковъ, да еще монашествующихъ, и притомъ раннимъ утромъ, показалось намъ все-таки необычайнымъ. Напившись чаю, отправились отыскивать контору экипажей частнаго общества «Общественная Польза», на которую указали намъ на пароходѣ. Въ одномъ изъ дилижансовъ этого общества и пришлось намъ ѣхать въ Москву, такъ какъ и ярославской желѣзной дороги тогда еще не было, не было желѣзнаго пути и на участкѣ отъ Троице-Сергіева Посада до Москвы. На этомъ участкѣ желѣзная дорога открыта была года черезъ два (вѣроятно въ 1861—1862 г.), гораздо ранѣе устройства полной линіи московско-ярославской желѣзной дороги. Ѣхали мы въ дилижансѣ, отъ Ярославля до Москвы, около двухъ сутокъ (240 верстъ) чрезъ Ростовъ, Переяславль, Троице-Сергіевъ Посадъ. Когда мы пріѣхали въ Посадъ, несмотря на короткое время остановки, успѣли однако посѣтить соборъ, гдѣ покоятся мощи преп. Сергія и посмотрѣть на Московскую Духовную Академію, заглянули даже въ студенческія комнаты.

Пріѣхали мы въ Москву наканунѣ праздника Преображенія Господня, въ прекрасный ясный день, остановились на краю города на какомъ-то плохенькомъ постояломъ дворѣ и, конечно, сейчасъ же отправились въ московскій Кремль, приведшій насъ въ восторгъ. Тамъ готовился крестный ходъ; время было уже къ вечеру, началась всенощная. Дивный видъ на Замоскворѣчье и затѣмъ выложенная гладкими плитами, точно въ храмѣ, площадь Кремля, окруженная величественными древними соборами, украшенная хоругвями крестнаго хода и оживленная собравшимся народомъ, представляла картину, полную поразительнаго великолѣпія и умилительной красоты. Да и вся Москва крайне намъ понравилась, и неудивительно, такъ какъ, въ обширныхъ размѣрахъ, она напоминала намъ нашъ родной городъ и если не отличалась такимъ выдающимся мѣстоположеніемъ, какъ Нижній, за то говорила сердцу очень много своимъ несравненнымъ ни съ чѣмъ Кремлемъ, своими многочисленными древними памятни-

ками и церквами и чисто-русскимъ характеромъ. Мягкій ея климатъ, гораздо лучшій нижегородскаго, также подкупалъ въ ея пользу. Не такое впечатлѣніе произвелъ на насъ Петербургъ.

Туда мы отправились уже по желѣзной дорогѣ. И хотя пассажирскіе поѣзда ходили тогда отъ Москвы до Петербурга ровно 30 часовъ, но эта, по нынѣшнему времени крайне медленная, ѣзда показалась намъ тогда, послѣ ѣзды въ дилижансѣ, необычайно быстрой. Такое впечатлѣніе нѣсколько ослаблялось только слишкомъ продолжительнымъ стояньемъ поѣзда на каждой изъ многочисленныхъ станцій, обыкновенно не менѣе 10 минутъ на самой незначительной станціи и не менѣе получаса, а то и цѣлый часъ—на большой [1]). Кондукторами были тогда солдаты въ киверахъ, да и все управленіе желѣзной дороги было военное; съ пассажирами не церемонились, а пріучали ихъ къ военной субординаціи: особенно, помнится, грозно держали себя кассиры, вселяя трепетъ въ пассажировъ, подходящихъ за билетами къ ихъ рѣшеткѣ. Для проѣзда по желѣзной дорогѣ выдали намъ билеты, не нынѣшніе маленькіе, а большіе длинные листики, съ обозначеніемъ всѣхъ многочисленныхъ до Петербурга станцій и съ выставленною противъ каждой — цѣною проѣзда до нея, отъ Москвы.

Пріѣхали въ Петербургъ подвечеръ. Здѣсь насъ встрѣтило сѣрое, свинцовое небо и слегка моросящій дождь. Самое первое впечатлѣніе получилось непріятное, какъ разъ противоположное тому, какое произвела на насъ Москва. Повѣяло холодомъ, пахнуло какимъ-то нерусскимъ духомъ, и народъ оказался какимъ-то особеннымъ, далеко не такимъ благодушнымъ, какъ москвичи, сумрачнымъ, чѣмъ-то озабоченнымъ, быстро куда-то бѣгущимъ. Словомъ, невольно сжалось сердце и захотѣлось поскорѣе бѣжать изъ этого несимпатичнаго города. Не предчувствовалъ я тогда, что придется прожить въ немъ болѣе двухъ третей жизни и навсегда въ немъ поселиться.

---

[1]) Когда пріѣхали на станцію Тверь, мы поражены были возгласомъ кондуктора: „станція Тверь, берегите карманы“. Такое предупрежденіе пассажировъ относительно этой станціи приходилось слышать долго (до 70-хъ годовъ) и въ послѣдующіе годы ѣзды по Николаевской желѣзной дорогѣ.

При переѣздѣ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ городъ случилось съ нами курьезное приключеніе. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, въ какой части города находится Академія и по-нижегородски предполагая, что она всѣмъ здѣсь извѣстна [1]), мы велѣли извозчику вести насъ въ Духовную Академію. Помнится, извозчикъ сначала какъ-то замялся,—на что мы тогда не обратили никакого вниманія,—а потомъ быстро сообразивъ, что мы пріѣзжіе, попали въ Петербургъ въ первый разъ, отвѣтилъ, что онъ знаетъ, гдѣ находится Духовная Академія и повезъ насъ какъ разъ въ противоположную сторону—къ Казанскому Собору. Затѣмъ, когда привезъ насъ къ гостиницѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, противъ Казанскаго Собора, на нашъ вопросъ, гдѣ же находится Академія, рѣшительно махнулъ рукой по направленію собора и отвѣтилъ только: «тамъ». Въ добавокъ, въ наказаніе за нашу неопытность и за то, что мы не условились на счетъ платы за провозъ (воображали почему-то, что въ Петербургѣ есть такса для извозчиковъ) содралъ 1 р. съ насъ (а другой извозчикъ еще 1 р. съ нашего спутника)—за это небольшое пространство. Отъ корридорнаго гостинницы мы потомъ узнали, что въ Петербургѣ есть двѣ духовныя академіи, одна на Васильевскомъ островѣ (римско-католическая), а другая за Александро-Невскою Лаврою (православная). Занявъ номеръ въ гостинницѣ, мы остановились здѣсь втроемъ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ нашимъ, начиная съ парохода, спутникомъ А. Е. Ад—мъ и провели первые сутки въ Петербургѣ. Нашъ компаньонъ былъ чрезвычайно радъ, что попалъ въ столицу [2]),

---

[1]) Потомъ мы имѣли много случаевъ убѣдиться, что въ Петербургѣ въ тогдашнее время очень мало знали нашу Академію не только извозчики, но даже и свѣтскіе образованные люди и смѣшивали ее по большей части съ духовной консисторіей, а иные—съ духовной семинаріей. Большая ея извѣстность началась съ 1869 г., когда начали печатать о ней въ свѣтскихъ газетахъ, по поводу диспутовъ, годичныхъ актовъ и т. п.

[2]) Какъ только мы вошли въ номеръ гостинницы, онъ развеселилъ насъ однимъ очень наивнымъ замѣчаніемъ. Увидѣвъ въ занятомъ нами номерѣ кошку, онъ воскликнулъ: „а знаете что, братцы: вѣдь это кошка столичная“! Вѣроятно, думалъ онъ, при этомъ: вотъ сколько сотъ верстъ пришлось мнѣ проѣхать, чтобы попасть изъ Екатеринбурга въ Петербургъ, а это животное со дня своего рожденія пользуется благами столичной жизни и есть воистину коренной столичный житель.

съ границы Сибири, изъ Екатеринбурга. Меня же, какъ сказано, она совѣмъ не привела въ восторгъ. Если что въ ней понравилось и пріятно поразило, то это обиліе памятниковъ, статуй и другихъ произведеній искусства, вродѣ группъ на Аничковскомъ мосту.

Впрочемъ, все это мы успѣли разсмотрѣть только въ слѣдующіе дни, а на другой день по пріѣздѣ первымъ дѣломъ, конечно, поспѣшили въ Академію, предъявили въ ней свои билеты, а затѣмъ отправились отыскивать для себя на время экзаменовъ болѣе дешевое помѣщеніе [1]). Въ качествѣ волонтеровъ мы не имѣли права пользоваться помѣщеніемъ въ зданіи академіи; это была привиллегія студентовъ, присланныхъ изъ духовныхъ семинарій на казенный счетъ.

Прежде всего мы отправились въ слободку, помѣщающуюся за Обводнымъ Каналомъ, какъ разъ противъ Академіи. Туда направили насъ окончившіе въ томъ году академическій курсъ (XXIII) и жившіе въ академіи, въ ожиданіи назначеній на мѣста. Эта слободка была обычнымъ мѣстопребываніемъ волонтеровъ, пріѣзжающихъ держать экзаменъ для поступленія въ Академію. Но мы почему-то не нашли въ ней подходящаго для насъ помѣщенія [2]) и рѣшились искать его въ самомъ го-

---

[1]) Хотя гостинница, въ которой мы принуждены были остановиться, далеко не принадлежала къ числу перворазрядныхъ, но все-таки она была намъ не по карману, въ особенности мнѣ съ Ѳ. Г. Ел—мъ. Нашъ спутникъ былъ гораздо богаче насъ. Мой небогатый родитель снабдилъ меня деньгами въ очень небольшомъ количествѣ. И безъ того пришлось много издержать на наше путешествіе, да предстоялъ еще взносъ на первоначальное обмундированіе (34 р. 28 к.) съ каждаго волонтера, принятаго на казенное содержаніе. Полная плата принятаго въ академію, но на своемъ содержаніи, т. е. пансіонера, была тогда 143 р. 16 к. въ годъ. Какъ устроились денежныя дѣла Ѳ. Г. Ел—го, совсѣмъ не помню. Вѣроятно, мой дѣдъ собралъ послѣдніе крохи для своего послѣдняго сына; да и мой родитель, безъ сомнѣнія, не отказался помочь, насколько могъ, своему младшему брату.

[2]) На одной изъ осмотрѣнныхъ нами квартиръ квартирная хозяйка, узнавъ, что мы нижегородцы, сообщила намъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ у нея жилъ также нижегородецъ, который такъ же, какъ и мы, пріѣхалъ въ Академію, но что-то ему здѣсь не повезло, и онъ перешелъ на Васильевскій Островъ. Мы сейчасъ же догадались, что это былъ нашъ землякъ Н. А. Добролюбовъ, поступившій въ Педагогическій Институтъ. Когда мы назвали ей фамилію, она подтвердила нашу догадку. Это было несомнѣнно въ 1853 г., такъ какъ въ этомъ именно году Н. А. Доб—въ поступилъ въ Педагогическій Институтъ, который и окончилъ въ 1857 г.

родѣ, гдѣ и нашли въ одной третьеразрядной гостинницѣ («Ярославль»), помѣщавшейся по Гончарной улицѣ, совершенно рядомъ съ вокзаломъ Николаевской жел. дороги. Питались здѣсь очень плохо, прибѣгая больше къ сухояденію, да чаю съ булками. Поразила насъ вода, которую подавали намъ для чая. Въ чайникѣ съ кипяткомъ оказывался всегда очень толстый слой грязи (не песку, или извести, а именно грязи). На вопросъ нашъ, отъ чего это зависитъ, намъ отвѣчали, что они берутъ воду изъ Лиговскаго канала, который протекалъ мимо вокзала и шелъ чрезъ всю Лиговскую улицу, по направленію къ Таврическому саду. Тогда вода не была еще проведена въ дома и ее возили бочками [1]). Поэтому-то

Слѣдовательно, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не окончивъ полнаго семинарскаго курса, хотя его біографы и утверждаютъ, будто онъ его окончилъ. Полный семинарскій курсъ онъ могъ окончить только въ слѣдующемъ 1854 г., въ которомъ окончили семинарію семинарскіе его товарищи (В. В. Лаврскій и В. И. Соколовъ), посланные на казенный счетъ, въ томъ же 1854 г., въ казанскую академію и окончившіе ее въ 1858 г. Дѣло въ томъ, что годы окончанія курсовъ въ нижег. сем., какъ и въ другихъ семинаріяхъ казанскаго и московскаго академическихъ округовъ, были тогда только четные (вѣдь, не нужно забывать, что каждый курсъ продолжался два года), тогда какъ въ семинаріяхъ петерб. и кіевскаго округовъ — годы эти были нечетные. Одинъ только семинарскій товарищъ Доб—ва И. Г. Журавлевъ поступилъ въ спб. академію въ 1853 г., гдѣ и окончилъ въ составѣ XXII к. въ 1857 г. (послѣднимъ кандидатомъ 33, за очень плохое, какъ мы слышали, поведеніе). Онъ пріѣхалъ также за годъ до окончанія сем. курса, былъ посланъ въ спб. Академію на казенный счетъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и Н. А. Д—въ, но на свой счетъ. По наведеннымъ нами справкамъ у нижегород. его родственниковъ, дѣло было такъ. Н. А. стремился собственно въ университетъ, но этого не желалъ его отецъ, а потому онъ избралъ спб. Акад. Пріѣхавъ въ СПБ., остановился на частной квартирѣ, очевидно въ осмотрѣнной нами слободкѣ, а Жур—въ, какъ казеннокоштный, въ акад. зданіи. На квартирѣ „отъ студентовъ“ онъ узналъ, что одновременно (съ 17 авг.) производятся пріемные экзамены въ Педаг. Институт., что поступить туда пожалуй даже легче, чѣмъ въ академію, что институтъ есть высшее учебное заведеніе, не хуже университета, съ полнымъ казеннымъ содержаніемъ. Онъ и рѣшился попробовать держать тамъ экзамены. Къ нимъ онъ допущенъ былъ безъ документовъ, а на экзамены въ академію пока не ходилъ, сказавшись больнымъ. По выдержаніи экзаменовъ въ Инст., началъ онъ хлопотать о полученіи документовъ изъ академіи. Въ Педагог. Институтъ поступилъ онъ на полное казенное содержаніе, 17-ти только лѣтъ отъ роду.

[1]) Къ работамъ по устройству въ СПБ. водопровода, какъ оказывается по наведеннымъ справкамъ, приступили только въ 1859 г., т. е.

въ нашей скромной гостиницѣ считали роскошью давать для чая невскую воду, да еще жильцамъ такого невысокаго полета, какъ бѣдные пріѣзжіе студенты. Другимъ жильцамъ и почетнымъ посѣтителямъ, можетъ быть, ее и давали.

До наступленія экзаменовъ знакомились съ Петербургомъ, съ замѣчательными его зданіями, дворцами, соборами, памятниками, наконецъ улицами и Невою. Запуганные, еще въ Нижнемъ, разсказами о холодной петербургской погодѣ, мы ходили по Петербургу въ шубахъ, даже и въ выпадавшіе тогда ясные, теплые августовскіе дни, такъ что возлѣ Казанскаго собора обратили на себя вниманіе одного тамошняго священника. Сразу признавъ въ насъ пріѣзжихъ семинаристовъ. онъ добродушно посмѣялся надъ нами, а въ заключеніе просилъ бывать у него, чего мы, впрочемъ, почему-то ни разу не сдѣлали. 30 августа, въ день св. Александра Невскаго, любовались необыкновенно пышною процессіею въѣзда всей Царской Фамиліи въ Александро-Невскую Лавру. Изъ Зимняго Дворца, по Невскому проспекту, слѣдовалъ рядъ золотыхъ каретъ въ сопровожденіи конвоя не только изъ казаковъ, но и изъ осетинъ, абхазцевъ, гурійцевъ и другихъ кавказскихъ народностей,—въ своеобразныхъ одеждахъ, въ металлическихъ шлемахъ и какихъ-то кольчугахъ. Въ золотыхъ каретахъ сидѣли Дамы Императорской Фамиліи и ихъ свита, Государь же Императоръ съ Великими Князьями и свитою слѣдовали на коняхъ. Помнится, такія процессіи въ этотъ день повторялись и въ слѣдующіе два, три года, а потомъ съ наступленіемъ смутнаго времени (польскаго возстанія 1862—1863 г.) прекратились.

Начались наконецъ экзамены. На экзаменъ явилось 67 человѣкъ: 30 присланныхъ на казенный счетъ и 37 волонтеровъ. Такое большое количество волонтеровъ, какъ тогда говорили, было явленіемъ до тѣхъ поръ, въ Петербургской Академіи, небывалымъ. Особенно много было ихъ изъ петербургской семинаріи: кромѣ 5 казеннокоштныхъ (слишкомъ большой процентъ на 30 казеннокошныхъ вакансій для воспитанниковъ всѣхъ другихъ семинарій) [1]), еще 7 человѣкъ волонтеровъ, такъ что

въ годъ нашего пріѣзда въ Петербургъ. Но первоначальныя работы оказались неудачными и водопроводъ былъ перестроенъ въ 60-хъ годахъ. Въ зарѣчныхъ же частяхъ города водопроводъ устроенъ только въ 1874—75 г.

[1]) Вѣроятно, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тогдашнимъ ректоромъ спб. Академіи оказался архим. Нектарій (Надеждинъ),

почти весь первый разрядъ окончившихъ въ спб. семинаріи изъявилъ желаніе поступить въ академію.

Изъ петербуржцевъ обращалъ на себя вниманіе своею бойкостью и говорливостью Н. И. Барсовъ. Изъ иногородныхъ: іером. Владиміръ (Никольскій † еписк. нижегор.) [1]) своею солидностью, замѣчательнымъ спокойствіемъ, тактомъ и сравнительно съ нами немолодымъ уже возрастомъ, и М. И. Владиславлевъ († ректоръ спб. университета) своею массивною фигурою, умнымъ лицемъ и циркулировавшими между нами слухами объ его выдающихся дарованіяхъ, хотя онъ окончилъ новгородскую семинарію вторымъ студентомъ. Мысленно я тогда же намѣтилъ его въ первенцы нашего курса, въ чемъ и не ошибся [2]), хотя онъ принятъ былъ не въ числѣ первыхъ. Онъ не окончилъ академію вмѣстѣ съ нами, а долженъ былъ по обстоятельствамъ (см. ниже) оставить ее и перейти въ университетъ.

Экзаменовали насъ по всѣмъ предметамъ, которые мы изучали въ семинаріи, исключая, конечно, сельское хозяйство, естественныя науки и медицину. Экзамены происходили въ

только что переведенный (15 мая 1859 г.) изъ ректоровъ спб. семинаріи и потому содѣйствовавшій назначенію изъ бывшихъ своихъ воспитанниковъ большаго количества вызываемыхъ на казенный счетъ. А, можетъ быть, это зависѣло отъ того, что духовно-учебное управленіе хотѣло дать мѣсто большему количеству воспитанниковъ, уроженцевъ нашихъ западныхъ губерній, нарочно вызванныхъ, какъ мы слышали, въ спб. семинарію для окончанія въ ней курса, въ надеждѣ, что они будутъ потомъ, по окончаніи академіи, полезными дѣятелями въ нашемъ Западномъ краѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя, кажется, отрицать у ректора Нектарія нѣкотораго радѣнія въ отношеніи къ бывшимъ его воспитанникамъ, что выразилось, какъ увидимъ далѣе, въ занятіи исключительно ими первыхъ шести мѣстъ въ пріемномъ спискѣ.

[1]) Василій Степановичъ Никольскій (въ мон. Владиміръ), курскій уроженецъ, род. 1829 г., окончилъ курскую сем. 1851 г., былъ свящ. въ херсонской епархіи, 1857 г. принялъ монашество, слѣдовательно онъ былъ старше каждаго изъ насъ пѣтъ на 7, 8 и болѣе. (П. В. Знаменскій—„Истор. казан. акад. т. I, стр. 247).

[2]) Принятъ онъ былъ подъ № 8, но черезъ два года, при переходѣ на старшій курсъ, судя по балламъ, онъ долженъ былъ занять первое мѣсто. Составлялись ли тогда списки, до окончанія полнаго академическаго курса, неизвѣстно. Въ архивѣ мы не нашли ихъ. Видѣли только алфавитный списокъ съ отмѣтками балловъ по наукамъ и сочиненіямъ и общій итогъ ихъ по тѣмъ и другимъ за 1859—1861. Списокъ этотъ писанъ рукою тогдашняго секретаря правл., проф. Е. И. Ловягина.

залѣ публичныхъ собраній, одновременно по нѣсколькимъ предметамъ, тремъ—четыремъ въ день, и продолжались не менѣе 4 дней. Въ разныхъ мѣстахъ зала поставлены были столы, предъ которыми сидѣли профессоры и баккалавры академіи, преподаватели разныхъ наукъ. За главнымъ столомъ, посрединѣ зала, сидѣлъ ректоръ академіи, тогда еще архим., Нектарій (Надеждинъ), экзаменовавшій по догматическому богословію и нѣкоторымъ другимъ богословскимъ предметамъ.

Пріемные экзамены какъ-то совершенно вышли изъ памяти. Помню экзамены только по двумъ предметамъ—по математикѣ и по русской церковной исторіи. По математикѣ экзаменовалъ Е. И. Ловягинъ, въ то время уже ордин. профессоръ. Отвѣчалъ ему плохо; не умѣлъ рѣшить какой-то нетрудной задачи по алгебрѣ. По русской церковной исторіи экзаменаторомъ былъ баккалавръ М. О. Кояловичъ. Онъ спросилъ меня о Лихудахъ. Отвѣтилъ въ общемъ удовлетворительно, ошибся только въ хронологіи, въ опредѣленіи вѣка ихъ жизни. Тутъ-то я вспомнилъ тотъ словарь церковныхъ писателей, который прочелъ въ годъ своего отдыха, послѣ окончанія семинарскаго курса, и подумалъ, что могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, если бы ограничился учебникомъ русской церковной исторіи Муравьева, въ которомъ о Лихудахъ не было и помина.

Кромѣ устныхъ экзаменовъ были еще письменные. Задано было намъ написать четыре сочиненія, три—на русскомъ языкѣ (въ томъ числѣ, помнится, одна проповѣдь) и одно—на латинскомъ. Темъ не помню. Помню только одну: Іоан. I, 16—17: и отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать... Тема эта была дана ректоромъ.

Устные экзамены сошли для меня благополучно. Судя по отмѣткамъ балловъ въ табели и по общему изъ нихъ выводу, мои отвѣты по всѣмъ предметамъ оказались болѣе, чѣмъ удовлетворительными, но за то, чего никогда не бывало со мною ни раньше, ни позже, мои сочиненія, въ которыхъ я всегда былъ сильнѣе, чѣмъ въ устныхъ отвѣтахъ, оказались на сей разъ очень плохими, и по моему собственному сознанію. Зависѣло это отъ того, что во время экзаменовъ, случилось со мною что-то вродѣ нервнаго разстройства [1]), которое мѣшало

[1]) Причинъ нервнаго растройства было много: кромѣ природной нервности, слишкомъ долгое, въ теченіе цѣлаго года, ожиданіе экзамена,

мнѣ сосредоточивать свое вниманіе на темахъ и спокойно развивать и излагать приходящія въ голову мысли, вмѣсто чего я нервничалъ и думалъ не о предметѣ сочиненія, а о своемъ душевномъ состояніи и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ хуже себя чувствовалъ [1]). Словомъ, мнѣ слѣдовало полечиться, а не держать экзамены. Между тѣмъ, какъ оказалось потомъ, при пріемѣ въ академію, принимались во вниманіе главнымъ образомъ сочиненія. Результатомъ было то, что меня приняли въ академію на казенное содержаніе въ числѣ послѣднихъ по списку. Судьбу мою, впрочемъ, раздѣлилъ и Т. В. Барсовъ, присланный на казенный счетъ изъ смоленской семинаріи, окончившій въ нашемъ XXV курсѣ первымъ магистромъ и, какъ увидимъ далѣе, счастливый мой конкуррентъ на баккалаврство при С.-Петербургской Академіи, по окончаніи въ ней курса. Онъ также принятъ былъ очень низко по списку, недалеко отъ меня. Ѳ. Г. Елеонскій принятъ былъ, сравнительно съ нами, очень высоко. Какъ человѣкъ совсѣмъ другого темперамента, спокойнаго, ровнаго характера, да и болѣе крѣпкаго, чѣмъ мое здоровье, онъ написалъ сочиненіе гораздо лучше, чѣмъ я, почему и принятъ гораздо выше [2]).

совершенная новость обстановки, въ соединеніи съ непривычнымъ житьемъ въ гостинницѣ и плохимъ питаніемъ, холодная официальность Петербурга, а главное—опасеніе не удовлетворить ожиданіямъ родной семинаріи, которая привыкла къ блестящему пріему своихъ воспитанниковъ во всѣхъ академіяхъ и въ особенности казанской, въ которой воспитанники нижегор. семинаріи принимаемы были по экзаменскимъ спискамъ по большей части подъ первыми №№, какъ было и съ моими товарищами (Хитровскимъ и Рожанскимъ), за которыхъ получена была семинаріею даже благодарность отъ академіи, въ прошломъ 1858 г., что было тогда мнѣ уже извѣстно.

[1]) Въ особенности почувствовалъ себя плохо и былъ близокъ даже къ обмороку во время составленія одного изъ сочиненій, которыя мы писали въ залѣ академіи. Этотъ случай сдѣлалъ для меня памятнымъ и мѣсто, гдѣ мы писали сочиненія, подъ наблюденіемъ тогдашняго помощника инспектора, баккалавра И. Ѳ. Нильскаго. Кстати, мы приняли его тогда за профессора, довольно уже долго прослужившаго въ академіи,—благодаря его солидной, немоложавой наружности и важной осанкѣ. Между тѣмъ онъ былъ тогда младшимъ изъ баккалавровъ, только 2 года тому назадъ окончившимъ курсъ академіи (1857 г.).

[2]) Ѳ. Г. Ел—ій принятъ подъ № 16, Т. В. Барсовъ подъ № 33, я подъ № 39. Что принимали во вниманіе главнымъ образомъ баллы, полученные по сочиненіямъ, вотъ несомнѣнное тому доказательство. *Общій* баллъ, по устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ, былъ у А. Катанскаго

Первыя шесть мѣстъ въ пріемномъ спискѣ, къ нашему удивленію, заняли исключительно воспитанники с.-петербургской семинаріи [1]). Четверо изъ присланныхъ различными семинаріями на казенный счетъ не были приняты на казенное содержаніе.

Нашъ курсъ въ началѣ былъ очень большой. Кромѣ принятыхъ на казенное содержаніе, у насъ, едва ли не въ первый разъ въ исторіи академіи, явились въ большомъ количествѣ своекоштные студенты. Къ *концу перваго учебнаго года* 1859—1860 ихъ было 13 человѣкъ [2]), да еще 7 вольнослушателей изъ бурятъ, воспитанниковъ иркутской семинаріи, присланныхъ въ Петербургъ для изученія монгольскаго языка, съ тѣмъ, чтобы они, въ свободное отъ занятій монгольскимъ языкомъ время, слушали академическія лекціи въ качествѣ

177½, у Ѳ. Г. Елеонскаго 176½, у Т. В. Барсова 169½. По сочиненіямъ же Ѳ. Г. Ел. имѣлъ, противъ меня, больше на 5 бал., противъ Т. В. Б.— на 3½. Отсюда и вышла такая громадная разница въ мѣстахъ, которыя мы заняли въ спискѣ. Система тогда была десяти-бальная: 10 былъ высшій балъ.

[1]) Вотъ эти первые шесть студентовъ: казеннокоштные — Николай Барсовъ, Константинъ Нѣмшевичъ, Діомидъ Пѣтуховичъ, Василій Поповъ Михаилъ Родевичъ, Флоръ Абрамовичъ (волонтеръ). Изъ нихъ академическій курсъ окончили только двое: Н. И. Барсовъ (3-й маг.) и В. Е. Поповъ (28-й канд. нашего XXV курса, сынъ извѣстнаго прот. Е. И. Попова, настоятеля нашей посольской церкви въ Лондонѣ). Изъ остальныхъ 4-хъ К. Нѣмшевичъ, наиболѣе даровитый изъ всѣхъ петербуржцевъ, и М. Родевичъ перешли въ университетъ, Д. Пѣтуховичъ, поражавшій насъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ при писаніи сочиненій (около него обыкновенно лежали груды исписанной бумаги), вдругъ, въ концѣ учебнаго года, совершенно неожиданно, куда-то изчезъ и очутился, какъ мы слышали, въ какой-то загадочной обстановкѣ, не имѣвшей, впрочемъ, ничего общаго съ увлеченіями политикою. Ф. Абрамовичъ долженъ былъ оставить академію, вслѣдствіе исторіи 4 окт. 1861 г., случившейся сряду по переходѣ въ старшій курсъ (объ этой очень тяжелой исторіи сказано будетъ далѣе).

[2]) Изъ нихъ огромное большинство (за исключеніемъ 3—4 человѣкъ) заняли потомъ казеннокоштныя вакансіи, по мѣрѣ ихъ освобожденія. Выдающимся изъ такихъ своекоштныхъ былъ И. Я. Образцовъ, окончившій курсъ 6-мъ магистромъ († членъ Учеб. Комит. при Св. Синодѣ, проф. Спб. Истор.-филол. Института и наст. Вознесенской ц. въ Петерб.). Былъ въ числѣ ихъ и А. А. Опоцкій (нынѣ архіеписк. Алексій, членъ Св. Синода, бывшій экзархъ Грузіи, еще здравствующій), посланный изъ псковской семинаріи на казенный счетъ, но не попавшій въ число казеннокоштныхъ. Своекоштные въ большинствѣ были петербуржцы (6 человѣкъ).

вольнослушателей [1]). Такъ что всего, съ вольнослушателями, было въ нашемъ XXV курсѣ 61 человѣкъ—къ концу, по крайней мѣрѣ 1859—60, перваго учебнаго года.

По окончаніи пріемныхъ экзаменовъ и послѣ объявленія ихъ результата, мое унылое, угнетенное состояніе еще продолжалось. Въ такомъ настроеніи прихожу въ комнату окончившихъ въ этомъ году академическій XXIII курсъ (1855—1859) къ своему земляку Изм. Ѳед. Спасскому († прот. Охтенской кладб. церкви въ СПБ.) и встрѣчаю тутъ С. П. Автократова, по общему признанію, самаго даровитаго студента этого курса, занимавшаго первое мѣсто въ спискѣ, но окончившаго кандидатомъ. Видя мое унылое лицо и узнавъ о причинѣ такого моего настроенія, онъ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «ну, значитъ, несомнѣнно вы кончите магистромъ». Вѣроятно, такіе случаи бывали, а можетъ быть онъ вспомнилъ свою собственную судьбу, въ связи съ изреченіемъ

---

[1]) Вотъ эти воспитанники: Григ. Поповъ, Евгр. Писаревъ, Василій Карелинъ, Мих. Митропольскій, окончившіе курсъ иркутской сем. и за годъ до нашего поступленія въ академію помѣщенные (въ 1858 г.) въ ней, затѣмъ—Антонъ Карелинъ, Вас. Миротворцевъ и Иннок. Корнаковъ, доканчивавшіе семинарскій курсъ, съ 1858 г., въ спб. семинаріи и по окончаніи его, вмѣстѣ съ нами поступившіе, въ 1859 г., въ нашу академію, въ качествѣ вольнослушателей. Мы считали принадлежавшими къ нашему курсу только этихъ послѣднихъ трехъ. Почему къ списку нашего курса присоединены и первые 4? Вѣроятно, для удобства, чтобы не разбивать этой группы на двѣ половины. Изъ послѣднихъ 3-хъ иркутцевъ двое: В. Миротворцевъ и Ант. Карелинъ, по выдержаніи въ семинаріи экзамена на званіе студента, въ 1860 г. помѣщены въ число дѣйствительныхъ студентовъ академіи, прочіе же 5, изъ числа всѣхъ 7 иркутскихъ воспитанниковъ, уволены въ 1861 г. въ иркутскую епархію. Полный академическій курсъ окончилъ съ нами только одинъ В. В. Миротворцевъ, бывшій потомъ баккалавромъ казанской академіи, экстр. проф. и даже инспекторомъ. Для преподаванія монгольскаго языка ходили къ намъ въ академію профессоры спб. университета съ восточнаго факультета (см. подробн. у И. А. Чистовича—„Исторія Спб. дух. Акад. 1858—1888 стр. 71—72). Эти сибиряки сильно защищали свою Сибирь отъ нашихъ нападковъ, утверждая, что настоящая Сибирь, въ смыслѣ каторжной жизни, не у нихъ, а у насъ въ Петербургѣ, что у нихъ въ Иркутскѣ, при 40 град. мороза чувствуется гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, при 2—3 град., да и жизнь несравненно привольнѣе и дешевле. И дѣйствительно, видъ ихъ, сначала цвѣтущихъ здоровьемъ, а потомъ все болѣе и болѣе блѣднѣющихъ, худѣющихъ и хирѣющихъ, вполнѣ подтверждалъ ихъ слова.

Писанія: «и будутъ послѣдніе первыми и первые послѣдними» [1]).

Изъ своей плохенькой гостиницы переселились мы наконецъ въ академическое зданіе, и распредѣлили насъ по комнатамъ, подчинивъ надзору «старшаго» въ каждой комнатѣ, изъ студентовъ старшаго курса. Меня помѣстили подъ начальстно студ. Ивана Дмитріевича Касаткина († архіеп. Николай Японскій) [2]), человѣка въ то время очень замкнутаго, необщительнаго и потому не пользовавшагося нашими симпатіями [3]) и я очутился въ самой крайней къ Обводному каналу комнатѣ средняго этажа. Изъ своихъ сожителей по этой комнатѣ помню М. И. Владиславлева, поражавшаго насъ тѣмъ, что онъ читалъ въ подлинникѣ Иліаду Гомера, и Д. Пѣ-

---

[1]) С. П. Автократовъ, пензен., 17-й канд., съ правомъ на степ. магистра по представл. новаго соч. и по выслугѣ 1 года на дух. учил. службѣ. Вѣроятно, онъ былъ замѣшанъ въ студенческихъ безпорядкахъ, бывшихъ при инспекторѣ Викторинѣ (Любимовѣ, 1857—1858) и повлекшихъ за собою исключеніе „6-ти главныхъ ихъ виновниковъ“ (см. у Чистов. „Ист. акад.“ стр. 74). С. П. Ав—въ былъ потомъ препод. новгор. сем., командированъ Мин. Нар. Просв. (вѣроятно въ 1862 г.) заграницу для приготовленія къ профессурѣ по философіи въ университетѣ, два года пробылъ заграницей, но, какъ слышно было, занимался тамъ неособенно усердно, на каѳедру въ университетъ не попалъ. Въ непродолжительномъ послѣ того времени скончался.

[2]) Ив. Дм. Касаткинъ, смоленск. урож., въ 1860 г., 8 іюня, за годъ до окончанія полнаго академическаго курса, постриженъ ректоромъ, пр. Нектаріемъ въ монахи и тотчасъ же отправился въ Японію. Единственный разъ въ жизни я видѣлъ постриженіе въ монахи и именно моего „старшаго“. Подалъ ли онъ потомъ сочиненіе на ученую степень и получилъ ли ее, неизвѣстно. Въ „Истор. акад.“ И. А. Чистов. онъ значится подъ рубрикою: „съ званіемъ студента акад., съ правомъ на степ. кандидата“, среди другихъ 10 чл. Изъ нихъ о 5-ти замѣчено, что они удостоены въ разное время степ. кандидата. Объ іером. же Николаѣ Касаткинѣ ничего не сказано, хотя всѣ его труды до 1880 г., когда онъ посвященъ во епископа, перечислены. По всей вѣроятности, увлеченный своими великими миссіонерскими трудами, онъ не удосужился составить сочиненіе на ученую степень, да это едва ли и возможно было сдѣлать въ Японіи, при отсутствіи нужныхъ для того книгъ и библіотекъ.

[3]) Впослѣдствіи, когда я былъ уже баккалавромъ Спб. Академіи, мы видѣлись, онъ былъ у меня даже на квартирѣ, и меня поразила громадная въ немъ перемѣна. Онъ оказался въ высшей степени живымъ, общительнымъ, разговорчивымъ, словомъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вѣроятно, въ тотъ годъ, когда мы жили вмѣстѣ, его нелюдимость объяснялась тѣмъ, что въ его душѣ зрѣла мысль о коренномъ переворотѣ въ его жизни.

туховича, истреблявшаго неимовѣрное количество бумаги на писанье сочиненій; вокругъ него лежали груды исписанныхъ листовъ (см. выше стр. 593, прим. 1). На другой годъ моего ученья въ младшемъ курсѣ меня перевели въ одну изъ среднихъ комнатъ подъ старшинство И. И. Демкина (4-й маг. XXIV к., до сихъ поръ состоящій на службѣ, прот. спб. Благовѣщенской церкви, отецъ извѣстнаго тов. спб. городского головы Демкина).

Всѣ (за исключеніемъ двухъ) жилыя комнаты студентовъ обоихъ курсовъ, старшаго и младшаго, были проходныя [1]) и помѣщались въ среднемъ этажѣ, на лѣвой сторонѣ отъ параднаго входа, въ верхнемъ же этажѣ, на той же сторонѣ, находились спальни, также для обоихъ курсовъ и были также всѣ проходныя—отъ одного конца до другого.

На другой сторонѣ,—правой отъ параднаго входа,—помѣщались: въ нижнемъ этажѣ — квартира инспектора (тамъ же, гдѣ и теперь), экономa и одна профессорская (въ наше время—В. И. Долоцкаго), библіотека рукописей изъ Софійской библ. (гдѣ теперь зало совѣта и канцелярія); въ среднемъ этажѣ — квартира ректора, одна изъ баккалаврскихъ квартиръ и физическій кабинетъ (противъ конца ректорской квартиры, съ окнами на дворъ); въ верхнемъ этажѣ — три баккалаврскихъ квартиры и помѣщеніе правленія (надъ физическимъ кабинетомъ).

Въ каждой жилой студенческой комнатѣ (исключая одной маленькой) стояло два стола для 6 студентовъ на каждый, затѣмъ кромѣ стульевъ, диванъ, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ два, и два шкафа, для книгъ и для платья. Все это изъ ясеневаго дерева. Стѣны были окрашены клеевою краскою голубовато-зеленоватаго цвѣта. На второй годъ, впрочемъ, стѣны были оклеены коричневаго цвѣта обоями. Для занятій вечеромъ давали свѣчи (сначала сальныя, а потомъ появились и такъ называемыя «пальмовыя» — низшій сортъ стеариновыхъ), по

---

[1]) Двѣ только жилыя комнаты не были проходными, были, такъ сказать, особняками, внѣ связи со всѣми другими студенческими жилыми комнатами,—одна въ среднемъ этажѣ, другая въ верхнемъ; обѣ налѣво по корридору среднему (противъ остальныхъ занятныхъ комнатъ) и верхнему (противъ спаленъ). Въ одной изъ этихъ комнатъ поселился Ѳ. Г. Ел—скій, подъ „старшинствомъ“ сначала Ив. Ал. Горскаго (8 маг. XXIV к., псковск., † прот. Колом.-Покров. ц. въ СПБ.), а потомъ В. Г. Пѣвцова (1-й маг. XXIV к., тверск., † проф. Учил. Правовѣд. въ СПБ.).

двѣ на столъ. Въ спальняхъ кровати были съ надписями фамилій студентовъ надъ каждой кроватью и съ приличными приборами. Въ каждой спальнѣ былъ ночникъ, въ видѣ большого желѣзнаго подсвѣчника, стоявшаго на полу, съ водою внутри, въ которую опускалась сальная свѣча.

Младшій курсъ—$18^{59}/_{60}$ и $18^{60}/_{61}$ учебные годы.

Начались, въ сентябрѣ 1859 г., лекціи.

Тогда въ академіяхъ было не четыре курса, какъ теперь, а только два, старшій и младшій, по два года въ каждомъ. А потому и классныхъ комнатъ, или аудиторій, какъ мы ихъ называли, было только двѣ, находившіяся по бокамъ церкви,—съ правой стороны отъ нея—для старшаго курса, съ лѣвой—для младшаго.

Лекціи начинались съ 9 часовъ утра и продолжались до $1^{3}/_{4}$ часа дня и затѣмъ отъ 3 до 4 часовъ. Читалась каждая лекція $1^{1}/_{4}$ часъ.

На младшемъ курсѣ преподавались: логика, психологія, исторія философіи, словесность, гражданская исторія общая, гражданская исторія русская, математика, физика и изъ богословскихъ предметовъ Св. Писаніе и патристика [1]). Изъ языковъ греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій—обязательные для всѣхъ студентовъ и англійскій—необязательный.

Логику, психологію и исторію новѣйшей философіи, начиная съ Канта, читалъ В. Н. Карповъ [1]), старѣйшій изъ

---

[1]) Очень сожалѣю, что не сохранилась у меня масса литографированныхъ лекцій, намъ выдаваемыхъ къ репетиціямъ и экзаменамъ, какъ въ этомъ курсѣ, такъ и въ слѣдующемъ, старшемъ. Нѣкоторыми изъ біографическихъ, въ особенности хронологическихъ данныхъ относительно нашихъ бывшихъ наставниковъ мы обязаны весьма почтенному, достойно увѣнчанному уваровскою преміею, труду А. С. Родосскаго „Біографическій Словарь студ. первыхъ XXVIII курсовъ Спб. духовной Академіи 1814—1869 гг. СПБ. 1907“. Исторіи академій, въ особенности нашей С.-Петербургской (два тома, 1857 и 1889 гг.) были для меня также весьма важными пособіями.

[2]) Василій Николаевичъ Карповъ, воронеж., 5-й магистръ II к. (1825 г.) кіевской академіи, съ 1825 до 1829 г. былъ, вѣроятно, препод. семинаріи, 1829—бакк. франц. языка въ кіев. акад., 1831—бакк. философіи въ той же акад., 1833—бакк. филос. спб. акад., 1835—орд. профес., преемникъ также знаменитаго Ѳ. Ѳ. Сидонскаго (2-й маг. VIII к., 1829 г., спб. акад. † 1873 г.), который, оставивъ каѳ. философіи, съ 1833 до 1835 г. преподав. только франц. языкъ.

всѣхъ тогдашнихъ профессоровъ Пет. Академіи, пріобрѣтшій уже большой авторитетъ въ ученомъ мірѣ, не только въ духовномъ, но и свѣтскомъ, преимущественно своимъ переводомъ твореній Платона. Въ выходившихъ тогда сочиненіяхъ Бѣлинскаго мы прочитали восторженный его отзывъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ нашего профессора. Помнится, знаменитый критикъ писалъ, что этотъ трудъ сдѣлалъ бы честь даже Академіи Наукъ въ ея цѣломъ; тѣмъ выше предъ наукою заслуга ученаго, который одинъ совершилъ колоссальную работу. Логику В. Н. читалъ по печатной своей книгѣ, посвящая этому предмету сравнительно немного времени, дѣлая только добавленія къ напечатанному. Психологіи онъ посвящалъ больше вниманія и времени. Всю душевную жизнь и дѣятельность онъ дѣлилъ на три отдѣла: чувственную, разсудочную или формальную и созерцательную или идеальную. Въ особенности останавливался онъ на второй,— разсудочной, характеризуя ее какъ крайне неустойчивую, лишенную всякой самостоятельности, управляемую стремленіями или низшей или высшей природы человѣка, способную доказывать и оправдывать все, что угодно. Къ этой сторонѣ душевной жизни онъ не питалъ никакой симпатіи; все его сочувствіе было направлено къ третьей—созерцательной, идеальной. Въ сущности (какъ становится яснымъ теперь, тогда это не сознавалось), В. Н. въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ примыкалъ къ богословскому взгляду на составъ человѣка, трехчастный: тѣлесный, душевный и духовный. Много глубокихъ мыслей высказывалъ онъ въ своихъ чтеніяхъ, поясняя свои положенія наблюденіями изъ обыденной, даже своей семейной жизни, что онъ особенно любилъ. Къ сожалѣнію, онъ не облададалъ даромъ слова, къ тому же былъ преклоннаго возраста и утомленъ многочисленными работами своей трудовой жизни [1]) и потому въ наше время не пользовался такимъ вниманіемъ своихъ слушателей, какого онъ заслуживалъ. Впрочемъ, и у насъ были особые его почита-

[1]) Онъ посвящалъ въ наше время, какъ слышно было, много трудовъ, между прочимъ, журналу „Странникъ“, издаваемому тогда прот. В. В. Гречулевичемъ. Говорили, что В. Н. не только писалъ для этого журнала много статей, но участвовалъ и въ его редактированіи, и что вообще издатель „Странника“ немало эксплоатировалъ нашего почтеннаго профессора. В. Н., какъ семейный человѣкъ, нуждался въ добавочныхъ къ профессорскому жалованью (858 р. орд. проф.) средствахъ.

тели [1]). Практическую мудрость этого истинно русскаго, христіански-православно настроеннаго философа мы тогда не въ состояніи были оцѣнить по достоинству. Мы любили и уважали его не столько какъ профессора, столько какъ почтеннаго лѣтами и заслугами ученаго, какъ человѣка симпатичнаго, благороднаго характера, относившагося къ молодежи съ добродушіемъ мудраго старца, снисходительно къ ея увлеченіямъ и слабымъ сторонамъ [2]). Лекціи по новѣйшей исторіи философіи В. Н. читалъ по своимъ запискамъ, которыя въ сокращенномъ видѣ сдавалъ къ экзаменамъ. Но и эти лекціи, написанныя не совсѣмъ легкимъ и яснымъ языкомъ, не особенно намъ нравились. Ихъ трудно было усвоять, такъ какъ они состояли изъ одного критическаго разбора положеній Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, безъ предварительнаго изложенія полной системы воззрѣній этихъ философовъ. Вслѣдствіе чего студенты очень боялись экзамена по этому предмету, и когда лѣтомъ 1861 г., въ присутствіи митрополита, наступилъ этотъ экзаменъ, то между студентами началась чистая паника (см. ниже).

Исторію древней философіи до Канта читалъ намъ профессоръ (экстр. или ордин.?) И. А. Чистовичъ [3]). Прекрасный вообще говоря, даровитый профессоръ, онъ не былъ прирожденнымъ философомъ, а потому хотя лекціи его отличались точностью и всесторонностью изложенія воззрѣній древнихъ философовъ, но были какъ-то холодны. Мы слушали его внимательно и цѣнили его даровитость, но особенной любви къ философскимъ вопросамъ возбудить въ насъ онъ не могъ. И неудивительно, такъ какъ, по складу своего ума, онъ долженъ бы быть историкомъ гражданской или церковной исторіи. Въ этой области онъ и заявилъ себя очень многими замѣчательными трудами (напр. «Ѳеофанъ Прокоповичъ» и многіе другіе). На каѳедру русской гражданской и церков-

---

[1]) Усердно записывали его лекціи и спорили съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые недостаточно высоко цѣнили В. Н. Особенно горячимъ его поклонникомъ былъ М. В. Родевичъ, перешедшій потомъ въ спб. университетъ и служащій нынѣ въ департ. Мин. Нар. Просв.

[2]) У В. Н. Карпова была одна особенность: онъ плохо запоминалъ фамиліи. По этому поводу между студентами ходило много анекдотовъ, забавныхъ разсказовъ.

[3]) Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, калуж., 2-й маг. XIX кур. спб. акад. (1851).

ной исторіи онъ назначенъ былъ вначалѣ, по окончаніи академическаго курса въ 1851 г., и уже потомъ, послѣ отставки А. А. Фишера [1]), въ 1853 г., переведенъ на каѳедру философіи. Слышно было, что вначалѣ И. А. читалъ, вмѣстѣ съ исторіей философіи, и психологію, придерживаясь воззрѣній извѣстнаго нѣмецкаго философа Бенеке, но во время ректорства архим. Ѳеофана (Говорова, 1857—1859 г., извѣстнаго потомъ вышенскаго затворника), которому не нравилась эта система воззрѣній (теорія «слѣдовъ», которой объяснялось происхожденіе душевныхъ силъ), психологія была передана В. Н. Карпову, а И. А. Чистовичъ оставленъ былъ при одной исторіи философіи до Канта, какъ это было въ нашъ курсъ [2]). По своему характеру И. А. представлялъ во многихъ отношеніяхъ противоположность В. Н. Карпову. Главною его чертою была официальность, при полной корректности его отношеній къ студентамъ. Мы застали его еще живущимъ въ академическомъ зданіи (почему-то на студенческой половинѣ, въ нижнемъ этажѣ; вѣроятно потому, что незадолго предъ тѣмъ онъ былъ помощникомъ инспектора). Но вскорѣ, уже осенью того же 1859 г., онъ переселился въ городъ, такъ какъ вступилъ въ бракъ (съ дочерью протопресвитера В. Б. Бажанова, члена Св. Синода).

Словесность читалъ ординарный профессоръ К. Ив. Лучицкій [3]). Очень живой, краснорѣчивый, искусно соединявшій чтеніе написанныхъ лекцій съ живымъ словомъ и импровизаціею, увлекалъ насъ своими чтеніями по аналитикѣ языка (философской грамматикѣ) и особенно по эстетикѣ. Въ лекціяхъ по этой послѣдней онъ сначала много занимался разборомъ различныхъ мнѣній о томъ, что такое изящное, эстетически прекрасное, а потомъ далъ собственное свое опредѣленіе. Точной его формулы не могу припомнить. Помнится

---

[1]) А. А. Фишеръ, иностранецъ, съ 1832 г. орд. проф. спб. унив., съ 1843 г. орд. проф. спб. акад. См. въ „Ист. спб. ак.“ И. А. Чист. стр. 53.

[2]) Въ его „Истор. СПБ. Акад. 1858—1888 г.“ стр. 52—54 какъ-то очень неясно и даже, намъ кажется, фактически не совсѣмъ точно передана исторія перехода психологіи изъ однѣхъ рукъ въ другія, если только тутъ нѣтъ корректурной ошибки въ цифрѣ года 1859 (стр. 53). То же можно сказать отчасти и объ исторіи новой философіи—съ Канта.

[3]) Кириллъ Ивановичъ Лучицкій, изъ волынск. сем., род. 1815 г., 1-й магистръ XIII к. (1839) спб. акад., въ 1851 г. экстраорд., а въ 1852 г. уже ордин. профессоръ.

только основная его мысль, что прекрасное не находится въ зависимости отъ формъ, что не формы даютъ ему бытіе, что прекрасное тѣсно связано съ проявленіями жизни, съ ея напряженностью, что гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть и прекраснаго. Исторіею литературы онъ занимался мало, чтеній по этому отдѣлу словесности не припоминается. Помнится только, что по исторіи литературы онъ сдавалъ литографированныя лекціи къ репетиціямъ и экзаменамъ. К. И. былъ превосходный, неподражаемый критикъ нашихъ словесныхъ произведеній. Ему подавали мы назначаемыя намъ проповѣди и онъ подвергалъ ихъ своей остроумной, безпощадной критикѣ. Для этого онъ избиралъ одну изъ нашихъ проповѣдей и подвергалъ ее слѣдующей безжалостной операціи: давалъ, подробный анализъ всей проповѣди, а потомъ каждой ея части и наконецъ отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Въ высшей степени было интересно и поучительно слушать критическій его разборъ, и мы положительно любовались въ это время своимъ профессоромъ. Даже самъ авторъ разбираемой проповѣди, съ горечью въ душѣ, принужденъ былъ отдать должное остроумію и справедливости замѣчаній критика и готовъ былъ почти наслаждаться художественностью работы профессора. К. И. Лучицкій читалъ текціи по словесности еще въ Смольномъ Институтѣ и въ Царскосельскомъ женскомъ духовномъ училищѣ. Онъ очень часто являлся къ намъ съ орденомъ св. Анны 2 ст. на шеѣ (чего никто изъ его коллегъ не дѣлалъ). Вѣроятно, причиною такой офиціальности его костюма былъ Смольный Институтъ, изъ котораго онъ пріѣзжалъ къ намъ на лекцію, или въ который онъ долженъ былъ отправиться послѣ чтенія у насъ. Характера онъ былъ хотя строгаго, но благороднаго, держалъ себя довольно далеко отъ студентовъ, но доброжелательно къ нимъ, пользовался ихъ уваженіемъ и даже любовію, хотя его побаивались болѣе, чѣмъ другихъ профессоровъ на этомъ курсѣ.

Общую гражданскую исторію преподавалъ молодой тогда баккалавръ А. И. Предтеченскій [1]), очень живой, краснорѣчивый, хотя читалъ по составленнымъ имъ лекціямъ, прекрасный знатокъ новѣйшихъ языковъ, въ особенности англійскаго. Пользуясь преимущественно англійскою литературою

---

[1]) Андрей Ивановичъ Предтеченскій, новгород., 2-й магистръ XXI к. (1855) спб. акад., съ 1862 г. экстр. орд. профессоръ.

по исторіи древняго міра, Ассиріи, Египта, онъ въ особенности долго останавливался на исторіи древней Греціи и въ частности на вѣкѣ Перикла. Его лекціи были обильны картинными описаніями и хорошо знакомили насъ съ античнымъ міромъ. Вообще онъ былъ очарованъ этимъ міромъ, что сказывалось даже въ домашней его жизни, въ квартирѣ, обставленной статуями и картинами. Недаромъ, впослѣдствіи, когда онъ былъ редакторомъ «Церковнаго Вѣстника» (1875—1880 г.), онъ энергически отстаивалъ классицизмъ гр. Д. А. Толстого противъ ожесточенныхъ на него нападковъ со стороны печати и общества. По исторіи среднихъ вѣковъ и по исторіи новаго времени чтеній было мало, по крайней мѣрѣ не припоминается. А. И. Предтеченскій былъ довольно замѣчательный публицистъ. Уже и тогда, въ раннее время своей службы, онъ сотрудничалъ въ журналахъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Между прочимъ, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», изд. Трубниковымъ. Относились мы къ этому даровитому баккалавру не безъ симпатіи и не безъ уваженія, хотя подчасъ и подсмѣивались надъ нѣкоторыми его слабостями. А. И. Пр. былъ человѣкъ богато одаренной, широкой русской, увлекающейся, страстной натуры. Онъ держалъ себя очень близко къ студентамъ; многіе изъ товарищей, въ особенности его земляки новгородцы, ходили къ нему въ его баккалаврскую квартиру, находившуюся въ академическомъ зданіи. Тѣмъ удивительнѣе и непонятнѣе для насъ было, когда, по переходѣ нашемъ въ старшій курсъ (1861 г.), онъ позволитъ себѣ сдѣлать тотъ шагъ, который, какъ увидимъ далѣе, имѣлъ роковыя послѣдствія для всего нашего XXV курса...

Русскую гражданскую исторію преподавалъ также молодой баккалавръ, товарищъ по студенчеству А. И. Пр—го, М. О. Кояловичъ [1]), превосходный профессоръ, обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова и историко-философскимъ складомъ ума. Въ своихъ чтеніяхъ онъ задавался не изложеніемъ фактическаго матеріала, а освѣщеніемъ его, изображеніемъ народныхъ и общественныхъ движеній и историческихъ дѣятелей,

---

[1]) Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ, гроднен. урож., виленской сем., 6-й маг. XXI к. (1855) спб. акад., съ 1855 по май 1856 препод. въ рижск. и с.-петербургск. семинаріяхъ, съ 1856 г. въ спб. акад. баккал. по сравн. богосл. и раск., съ 1857 г.—по русск. гражд. и церк. исторіи. См. „Біограф. Слов.“ А. С. Родосскаго стр. 214—215.

вынуждаемыхъ проявлять свою дѣятельность такъ или иначе, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ времени и общественныхъ потребностей и теченій. Обладая превосходною дикціею и при этомъ еще изящными манерами, онъ производилъ на своихъ слушателей очень сильное впечатлѣніе. Было, впрочемъ, нѣсколько моихъ товарищей (такихъ, однако, было немного), которые желали бы, чтобы въ его лекціяхъ было поболѣе фактическаго матеріала. Во всякомъ случаѣ, едва ли какого другаго профессора на младшемъ курсѣ мы слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, чѣмъ М. О. Ко—ча. Онъ уже и тогда былъ извѣстенъ не только какъ талантливый профессоръ, но и какъ ученый по западно-русской исторіи («Литовская церковная унія. СПБ. 1858» и др. соч.). Характера онъ былъ очень благороднаго, симпатичнаго, весьма твердаго и устойчиваго въ своихъ принципахъ.

Математику преподавалъ ординарный профессоръ Е. И. Ловячинъ [1]), спеціалистъ собственно по греческому языку, который онъ преподавалъ въ академіи первыя 6 лѣтъ своей службы (1847—1853 г.), на каѳедрѣ математики съ 1853 г. до 1869 г., а потомъ по упраздненіи этого предмета, съ уставомъ 1869 г., снова профессоръ греческаго языка до конца своей службы, въ 1894 г. (около 25 лѣтъ). Математика не была призваніемъ [2]) этого достопочтеннаго профессора, а потому хотя онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности преподавателя этого предмета, какъ вообще всѣ свои и другія служебныя обязанности, отличаясь необыкновенною аккуратностью и замѣчательною исполнительностью, не могъ однако возбудить въ насъ любви къ математикѣ. Знающихъ этотъ предметъ почти

---

[1]) Евграфъ Ивановичъ Ловягинъ, тверск., 1-й маг. XVII к. (1847 г.) спб. акад.

[2]) Тогда былъ обычай переводить баккалавровъ съ одного предмета на другой, въ видахъ, между прочимъ, повышенія людей даровитыхъ по службѣ. Къ однимъ каѳедрамъ были пріурочены ординатуры, къ другимъ нѣтъ, или же вакансія ордин. профессора была занята. По языкамъ ординатуры не полагалось. Между тѣмъ, по физико-математическимъ предметамъ она была; ее до 1852 г. занималъ извѣстный профессоръ-публицистъ Д. И. Ростиславовъ (3-й маг. X к. 1833 г. спб. акад.) Въ 1852 г. онъ оставилъ службу при академіи и вотъ мы видимъ что въ 1853 г. переводятъ Е. И. Ловягина на математику. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его переводъ состоялся въ цѣляхъ предоставить ему вакансію ордин. профессора, которымъ онъ и былъ сдѣланъ черезъ 4 года, въ 1857 году.

не было между нами, за единственнымъ, кажется, исключеніемъ земляка Е. И., Н. Г. Благовѣщенскаго, который, имѣя отъ природы математическія способности, зналъ и любилъ этотъ предметъ и не оставлялъ занятій имъ даже въ отставкѣ, до конца своей жизни.

Если математикой мы занимались и интересовались мало, то физику, напротивъ, любили и интересовались ею, чему очень способствовалъ преподаватель ея, сначала баккалавръ, а съ 1860 г. экстраорд. проф. Н. И. Глоріантовъ [1]). Онъ былъ страстный любитель своего предмета, обладалъ хорошимъ даромъ слова, всегда говорилъ, а не читалъ свои лекціи, оживлялъ ихъ многочисленными опытами и остроумными замѣчаніями, часто приглашалъ своихъ слушателей въ свой физическій кабинетъ, объ увеличеніи котораго физическими приборами усиленно хлопоталъ, и радовался, когда это ему удавалось. Такъ, напримѣръ, мы были свидѣтелями его восторга, когда, послѣ долгихъ хлопотъ, онъ могъ пріобрѣсти для электрическихъ эффектныхъ опытовъ довольно дорого стоющій инструментъ, спираль Румкорфа. Любилъ онъ приглашать въ свой физическій кабинетъ и постороннихъ лицъ, своихъ гостей или гостей своихъ сослуживцевъ. Занимался онъ и фотографіею, что тогда не было въ такой модѣ, какъ теперь; имѣлъ свою собственную фотографическую камеру со всѣми къ ней приборами. Пользовался большимъ расположеніемъ студентовъ, къ которымъ относился съ свойственною ему простотою и добродушіемъ. Мы съ Ѳ. Г. Ел., какъ его земляки, пользовались его гостепріимствомъ, а нерѣдко и угощеніемъ чаемъ и разными лакомствами, которыя были у него всегда въ запасѣ, такъ какъ онъ и самъ былъ очень къ нимъ неравнодушенъ.

Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта преподавалъ ординарный профессоръ М. А. Голубевъ [2]), съ самаго начала своей

---

[1]) Никандръ Ивановичъ Глоріантовъ, нижегор., 2-й магистръ XX к. (1853) спб. академіи.

[2]) Моисей Александровичъ Голубевъ, петерб. сем., 2-й маг. XVII к. (1847) спб. акад., въ 1853 г. экстр., въ 1857 г. ординарный профессоръ. Весьма интересныя свѣдѣнія о немъ сообщаются у А. С. Родосскаго (въ его „Біогр. слов.“), прежде намъ, студентамъ, неизвѣстныя. Да и теперь встрѣчаешься съ ними, какъ съ новостью. Оказывается, что М. А., сынъ діакона петерб. стороны, родился въ СПБ. въ сильное ноябрьское наводненіе 1824 г., въ продолженіе нѣсколькихъ дней по рожденіи хранился

службы (1847 г.) занимавшій эту каѳедру, большой знатокъ своего предмета, обладавшій и даромъ слова и большимъ остроуміемъ. Сначала сообщалъ полныя и подробныя свѣдѣнія о канонѣ свящ. книгъ и объ исторіи свящ. текста, а потомъ—о свящ. книгахъ Ветхаго Завѣта, избирая для подробнаго разбора одну или нѣсколько свящ. книгъ. То же дѣлалъ и относительно новозавѣтныхъ книгъ. Читалъ онъ обоимъ курсамъ вмѣстѣ, и старшему и младшему,—въ залѣ, почему слушателей собиралось у него много. Мы часто лѣнились ходить на его лекціи, въ надеждѣ, что, при многолюдствѣ слушателей, не будетъ замѣтно отсутствіе нѣсколькихъ лицъ. Онъ былъ человѣкъ очень оригинальный; по типу онъ больше всего походилъ на англичанина: при полномъ въ сущности добродушіи, онъ отличался какою-то холодною важностью, невозмутимымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ и очень любилъ съострить. Осталось въ памяти, что онъ очень зло и остроумно подсмѣивался надъ неудачными и натянутыми комментаріями нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія. Къ сожалѣнію, онъ иногда не соблюдалъ при этомъ мѣры, именно тогда, когда ему приходилось приводить аллегорическія толкованія мѣстъ Писанія изъ твореній отцевъ и учителей церкви александрійской школы. Не знаю, какъ на моихъ товарищей, но на меня остроты М. А. по адресу этихъ древнихъ комментаторовъ производили не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, хотя я былъ тогда очень мало знакомъ съ отеческими твореніями. Въ настоящее же время, если бы теперь пришлось слушать М. А., такое впечатлѣніе вѣроятно было бы во много разъ сильнѣе [1]). Кажется, онъ увлекался своимъ даромъ остроумія, а можетъ

на водѣ въ деревянной люлькѣ, почему и названъ Моисеемъ. Онъ былъ племянниковъ знаменитаго Юрьевскаго архим. Фотія, который помогалъ ему при воспитаніи.

[1]) Теперь для меня довольно понятенъ и психологически объяснимъ древній аллегоризмъ, какъ результатъ (кромѣ многихъ другихъ причинъ,—философской школы и пр.) дѣятельности крайне возбужденной религіозной мысли и весьма повышеннаго религіознаго чувства. При такомъ состояніи, естественно искать сближеній настоящаго съ давно минувшимъ, намековъ, предуказаній въ послѣднемъ на первое, какъ это бываетъ нерѣдко и въ обыкновенной нашей жизни, когда мы бываемъ чѣмъ-либо сильно поражены, потрясены. Тогда намъ припоминается многое такое (часто мелочи, примѣты), на что, при другомъ, обычномъ своемъ состояніи, мы не обращали никакого вниманія, но что теперь представляется очень знаменательнымъ.

быть хотѣлъ привлечь вниманіе своихъ слушателей, у которыхъ въ головѣ сидѣли темы для сочиненій, обыкновенно мѣшавшія внимательному слушанію лекцій. Во всякомъ случаѣ, М. А. Голубевъ пользовался у насъ большимъ уваженіемъ, какъ глубокій знатокъ Св. Писанія, какъ прекрасный профессоръ и какъ человѣкъ очень благороднаго, симпатичнаго характера.

Патристику преподавалъ баккалавръ П. И. Шалфеевъ [1]), прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ личность и по уму и по сердцу и по характеру. Онъ былъ человѣкъ съ философскимъ складомъ пытливаго ума. Еще студентомъ, по воспоминаніямъ его товарища, А. И. Предтеченскаго, онъ былъ «центромъ людей, любившихъ поразсуждать объ отвлеченныхъ вопросахъ философіи и богословія», и «живѣе, можетъ быть, всѣхъ своихъ товарищей интересовался научными вопросами». Это замѣтно было и въ его чтеніяхъ по патристикѣ. Его лекціи обнимали творенія св. отцовъ, начиная съ мужей апостольскихъ и кончая IV вѣкомъ. Въ особенности увлекали его творенія св. Григорія Богослова. Одна изъ памятныхъ мнѣ его лекцій объ этомъ св. отцѣ напечатана въ обработанномъ видѣ въ «Христ. Чтен.» 1861 г. [2]). Эта статья прекрасно обрисовываетъ личность св. Григорія Богослова со всѣми ея особенностями. П. И. не удовлетворялся, однако, методомъ чтенія патристики по отдѣльнымъ отцамъ и учителямъ церкви, намекая намъ въ своихъ чтеніяхъ, что онъ мечтаетъ о другой постановкѣ патристики какъ науки. Въ воспоминаніяхъ его товарища по студенчеству (А. И. Пр.) читаемъ, что онъ «хотѣлъ изъ своей науки создать исторію апостольскаго преданія, съ указаніемъ историческихъ обстоятельствъ, измѣнявшихъ поворотъ этой рѣки Божественнаго ученія и съ сохраненіемъ личныхъ, индивидуальныхъ чертъ характера каждаго отца». Превосходная формула, хотя и весьма трудная для осуществленія ея на практикѣ; лучше ея трудно придумать другую. Вѣроятно, она заимствована изъ устъ самого П. И. Шалфеева. Сколько помнится, такъ точно онъ не формулировалъ намъ своего плана, но въ общемъ эта формула совершенно

---

[1]) Петръ Ивановичъ Шалфеевъ, псковск., 3-й магистръ спб. акад. XXI курса (1855 г.).

[2]) У А. С. Родосскаго („Біогр. Слов.“) указывается еще нѣсколько патристическихъ статей, напечатанныхъ въ „Христ. Чтен.“ 1861 и 1862 г., представляющихъ по всей вѣроятности обработанныя его лекціи.

вѣрно выражаетъ предносившійся его уму идеалъ, судя по припоминаемымъ теперь его намекамъ, среди чтеній. Въ концѣ нашего младшаго курса, въ 1861 г., онъ далъ намъ даже тему для сочиненія о «желательной постановкѣ преподаванія патристики, какъ науки», при чемъ въ моемъ сочиненіи, которое, кажется, больше всѣхъ другихъ ему понравилось, проводилась приблизительно подобная же мысль, съ тѣмъ немаловажнымъ различіемъ, что мнѣ предносилась мысль не о «преданіи», а о христіанской «философіи» св. отцевъ. До идеала присномятнаго моего наставника я тогда еще не дорось. Вполнѣ вѣрно и мѣтко и общее сужденіе А. И. Пр—го объ П. И. Шалфеевѣ: «съ даромъ слова не очень бойкимъ, съ памятью не пріученною къ буквальному заучиванью, онъ не былъ самымъ блистательнымъ, но нѣтъ спора, былъ однимъ изъ самыхъ основательныхъ и точныхъ студентовъ» и кромѣ того былъ «глубокорелигіозенъ» еще въ студенчествѣ [1]). Такимъ же оказался онъ и на каѳедрѣ. Глубоко входилъ онъ въ предметъ, не былъ краснорѣчивымъ ораторомъ, не говорилъ, а читалъ свои лекціи и по временамъ только прерывалъ свои чтенія, поднималъ одного изъ студентовъ [2]) и разсуждалъ съ нимъ по поводу какого-нибудь вопроса, пришедшаго ему въ голову, во время лекціи, и эти разсужденія, скорѣе бесѣды, лишенныя всякой офиціальности, были особенно интересны [3]). П. И. Шалфеевъ пользовался большимъ нашимъ расположеніемъ и вниманіемъ. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что его предметъ, чисто богословскій, стоялъ вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, уединенно, въ этомъ курсѣ, среди предметовъ философскихъ, гражданско-историческихъ, словесныхъ, физико-математическихъ, отвлекавшихъ отъ него наше внима-

---

[1]) „Христ. Чтен.“ 1862, II, 548—550.

[2]) Между прочимъ, въ особенности часто меня. Замѣченную его симпатію ко мнѣ товарищи объясняли какимъ-то находимымъ ими сходствомъ между нами. Наружностью, однако, мы были не похожи; можетъ быть, характеромъ, нѣкоторыми чертами духовнаго склада?

[3]) Помнится, на одной изъ лекцій онъ поднялъ вопросъ о вкушеніи Тѣла и Крови Христовой въ таинствѣ Евхаристіи и задалъ вопросъ: нельзя ли объяснить потребность именно „вкушенія“ тѣла Христова какъ-либо психологически, естественнымъ образомъ. И отвѣтилъ, что чувство сильной, пламенной любви ко Христу требуетъ именно вкушенія тѣла Его, а не причастія къ Нему только духовнаго, мысленнаго. При чемъ привелъ аналогію изъ области чисто человѣческой любви, пламенной, страстной.

ніе и сочувствіе въ свою сторону. Къ сожалѣнію и великому нашему удивленію, этотъ достойнѣйшій нашъ наставникъ, съ глубокимъ умомъ и такою же религіозною настроенностью, не пользовался благоволеніемъ начальства, тогдашняго ректора пр. Іоанникія (Руднева, † митр. кіевск.), который, какъ слышно было, заподозрилъ его въ либерализмѣ, на основаніи (какъ тогда говорили) его статьи: «Христіанство и прогрессъ», напечатанной въ «Прав. Обозр.» (1861, т. IV), и еще—сотрудничества въ журналѣ «Духъ христіанина», считавшемся тогда либеральнымъ. Слухи эти оправдываются фактами: обойденный въ движеніи по службѣ и огорченный невниманіемъ начальства къ его матеріальнымъ, семейнымъ нуждамъ [1]), онъ рѣшился выйти изъ академіи на службу по Мин. Нар. Просв., принялъ предложеніе объ отправленіи заграницу, для приготовленія къ профессурѣ по философіи въ университетѣ, но не далѣе, какъ чрезъ мѣсяцъ послѣ состоявшагося новаго назначенія (въ маѣ 1862 г.), онъ скончался 26 іюня, того же 1862 года, отъ тяжкой болѣзни—воспаленія брюшины (перитонита, а не «отъ скоротечной чахотки», какъ сказано у А. С. Род. въ его Словарѣ). Передъ смертью, среди тяжкихъ страданій, онъ выразился объ нихъ такъ: «то, что я теперь терплю, немногимъ хуже баккалаврскаго жалованья!» [2]).

Латинскій языкъ преподавалъ проф. словесности К. И. Лучицкій. Чтеній по литературѣ онъ не давалъ, а занималъ насъ исключительно переводами одного изъ произведеній древнихъ классическихъ писателей (какого, не помню), тре-

---

[1]) Онъ не былъ возведенъ въ званіе экстр. проф. и до конца своей жизни оставался баккалавромъ, т. е. до 26 іюня 1862 г., тогда какъ его товарищи по академическому выпуску—А. И. Предтеченскій и М. О. Кояловичъ—съ 28 февраля того же 1862 г. были уже экстр. профессорами, жалованье которымъ въ то время было, впрочемъ, такое же, какъ и баккалаврамъ, т. е. 429 р. Слышно было также, что къ Пасхѣ этого же года его обошли небольшою денежною наградою, тогда какъ онъ особенно въ ней нуждался, будучи семейнымъ человѣкомъ и живя на одно скудное баккалаврское жалованье (429 р. въ годъ). Матеріальная его нужда бросалась въ глаза даже намъ. Онъ, напр., не имѣлъ при себѣ никогда карманныхъ часовъ, а когда было нужно узнать, сколько времени и много ли остается до конца лекціи, обращался къ намъ.

[2]) То, что сохранилось у меня въ памяти относительно обстоятельствъ послѣднихъ дней жизни и болѣзни П. И. Шалфеева, вѣроятно, мы слышали отъ его шурина, Н. П. Граціанскаго, нашего товарища по XXV курсу, окончившаго курсъ съ званіемъ студента академіи.

буя, вмѣстѣ съ точностью перевода, непремѣнно изящества, литературной его отдѣлки, такъ что мы готовились, въ особенности къ репетиціямъ, по какимъ-то записямъ, вѣроятно сохранившимся отъ прежняго времени.

Греческій языкъ преподавалъ природный грекъ, архим. Григорій Веглерисъ, магистръ Кіевской Академіи, въ званіи баккалавра [1]), мы почему-то считали его экстр. профессоромъ. О. Веглерисъ началъ съ того, что заставилъ насъ писать по-гречески, скорописнымъ, употребительнымъ между греками, почеркомъ и потребовалъ, чтобы мы завели для того особыя тетради, въ которыхъ потомъ должны были записывать диктуемыя имъ коротенькія фразы на древне-греческомъ языкѣ. Эти фразы онъ заставлялъ насъ заучивать. Тетради наши нерѣдко бралъ къ себѣ и просматривалъ. Приходя въ классъ, онъ первымъ дѣломъ дѣлалъ намъ перекличку, чтобы убѣдиться, всѣ ли студенты находятся въ классѣ, что намъ очень не нравилось и чего не дѣлалъ ни одинъ изъ профессоровъ. Такъ прошло нѣсколько классовъ, но наконецъ послѣдовали съ нашей стороны протесты противъ такого педагогическаго пріема, и нашъ баккалавръ счелъ за лучшее, торжественно, въ присутствіи всего класса, разорвать свой списокъ, въ которомъ онъ отмѣчалъ отсутствующихъ, послѣ чего, конечно, прекратились и переклички. Мало пользы принесъ намъ этотъ преподаватель, который, впрочемъ, былъ у насъ недолго, около года, съ осени 1859 г. до 10 мая 1860 г. [2]). Послѣ него преподаваніе греческаго языка было временно поручено баккалавру А. И. Предтеченскому (съ 15 мая 1860 г. до 10 ноября 1861 г.). Если что осталось отъ о. Веглериса въ памяти, то это нѣсколько греческихъ фразъ, да ожесточенные его нападки на Еразма за введенное этимъ ученымъ произношеніе нѣкоторыхъ греческихъ словъ. О. Веглерисъ не находилъ словъ для выраженія своего негодованія, когда гово-

---

[1]) Архидіаконъ Григорій Веглерисъ, послѣдній, 21-й магистръ XVI курса (1853) кіевской акад. Онъ былъ родственникомъ знаменитаго константинопольскаго патріарха Григорія, мученически скончавшагося въ 1821 г. Подробн. біогр. Гр. Веглериса см. у И. А. Чистов. въ „Истор. спб. акад. 1858—1888 г.“ стр. 60—61.

[2]) Переведенъ онъ былъ 10 мая 1860 г. въ кіевск. акад. баккалавромъ греч. языка, но не захотѣлъ туда отправиться, а просилъ объ опредѣленіи его на мѣсто настоятеля греческой церкви въ Одессѣ, которое и получилъ, 26 окт. того же 1860 г. Скончался въ Кон—лѣ въ 1866 г.

рилъ объ этомъ произношеніи, усвоенномъ нашими свѣтскими учебными заведеніями. Онъ положительно выходилъ изъ себя, когда говорилъ объ Еразмѣ; самый обычный эпитетъ, къ нему прилагаемый былъ: «діаволосъ». Наконецъ, никогда не забудется великолѣпная наружность этого грека-баккалавра. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ собой, брюнетъ, съ очень правильными чертами лица, красивыми глазами, великолѣпными волосами, умѣренно полный, средняго роста, съ прекрасными манерами, величавой осанкой. Вѣроятно, онъ имѣлъ немало поклонницъ среди дамъ [1]). Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ плоховато [2]).

Еврейскій языкъ преподавалъ также природный еврей, экстр. профессоръ спб. университета Д. А. Хвольсонъ [3]), у насъ въ академіи состоявшій (до 1869 г.) въ званіи приватнаго преподавателя, большой знатокъ своего предмета, уже и тогда извѣстный ученый гебраистъ. Къ сожалѣнію, онъ не приспособился къ преподаванію еврейскаго языка въ высшей духовной школѣ. Вмѣсто того, чтобы поболѣе занимать насъ переводами съ этого языка и чрезъ то пріохотить насъ къ его изученію, какъ дѣлалъ это когда-то (по сохранившемуся преданію) приснопамятный прот. Г. П. Павскій, онъ посвящалъ переводамъ слишкомъ мало времени, а больше занималъ насъ филологическо-грамматическими тонкостями. Эти тонкости, можетъ быть, очень важныя для записныхъ филологовъ восточнаго факультета, надоѣдали намъ, въ особенности чрезъ постоянное повтореніе одного и того же, охлаждали наше рвеніе къ изученію этого важнаго для богослова языка, и въ результатѣ мы мало имъ занимались, а знатоковъ его между нами, кажется, совсѣмъ не было.

Новые языки преподавали: французскій—бакк. М. О. Кояловичъ, нѣмецкій—бакк. И. Т. Осининъ, англійскій—преподаватель Г. Д. Бишопъ. Англійскій языкъ не былъ обязателенъ для всѣхъ студентовъ.

М. О. Кояловичъ, хорошо зная книжный французскій

---

[1]) Слышно было, что изъ-за нихъ онъ даже получилъ въ Одессѣ нѣкую аварію. За вѣрность слуха, конечно, ручаться трудно.

[2]) Вотъ образецъ одной фразы, которую онъ просилъ перевести на греческій языкъ: „мы имѣемъ нынце хоросаго, прекраснаго зима“.

[3]) Даніилъ Абрамовичъ Хвольсонъ, докторъ еврейской словесности, экстр. проф. спб. университета по восточному факультету, въ спб. дух. акад. съ 3 марта 1858 г.

языкъ, не владѣлъ разговорнымъ, но какъ пользовавшійся любовію и уваженіемъ преподаватель гражданской исторіи, располагалъ насъ къ занятіямъ и по изученію французскаго языка.

И. Т. Осининъ [1]), какъ родившійся заграницею въ Даніи, въ Копенгагенѣ (онъ былъ сынъ псаломщика тамошней посольской церкви), зналъ нѣмецкій языкъ не только книжный, но и разговорный, свободно говорилъ на немъ. Между прочимъ, онъ и насъ пріучалъ къ тому же, и хотя наши успѣхи въ этомъ отношеніи были очень невелики, но всетаки мы умѣли хоть съ грѣхомъ пополамъ составлять небольшія нѣмецкія фразы.

Г. Д. Бишопъ [2]), природный англичанинъ,—былъ прекраснымъ преподавателемъ англійскаго языка. Онъ очень хорошо, совершенно правильно и свободно говорилъ по-русски и, что особенно замѣчательно, когда переводилъ съ англійскаго языка на русскій, то русскій переводъ оказывался вполнѣ литературнымъ, даже изящнымъ, такъ что трудно было перевести лучше и природному русскому, обладающему литературнымъ вкусомъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей хорошо и скоро изучили англійскій языкъ подъ его руководствомъ. Были у Г. Д. Бишопа нѣкоторыя странности, безъ которыхъ не обходится, кажется, ни одинъ англичанинъ. У него была страсть приврать и присочинить [3]).

Тонъ академической жизни задавали лица начальствующія.

Во главѣ высшаго начальства стоялъ въ первый учебный годъ (1859/60) митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Григорій (Постниковъ) [4]). Митр. Григорія, всѣми глубоко чтимаго

---

[1]) Иванъ Терентьевичъ Осининъ, спб. семин., 1-й магистръ XXII к. (1857) спб. акад., баккал. обличительнаго богосл. съ 1857 г.

[2]) Генрихъ Джонъ Бишопъ, съ 1835 г. русскій подданный, въ с.-петербургской акад. съ 1856 г. (послѣ проф. М. А. Голубева, который преподавалъ англ. языкъ съ 1852—1856). † Бишопъ 1867.

[3]) Живо помню, какъ однажды приходитъ онъ въ классъ и самодовольно поглаживая свой подбородокъ (обычный его жестъ), говоритъ, что онъ *вчера* рано утромъ отправился на охоту, въ *Вятку*, съ какой-то знатной компаніей, чуть ли не съ посланниками, въ томъ числѣ англійскимъ, и поздно ночью, часовъ въ 12, былъ дома.

[4]) Егоръ Петровичъ, въ монаш. Григорій, Постниковъ, 3-й маг. I к. (1814) спб. акад., 1816—инспекторъ спб. академіи, 1817—докторъ богословія, 1819—ректоръ спб. академіи, 1822—еп. викар. ревельскій, 1826—еп. калужскій, 1829—архіеп. рязанскій, 1831—тверской, 1848—казанскій, 1856—митр. казанскій (26 авг.), митр. новгород. и с.-петербургскій (1 окт.) † 1860 г., іюня 17.

за его строгую аскетическую жизнь, твердость характера и ученые труды, въ особенности по изученію и обличенію русскаго раскола, мы видѣли въ академіи, вѣроятно, на рождественскомъ экзаменѣ. Довольно высокаго роста старецъ, съ строгими чертами блѣднаго лица,—такимъ онъ остался въ нашемъ представленіи. Но кромѣ впечатлѣнія отъ его наружности ничего другого въ нашей памяти не сохранилось.

Въ слѣдующіе годы нашего студенчества, равно какъ долго послѣ, въ годы нашей академической службы, митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ былъ преемникъ митр. Григорія, митрополитъ Исидоръ (Никольскій) [1]). О немъ придется еще много говорить впослѣдствіи.

Ближайшими къ намъ начальствующими лицами были ректоръ и инспекторъ.

Въ первый учебный годъ (1859/60) ректоромъ С.-Петербургской Академіи былъ архим., а потомъ (съ 13 сентября 1859 г.) епископъ выборгскій, викарій с.-петербургскій, Нектарій (Надеждинъ) [2]), человѣкъ мягкаго, привѣтливаго, довѣрчиваго характера [3]), болѣе или менѣе сочувствовавшій тогдашнимъ либеральнымъ вѣяніямъ, въ лучшихъ, конечно, ихъ сторонахъ, значительно ослабилъ суровость прежняго макарьевскаго († митр. Макарія Булгакова) режима. При проводахъ его студенты поднесли ему панагію. Это было дѣломъ по преимуществу студентовъ старшаго курса.

Въ остальные учебные годы (1860—1863) былъ ректоромъ преемникъ Нектарія, сначала также архимандритъ, а

---

[1]) Яковъ Сергѣевичъ Никольскій, въ монаш. Исидоръ, тульск., 2-й маг. VI к. (1826) спб. акад., 1826 — бакк. спб. акад., 1829—ректор. орлов. сем., 1833 — москов. сем., 1834 — вик. еп. дмитров., 1837 — еп. полоцкій, 1840—могилевск., 1841—архіеп., 1844—картал., экзархъ Грузіи, 1856—митрополитъ, 1858—митр. кіевскій, 1860—митр. новгор. и с.-петербургскій (1 іюля).

[2]) Николай, въ монаш. Нектарій (Надеждинъ), тамбов., 26-й маг. XI к. (1843) кіевск. акад., 1849—инсп. кіев. сем., 1851—ректоръ кіев. сем., 1856—ректор. новгор. сем., 1857—ректор. спбург. семин., 1859—ректор. спб. акад. и еп. выборгскій, 1860—еп. нижегород., 1867—архіеп., 1860—архіеп. харьковскій, † 1874.

[3]) Въ своихъ „Замѣткахъ и воспоминаніяхъ“ („Богосл. Вѣстн.“ янв. 1914 г.) митр. Леонтій, хотя и говоритъ о немъ, что онъ „искалъ популярности у студентовъ“, но въ концѣ концовъ называетъ его „человѣкомъ прекраснымъ по душѣ“.

потомъ (съ 1861 г., 12 іюня) епископъ выборгскій Іоанникій (Рудневъ) [1]), несравненно болѣе даровитый, чѣмъ его предшественникъ, но совсѣмъ другого характера, суроваго, недовѣрчиваго, подозрительнаго, не находившій ничего достойнаго сочувствія въ тогдашнихъ стремленіяхъ молодежи, задался цѣлію поднять упавшую дисциплину въ академіи. Что изъ этого вышло, увидимъ впослѣдствіи.

Первые полтора мѣсяца послѣ нашего поступленія въ академію у насъ въ сущности не было инспектора. Мы застали состоявшаго въ то время инспекторомъ архим. Епифанія (Избитскаго) [2]), изъ польскихъ дворянъ, изъ католицизма перешедшаго въ православіе. Онъ былъ, такъ сказать, на отлетѣ, ждалъ назначенія на другую должность, которое послѣдовало 2 сент. того же 1859 г. Затѣмъ нѣсколько дней (10-ть), не вступая въ должность инспектора, числился въ ней архим. Асинкритъ (Верещагинъ) [3]), назначенный (5 сент.), но по его прошенію, уволенный (15 сент.) отъ духовно-учебной службы. Прошелъ еще мѣсяцъ и 15 окт. мы получили наконецъ инспектора въ лицѣ архим. Павла (Лебедева † архіеп. казан-

---

[1]) Иванъ, въ монаш. Іоанникій Рудневъ, тульск., 1-й маг. XIV курса (1849) кіевск. акад., 1849—бакк. кіевск. акад. по Св. Пис., 1856—инсп. кіевск. акад., 1858—ректор. кіевск. сем., 1859—кіевск. акад., 1860—ректор. спб. акад., 1861—еп. выборгскій, 1864—еп. саратовскій, потомъ еп. нижегородскій, архіеп. и экзархъ Грузіи, митроп. московскій и † митроп. кіевскій.

[2]) Епифаній (въ мірѣ Евстафій Избитскій), изъ польскихъ дворянъ волынской губ., сначала католикъ, обучался въ виленской акад., потомъ въ 1841 въ кіевск. университетѣ по философскому факул., гдѣ получилъ степень магистра, въ 1846—учитель черниговской гимн., 1851—учит. житомирскаго раввинскаго учил., 1854—принялъ православіе, 1856 г.—12-й магистръ москов. акад. XX курса, 1856—инспект. виѳанской сем., 1858—инсп. спбургской акад., 1859—ректор. кавказск. сем., 1861—оставилъ дух. учебн. службу, жилъ въ моск. Симоновомъ мон., 1866—членъ Забайкальской миссіи, † 1869 тамъ же, въ Забайкальѣ.

[3]) Іером. Асинкритъ (Верещагинъ), 3-й маг. XX (1853) курса спб. акад., 1853—баккал. по патристикѣ въ спб. акад., 1855—инспект. петрозав. сем., 1859—назначенъ инсп. спб. акад. и, послѣ отказа его отъ этого назначенія, настоятель новгородск. Сковородскаго мон., а потомъ инсп. новгород. сем. и ректоръ калужской, вскорѣ скончался. По слухамъ и по печатнымъ отзывамъ (Ист. спб. акад." И. А. Чистов. стр. 14), „это былъ человѣкъ даровитый, но крайне мнительный и вдобавокъ болѣзненный". Онъ былъ назначенъ инспекторомъ прямо „съ присвоеніемъ ему званія ординарн. проф.".

скій) [1]), который пробылъ у насъ около двухъ лѣтъ (съ 15 окт. 1859 по 23 авг. 1861 г.), т. е. въ теченіе всего младшаго курса и оставилъ по себѣ хорошую, благодарную память. Мы недостаточно его цѣнили въ бытность его инспекторомъ и вспомнили о немъ, когда перешли на старшій курсъ, когда разыгралась октябрская (4 окт. 1861 г.) исторія со всѣми ея послѣдствіями и вліяніемъ на складъ нашей жизни въ послѣдніе два года пребыванія въ академіи.

Но о дисциплинѣ и порядкахъ нашей студенческой жизни на младшемъ курсѣ скажемъ потомъ, теперь же перейдемъ къ нашимъ учебнымъ занятіямъ на этомъ курсѣ.

Скоро мы поняли, что система академическаго образованія очень напоминаетъ систему тогдашняго семинарскаго. Какъ тамъ все было направлено къ нашему формальному развитію, преимущественно къ упражненію въ письменныхъ работахъ, такъ—и здѣсь въ академіи. Различіе было только въ характерѣ чтеній, да еще въ томъ, что въ семинаріи задавали намъ уроки и каждый классъ спрашивали у насъ отчетъ въ усвоеніи заданнаго, а здѣсь въ академіи нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ читали намъ лекціи и не контролировали насъ въ ихъ усвоеніи, задавая въ то же время много сочиненій, не менѣе 5 (съ проповѣдью) въ годъ.

Что касается лекцій, то мы слушали внимательно только любимыхъ и интересныхъ для насъ преподавателей. У другихъ или сидѣли въ классѣ (во избѣжаніе инспектора Павла, часто посѣщавшаго занятныя комнаты, во время лекцій), занимаясь въ это время чѣмъ попало, или скрывались въ такъ называемыхъ «катакомбахъ»,—хлѣбопекарнѣ, куда отправлялись, кстати сказать, и въ другое время, любители табаку, чтобы покурить. Зная такое отношеніе студентовъ къ лекціямъ, тѣ профессоры, которые желали имѣть у себя полную и внимательную аудиторію, старались всячески заинтересовать своихъ слушателей. Отсюда велъ начало характеръ нѣкоторыхъ чтеній, отсюда—приправа къ нимъ (остроты, соль ихъ).

---

[1]) Іеромонахъ Павелъ Лебедевъ, тверск., 8-й маг. XX (1853) курса спб. акад., 1853—препод. спб. сем., 1857—инспект. спб. сем., 1859—инсп. спб. акад., 1861—ректоръ смоленск. сем., 1866—ректор. петерб. сем., 1868—еп. выборгскій, вик. спб., 1869—еп. ладожскій, вик. спб., 1871—еп. кишиневск., потомъ архіеп. экзархъ Грузіи, архіеп. казанскій, † въ Казани. Инспекторомъ спб. акад. онъ былъ съ званіемъ экстраорд. профессора.

Отчетъ въ усвоеніи лекцій мы давали на экзаменахъ, два раза въ годъ,—рождественскихъ и предъ лѣтними каникулами,—и на репетиціяхъ предъ экзаменами. Но этотъ отчетъ не имѣлъ серьезнаго характера.

Репетиціи производили не всѣ профессоры,—нѣкоторые не дѣлали ихъ вовсе, сберегая время для лекцій. Помню репетиціи только нѣкоторыхъ: В. Н. Карпова и въ особенности К. И. Лучицкаго, аккуратно и строго ихъ выполнявшаго. Да и для репетицій выдавались въ большинствѣ случаевъ особыя литографированныя лекціи, содержавшія нерѣдко не то, что читалось, а то, что представлялось къ экзаменамъ. Такой обычай выдаванія особыхъ записокъ для экзаменовъ явился, вѣроятно, изъ опасенія цензуры со стороны властей: ректоровъ, митрополитовъ и академическихъ ревизоровъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ выдавали для репетицій и экзаменовъ болѣе или менѣе подробныя программы прочитаннаго, напр. В. Н. Карповъ—по психологіи.

Экзамены велись такъ же, какъ въ семинаріяхъ, т. е. спрашивали не каждаго студента по каждому предмету, а одного по одному, другого по другому. Студенческіе экзамены совершенно вышли изъ памяти. Хорошо помню одинъ только экзаменъ, лѣтній, послѣдній въ младшемъ курсѣ. Былъ митр. Исидоръ. Оказывается, въ 1861 г., онъ былъ ревизоромъ въ академіи,—обстоятельство, которое я совершенно забылъ, но которое напомнили мнѣ дѣла академическаго архива. На этотъ разъ онъ производилъ ревизію лично, а не поручилъ ее, какъ дѣлалъ онъ это въ послѣдующіе годы, своимъ викаріямъ. Итакъ шелъ экзаменъ, конечно, въ залѣ. Экзаменовали по разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ по логикѣ, психологіи и исторіи философіи. Меня пока не вызывали. Вдругъ митрополитъ, обращаясь къ ректору, пр. Іоанникію, проситъ спросить кого-нибудь по исторіи новой философіи, именно о Гегелѣ. Едва товарищи услыхали, что экзаменъ переходитъ на новую философію, какъ масса ихъ обращается въ бѣгство изъ залы. Бѣглецы надѣялись, что ихъ спросятъ по другому предмету, а не по новой философіи; записки В. Н., изложенныя, какъ выше замѣчено, труднымъ для усвоенія способомъ, ихъ пугали. Пр. Іоанникій вызываетъ меня. Въ своемъ отвѣтѣ я совершено отрѣшился отъ того, что изложено было въ сданныхъ намъ В. Н. запискахъ, боясь запутаться, припоминая прочитанное, бойко началъ излагать систему воззрѣній Гегеля

такъ, какъ усвоилъ ее отчасти изъ чтеній профессора, отчасти изъ сочиненій извѣстнаго гегельянца Бѣлинскаго, которыя мы тогда очень много читали. В. Н. далъ мнѣ высказать все, что я зналъ, ни разу не остановилъ и не сдѣлалъ ни одного возраженія. Остался, повидимому, доволенъ и митрополитъ. Въ заключеніе онъ замѣтилъ, что нѣчто подобное воззрѣніямъ Гегеля встрѣчается и въ философіи индійцевъ и китайцевъ. Нѣкоторые изъ товарищей сказали мнѣ потомъ спасибо за то, что я вынесъ на своихъ плечахъ тяжесть, которая могла обрушиться на каждаго изъ нихъ. Не помню, спрашивали ли еще кого, кромѣ меня, по этому предмету,—кажется, моимъ отвѣтомъ экзаменъ по нему и закончился.

Вообще, экзамены тогда не имѣли для студентовъ важнаго значенія. Они имѣли характеръ только провѣрки какъ знанія студентовъ, такъ и успѣшности преподаванія и направленія чтеній профессоровъ. Преподаватели старались на экзаменѣ показать и себя съ лучшей стороны; отсюда особенныя для экзаменовъ литографированныя лекціи, отсюда и вызовъ лучшихъ студентовъ для отвѣтовъ [1]). Наши экзаменскіе отвѣты не особенно цѣнились. Вотъ взглядъ на нихъ одного изъ нашихъ особенно даровитыхъ товарищей (М. И. Владиславлева), высказанный мнѣ какъ-то въ разговорѣ: «плохо, если на экзаменѣ совсѣмъ срѣжешься, очень плохой отвѣтъ запомнятъ, а затѣмъ, если отвѣтишь прекрасно или только удовлетворительно, это рѣшительно все равно; главное—сочиненія, ихъ всего болѣе цѣнятъ». На сочиненія поэтому и обращено было особенное наше вниманіе, на нихъ уходило главнымъ образомъ наше время, остающееся отъ чтенія любимой тѣмъ, или другимъ студентомъ литературы [2]).

---

[1]) Этимъ объясняется, почему при митр. Исидорѣ вызвали для отвѣта по новой философіи именно меня. Вѣроятно, у В. Н. по списку (если только былъ такой списокъ) я стоялъ въ числѣ первыхъ, или имѣлъ (въ алфавитномъ спискѣ) высшій баллъ—10.

[2]) Кромѣ научныхъ сочиненій и книгъ (вродѣ Иліады Гомера и Одиссеи, твореній Платона, Пропилей Каткова и Леонтьева, „Введенія въ философію“—Θ. Θ. Сидонскаго, Энциклопедіи законовѣдѣнія—Неволина, исторій Шлоссера, Маколея и др.), мы читали новости тогдашней беллетристики, произведенія Писемскаго, Островскаго, Достоевскаго, Некрасова, Добролюбова и Чернышевскаго. Романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“ печатался на нашихъ глазахъ въ книжкахъ „Современника“ и, конечно, каждая книжка этого журнала ожидалась съ нетерпѣніемъ. Кстати сказать, это пресловутое произведеніе совсѣмъ не понравилось

Сочиненій тогда давалось не менѣе 4, а съ проповѣдью 5 въ каждый годъ, такъ что за два года въ младшемъ курсѣ написано было нами 10 сочиненій. Всѣ они у меня сохранились (кромѣ одной проповѣди). Темы для нихъ были слѣдующія. Первыя—по патристикѣ и русской гражданской исторіи: «Кому писалъ свое посланіе св. ап. Варнава»; «Достоинства и недостатки трудовъ Устрялова по русской исторіи» (въ рецензіи М. О. Кояловича мое сочиненіе названо «очень замѣчательнымъ трудомъ»). Далѣе—по общей гражд. исторіи: «Справедливо ли дѣленіе всеобщей исторіи на древнюю, среднюю и новую»? По философіи: «Чѣмъ отличается представленіе философское отъ обыкновеннаго?» (читалъ И. А. Чистовичъ). Это въ первый годъ. Во второй: «О вліяніи логики на практическую жизнь» (чит. В. Н. Карповъ, оригинальна его подпись: «очень благодаренъ!»). По патристикѣ: «О желательной постановкѣ патристики, какъ науки». По общей исторіи: «Общій, основной характеръ гражданской жизни языческаго міра и главныя, частныя проявленія онаго въ разныхъ странахъ» (чит. А. И. Пр—ій, въ подписи выражено «желаніе рецензента получить отъ автора копію этого сочиненія»), наконецъ по исторіи философіи: «Происхожденіе и различныя выраженія идеи судьбы въ древней греческой философіи» (чит. И. А. Чистовичъ).

Послѣднія два мои сочиненія предназначались для прочтенія на публичномъ экзаменѣ 1861 г., сначала оба, а потомъ, по соглашенію между профессорами, одно, по общей гражданской исторіи, такъ какъ каждый студентъ могъ выступить предъ публикой только съ однимъ сочиненіемъ [1]).

мнѣ, да сколько помнится, и нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей, своею крайнею утопичностью, недостаткомъ художественности, длинными разсужденіями педантическаго характера, а предисловіе даже изумило своею крайнею дерзостью и совершенно неприличнымъ обращеніемъ къ читателямъ.

[1]) Сначала призвалъ меня А. И. Предтеченскій и предложилъ читать на экзаменѣ писанное на его тему сочиненіе („Общій основной характеръ“ и пр.), а потомъ черезъ 2—3 дня призываетъ меня И. А. Чистовичъ и дѣлаетъ такое же предложеніе относительно моего соч. на его тему („Происх. и различн. выраженія идеи судьбы въ древ., греч. фил.“). Давъ обѣщаніе переговорить съ своимъ коллегою (Пр—мъ), И. А. Ч. замѣтилъ, помнится, что въ случаѣ его несогласія уступить меня, онъ изберетъ сочиненіе моего пріятеля, Н. Г. Благовѣщенскаго. Чьи еще сочиненія намѣчались тогда для прочтенія на публ. экз., не могу припомнить.

Если не ошибаюсь, всѣ мои сочиненія въ общемъ были самыми лучшими изъ числа писанныхъ студентами нашего младшаго курса. Изъ всѣхъ 8 сочиненій 5 имѣли высшій баллъ 10 и 3 баллъ 9—10 [1]). Такимъ образомъ, въ первые же два года моего студенчества мнѣ удалось загладить позоръ неудачнаго моего дебютированія въ академіи своими сочиненіями, на пріемномъ экзаменѣ. Что касается вообще моихъ успѣховъ въ младшемъ курсѣ, то судя по итогу балловъ, по сочиненіямъ и по устнымъ отвѣтамъ, за первые два года, я долженъ былъ занять въ спискѣ третье мѣсто. Ѳ. Г. Елеонскій, судя по балламъ, также долженъ былъ стоять высоко, несомнѣнно въ первомъ десяткѣ [2]).

Предъ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ, кромѣ обычныхъ экзаменовъ, были еще публичные. Публичнаго экзамена въ первый учебный годъ 1859—60 совершенно не помню, да едва ли онъ и былъ, такъ какъ митр. Григорій (Постниковъ) скончался 17 іюня 1860 г. Кончина его, вѣроятно, помѣшала устроенію этого экзамена. Помѣшала она и нашему обычному отпуску на каникулы (около 15 іюня). Въ этомъ году отпустили насъ послѣ 30 іюня, послѣ нашего храмоваго академическаго праздника (12-ти Апостоловъ), который, чего кажется никогда потомъ не бывало, академія провела при полномъ составѣ своихъ тогдашнихъ студентовъ. За поздній нашъ

---

[1]) Проповѣдь одна („въ недѣлю по воздвиженіи“) также имѣла высшій баллъ 10 и только первая проповѣдь (на день Покрова Пр. Богородицы) имѣла довольно низкій баллъ, кажется, 8 (она у меня не сохранилась). Тутъ погубила меня публицистическая тенденція: выходя изъ идеала Богоматери, я отчасти въ защиту тогдашнихъ поборниковъ женской эмансипаціи, отчасти въ опроверженіе крайнихъ, утопическихъ ихъ идей, хотѣлъ выяснить идеалъ женщины, истинной христіанки. Но К. И. Лучицкій, который читалъ наши сочиненія этого рода, не любилъ проповѣдей съ претензіей на современность, да и я, конечно, далеко не былъ опытнымъ ораторомъ.

[2]) Разбирая дѣла академическаго архива за учебные годы 1859—1860 и 1860—1861, я не нашелъ разрядного списка по успѣхамъ (вѣроятно, онъ или гдѣ нибудь застрялъ между бумагами, или не составлялся), а встрѣтилъ только алфавитный списокъ, писанный рукою тогдашняго секретаря академическаго правленія и конференціи, проф. Е. И. Ловягина, съ сводкою балловъ по устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ. Общій итогъ балловъ выставленъ противъ М. И. Владиславлева—120$^{3}/_{4}$, Т. В. Барсова—120$^{1}/_{4}$, А. Катанскаго—118$^{3}/_{4}$, Ѳ. Г. Елеонскаго—115. Противъ же Ник. Ив. Барсова, который принятъ былъ въ академію подъ № 1,—109$^{1}/_{2}$.

отъѣздъ мы вознаграждены были рѣдкимъ зрѣлищемъ очень торжественныхъ похоронъ почившаго, приснопамятнаго митр. Григорія. Мы присутствовали въ Лаврскомъ Соборѣ, поставлены были какъ разъ сзади всей Царской Фамиліи, а по выносѣ тѣла изъ Собора, послѣ отпѣванія, разставлены были по аллеѣ, ведущей отъ Лаврскаго собора къ академіи. Здѣсь мимо насъ прошелъ Государь Императоръ Александръ II, подъ руку съ Великою Княгинею Александрою Іосифовною, супругою Вел. Кн. Константина Николаевича, поразившею насъ своею красотою.

Публичный экзаменъ во второй учебный, 1860—1, годъ мнѣ очень памятенъ. На немъ должны были читаться наши сочиненія, въ томъ числѣ, какъ замѣчено выше, и мое—по общей гражданской исторіи. Предъ наступленіемъ экзамена, баккалавръ А. И. Предтеченскій счелъ нужнымъ сдѣлать со мною маленькую репетицію чтенія, поставилъ меня въ пустой залѣ на каѳедрѣ и заставилъ читать мое произведеніе, что́ было далеко не излишне, такъ какъ читать публично я вовсе не умѣлъ. Однако, ни мнѣ и никому изъ студентовъ младшаго курса читать не пришлось. Читались сочиненія только студентовъ старшаго, оканчивавшаго тогда академію курса (XXIV, 1857—1861 г.), да и изъ нихъ едва ли не одно только сочиненіе студ. П. А. Лебедева (2-й маг., † прот. Пажескаго Корп. и членъ Учебн. Ком. при Св. Синодѣ), о бл. Августинѣ и борьбѣ его съ Пелагіемъ. Присутствовали на экзаменѣ: митр. Исидоръ, члены Св. Синода, немало духовенства и другихъ почетныхъ лицъ. Былъ и тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода (1856—1865), графъ Алекс. Петр. Толстой, извѣстный своею религіозностью и благочестіемъ. Удивилъ онъ насъ знаніемъ ученія бл. Августина и его твореній. Во время чтенія вышеупомянутаго сочиненія, гр. А. П. совершенно неожиданно выступилъ съ своими возраженіями лектору. Между присутствовавшими лицами изъ духовенства наше вниманіе обратила въ особенности одна очень интересная личность: случайно бывшій въ Петербургѣ, пріѣхавшій изъ Парижа, настоятель парижской посольской церкви, прот. І. В. Васильевъ. Онъ уже тогда пользовался громкою извѣстностью и славою и заграницей и въ Россіи, благодаря своей въ высшей степени энергической дѣятельности, во время восточной войны, по уходу и попеченію о больныхъ, раненыхъ и плѣнныхъ русскихъ (1854 г.) во Франціи, въ особенности же—построй-

кой русской православной церкви въ Парижѣ [1]), основаніемъ и изданіемъ въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, православнаго журнала L'Union Chretienne (первый № появился 8 ноября 1859 г.) и знаменитыми, прогремѣвшими на всю Россію «Письмами къ нантскому епископу», только что напечатанными въ апрѣлѣ и маѣ 1861 г., въ томъ же французскомъ журналѣ. О. прот. І. В. Васильевъ былъ тогда еще въ цвѣтѣ силъ, сравнительно молодъ; ему было около 40 лѣтъ; производилъ впечатлѣніе своимъ весьма умнымъ, выразительнымъ, энергическимъ лицомъ. Никакимъ образомъ не могло мнѣ тогда придти въ голову, что это мой будущій тесть.

Въ заключеніе воспоминаній изъ первыхъ двухъ лѣтъ студенчества слѣдуетъ сказать объ академическихъ порядкахъ жизни казеннокоштныхъ студентовъ, о дисциплинѣ.

Инспекторъ, архим. Павелъ (Лебедевъ, † архіеп. казанскій), прожившій съ нами первые два учебныхъ года, питомецъ макарьевскихъ (Макарія Булгакова, митр. московск.) временъ, т. е. періода очень строгой дисциплины, былъ человѣкъ спокойный, ровный, разсудительный, хотя не слабаго характера, но умѣвшій различать «времена и лѣта», понимавшій тогдашнее настроеніе студентовъ, дѣлавшій несущественныя уступки времени, чтобы сохранить существенное, главное въ дисциплинѣ [2]). поэтому студенческая жизнь при немъ шла ровно, дисциплина поддерживалась въ академіи и стояла если далеко не на уровнѣ макарьевскихъ временъ, то приблизительно къ этому уровню. Она была значительно поколеблена еще ранѣе, при инспекторахъ архим. Викторинѣ (Любимовѣ) и Епифаніѣ (Избитскомъ), въ предшествующіе два года (1857 и 1858), въ особенности при Викторинѣ [3]).

---

[1]) Въ этомъ 1861 г. онъ пріѣзжалъ въ Россію, чтобы хлопотать о торжественномъ освященіи созданнаго имъ великолѣпнаго храма въ Парижѣ, съ участіемъ непремѣнно православнаго епископа, что̀ послѣ многихъ хлопотъ ему и удалось. Посланъ былъ въ Парижъ еп. ревельскій, викарій спбургскій Леонтій (Лебединскій, † митр. московскій), который и совершилъ, въ томъ же году, освященіе нашего православнаго храма въ столицѣ Франціи.

[2]) Напрасно митр. Леонтій въ своихъ „Мои замѣтки и воспоминанія“ (Богосл. Вѣстн. 1914 янв. стр. 137. 140) укоряетъ его за стремленіе „популярничать“ и „приспособляться“ къ взгляду тогдашняго ректора пр. Нектарія.

[3]) Викторинъ (Любимовъ), калуж., 6-й маг. XX (1853) курса спб. акад., 1853—инсп. смоленск. сем., 1857 — инсп. спб. акад., 1858 — ректор.

Вотъ порядокъ нашей жизни въ младшемъ курсѣ. Каждый день, кромѣ кануновъ и утра праздниковъ, полагались вечернія и утреннія молитвы, которыя совершались въ академическомъ храмѣ, съ обязательнымъ на нихъ присутствіемъ всѣхъ студентовъ и инспектора или его помощника. Посѣщеніе богослуженій въ воскресные и праздничные дни также было обязательно для всѣхъ студентовъ, при чемъ они должны были стоять рядами, студенты старшаго курса—на правой сторонѣ, младшаго—на лѣвой. Даже въ столовую они [1]) должны были идти попарно, не ранѣе звонка и прибытія помощника инспектора, который ходилъ по столовой въ теченіе всего обѣда и ужина (ужинъ состоялъ изъ одного блюда) [2]). Утромъ, послѣ молитвы, въ 8 часовъ, и вечеромъ въ 4 часа полагался чай съ булкою; чай и сахаръ ($^1/_8$ ф. перваго и 2 ф. второго въ мѣсяцъ) выдавались отъ казны.

Инспекція наблюдала за аккуратнымъ посѣщеніемъ студентами какъ вечернихъ и утреннихъ молитвъ, такъ и лекцій, для чего обходила часто въ это время жилыя комнаты и спальни, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли уклоняющихся отъ исполненія студенческаго долга. Наблюдала также и за занятіями студентовъ

костр. сем., 1860—ректъ. тифлис. сем., 1868 — еп. чебоксарскій, 1874—полоцкій, 1882—подольскій, † 1882. Онъ напечаталъ книгу „Другъ духовнаго юноши“, полную самыхъ мелочныхъ правилъ поведенія студентовъ и требовалъ ихъ исполненія. Результатомъ было возмущеніе студентовъ противъ инспектора и исключеніе 6 человѣкъ, главныхъ виновниковъ безпорядковъ.—А инсп. Епифаній (Избитскій), воспитанникъ польскихъ католическихъ школъ, держался іезуитской системы надзора надъ студентами, которая также не приносила хорошихъ плодовъ и только напрасно раздражала студентовъ. Все это дошло до насъ по преданію отъ предшествующихъ курсовъ.

[1]) Памятенъ мнѣ первый обѣдъ въ академической столовой. Будучи тогда въ угнетенномъ состояніи духа и незнакомый съ порядками общежитія, я до того растерялся, что сѣлъ не противъ назначеннаго для каждаго студента прибора, а посрединѣ двухъ приборовъ и очутился рядомъ съ Н. Г. Благовѣщенскимъ. Видя мое смущеніе, онъ подѣлился со мною своею порціею, и съ тѣхъ поръ начались между нами пріятельскія отношенія, не прекратившіяся до самой его кончины. Скончался этотъ очень даровитый мой товарищъ, послѣ службы въ витебской семинаріи и инспекторства по народнымъ училищамъ Мин. Нар. Просв., въ Петербургѣ, въ отставкѣ.

[2]) Въ замѣнъ второго блюда, за счетъ отпускаемой на него суммы, литографировались лекціи. Дѣлалось это и ранѣе насъ, съ согласія и по просьбѣ самихъ студентовъ, какъ говорили студенты старшаго курса.

во внѣклассное время въ жилыхъ комнатахъ, требовала, чтобы всѣ сидѣли за столами, а не бродили по комнатамъ и не лежали на диванахъ. Въ комнатахъ, конечно, запрещалось курить, да и вообще куренье табаку не жаловалось; замѣчались даже и тѣ, которые для этой цѣли ходили въ «катакомбы» (хлѣбопекарню).

Въ городъ мы имѣли право отлучаться только два раза въ недѣлю, въ воскресенье и четвергъ, при чемъ должны были записываться въ особую книгу съ обозначеніемъ того, куда намѣрены отправиться, и получали на выходъ маленькій печатный билетикъ. Мы съ Ѳ. Г. Ел. отлучались изъ академіи очень рѣдко, такъ какъ не имѣли знакомыхъ въ городѣ, кромѣ одного семейства— протодіакона Зимняго Дворца В. Д. Николаевскаго [1]), а потомъ на второй годъ—моего родственника, вице-директора медицинскаго департамента, доктора медицины Н. И. Розова [2]), да еще товарищей по семинаріи, студентовъ университета (П. Ѳ. Лебедева) и медицинской академіи (М. М. Добротворскаго), которые также съ своей стороны иногда навѣщали насъ въ академіи.

По возвращеніи въ академію изъ города студенты съ своими отпускными билетами должны были являться къ инспектору, къ 9 часамъ вечера. Въ это же время являлись къ нему и комнатные старшіе съ докладомъ, все ли у нихъ благополучно, а

---

[1]) Протод. В. Д. Николаевскій былъ нижегородецъ, товарищъ моего отца по семинаріи. Предъ окончаніемъ нашего семинарскаго курса онъ пріѣзжалъ въ Нижній и былъ у насъ съ своими сыновьями, учившимися въ спб. сем., нашими сверстниками, Н. В. Николаевскимъ (нынѣ митроф. протоіерей Конногвардейской церкви въ С.-Петербургѣ) и А. В. Николаевскимъ (также митрофорн. прот., бывшій 27 лѣтъ настоятелемъ Вѣнской посольской церкви, въ прошломъ 1913 г. скончавшійся). Мы тогда познакомились съ этимъ почтеннымъ семействомъ, и это знакомство очень намъ пригодилось, когда пріѣхали въ Петербургъ. Привѣтливость и радушіе, которыя мы тутъ встрѣтили, были очень для насъ дороги. Посѣщенія этого семейства, которое насъ пригрѣло, скрасили нашу жизнь въ непривѣтливой казенной обстановкѣ.

[2]) Ник. Игн. Розовъ, двоюродный братъ моей матери, изъ философскаго класса нижег. сем. поступилъ въ казанскій университетъ, былъ въ немъ, по окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ, прозекторомъ, потомъ—инспекторомъ врачебной управы въ Вяткѣ и Воронежѣ, вице-директоромъ медицинскаго департамента, затѣмъ директоромъ и предсѣдателемъ ветеринарнаго комитета. Скончался въ 1886 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника. Былъ очень религіозенъ.

также дежурный старшій по всей академіи. Въ 11 часовъ запирались занятныя комнаты.

Такіе порядки соблюдались довольно аккуратно въ первый нашъ учебный годъ. На слѣдующій—начались постепенно нѣкоторыя, впрочемъ небольшія, отступленія, въ особенности относительно выхода въ городъ. Мы уже довольно свободно уходили изъ академіи и въ другіе дни, кромѣ двухъ для того назначенныхъ, неаккуратно записывались въ книгу для выхода въ городъ, а потомъ (впрочемъ, кажется, уже на третій годъ, послѣ инспектора архим. Павла) исчезла и самая книга. Въ то время, 1860—1861 годы, начались воскресныя школы, въ которыхъ участвовали и мы студенты духовной академіи. Въ студенческихъ комнатахъ начали появляться тогдашніе дѣятели по устроенію этихъ школъ: военный генералъ-аудиторъ Философовъ и свящ. А. В. Гумилевскій [1]). Изъ студентовъ особенно живое участіе въ воскресныхъ школахъ принималъ студентъ старшаго курса, В. Г. Пѣвцовъ (1-й маг. XXIV к. 1861 г., † профес. богосл. и прот. Училища Правов.). Мы съ Ѳ. Г. Ел. также занимались въ одной изъ воскресныхъ школъ, именно владимірской, которую однажды, когда мы были въ ней, посѣтилъ даже тогдашній министръ Нар. Просв. (1858—1861 г.) Е. П. Ковалевскій.

Вообще же и во второй учебный годъ поддерживалась въ академіи умѣренно строгая дисциплина, благодаря главнымъ образомъ инспектору архим. Павлу. Не то было въ слѣдующіе два года, когда мы перешли на старшій курсъ, когда ушелъ прежній инспекторъ, а новый долго, до мая мѣсяца, не пріѣзжалъ, бразды же правленія взялъ въ свои руки преемникъ пр. Нектарія, пр. Іоанникій. Что вышло изъ такихъ перемѣнъ въ академической администраціи, увидимъ далѣе.

Старшій курсъ—$186^1/_2$ и $186^2/_3$ годы.

Благополучно перешли мы осенью 1861 г. изъ младшаго курса въ старшій, но очень неблагополучно его начали.

---

[1]) А. В. Гумилевскій, петерб., 7-й маг. XXI к. (1855) спб. акад., свящ. Христорожд., что на Пескахъ, церкви въ СПБ., за горячую проповѣдь по случаю освобожденія крестьянъ, перемѣщенъ, какъ тогда говорили, въ г. Нарву. Скончался 1869 г. Онъ былъ одинъ изъ соредакторовъ передоваго тогда петербургскаго духовнаго журнала „Духъ христіанина“ и былъ въ близкихъ, повидимому, отношеніяхъ съ П. И. Шалфеевымъ, его товарищемъ по студенчеству.

Лучшихъ по успѣхамъ студентовъ назначили комнатными старшими, первыхъ по списку—надъ своими же товарищами, а другихъ—надъ студентами младшаго, только-что сформировавшагося XXVI курса. Меня назначили въ комнату, одну изъ самыхъ лучшихъ, крайнюю къ залу, примыкающую къ нему, № 9, населенную моими же товарищами, а слѣдующая за нашей комнатой, угловая, самая лучшая, наиболѣе свѣтлая комната, также съ нашими товарищами (кажется № 10) поручена была старшинству М. И. Владиславлева. Въ какой комнатѣ назначенъ былъ старшимъ Ѳ. Г. Ел—ій, не помню.

Начались лекціи и благополучно шли до 4 октября 1861 г., когда произошло нѣчто, совершенно для насъ неожиданное, выведшее насъ изъ обычной колеи и имѣвшее огромныя для всего нашего XXV курса послѣдствія, именно—«*случай въ греческомъ классѣ*», какъ нижеописываемое событіе названо моск. митр. Филаретомъ въ его мнѣніяхъ и отзывахъ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать свои воспоминанія, съ большимъ смущеніемъ и даже страхомъ думалъ я о томъ, какъ мнѣ удастся описать этотъ поистинѣ несчастный «случай». Боялся, съумѣю ли безпристрастно отнестись съ одной стороны къ своимъ товарищамъ и отчасти къ себѣ самому, игравшему тутъ нѣкоторую, хотя и маленькую, роль, съ другой—что конечно самое главное—къ такой извѣстной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной и достопочтенной личности, какъ тогдашній нашъ ректоръ, пр. Іоанникій († митр. кіевскій) почтительная память о которомъ еще жива у многихъ доселѣ и, конечно, никогда не умретъ въ исторіи нашей церкви. Всего болѣе боялся оскорбить именно его память. Къ великому для меня счастью и облегченію труднаго моего положенія, на дняхъ, какъ нельзя болѣе кстати, появились воспоминанія митр. московскаго Леонтія (Лебединскаго) [2]), совершенно под-

[1]) „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митр. москов“ т. V, ч. I, стр. 151—155.

[2]) Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій (въ мон. Леонтій), воронеж., 5-й маг. XVII (1847) курса спб. акад., 1847—преп. спб. сем. и въ томъ же году инсп. кіевск. акад., 1856–1860 — ректоръ семинарій владимір., новгород. и с.-петерб., 1860—еп. ревельскій, 1863—еп. подольскій, 1873—архіеп., 1874—архіеп. херсонскій, 1875—варшавскій, 1891—митр. московскій, † 1893. Вдобавокъ онъ былъ товарищемъ по студенчеству проф. Е. И. Ловягина, тогдашняго секретаря правленія и конференціи и отъ него могъ многое узнать о положеніи академическихъ дѣлъ.

тверждающія тотъ взглядъ на нижеописываемыя событія, который давно у меня составился и утвердился. Свидѣтельство почившаго митр. Леонтія тѣмъ важнѣе, что въ качествѣ тогдашняго спб. викарія, еп. ревельскаго, онъ не только былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, но и привлеченъ митр. Исидоромъ къ официальному разслѣдованію нашего дѣла.

Вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) этотъ приснопамятный святитель, отличавшійся всегда большимъ добродушіемъ и прямотою характера. Начинается разсказъ съ самаго перваго момента, съ назначенія архим. Іоанникія ректоромъ нашей академіи.

„Назначеніе (архим. Іоанникія) состоялось. И вотъ мы, старые знакомые (по Кіеву), опять свидѣлись. Архим. Іоанникій взялся за дѣло съ ревностью, но съ инспекторомъ (архим. Павломъ), на первыхъ же порахъ, несогласно во взглядахъ, хотя по своей сдержанности не высказывалъ этого ясно. Духъ академіи, какъ я сказалъ прежде, былъ свободный и нужно было съ умѣньемъ, безъ поблажки, исправить запущенное. Инспекторъ, державшійся Нектаріевской методы—популярничать, лавировалъ и фальшивилъ предъ ректоромъ. Вотъ причина, почему архим. Павелъ замѣненъ другимъ лицомъ, получивъ ректуру въ смоленской семинаріи. Къ сожалѣнію, ректоръ не пользовался любовію и довѣріемъ студентовъ, да и профессоровъ. Его замкнутость, сухость и недовѣрчивость не привлекали къ нему подчиненныхъ; а лекціи по догматикѣ онъ читалъ хотя и дѣльно, но далеко не увлекательно, и къ тому же какъ-то неразборчиво въ произношеніи. Держа себя далеко отъ студентовъ, и не имѣя искренности отъ инспектора, онъ естественно могъ дѣйствовать не впопадъ [2]). Когда поступилъ новый инспекторъ Владиміръ (нынѣ епископъ), человѣкъ прекрасный, добрый, онъ долженъ былъ еще знакомиться съ академіею [3]), которой, какъ воспитанникъ Кіевской Академіи, не зналъ по духу и направленію. Іоанникій, уже хиротонисо-

---

[1]) „Богосл. Вѣстн.“ янв. 1914 г. „Мои замѣтки и воспоминанія. Леонтія, митр. московскаго“ (стр. 137—144).

[2]) Если это „невпопадъ“, благодаря „неискренности инспектора“, относится къ нашей исторіи 4 окт. 1861 г., то тутъ „неискренность“ архим. Павла не причемъ, ибо онъ ушелъ изъ академіи раньше 4 октября, болѣе чѣмъ за мѣсяцъ, именно 23 августа того же года.

[3]) То же нужно сказать и относительно новаго инспектора Владиміра (Петрова), который характеризуется пр. Леонтіемъ совершенно вѣрно, но который прибылъ къ намъ спустя цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ послѣ 4 окт., именно 12 мая слѣдующаго 1862 года. Слѣдов. его личность, съ незнаніемъ нашей академіи, также не причемъ. Вѣрна одна только общая мысль, что пр. Іоанникій дѣйствовалъ совершенно одинъ, безъ чьего-либо содѣйствія, на свой страхъ, и какъ увидимъ, дѣйствительно совершенно „невпопадъ“.

ванный во епископа (1861 г. въ іюнѣ), своего такта не измѣнилъ. И вышла исторія въ академіи, очень непріятная, помнится въ 1863 году *(1861?)* [1]). Разскажу о ней. За отсутствіемъ преподавателя греческаго языка, поручено было преподаваніе его баккалавру по исторіи Предтеченскому. Онъ (кстати сказать, держалъ себя со студентами, особенно съ нѣкоторыми, потоварищески, курилъ и игралъ съ ними въ карты), пришедши въ классъ, сказалъ: „господа, я самъ плохо знаю греческій языкъ, будемъ заниматься кой-чѣмъ". Студенты вскорѣ перестали посѣщать классъ in corpore, а затѣмъ почти всѣ. Вотъ начало событія, которое надѣлало шума въ Петербургѣ. Предтеченскій нажаловался ректору въ преувеличенныхъ выраженіяхъ. И вотъ явился въ глазахъ начальства бунтъ студентовъ. Ректоръ доноситъ митрополиту формально о бунтѣ,—и что же вышло? Экстреннымъ протоколомъ Св. Синода исключены изъ академіи до 30 человѣкъ *(25?)*. Какой пожаръ отъ ничтожной искры! Ректоръ, между прочимъ, въ своемъ донесеніи увѣрялъ, что онъ самъ въ классѣ убѣждалъ студентовъ ходить на греческій языкъ—и его не послушались. Чрезъ нѣсколько времени, когда по Петербургу разнеслась исторія студенческая, и высшее начальство пожалѣло о поспѣшности своей, мнѣ поручено было сдѣлать дознаніе (это послѣ синодскаго рѣшенія?),—и я открылъ, что дѣло зашло изъ-за пустяковъ, что ректоръ не обращался къ студентамъ съ увѣщаніемъ въ классѣ, и вообще вся исторія наполовину сочинена подъ диктовку Предтеченскаго. Я выяснилъ все это митрополиту, и состоялось опредѣленіе Синода – принимать исключенныхъ, если подадутъ прошенія. Почти всѣ, за исключеніемъ первыхъ, лучшихъ, трехъ-четырехъ человѣкъ, подали и приняты обратно. Однакоже академія лишилась даровитыхъ людей, напр. Владиславлева, Соколова и др. Владиславлевъ, напр., теперь ректоръ Петербургскаго Университета. Имѣй другой тактъ Іоанникій, не было бы учиненнаго скандала. Скажи онъ мнѣ прежде формальнаго оглашенія дѣла,—оно получило бы другой характеръ".

Къ этому разсказу высокаго свидѣтеля, вѣрно и въ общемъ (за малыми исключеніями) точно передающаго событіе 4 окт. 1861 г., присоединимъ то, какъ оно отразилось въ нашемъ тогдашнемъ студенческомъ сознаніи, какими подробностями сопровождалось и въ какомъ видѣ вся эта исторія представляется теперь черезъ 50 слишкомъ лѣтъ, человѣку, много пережившему и много о ней думавшему. Хотѣлось бы все разъяснить, не оставить въ ней ничего темнаго, понять душевное состояніе дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ, а понявъ, *покаяться* съ одной стороны и *простить* съ другой...

---

[1]) Естественная ошибка памяти. Это было въ 1861 г., но такъ какъ пр. Леонтій игралъ большую роль и при окончаніи нами курса въ 1863 г, въ качествѣ ревизора академіи и принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи нашей судьбы, тѣсно связанной съ 4 окт. 1861 г., то у него естественно 1861 годъ слился въ памяти съ 1863 г.

Мы были крайне удивлены, когда бакк. А. И. Предтеченскій записалъ въ классномъ журналѣ, что на лекціи 4 окт. было у него всего нѣсколько человѣкъ, помнится—около 10—12, которые и поименованы. Сначала мы даже не обратили на это особеннаго вниманія, только энергически выбранили Пр—го. Помнится, что идя въ столовую къ обѣду, говорили между собою: «что это за штуку выкинулъ Андрей (такъ мы называли его часто, а тутъ въ сердцахъ, даже ругательнымъ полуименемъ)? Неужели ему недовольно, что было у него столько студентовъ. Василій Николаевичъ Карповъ, не ему чета, постарше его и попочтеннѣе, да не записываетъ же въ журналъ не бывшихъ у него на лекціяхъ, а вѣдь даже у Карпова бываетъ нерѣдко не больше слушателей, чѣмъ у Пр—го, къ тому же временнаго преподавателя греч. языка. Да что, братцы, въ слѣдующій разъ не пойдемъ къ нему совсѣмъ. Вотъ онъ и увидитъ, какъ записывать насъ въ журналъ». Предъ наступленіемъ слѣдующаго класса по греч. языку это и приведено было въ исполненіе, безъ всякихъ дебатовъ и нарочитыхъ обсужденій этого шага; состоялось это какъ-то просто, само собою. Наступилъ слѣдующій классъ греч. языка. Не пошелъ никто кромѣ трехъ студентовъ, не пошли даже лица, имѣющія духовный санъ, такихъ было у насъ 4 лица [1]). Были въ классѣ только три студента: Г. П. Пеньковскій (8-й маг.), Н. В. Вещезеровъ (21-й канд.) и Ник. П. Виноградовъ (27-й канд. нашего курса). Бакк. Пр—ій снова написалъ въ журналѣ, что у него въ классѣ были только 3 студента, такіе-то.

---

[1]) Кромѣ упомянутаго уже 1) *іеромон. Владиміра* (Никольскаго), † еписк. нижегор., 2) *свящ. І. Р. Рахинскій*, новгор., былъ учителемъ М. И. Владиславлева по училищу, слѣд. былъ старше насъ, по меньшей мѣрѣ лѣтъ на 7, 23-й нашъ канд., былъ потомъ при миссіи въ Китаѣ и прот. въ новгор. епархіи, 3) *іером. Анѳимъ* (Озеровъ), 30-й нашъ канд., моск., былъ по семинаріи товарищемъ тогдашняго ректора спб. сем. Платона (Троепольскаго, маг. моск. акад. XIV к. 1844 г.), слѣд. окончилъ семинарскій курсъ около 1840 г., приблизительно 25 лѣтъ отъ роду и былъ, при поступленіи въ академію, не менѣе 40 лѣтъ, стало быть, старше насъ лѣтъ на 20; это былъ самый старый по лѣтамъ нашъ академическій товарищъ, былъ онъ потомъ смотр. училища въ г. Рославлѣ и наконецъ поступилъ въ число братіи Троице-Сергіевой лавры; наконецъ 4) *свящ. А. Соколовъ*, окончившій съ званіемъ студента и вскорѣ скончавшійся. О. А. Соколовъ вошелъ въ составъ студентовъ только на старшемъ курсѣ. Когда вошли къ намъ свящ. І. Рахинскій и іером. Анѳимъ, не помню. Помню только, что пріемныхъ экзаменовъ они не держали.

Сначала мы считали это дѣло не болѣе, какъ личнымъ дѣломъ бакк. А. И. Пр—го, очень чувствительнаго къ популярности между студентами и потому обиженнаго нашимъ недостаточно внимательнымъ, по его мнѣнію, къ нему отношеніемъ. Мы считали его человѣкомъ довольно легкомысленнымъ и по свойству его характера способнымъ къ различнымъ выходкамъ. Намъ и въ голову не приходило, на первыхъ порахъ, что завязывается серьезное дѣло, въ которомъ главную дѣйствующую роль играетъ не молодой баккалавръ, а лицо гораздо его повыше. Но въ дальнѣйшемъ движеніи событій мы невольно должны были измѣнить наше первоначальное мнѣніе.

Предъ наступленіемъ третьяго— по счету, съ начала описываемой исторіи—класса греч. языка, пр. Іоанникій призываетъ дежурнаго по всей академіи студента. На бѣду дежурнымъ въ эту недѣлю оказался пишущій эти строки. «Объявите студентамъ, что если они не пойдутъ на лекцію по греч. языку, то всѣ, которые не пойдутъ, будутъ исключены, хотя бы это былъ весь курсъ. Такова воля и распоряженіе владыки митрополита»,—сказалъ мнѣ ректоръ. Вмѣсто того, чтобы молча уйти и передать товарищамъ распоряженіе начальства, которое должно было быть исполнено, конечно, безпрекословно, я позволилъ себѣ весьма безтактный, чтобы не сказать больше, поступокъ, осмѣлился выразить свое мнѣніе по поводу переданнаго мнѣ распоряженія ректора. «По моему мнѣнію, Ваше Преосвященство, сказалъ я, едва ли эта мѣра окажетъ надлежащее дѣйствіе на студентовъ; боюсь, что они все-таки не пойдутъ въ классъ». «Васъ не спрашиваютъ о вашемъ мнѣніи и не ваше дѣло разсуждать, идите и объявите о томъ, что я сказалъ»,—отвѣтилъ мнѣ ректоръ, съ выразившимся на его лицѣ сильнымъ неудовольствіемъ. Очень сожалѣю, что у меня вырвались приведенныя слова. Въ моей глупой головѣ вертѣлась тогда наивная мысль, нельзя ли отклонить грозившую всѣмъ намъ бѣду, убѣдить ректора не приводить его распоряженія въ исполненіе, или по крайней мѣрѣ повременить такою крутою мѣрою [1]).

---

[1]) Съ этимъ именно добрымъ намѣреніемъ, а отнюдь не съ цѣлью нагрубить начальству (что было совсѣмъ не въ моемъ характерѣ), я позволилъ себѣ эту нелѣпую и въ сущности дерзкую выходку. Быть можетъ, думалъ я, ректоръ обратитъ вниманіе на мои слова и подумаетъ: ужъ если такой студентъ, какъ А. К-кій, человѣкъ отнюдь не воинственный, тихаго нрава, законопослушный (я имѣлъ основаніе предпо-

Пришелъ я къ товарищамъ и объявилъ имъ волю начальства. Это было за полчаса, много за часъ до наступленія лекціи. Времени для обсужденія и рѣшенія, какъ поступить въ данномъ случаѣ, было очень мало въ нашемъ распоряженіи. И мы были предоставлены совершенно самимъ себѣ. Ректоръ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ пр. Леонтій, къ намъ не приходилъ ни въ комнаты, не собиралъ насъ и въ классъ или въ залъ, былъ въ своей квартирѣ и ждалъ, какъ мы поступимъ. Началось между нами, конечно, большое волненіе и горячее обсужденіе вопроса, идти или не идти въ классъ. Былъ одинъ моментъ нѣкотораго колебанія въ сторону положительнаго рѣшенія, но онъ прошелъ, когда одинъ студентъ (С—съ), человѣкъ вообще мирный, далеко не изъ крайнихъ, вскочилъ на столъ и сказалъ: гг. товарищи, полно вамъ колебаться и шататься туда и сюда. Если вы дѣйствительно убѣждены въ нанесеніи оскорбленія всему курсу, то не ходите въ классъ, если же—нѣтъ, то идите. Послѣ того большинство, въ количествѣ 2[illegible] человѣкъ, рѣшило не идти, а меньшинство, 16 человѣкъ,—идти. Въ числѣ первыхъ были М. И. Владиславлевъ и Ѳ. Г. Елеонскій, въ числѣ послѣднихъ — оба Барсовы Т. и Н. и я, рѣшившійся на такой шагъ не столько изъ свойственной мнѣ законопослушности, сколько (каюсь въ этомъ) изъ чувства самосохраненія. Какъ лицо, нѣкоторымъ образомъ официальное, дежурный старшій, да еще осмѣлившійся возра-

---

лагать, что такое именно мнѣніе имѣетъ о мнѣ начальство), такъ относится къ моему распоряженію, то чего же ждать отъ другихъ, его товарищей, и не лучше ли отмѣнить мое распоряженіе или помедлить его исполненіемъ? Сознаюсь теперь, что былъ тогда непроходимо глупъ и несообразителенъ. Но мое выступленіе доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что мы тогда еще не были въ курсѣ дѣла и не предполагали активнаго участія ректора въ самомъ началѣ этого дѣла. Въ противномъ случаѣ, конечно, я сообразилъ бы совершенную безполезность и нелѣпость выступленія съ своимъ мнѣніемъ. Къ такому выступленію располагало меня и замѣтное въ то время расположеніе ко мнѣ ректора. Пр. Іоанникій, во время своихъ первыхъ, въ теченіе сентября, лекцій по догматикѣ, не разъ поднималъ меня для обсужденія возникавшихъ богословскихъ вопросовъ, что считалось признакомъ благоволенія. И оно дѣйствительно чувствовалось. Но потомъ, послѣ моей крайне неудачной консультаціи 4 окт., оно смѣнилось у пр. Іоанникія, вообще устойчиваго въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, неблаговоленіемъ ко мнѣ, которое продолжалось до окончанія мною курса и отразилось, какъ увидимъ далѣе, на моей дальнѣйшей судьбѣ. Во всякомъ случаѣ, однако, не могу не признать: mea culpa, mea maxima culpa!

жать начальству, думалъ я, буду вдвойнѣ виноватъ, если не пойду въ классъ и не избѣгну исключенія, даже если помилуютъ всѣхъ другихъ моихъ товарищей, не бывшихъ въ классѣ.

Затѣмъ, все было такъ, какъ разсказываетъ пр. Леонтій. Послѣ исключенія 25-ти студентовъ нашего курса начался «шумъ по Петербургу», въ духовныхъ конечно кругахъ, слышались сожалѣнія о насъ и среди нашихъ профессоровъ и духовенства и даже нѣкоторыхъ лицъ свѣтскихъ [1]), близкихъ къ академіи. Слышно было, что и въ Св. Синодѣ не всѣ одобряли крайне крутыя мѣры нашего ректора. Тогда, вѣроятно, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ толковъ, объявлено было, что исключенные могутъ подавать прошенія о принятіи ихъ въ академію, съ обязательствомъ подчиняться академической дисциплинѣ. Каждаго изъ такихъ исключенныхъ отдѣльно призывали въ правленіе академіи, производили допросъ и отбирали подписку. Срокъ для подачи прошенія былъ назначенъ очень короткій — одинъ день. Одинъ изъ исключенныхъ опоздалъ, подалъ прошеніе на другой день и не былъ принятъ (И. Я. Спрогисъ). Принято было обратно въ академію изъ 25-ти 19 человѣкъ. Остальные же 6 человѣкъ отчасти сами не подали прошенія, отчасти ихъ просьба не была уважена. Эти 6 человѣкъ были: М. И. Владиславлевъ [2]), не подавшій

---

[1]) Таковъ былъ, напр., И. Д. Деляновъ, впослѣдствіи министръ народнаго просв., а тогда въ 1861 г. директ. департ. мин. народ. просв., директоръ спб. публичной библ. и потомъ, въ томъ же году, попечитель спб. учебнаго округа. Кажется, именно добрѣйшему Ивану Давыдовичу наши изгнанники больше всего были обязаны устройствомъ своей дальнѣйшей судьбы: Владиславлевъ, Ник. Ив. Соколовъ, И. Я. Спрогисъ и Ф. И. Абрамовичъ. Всѣ они, благодаря ему, пристроились или къ министерству нар. просвѣщ. или къ публичной библіотекѣ. Слышно было, что посваталъ ихъ И. Д. Делянову нашъ бакк. М. О. Кояловичъ, имѣвшій уже и тогда связи въ свѣтскомъ ученомъ и учебномъ мірѣ. И. Я. Спрогиса порекомендовалъ И. Д. Делянову Вл. Вас. Стасовъ, который вызвалъ его изъ деревни и на первое время далъ ему даже помѣщеніе въ своей квартирѣ.

[2]) Михаилъ Ивановичъ Владиславлевъ, предназначенный для отправленія заграницу, съ цѣлію приготовленія къ профессурѣ въ университетѣ, первое время, послѣ возвращенія изъ ссылки въ родительскомъ домѣ, занимался сотрудничествомъ въ жур. „Эпоха“, издаваемомъ братомъ Ѳ. М. Достоевскаго, М. М. Достоевскимъ, на дочери котораго, по возвращеніи изъ-заграницы, женился. На квартирѣ, гдѣ жилъ тогда М. И. Вл-въ, я бывалъ и разъ встрѣтилъ тамъ обоихъ братьевъ Достоевскихъ, т. е. и знаменитаго Ѳеодора Михайловича и брата его, изда-

прошенія, Е. Н. Ждановъ [1]), изъ исключенныхъ самый даровитый послѣ Владиславлева, кажется, также не подавшій прошенія, Н. И. Соколовъ [2]), Ф. И. Абрамовичъ [3]), И. Я. Спрогисъ [4])

теля „Эпохи“, Михаила Михайловича, будущаго тестя М. И. Вл. Личность Θед. Михайловича, конечно, крайне интересовала меня; я уже прочиталъ дивный по психологическому анализу его романъ „Преступленіе и наказаніе“,—читалъ съ перерывами, нѣсколько разъ бросалъ, не могъ читать, какъ человѣкъ впечатлительный, слишкомъ живо переживая психологическое состояніе дѣйствующихъ лицъ, передаваемое авторомъ, глубокимъ знатокомъ человѣческой души. Θ. М. Д-ій, при нашемъ свиданіи, былъ очень молчаливъ. Съ М. И. Вл-мъ мы видались и потомъ, когда онъ былъ уже профессоромъ и ректоромъ университета. Онъ до конца своей жизни сохранялъ истинно товарищескія отношенія ко мнѣ и ко всѣмъ другимъ своимъ товарищамъ (И. Я. Образцову и др.) по спб. духовной академіи. Скончался онъ еще не старымъ, 50-ти лѣтъ (род. 1840 г., деканъ 1885 г., ректоръ 1887 г., † 1890 г. апр. 24), отъ рака въ мозгу и во всемъ тѣлѣ. Былъ онъ крѣпкаго, можно сказать, богатырскаго сложенія и потому неудивительно, что Государыня Императрица Марія Θеодоровна улыбнулась, когда онъ, представляясь ей въ качествѣ вновь назначеннаго ректора университета, сказалъ, что онъ надѣется потрудиться въ этой должности, насколько хватитъ у него силъ и здоровья, на что Государыня съ улыбкой замѣтила, что, кажется, на здоровье онъ не можетъ пожаловаться. Покойный М. И. самъ передавалъ намъ объ этомъ.

[1]) Евг. Ник. Ждановъ, изъ арханг. сем., поступилъ въ московскій университетъ, окончилъ его и былъ потомъ мировымъ посредникомъ въ г. Мозырѣ. Очень даровитый, поражалъ насъ тѣмъ, что почти не занимался, только ходилъ по комнатамъ, помахивая чѣмъ-нибудь, что держалъ въ рукахъ, а между тѣмъ былъ однимъ изъ лучшихъ по успѣхамъ студентовъ.

[2]) Никол. Ив. Соколовъ, изъ рижскихъ, хорошій, способный студентъ, но не былъ изъ особенно выдающихся, отличался только бойкостью и красотою лица. Почему пр. Леонтій поставилъ его рядомъ съ Владиславлевымъ, неизвѣстно. Былъ онъ, кажется, въ университетѣ и вѣроятно его окончилъ, судя потому, что служилъ въ Вильнѣ по мин. нар. просв., потомъ онъ жилъ въ Петербургѣ, былъ частнымъ, кажется, повѣреннымъ и вообще практическимъ дѣятелемъ.

[3]) Флоръ Ив. Абрамовичъ, спб. сем., своекоштный, принятъ въ акад. подъ № 6, былъ въ университетѣ и служилъ учителемъ въ новгородской гимназіи.

[4]) Иванъ Яковлевичъ Спрогисъ, изъ рижск. сем., латышъ по происхожденію, изъ крестьянъ, сначала служилъ въ спб. публичной библіотекѣ, нынѣ архиваріусъ виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, очень почтенный дѣятель. Приходилось немало читать въ „Нов. Врем.“ объ его дѣятельности; разъ даже посвященъ былъ ему цѣлый фельетонъ въ этой газетѣ. Здравствуетъ. 1 янв. сего 1914 г. награжденъ чиномъ дѣйств. стат. совѣтника, а на дняхъ избранъ въ почетные члены спб. Археологическаго Института.

и Константинъ Соколовъ [1]). Почему исключены эти именно лица, для насъ было неясно. Они ничѣмъ особеннымъ, въ смыслѣ бунтарства, изъ нашей среды не выдѣлялись; по нашему дѣлу особенно не агитировали и вообще вели себя, казалось, какъ всѣ мы въ то время. Развѣ начальство имѣло объ нихъ какія-либо особыя свѣдѣнія, намъ неизвѣстныя. Всѣхъ исключенныхъ отправили на мѣста ихъ родины подъ надзоръ родителей, отправили (какъ говорили тогда) при наблюденіи со стороны полиціи за ихъ отправленіемъ. Изъ мѣстъ ихъ ссылки потомъ мы получали отъ нихъ раздиравшія наше сердце письма.

Еще до окончательнаго рѣшенія участи 25-ти нашихъ товарищей, мы 16-ть человѣкъ, отдѣлившіеся отъ нихъ и бывшіе 4 октября въ классѣ у Пр—го, чувствовали себя очень плохо. Было и жаль товарищей и крайне предъ ними совѣстно и неловко, чувствовалось, что у насъ порвалась съ ними связь. А потому мы и рѣшились возстановить ее чрезъ подачу коллективнаго заявленія въ правленіе академіи, въ которомъ писали, что хотя мы исполнили волю начальства, но раздѣляемъ убѣжденіе нашихъ исключенныхъ товарищей относительно невозможности заниматься съ бакк. Пр—мъ, вслѣдствіе порванной съ нимъ нравственной связи, и просимъ считать насъ столь же виновными, какъ и 25 исключенныхъ нашихъ товарищей. Каюсь, я принималъ очень дѣятельное участіе въ составленіи и редактированіи этого заявленія. Заявленіе подано [2]), и за него послѣдовалъ намъ строгій выговоръ, который объявленъ былъ торжественно, въ залѣ, куда насъ для того пригласили.

Съ движеніемъ и развитіемъ событій, нашъ первоначальный взглядъ на 4 октября совершенно измѣнился. Прежде мы во всемъ винили Пр—го, теперь начали смотрѣть на все это дѣло, какъ на дѣло ректора. Начали припоминать прошлое.

---

[1]) Конст. Соколовъ, изъ спб. сем., своекоштный студ. Почему онъ попалъ въ число исключенныхъ, до сихъ поръ остается для насъ загадкой.

[2]) Изъ деликатности мы оставили въ покоѣ вышеуказанныхъ 4-хъ товарищей, имѣющихъ священный санъ, не предлагали имъ подписать наше заявленіе, очень хорошо понимая, что въ ихъ положеніи это для нихъ крайне неудобно. Помню, вопросъ объ ихъ подписи поднимался у насъ, но сейчасъ же былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Пр. Іоанникій давно уже, почти съ самаго пріѣзда изъ Кіева, предупреждалъ насъ, что мы должны или безпрекословно подчиниться академическимъ порядкамъ или, кто не хочетъ, пусть тѣ уходятъ изъ академіи. Это говорилъ онъ намъ нѣсколько разъ. Помнится, однажды пришелъ съ такими рѣчами въ столовую, вѣроятно для того, чтобы воспользоваться случаемъ—заявить свою волю въ присутствіи всѣхъ студентовъ, не собирая ихъ нарочно для того въ залѣ. Такія рѣчи настраивали насъ на ожиданіе чего-то недобраго, что непремѣнно должно съ нами случиться. Къ тому же, еще предъ пріѣздомъ пр. Іоанникія изъ Кіева, съ осени прошлаго 1860 г., получались изъ Кіевской Академіи тревожныя письма отъ тамошнихъ студентовъ, что дескать ѣдетъ къ намъ ихъ бывшій инспекторъ, а въ данное время (съ 7 декабря 1859 г.) ректоръ, который будетъ непремѣнно выгонять у насъ студентовъ, какъ онъ выгналъ нѣсколько человѣкъ (говорили тогда, 10—12) изъ кіевской. Такіе слухи, въ соединеніи съ рѣчами ректора, не предвѣщали намъ ничего хорошаго и невольно настраивали насъ противъ него

Между тѣмъ, въ этихъ слухахъ было большое преувеличеніе и была только часть правды. Несомнѣнно, тутъ разумѣется студенческое движеніе XX курса Кіевской Академіи (1857—1861 г.), студенты котораго, когда они были въ «младшемъ курсѣ», слѣдовательно въ $185^{7}/_{8}$ и $185^{8}/_{9}$ годахъ, чуть было не довели академію до «полной анархіи», результатомъ чего, однако, было не увольненіе, а добровольный выходъ изъ академіи 4-хъ студентовъ [1]). Пр. Іоанникій несо-

[1]) Это кіевское студенческое движеніе, весьма важное для надлежащаго пониманія нашей исторіи, описано въ воспоминаніяхъ проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго („Мои воспоминанія"—„Труд. Кіев. Дух. Акад." 1911 г. т. III, стр. 338—348 и 1912 г. т. II, стр. 305—326). Ректоромъ кіев. акад. былъ тогда архим. Израиль (Як. Лукинъ, 2-й маг. II к. кіев. акад. 1825 г.), человѣкъ старый, товарищъ по студенчеству нашего проф. В. Н. Карпова, умный, добрый, но очень слабохарактерный, а инспекторомъ (послѣ архим. Іоанникія, пробывшаго до описываемаго событія, при рек. Израилѣ, только 5 мѣсяцевъ)—архим. Валеріанъ (Орловъ, 1-й маг. спб. акад. XXI кур. 1855 г.), даровитый, но страдавшій алкоголизмомъ, принужденный потомъ, черезъ годъ („пробылъ инспекторомъ около года"), не только оставить службу, но и снять съ себя священный санъ и монашество, превратиться въ полтавскаго мѣщанина; скончался онъ босякомъ въ Полтавѣ (въ полицейскомъ участкѣ). При такихъ начальникахъ случилось слѣдующее; будемъ говорить словами проф. Пѣвницкаго. Кромѣ недовольства начальствомъ и его распоряженіями, „же-

мнѣнно, былъ нѣсколько, въ небольшой впрочемъ степени,

ланія и требованія студентовъ простирались и на учебную часть. Они заявляли неудовольствіе относительно неудовлетворительнаго, по ихъ мнѣнію, преподаванія того или другого предмета и просили новыхъ лекцій сверхъ положенныхъ по уставу и по росписанію... Изъ своей среды,—среды студентовъ, избирали себѣ лектора и поручали ему читать имъ лекціи... (напр. по всеобщей гражд. исторіи) явился у нихъ самозванный наставникъ изъ ихъ товарищей и они собирались къ нему въ аудиторію... и хвастались, что ихъ товарищъ, самозванный наставникъ, читаетъ лекціи лучше настоящихъ профессоровъ... Угрожала академіи *полная анархія*... Студенты наконецъ рѣшили обратиться прямо къ Государю Императору и изготовили прошеніе на Высочайшее Имя. Для подачи этого прошенія придумали особый церемоніалъ... Во время засѣданія правленія, безъ доклада, врывается одинъ студентъ *младшаго курса*, въ виду зерцала становится на колѣни, на голову кладетъ прошеніе и... обращается не къ членамъ правленія, тутъ присутствующимъ, а къ Государю Императору, какъ бы лично ему внимающему.. Прошеніе студентовъ послано было въ Петербургъ (но потомъ возвращено съ почты)... Ихъ прошеніе не столько прошеніе, сколько обвинительный актъ противъ академіи... Прежде всего нападаютъ на свое ближайшее начальство... которое не отличается ни умомъ, ни административнымъ тактомъ, ни въ комъ не внушаетъ къ себѣ уваженія. Къ тому же одинъ изъ нихъ (инспекторъ) алкоголикъ и къ студентамъ часто является въ нетрезвомъ видѣ. Изъ наставниковъ многіе ведутъ свое дѣло небрежно, кое-какъ, не отличаясь ни умомъ, ни познаніями, ни даромъ сообщенія; иные изъ нихъ такъ слабы, что объ нихъ говорятъ, что они краснорѣчивы какъ рыбы... Содержаніе студентовъ скудное... Дисциплинарные порядки тяжелые, напрасно стѣсняющіе свободу студентовъ". И нужно удивляться, что послѣ описанной выше исторіи, изъ этого XX курса „бунтарей", какъ называетъ его проф. В. Ѳ. П., по его словамъ, „никто не былъ уволенъ изъ академіи", а только 4 человѣка сами ушли изъ нея, въ томъ числѣ М. Ѳ. Владимірскій-Будановъ, нынѣ „пользующійся славою ученаго и незауряднаго проф. кіевскаго университета". Въ этомъ очень даровитомъ курсѣ было немало выдающихся личностей, впослѣдствіи даже епископовъ: М. Невскій (Митрофанъ, † еп. смоленскій), М. Некрасовъ (Лаврентій, бывшій ректор. моск. акад., еп. курскій и тульскій), Хар. Орда (Иринеи—еп. могил., тульск., подольск., екатеринб., орлов.), И. Т. Экземплярскій (Іеронимъ, еп. тамбов., архіеп. виленскій и варшавскій). Къ этому же курсу принадлежалъ и проф. С. М. Сольскій, бывшій много лѣтъ кіевск. градск. головою. Ему одному удалось, не безъ труда (въ силу предубѣжденія противъ этого курса), попасть въ проф. кіевск. академіи, изъ преподавателей кіевской семинаріи. Сколько, однако, полезныхъ для церкви и духовной школы дѣятелей сохранили доброта и „безхарактерность" ректора Израиля! Едва ли такой результатъ получился бы, если бы на его мѣстѣ былъ нашъ Іоанникій и намъ кажется, глубоко ошибается досточтимый В. Ѳ. Пѣвницкій, предполагая, что въ такомъ случаѣ „въ академіи не было бы никакихъ треволненій" (1911 г., III, стр. 347).

причастенъ къ исторіи этого движенія, которое началось въ его инспекторство, хотя и окончилось послѣ него. «Признаки необычнаго броженія уже начались, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ проф. В. Ѳ. Пѣвницкій, и они немало безпокоили Іоанникія, какъ инспектора; въ виду ихъ Іоанникій уже высказываетъ опасеніе за свою судьбу: придется идти въ монастырь, говорилъ онъ въ частномъ интимномъ кругу». Онъ пробылъ только 5 мѣсяцевъ, при «началѣ движенія»—до 6 октября 1858 г., когда онъ сдѣлался ректоромъ кіевской семинаріи. Вѣроятно, вскорѣ послѣ его выхода изъ академіи, въ томъ же 1858 г., началась кіевская студенческая исторія, описанная нами въ предшествующемъ примѣчаніи.

Итакъ слухи изъ Кіева были фактически невѣрны, что касается участія ректора Іоанникія въ выгонѣ будто-бы студентовъ, да еще 10—12, но они были глубоко вѣрны, относительно гонительскаго, такъ сказать, настроенія нашего новаго ректора. Онъ пріѣхалъ къ намъ съ кіевскими своими впечатлѣніями, съ крайне мрачнымъ взглядомъ на студенчество. Легко ли человѣку, еще молодому, энергичному сказать: «придется идти въ монастырь»; видно, ему не сладко приходилось въ родной академіи отъ ея студентовъ. Такимъ образомъ, наши кіевскіе коллеги невольно совершили предъ нами преступленіе — испортили намъ ректора, поселивъ въ немъ мрачное настроеніе и до чрезвычайности усиливъ природную его подозрительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ сѣмена подозрѣній бросили и въ насъ, а ректоръ этимъ сѣменамъ, своими неосторожными рѣчами и дѣйствіями, далъ разрастись. Создалась такимъ образомъ у насъ удушливая атмосфера взаимной подозрительности, которая разразилась бурею, принесшею обѣимъ сторонамъ много горя.

Между тѣмъ у насъ не было и тѣни чего-либо похожаго на кіевскій «развалъ». Можетъ быть, мы испытывали нѣкоторыя либеральныя вѣянія изъ университета, но во всякомъ случаѣ жизнь наша шла обычнымъ порядкомъ, съ незначительными нарушеніями дисциплины. Инспектора Павла у насъ даже побаивались. Вообще мы были смирными студентами, держали себя далеко не такъ высоко и самомнительно, какъ, напр., студенты Московской Академіи, которыхъ я увидѣлъ, когда пріѣхалъ въ 1863 г. въ Сергіевъ Посадъ. И немудрено: Петербургъ, въ которомъ такъ много властей и великихъ міра сего, а равно и другихъ высшихъ учебныхъ за-

веденій и всякаго рода ученыхъ учрежденій, невольно принижалъ насъ. Пр. Іоанникій всего этого не разсмотрѣлъ (хотя имѣлъ для того достаточно времени—цѣлый годъ) и не взвѣсилъ. Повидимому, его преслѣдовала навязчивая идея, (idée fixe), въ противоположность крайней слабости кіевской ректорской власти (архим. Израиля)—проявить твердость своей власти на новой ректурѣ, произвести переворотъ въ студенческой нашей жизни, каковой онъ, съ свойственной ему настойчивостью, постепенно и подготовлялъ, пріискивая подходящій къ тому случай. И случай этотъ представился.

Въ «случаѣ 4 октября» мы тотчасъ же, послѣ извѣстнаго распоряженія ректора, чрезъ дежурнаго, усмотрѣли casus belli и рѣшили, что все это есть дѣло исключительно ректора [1]), который давно намекалъ намъ на необходимость изгнанія нѣкоторыхъ изъ насъ. Начали говорить, что это именно онъ «приказалъ» Пр—му *въ первый разъ* записать въ классный журналъ не бывшихъ на греческомъ классѣ. Предположеніе относительно «приказанія» — совершенно неправдоподобное, хотя тогда оно не казалось намъ такимъ. Такого грубаго пріема не могъ допустить такой умный и нелишенный тонкости человѣкъ, какъ пр. Іоанникій. Кому принадлежала иниціатива *первой записи* въ журналѣ ранѣе 4 октября, объ этомъ теперь можно дѣлать только предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя. Могло это быть сдѣлано, не говоримъ по «совѣту», а съ «вѣдома» ректора, т. е. что ректоръ предварительно зналъ объ этомъ рискованномъ шагѣ молодого бак-

---

[1]) Сколько мы ни ломали себѣ голову надъ вопросомъ, какъ могла придти Пр-му мысль записать насъ въ журналъ, не могли найти ни малѣйшаго съ нашей стороны къ тому повода. Наши отношенія къ нему были вообще корректныя. На младшемъ курсѣ былъ даже одинъ случай, весьма характерный въ этомъ отношеніи. Приходитъ Пр-ій разъ къ намъ на лекцію, вѣроятно послѣ всенощнаго бдѣнія за картежной игрой (онъ любилъ ее и подобныя удовольствія и предавался имъ со всѣмъ пыломъ своей страстной, широкой натуры) и начинаетъ читать по своимъ запискамъ, но чрезъ нѣсколько времени слышимъ что-то совсѣмъ не относящееся къ данной лекціи, какъ говорится—совсѣмъ изъ другой оперы. Оказалось, что онъ не пересмотрѣлъ своихъ листковъ, перемѣшалъ ихъ съ другими, къ этой лекціи не относящимися. Мы сдѣлали видъ, что не замѣтили этого скандала и ни однимъ движеніемъ не дали ему понять, что намъ ясна причина внезапнаго его перехода къ другой темѣ. На слѣдующій классъ онъ самъ заговорилъ объ этомъ случаѣ и горячо благодарилъ насъ за нашу къ нему деликатность и выдержанность.

калавра и если не одобрилъ, то во всякомъ случаѣ не остановилъ его [1]). Важнѣе, впрочемъ, этого перваго момента—второй, 4 октября, когда пр. Іоанникій не принялъ никакихъ мѣръ къ улаженію инцидента, если не чрезъ прямое свое участіе (бесѣду съ нами, или съ комнатными старшинами), то хотя бы чрезъ того же Пр—го, которому могъ бы посовѣтовать переговорить съ студентами, чрезъ его земляковъ, и какъ-нибудь замять и погасить вспышку студентовъ. И если онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, то тѣмъ ясно показалъ, что ему принадлежитъ бо́льшая доля активнаго участія въ исторіи нашего несчастнаго «случая», чѣмъ бакк. Пр—му. А потому едвали можно согласиться съ пр. Леонтіемъ, будто «вся эта исторія *на половину сочинена подъ диктовку Предтеченскаго*. Я выяснилъ все это митрополиту» и т. д. Послѣднія слова показываютъ, что это есть заключеніе слѣдователя по нашему дѣлу, въ представленіи высшему начальству—митрополиту. Достойно вниманія, что пр. Леонтій въ концѣ описанія всей нашей исторіи жалуется, что пр. Іоанникій «отношеній къ нему, которыя, могу сказать, оставались бла-

---

[1]) Бакк. Пр—ій, какъ тогдашній помощникъ секретаря (по внутреннему правленію академіи), безъ сомнѣнія, часто посѣщавшій ректора, да и жившій въ своей баккалаврской квартирѣ совершенно рядомъ съ квартирою ректора, къ тому же человѣкъ очень общительный, даже болтливый, среди разныхъ разговоровъ, между прочимъ, о своемъ несчастномъ товарищѣ, Валеріанѣ Орловѣ, бывшемъ инспекторѣ кіевской академіи, и недавнихъ кіевскихъ академическихъ безпорядкахъ, могъ сказать, что и у насъ-де порядки и дисциплина находятся не въ блестящемъ видѣ, студенты очень неаккуратно посѣщаютъ лекціи, какъ напр. у него на классѣ греческаго языка, и въ азартѣ, къ которому онъ былъ склоненъ, могъ выразить намѣреніе впредь записывать только присутствующихъ въ классѣ, чтобы чрезъ то показать, сколько студентовъ отсутствуетъ, какъ это онъ и сдѣлалъ съ нами за нѣсколько дней до 4 окт. Положеніе ректора, при этомъ разговорѣ, если только онъ былъ въ дѣйствительности, было не изъ легкихъ. Отвѣтить на проэктируемую мѣру отрицательно не позволяло сознаніе по существу ея законности, да и жаль было пропустить такой хорошій случай—подтянуть студентовъ; утвердительно—значило взять на себя большую, главнѣйшую часть иниціативы въ рискованномъ предпріятіи. Едва ли можно, однако, сомнѣваться въ томъ, что отвѣтъ былъ полученъ болѣе или менѣе утвердительный, а главное, что начало дѣла совершилось во всякомъ случаѣ съ вѣдома ректора, который былъ тогда для академіи все: и ректоръ и инспекторъ (инспектора вѣдь не было), и къ которому былъ близокъ фактическій его иниціаторъ, Пр—ій,—лицо близкое къ академической администраціи (помощникъ секретаря правленія).

городными, братскими, не оцѣнилъ ни *тогда* (т. е. въ нашемъ дѣлѣ?), ни послѣ, когда мы оба присутствовали въ Синодѣ» (см. слѣд. прим.). Не въ силу ли этихъ «братскихъ отношеній» онъ значительно понизилъ степень дѣятельнаго участія пр. Іоанникія въ нашей исторіи, сваливъ «половину» ея на голову Пр—го? Неправдоподобною представляется и мысль о «сочиненіи всей этой исторіи подъ *диктовку* Пр—го». Дѣйствованіе подъ чью-нибудь «диктовку» совсѣмъ не вяжется съ характеромъ пр. Іоанникія самостоятельнымъ, твердымъ, инициаторскимъ. Не вѣрнѣе ли представлять все наше дѣло такъ: жестокій ударъ по направленію студентовъ давно готовился въ умѣ и сердцѣ пр. Іоанникія и сначала предназначался (въ умѣ, по крайней мѣрѣ) кіевскимъ студентамъ, но потомъ, минуя ихъ, попалъ въ насъ и съ удвоенною силою насъ поразилъ. А мы, хотя и сами виновные во многомъ, пострадали за свои грѣхи больше и тяжелѣе, чѣмъ того заслуживали. Это по обыкновенной юридической оцѣнкѣ, а съ высшей точки зрѣнія тутъ сказался неумолимый законъ вмѣненія и наслѣдованія одними вины другихъ, принадлежащихъ къ тому же роду. Такъ думаетъ теперь человѣкъ, близкій къ концу земного своего поприща. Но, конечно, не такъ думали мы въ то время.

Эпилогъ нашей драмы былъ въ Москвѣ, куда къ приснопамятному митр. московскому Филарету, въ то время, да и послѣ, цѣлые десятки лѣтъ, посылались изъ Св. Синода всѣ сколько нибудь выходящія изъ ряда дѣла—для совѣта, разсмотрѣнія и окончательнаго рѣшенія, такъ сказать, резолюціи. Туда же послано и наше дѣло. Правда, былъ еще одинъ, послѣдній моментъ этого эпилога, былъ онъ заграницей, въ Лондонѣ, у «страшнаго тогда Герцена», въ пресловутомъ его «Колоколѣ», но это выступленіе заграничнаго нашего защитника не имѣло существеннаго значенія для нашего дѣла и было во много разъ менѣе важно, чѣмъ то, что произошло въ Москвѣ [1]).

---

[1]) У насъ было рѣшено отправить въ Лондонъ Герцену описаніе нашего дѣла. Статья была составлена и отправлена по назначенію. Кто ее составлялъ, неизвѣстно, повидимому она составлена была внѣ академіи, кѣмъ-либо изъ исключенныхъ студентовъ. Заключаю изъ того, что текста ея совсѣмъ не помню, очевидно никогда не читалъ. Не читалъ ее, кажется, и въ печатномъ видѣ, обработанномъ, конечно, самимъ Герценомъ, по крайней мѣрѣ совершенно ее не помню. Помню, только, что товарищи ликовали послѣ появленія въ „Колоколѣ“ описанія нашего дѣла. О статьѣ „Колокола“ упоминаетъ въ своихъ воспоми-

А въ Москвѣ произошло слѣдующее. Геніально-мудрый московскій митр. Филаретъ отвѣтилъ Оберъ-Прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, на запросъ послѣдняго по нашему дѣлу, такимъ спокойнымъ, глубокимъ, тонкимъ, убійственнымъ анализомъ «*случая* въ греческомъ классѣ Спб. дух. Академіи», что отъ этого анализа не поздоровилось не только нашему ректору, пр. Іоанникію, но и митрополиту Исидору. Позволимъ себѣ сдѣлать выдержки изъ этого замѣчательнаго документа и подчеркнуть нѣкоторыя въ немъ мѣста и выраженія (курсивъ нашъ). «О случаѣ въ греческомъ классѣ С.-Петербургской духовной Академіи [1]), пишетъ митр. Фила-

---

наніяхъ и пр. Леонтій. Замѣтивъ вначалѣ, что „недовольство управленіемъ Іоанникія проявлялось, еще когда онъ былъ ректоромъ кіевской академіи (?),—въ статьяхъ въ свое время страшнаго „Колокола“, что онъ, пр. Леонтій, по порученію митр. Исидора, получалъ и читалъ этотъ журналъ“, что получивъ № съ описаніемъ нашего дѣла, отправился къ митрополиту, который „приказалъ дать прочитать его Іоанникію“,—послѣ всего этого, пишетъ далѣе: „говорю пр. Іоанникію: въ „Колоколѣ“ есть интересная статья, которую Вамъ прочитать надо; она уже доложена была покойному Государю чрезъ III отдѣленіе... Заговорилъ я объ этомъ потому, что статья „Колокола“, при происшествіи въ академіи, мною описанномъ, послужила поводомъ къ весьма *невыгодному понятію* петербургской публики объ Іоанникіѣ и въ *высшихъ сферахъ* и ускорила его назначеніе на епархію. Мои отношенія къ Іоанникію оставались, могу сказать, благородными, братскими, хотя *онъ не оцѣнилъ ихъ ни тогда*, ни послѣ, когда пришлось намъ опять вмѣстѣ быть въ Петербургѣ, въ Синодѣ уже, и когда онъ, по волѣ судебъ, явился уже въ „бѣломъ клобукѣ“ („Богосл. Вѣстн.“ янв. 1914 стр. 142). Переданъ былъ „Колоколъ“ пр. Іоанникію въ 1862 г. (т. е. черезъ 6 мѣс. послѣ 4 окт. 1861 г.) на страстной недѣлѣ, какъ пишетъ пр. Леонтій. А къ первому дню Пасхи этого же 1862 г. нашъ ректоръ получаетъ орденъ св. Владиміра *4-й степени*. Мы очень злорадствовали по этому случаю. Послѣ разсказа пр. Леонтія становится понятнымъ, откуда взялась такая необычайно малая награда нашему ректору, епископу, послѣ 13-тилѣтней его службы (1849—1862 г.). Государь Имп. Александръ II (кстати сказать, очень высоко цѣнившій этотъ орденъ, „торговавшійся“, какъ потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, передавали мнѣ, даже изъ-за 4 степ.), прочитавъ статью „Колокола“ объ Іоанникіѣ, вѣроятно самъ понизилъ степень ордена, съ 3-й на 4-ю. Едва ли митр. Исидоръ представлялъ нашего ректора своего викарія, да еще земляка (оба туляки), къ 4-й степени.

[1]) Замѣчательно, что митр. Филаретъ не прилагаетъ къ нашей исторіи названія ни „бунта“, ни „возмущенія студентовъ“, ни какого-нибудь другого подобнаго наименованія, а характеризуетъ ее просто словомъ: „*случай* въ греч. кл.“ („Собр. мнѣній и отзывовъ Филарета митр. москов. т. V ч. I. Москва 1887 г.“ стр. 151—155). Дата этого до-

ретъ, что было мнѣ сообщено, то мною прочитано и при семъ возвращается. Какія мои по сему дѣлу мысли, изволите усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ записки. *Конфиденціально.* 1. Изъ объясненій студентовъ открывается многое, требующее вниманія. 2. Признаются въ небреженіи о семъ классѣ. Черта располагающая къ *снисходительному сужденію.* 3. Просятъ обращенія вниманія на небреженіе бакк. Предтеченскаго... Это *уменьшаетъ вину студентовъ и обвиняетъ наставника...* 4. Невѣроятно, чтобы у другихъ наставниковъ не случалось отсутствующихъ, но видно, они не показывали сего въ журналѣ... Въ такомъ случаѣ *на нихъ падаетъ часть вины студентовъ*, которымъ законная мѣра, долго не употребленная по небреженію, показалась оскорбительною и ребяческою... 14. *Жаль*, что употреблена *была угроза изгнаніемъ.* Она *тяжела* была для тѣхъ, на которыхъ падала, и уменьшала свободу начальства въ оказаніи снисхожденія [1])... 17. *Хорошо*, что изъ 25 студ. 19 *пріобрѣли снисхожденіе начальства*, но было бы лучше для настоящаго и будущаго, если бы сіе было не въ отмѣну слова, прежде сказаннаго начальствомъ. Свободное дѣйствованіе начальства располагаетъ къ добрымъ чувствованіямъ, *уступка* не имѣетъ сего дѣйствія». Въ заключеніе въ числѣ совѣтовъ, какъ слѣдуетъ поступать въ случаяхъ подобныхъ разсматриваемому, истинно мудрый

кумента: *16 окт. 1861 г.* Этотъ драгоцѣнный документъ важенъ былъ для меня, при составленіи моихъ воспоминаній, помимо его содержанія, еще и въ отношеніи хронологическихъ данныхъ, въ немъ содержащихся. Безъ него я не могъ бы точно указать не только дня, но даже мѣсяца, когда случилась наша исторія. Помнилъ только, что „случай въ греч. классѣ“ былъ или въ октябрѣ или ноябрѣ. Такъ забываются даже важнѣйшія событія нашей жизни!

[1]) Очень интересна критика нашего, 16-ти человѣкъ, заявленія правленію академіи. Слабость его чувствовалась даже нами, когда, помнится, мы редактировали этотъ документъ. Тѣмъ болѣе не могла она укрыться отъ человѣка такого необыкновеннаго ума, какъ митр. Филаретъ. Вотъ что онъ пишетъ по нашему адресу. 15. „Въ другомъ объясненіи 16 студентовъ говорятъ, что 4 окт. были въ классѣ, повинуясь волѣ его высокопреосв. Это законно и одобрительно. 16. Съ тѣмъ вмѣстѣ они говорятъ, что раздѣляютъ убѣжденія не бывшихъ въ классѣ 4 окт., слѣд. раздѣляютъ и то убѣжденіе, высказанное 25 студентами въ объясненіи, что не нашли возможнымъ идти въ классъ 4 окт. Итакъ, они, въ одно и то же время, и не могли быть въ классѣ и были въ немъ. Примѣчательный примѣръ, до какой странности доводитъ порабощеніе собственнаго разсудка духу соумышленія“.

святитель рекомендуетъ «исправлять проступки студентовъ соотвѣтствующими *кроткими мѣрами*» и «если кто не приметъ *увѣщаній* и кроткихъ мѣръ исправленія, таковаго надлежитъ немедленно и рѣшительно удалить изъ академіи, и о семъ обстоятельствѣ донести высшему начальству къ свѣдѣнію». 16 окт. 1861 г.

Существованіе этого огромной важности «конфиденціальнаго» документа намъ, конечно, тогда не было извѣстно (а еслибы было извѣстно, то какое ликованіе было бы у насъ по этому случаю!). Но оно, безъ сомнѣнія, было извѣстно начальству, въ томъ числѣ и пр. Іоанникію. Теперь становится понятно все дальнѣйшее поведеніе нашего ректора въ отношеніи къ намъ, да и не къ намъ только. Прочитанъ ему изъ Москвы урокъ, который былъ памятенъ ему въ теченіе всей его жизни и, имѣемъ основаніе думать, избавилъ его въ будущемъ отъ повторенія ошибокъ и ложныхъ шаговъ, подобныхъ допущеннымъ имъ въ октябрьской исторіи нашего несчастнаго XXV курса.

Въ вышеприведенномъ документѣ не только прямо порицается «угроза изгнаніемъ», но и ясно дается понять, что ректоръ не употребилъ «соотвѣтствующихъ кроткихъ мѣръ», увѣщаній и т. п. и потому образъ его дѣйствій явно не одобряется. Пр. Іоанникій дѣйствительно не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага въ этомъ направленіи, какъ справедливо замѣтилъ пр. Леонтій. Впрочемъ, едва ли было бы лучше, если бы онъ тогда къ намъ явился, пожалуй вышло бы что нибудь еще хуже, при нашемъ тогдашнемъ возбужденіи и при его неспособности къ такого рода выступленіямъ. Дѣло въ томъ, что пр. Іоанникій совершенно не годился для роли миротворца, какъ человѣкъ «замкнутаго, сухого, недовѣрчиваго характера» (характеристика пр. Леонтія). Эта роль требовала сердечности, открытаго, прямого характера, умѣнья дѣйствовать на молодые умы и сердца [1]), а онъ имѣлъ только умъ, твердость

[1]) Были потомъ времена (1867—1883 г.) еще хуже 60-хъ годовъ, но тогда во главѣ академіи стояло лицо, обладавшее большимъ педагогическимъ тактомъ, пониманіемъ молодежи и умѣньемъ дѣйствовать на нее (прот. І. Л. Янышевъ), и не случилось тогда ни одной катастрофы. А сколько было къ тому случаевъ! Пишущему эти строки этотъ приснопамятный ректоръ, когда сдѣлался протопресвитеромъ и вышелъ изъ академіи, однажды сказалъ: „все время моего ректорства я чувствовалъ себя точно на вулканѣ, не былъ спокоенъ ни одной минуты“.

принциповъ и замѣчательную энергію. Эти послѣднія свойства далеко выдвинули его потомъ изъ ряда собратій и дали ему возможность совершить много полезнаго для церкви и духовно-учебнаго вѣдомства, въ особенности въ области улучшенія матеріальныхъ средствъ и нуждъ духовенства (свѣчные заводы—по его именно иниціативѣ, общежитія при семинаріяхъ въ Саратовѣ и Нижнемъ и т. п.), но онъ не былъ рожденъ, чтобы быть удачнымъ педагогомъ. Такимъ онъ и явился у насъ, дѣйствующимъ «невпопадъ» и «безъ такта», какъ деликатно выражается о немъ пр. Леонтій.

Но нѣтъ худа безъ добра. Нашъ случай въ греч. классѣ послужилъ пр. Іоаникію въ большую пользу и въ науку на будущее время. Мы слышали отъ кого-то, что онъ прямо выражалъ раскаяніе въ своихъ дѣйствіяхъ 4 окт. 1861 г. Какъ человѣкъ умный, онъ понялъ умомъ, если не почувствовалъ сердцемъ, свою ошибку, какую онъ допустилъ въ отношеніи къ нашему курсу. Вотъ почему видимъ большую въ немъ перемѣну въ обращеніи съ послѣдующимъ XXVI курсомъ нашей академіи. Этотъ курсъ пользовался какимъ-то особеннымъ его вниманіемъ и расположеніемъ, точно онъ хотѣлъ загладить свою вину предъ студенчествомъ и въ свою очередь студенты этого курса сохранили о своемъ ректорѣ добрую и благодарную память [1]). Большая осторожность и снисходительность замѣтны въ его дѣйствіяхъ по академическимъ студенческимъ дѣламъ и впослѣдствіи, въ бытность его митрополитомъ московскимъ

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ прот. Н. К. Смирнова („Памятн. книжка за 1913 г. изд. общ. взаимопом. бывшихъ питомцевъ СПБ. Акад.“ Спб. 1914 стр. 77—79) пр. Іоанникій называется ректоромъ, „къ которому благодарную память всегда питали студенты XXVI курса“. Приводятся здѣсь и факты заботливости пр. Іоанникія о студентахъ и его къ нимъ милости, факты довольно краснорѣчивые. Въ той же книжкѣ, въ дневникѣ прот. И. К. Херсонскаго (стр. 105) читаемъ: „1864 г. февр. 2 „пр. Іоанникій говоритъ послѣ литургіи прощальную рѣчь, въ которой... (между прочимъ) проситъ простить ему ошибки и сдѣланныя кому-либо непріятности и пр.“. Это, впрочемъ, довольно обычное содержаніе прощальныхъ рѣчей. Но вотъ что необычайно—подъ 5 февр. читаемъ: „отъѣздъ ректора пр. Іоанникія. *Земной поклонъ при прощаніи и цѣлованіе со студентами. Пожертвованіе студентамъ 75 р. и приходящимъ 25 р.*“. Весьма вѣроятно, что пр. Іоанникій въ этотъ моментъ вспомнилъ о нашемъ XXV курсѣ и мысленно направилъ свой земной прощальный поклонъ и къ намъ и даже болѣе къ намъ, чѣмъ къ наличному XXVI-му курсу. По крайней мѣрѣ очень хотѣлось бы этому вѣрить.

и кіевскимъ. Одинъ изъ бывшихъ студентовъ Московской Академіи 90-хъ годовъ, напримѣръ, разсказывалъ намъ, какъ митр. моск. Іоанникій очень долго медлилъ рѣшеніемъ одного студенческаго дѣла, о безпорядкахъ, возникшихъ у студентовъ Моск. Академіи, по поводу 1 окт. (день годичнаго акта академіи) и какъ онъ къ большому ихъ удивленію, въ концѣ концовъ рѣшилъ это дѣло почти совершенно въ пользу студентовъ, что совершенно не вязалось съ суровымъ характеромъ митрополита. Когда я разсказалъ своему собесѣднику нашу исторію и ея исходъ, онъ замѣтилъ, что теперь ему все понятно и онъ болѣе не удивляется тому, что казалось ему прежде удивительнымъ и непонятнымъ. Кажется, именно по поводу упомянутаго студенческаго дѣла митр. Іоанникій (какъ передавалъ мой собесѣдникъ) выразился такъ: «когда нибудь академія моск. узнаетъ, что я для нея сдѣлалъ». Точно также онъ дѣйствовалъ и въ Кіевѣ, въ отношеніи къ студентамъ тамошней академіи, «съ большою осторожностью относился онъ къ студенческимъ безпорядкамъ», по словамъ одного почтеннаго профессора Кіевской Академіи. Можно только порадоваться, что нашъ XXV курсъ послужилъ, такъ сказать, козломъ отпущенія студенческихъ прегрѣшеній не только предшествующаго кіевскаго XX курса «бунтарей», но и послѣдующихъ курсовъ Московской и Кіевской академій.

Все это такъ, все это хорошо и за все это—слава Богу, все устрояющему къ нашей пользѣ. Но что было тогда съ нами?.... Объ этомъ было бы удобѣе молчаніе, если бы не взятая мною на себя нелегкая задача быть правдивымъ описателемъ тогдашнихъ событій. Итакъ продолжаю. Наше душевное состояніе, послѣ 4 окт., было поистинѣ ужаснымъ, мы совершенно потеряли спокойствіе и жили какъ затравленные звѣрьки. Озлобленіе противъ ректора было страшное; не находили словъ для выраженія негодованія на него; наши поэты сложили даже бранную пѣсню («Аника господинъ» и т. д.), которую громко, совершенно не стѣсняясь, распѣвали всюду, въ академіи.

Послѣ октябрьской исторіи всѣхъ, безъ исключенія, насъ, комнатныхъ старшихъ, разжаловали въ рядовые и поставили надъ нами, въ трехъ комнатахъ (въ томъ числѣ и моей) старшими трехъ изъ нашихъ товарищей, бывшихъ 4 окт. на греческомъ классѣ, а въ остальныхъ комнатахъ—студентовъ младшаго XXVI курса, такъ что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей

оказались подъ командою младшихъ студентовъ. Трое изъ упомянутыхъ нашихъ товарищей, теперь новыхъ нашихъ старшихъ, были отлучены нами отъ общенія; мы не подавали имъ руки, не говорили съ ними, сердились на нихъ за измѣну и въ добавокъ подозрѣвали ихъ въ шпіонствѣ. Такъ продолжалось до конца курса, что̀ было очень тяжело и, въ соединеніи съ непріязненными отношеніями къ ректору, переполняло чашу нашихъ душевныхъ страданій.

При такомъ настроеніи, неудивительно, что мы очень мрачно смотрѣли на свое будущее. Мы думали, что при окончаніи курса намъ не дадутъ даже ученыхъ степеней или дадутъ низшія, вмѣсто магистерской кандидатскую, а вмѣсто кандидатской выпустятъ съ званіемъ студента академіи. А потому пустились во вся тяжкая. Пр. Іоанникій хотѣлъ поднять упавшую, по его мнѣнію, академическую дисциплину, для чего и устроилъ намъ 4 окт., а въ окончательномъ итогѣ отъ его усилій получился результатъ по истинѣ плачевный. Дисциплина упала у насъ до послѣдней степени. Большей распущенности, чѣмъ въ нашемъ XXV курсѣ, академія не видѣла никогда, ни прежде, ни вѣроятно послѣ насъ, такъ что по временамъ отъ безобразнаго нашего поведенія становилось очень тяжело жить даже намъ самимъ, нарушителямъ академическихъ порядковъ (сужу по себѣ). Развилось у насъ ужасающее пьянство, пили и внѣ академіи и въ самомъ ея зданіи, гдѣ устраивали по временамъ попойки, при чемъ обязательно участвовали въ нихъ всѣ, даже и тѣ, которые (какъ, напр., пишущій эти строки) совсѣмъ не любили вина. Были дни, и такихъ было немало, когда отвратительные слѣды безобразно проведенныхъ вечера и ночи оказывались у весьма многихъ коекъ нашихъ товарищей въ спальняхъ [1]). Курили не только въ занятыхъ комнатахъ и спальняхъ, но даже въ столовой при чаепитіи [2]) и послѣ обѣда и ужина. Посѣщеніе лекцій, вечер-

---

[1]) Было и битье стеколъ, впрочемъ не въ комнатахъ, а въ извѣстныхъ мѣстахъ уединенія. Тамъ же и тогда же однимъ товарищемъ, въ весьма нетрезвомъ видѣ, истребленъ классный журналъ, вѣроятно въ отместку за запись въ немъ 4 окт. То и другое дѣяніе заслужило, однако, общее порицаніе всего курса.

[2]) Помню, это куренье въ комнатахъ и столовой было очень непріятно для людей не курившихъ, какимъ былъ тогда и А. К—ій. Дымъ скверныхъ дешевыхъ папиросъ, особенно въ столовой, при чаепитіи, смѣшиваясь съ ароматомъ чая, очень мѣшалъ наслаждаться

нихъ и утреннихъ молитвъ и богослуженій сдѣлалось очень неаккуратнымъ. Въ городъ уходили, когда вздумается и возвращались очень поздно, а иногда и совсѣмъ не возвращались, приходили только на другой день.

Чего же, спросятъ читатели, смотрѣло академическое начальство, инспектура? Настоящаго инспектора, въ теченіе 7 первыхъ мѣсяцевъ, съ октября 1861 г. до 12 мая 1862 г., у насъ не было. И именно на этотъ періодъ времени падаютъ крайнія проявленія нашего безобразнаго житія. Временно исполнялъ должность инспектора въ это время орд. профессоръ В. И. Долоцкій, одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ академіи, а помощникомъ инспектора былъ іером. Аѳанасій (Турчановичъ), магистръ Кіевской Академіи, человѣкъ молодой, мягкаго характера, снисходительный, да къ тому же не авторитетный. Оба они очень рѣдко заглядывали къ намъ въ комнаты и въ столовую; вечернія и утреннія молитвы помощникъ инспектора посѣщалъ, но не обращалъ вниманія на отсутствующихъ. Пр. Іоанникій также видимо махнулъ на насъ рукою и предоставилъ насъ самимъ себѣ. Даже не помню, бывалъ ли онъ у насъ когда за это время. Да пожалуй такое отношеніе его къ намъ было тогда самое лучшее—при нашемъ тогдашнемъ настроеніи и озлобленіи. Когда окончился острый періодъ нашихъ страданій и ктому же наступило время лѣтнихъ экзаменовъ, 12 мая 1862 г., пріѣзжаетъ наконецъ настоящій нашъ инспекторъ, незабвенный и добрѣйшій архим. Владиміръ (Петровъ, † архіепископъ казанскій), магистръ Кіевской Академіи, человѣкъ, представлявшій во многихъ отношеніяхъ совершенную противоположность ректору. Своею добротою, сердечнымъ, по истинѣ отеческимъ и крайне деликатнымъ къ намъ отношеніемъ [1]) онъ много способствовалъ тому, что

этимъ любимымъ нашимъ напиткомъ. Непріятно было, когда курили и въ комнатахъ. Помню, товарищи, замѣчая мою нелюбовь къ табаку, говорили иногда: пойдемъ въ курильню (это была тогда нами самими избранная, маленькая комнатка, при входѣ въ среднюю часть занятныхъ комнатъ), „Львовичъ“ ужъ морщится. Товарищи любили меня и называли этимъ именемъ.

[1]) Инсп. Владиміръ, человѣкъ по истинѣ не отъ міра сего, впослѣдствіи промѣнявшій инспектуру въ академіи и соединенныя съ нею выгоды для дальнѣйшей карьеры на миссіонерскіе подвиги въ Алтаѣ, видимо понялъ наше душевное состояніе и велъ себя въ отношеніи къ намъ какъ врачъ при постели трудно больного, крайне деликатно и

наши душевныя раны мало помалу затягивались, залечивались. Да и время наступило такое, что невольно отвлекало наше вниманіе отъ нашихъ сердечныхъ горестей въ сторону совершавшихся въ Петербургѣ событій, а затѣмъ предстоявшаго намъ большого труда—составленія диссертацій на ученыя степени, такъ называемыхъ «курсовыхъ» сочиненій.

А какое тогда наступило для Петербурга, да и для всей Россіи, время—объ этомъ краснорѣчиво говоритъ простая хронологическая дата: это былъ 1862-й годъ—годъ подготовлявшагося польскаго возстанія и грандіозныхъ петербургскихъ пожаровъ.

Петербургъ переживалъ тогда состояніе тревожное и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то неустойчивое, колебательное. Во всей петербургской интеллигенціи, начиная съ высшихъ ея слоевъ, было полякующее настроеніе. Весьма многіе, чисто русскіе люди, религіозные, патріоты въ душѣ [1]), прониклись какою-то сантиментальною жалостью къ полякамъ и выражали имъ сочувствіе. Въ самомъ правительствѣ замѣтно было колебаніе. Одинъ М. Н. Катковъ въ Москвѣ за всѣхъ бодрствовалъ и

осторожно и это вовсе не потому, что хотѣлъ подлаживаться къ намъ. Чувствовалось, что источникъ такого его обращенія съ нами былъ другой. Когда, напримѣръ, посѣщалъ насъ, входилъ къ намъ въ комнаты не иначе, какъ очень медленно отворяя дверь и затворяя ее, повертывался къ намъ спиной, чтобы дать намъ время скрыть слѣды какого-нибудь безпорядка. Когда случалось у кого-нибудь горе, обнаруживалъ бездну доброты и сердечности. Такъ, когда у одного моего товарища (Н. Г. Благовѣщенскаго) скончался отецъ и когда тотъ пришелъ къ инспектору проситься по этому случаю въ отпускъ, добрякъ Владиміръ обнялъ его, прослезился и предложилъ ему даже денегъ на дорогу. По истинѣ самъ Богъ послалъ его намъ въ трудную для насъ годину.

[1]) Какъ на поразительный примѣръ такого настроенія укажу на одного, поистинѣ достопочтеннаго моего родственника, въ душѣ горячаго патріота, весьма религіознаго человѣка, Н. И. Розова, въ то время вице-директора медицинскаго департамента Минист. Внутр. Дѣлъ. Н. И. съ необыкновеннымъ почтеніемъ, чуть не подобострастіемъ слушалъ польскія рѣчи (чему я былъ свидѣтелемъ) извѣстнаго поляка, проф. Спасовича, и очень не одобрялъ „Моск. Вѣд.“ и М. Н. Каткова, вооружавшихся противъ поляковъ и противъ колебаній нашего правительства, иронически называя статьи моск. газеты „бряцаніемъ“ и „квасным патріотизмомъ“, словечкомъ, которое было тогда въ большомъ ходу. Это было съ его стороны чистое недоразумѣніе, но тогда весь Петербургъ былъ въ немъ повиненъ, ибо онъ весь былъ „полякующій“.

громилъ правительство. Вмѣсто Е. П. Ковалевскаго назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія извѣстный либералъ, А. В. Головнинъ (1861—1866 г.). Начались волненія студентовъ университета и другихъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній и студенческія сходки на площади предъ Казанскимъ Соборомъ. На эти сходки приглашали и насъ, студентовъ духовной академіи; но очень немногіе изъ насъ бывали тамъ. Одно такое приглашеніе очень мнѣ памятно: на нашей студенческой половинѣ, въ нижнемъ корридорѣ, по пути въ столовую, на подоконникѣ, оказался листъ бумаги съ заголовкомъ: «гг., желающіе участвовать въ сходкѣ на площади Казанскаго Собора, имѣющей быть (тогда-то), благоволятъ подписать свои фамиліи». Кѣмъ, когда и для чего выброшенъ этотъ нелѣпый листъ—неизвѣстно. Если хотѣли оповѣстить насъ объ имѣющей быть сходкѣ, то довольно было бы просто написать, что дескать имѣетъ она быть тамъ-то и тогда-то, для чего же еще предлагать подпись фамилій? Если бы это было въ наше время, непремѣнно сказали бы, что это провокація, но тогда этого, очень популярнаго нынѣ, словечка еще совсѣмъ не было въ употребленіи. Вѣроятно, какой-нибудь студентъ университета, товарищъ по семинаріи нашихъ студентовъ, додумался до этой блестящей мысли, которая въ сущности очень смахивала на ловушку для неопытныхъ юнцовъ. И нашлись таки глупые люди, человѣкъ 5, которые подписались на этомъ листѣ. Увидѣвъ листъ съ подписями фамилій, я былъ такъ озадаченъ и такой взялъ меня страхъ за подписавшихся товарищей, что немедленно, не прочитавъ даже ихъ фамилій, разорвалъ листъ и бросилъ тутъ же въ корридорѣ въ печку [1]). Студенты наши все-таки иногда посѣщали эти сходки, но только изъ любо-

---

[1]) Когда былъ этотъ случай, хорошо не помню. По всей вѣроятности, не въ 1862 г., а въ концѣ 1861 г., около времени нашей октябрьской исторіи, можетъ быть въ самый разгаръ ея. Заключаю объ этомъ изъ моего возмущенія и страха за товарищей, при видѣ этого жалкаго документа (глупости?!), а равно и изъ оставшейся въ памяти тогдашней нашей догадки, что этотъ несчастный листъ,—который какимъ-то образомъ, какъ мы предполагали, все-таки сдѣлался извѣстнымъ нашему начальству,—послужилъ для нѣкоторыхъ изъ товарищей (вѣроятно Жданова, очень вообще неосторожнаго, можетъ быть—Абрамовича и Конст. и Ник. Соколовыхъ) одною изъ причинъ ихъ исключенія изъ академіи. Къ сожалѣнію, я слишкомъ торопился покончить съ несчастнымъ листомъ, не разсмотрѣлъ и не запомнилъ фамилій.

пытства. Между нами вообще, сколько мнѣ извѣстно, не было лицъ, настроенныхъ революціонно, хотя немало было любителей чтенія тогдашней подпольной литературы; я не принадлежалъ къ ихъ числу. Былъ у насъ даже одинъ любитель-коллекціонеръ (И. В. П—въ), у котораго можно было найти всѣ экземпляры произведеній подполья,—изъ котораго, какъ изъ навозной кучи, въ огромномъ количествѣ вылетали тогда зловонно-ядовитые листки,—человѣкъ совершенно безвредный, сдѣлавшійся коллекціонеромъ не по внутреннему своему расположенію къ революціи, а только изъ хвастовства предъ товарищами; посмотрите, дескать, вотъ я какой. По слухамъ, онъ оказался потомъ очень строгимъ начальникомъ духовнаго училища. Да и вообще всѣ наши тогдашніе либералы были въ жизни, на службѣ, такими же строгими, какъ этотъ коллекціонеръ.

Въ томъ же 1862 году лѣтомъ начались въ Петербургѣ страшные пожары, которые навели ужасъ на петербургскихъ жителей. Ежедневно загоралось во многихъ, 10-ти и болѣе, мѣстахъ сразу. Очевидно, были поджоги, организованные какою-то рукою, съ цѣлію устрашенія правительства. Чья орудовала тутъ рука, догадаться не трудно: подготовлялось польское возстаніе. Народъ винилъ въ поджогахъ и пожарахъ студентовъ, которые будто бы намазывали заборы и деревянные дома какимъ-то воспламеняющимся отъ солнечныхъ лучей составомъ. Въ виду этого студенты, въ томъ числѣ и мы, опасались ходить по тротуарамъ, вблизи домовъ, а ходили посреди улицы [1]); разсказывали о случаяхъ избіенія народомъ студентовъ, подозрѣваемыхъ въ поджогахъ. Особенно сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ произвели пожары такъ называемой «толкучки» (Апраксина двора и Щукина), зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Песковъ. Пески, съ нынѣшними Рождественскими (1—10-й) улицами, всѣ выгорѣли, осталась самая ничтожная часть домовъ. Сильнѣйшій пожаръ толкучки

---

[1]) Кстати сказать, мы ходили тогда уже не въ сѣрыхъ шинеляхъ съ стоячимъ воротникомъ и въ цилиндрахъ на головѣ, какъ въ первые два года (1859—1861 г.), а въ пальто, устроенномъ намъ въ 1861 г. на пожертвованныя тогдашнимъ старостою академической церкви, купцомъ Королевымъ деньги. Цилиндръ замѣненъ фуражкою. Пальто было лѣтнее и носили мы его въ теплое время, шинель же, хотя она была также не на ватѣ, а только съ байковой подкладкой до половины (около груди),—въ зимнее.

случился подвечеръ, вѣроятно въ началѣ іюня, во время нашихъ экзаменовъ. Мы съ товарищемъ ѣхали на пароходѣ изъ Ораніенбаума въ Петербургъ. Подъѣзжая къ Петербургу, видимъ громаднѣйшее зарево, намъ показалось, что горитъ чуть не весь Петербургъ, а когда подъѣхали и подошли къ Невскому проспекту со стороны Адмиралтейской площади, то увидѣли, что весь Невскій проспектъ, съ самаго его начала отъ площади, заставленъ экипажами и вещами и совершенно непроходимъ, почему должны были пробираться въ академію окольными путями, сосѣдними улицами. Пожаръ зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ случился около этого же времени, помнится днемъ. Онъ былъ такъ силенъ, что въ нашъ академическій садъ и на дворъ летѣли пачки обгорѣлыхъ бумагъ.

Такъ прошелъ для насъ третій годъ нашего вообще пребыванія въ академіи и первый годъ студенчества въ старшемъ курсѣ, т. е. осень и часть зимы 1861 г. и остальная часть зимнихъ мѣсяцевъ, весна и лѣто 1862 г. По истинѣ крайне тяжелый, печальной памяти годъ!

Слѣдовало бы теперь перейти къ нашимъ учебнымъ занятіямъ въ старшемъ курсѣ. Но не могу умолчать объ одномъ интересномъ случаѣ въ нашей тогдашней жизни. Въ томъ же 1861 г., чрезъ полтора мѣсяца послѣ 4 октября, умираетъ нашъ землякъ, извѣстный литераторъ Н. А. Добролюбовъ, † 17 ноября 1861 г. Мы, съ Ѳ. Г. Ел—мъ, какъ его земляки, и вдобавокъ хорошо знавшіе его по семинаріи (а Ѳ. Г. Ел—кій даже разъ былъ у него на квартирѣ, въ Петербургѣ, незадолго до его смерти, вѣроятно по поводу 4 октября), сочли своимъ долгомъ присутствовать при его похоронахъ, да признаться побуждало насъ къ тому же и любопытство, хотѣлось видѣть тогдашнихъ литераторовъ. Къ намъ присоединился еще мой пріятель Н. Г. Благовѣщенскій. Отправились на Волково кладбище, рано утромъ, конечно тайно (это было въ будни и мы должны были бы присутствовать на лекціяхъ) отъ начальства, отъ котораго, впрочемъ, никакого запрещенія по этому случаю не послѣдовало; можетъ быть, о похоронахъ популярнаго литератора оно совсѣмъ даже и не знало; тогда, по подобнымъ поводамъ, еще не поднималось такого шума въ газетахъ, какъ нынѣ. Приходимъ на Волково до прибытія печальной процессіи, встрѣчаемъ ее на улицѣ и видимъ очень небольшое количество въ ней участвующихъ, человѣкъ 30—40 не болѣе,

и притомъ исключительно литературной братіи, представляющей кучку людей очень небогато, чтобы не сказать бѣдно, и неряшливо одѣтыхъ, съ всклокоченными, длинными волосами и по большей части въ очкахъ. Толпы посторонней публики, молодежи, студентовъ, многочисленныхъ вѣнковъ, колесницъ и т. п., что составляетъ нынѣ непремѣнную принадлежность похоронъ болѣе или менѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей, литераторовъ, артистовъ и т. п., не было и въ помин̀ѣ; все это еще не вошло тогда въ обычай. Словомъ, это были самыя заурядныя похороны небогатаго человѣка. Не помню, были ли какіе-нибудь вѣнки; гробъ несли, кажется, на рукахъ. Вошли въ церковь и вся эта литературная братія приняла самыя непринужденныя позы, почувствовала себя въ церкви, какъ дома, многіе встали спинами къ иконамъ и алтарю и занялись громкимъ разговоромъ. Такое крайнее неблагочиніе такъ сильно подѣйствовало на приготовлявшагося начать литургію священника, что онъ вышелъ изъ алтаря и въ энергическихъ выраженіяхъ попросилъ присутствующихъ вести себя приличнѣе въ храмѣ, изъ уваженія если не къ религіи,— которой они, быть можетъ, замѣтилъ онъ, совсѣмъ не признаютъ,—то по крайней мѣрѣ къ публичному мѣсту, въ которомъ долгъ приличія требуетъ вести себя какъ должно. Рѣчь священника видимо подѣйствовала на литераторовъ; разговоры стали тише и спины поворотились отъ иконъ и алтаря въ надлежащую сторону, но, какъ я замѣтилъ, ни одинъ изъ литераторовъ ни разу не перекрестился въ теченіе литургіи и отпѣванія. Когда послѣ отпѣванія вынесли гробъ и опустили его въ могилу, извѣстный и славившійся тогда поэтъ Н. А. Некрасовъ, съ сильно поношеннымъ лицомъ, продекламировалъ, хриплымъ и какимъ-то вдобавокъ глухимъ и сиплымъ голосомъ, извѣстное предсмертное стихотвореніе покойнаго: «Милый другъ, я умираю» и т. д. Затѣмъ выступилъ также пріобрѣтшій тогда большую извѣстность публицистъ Н. Г. Чернышевскій. Съ очень желчнымъ лицомъ, какимъ-то визгливымъ голосомъ, высокаго тембра теноромъ, очень непріятно дѣйствующимъ на нервы, онъ прочиталъ отрывки изъ дневника покойнаго, присоединяя къ прочитаннымъ мѣстамъ свои комментаріи, пропитанные такою же желчью, какъ и его лицо. Все завершилъ коротенькою рѣчью какой-то студентъ медицинской, или, какъ тогда она называлась, Медико-Хирургической академіи (содержанія рѣчи не помню). Вотъ и все, что мы видѣли и слышали

при похоронахъ нашего, во всякомъ случаѣ выдающагося по своей даровитости, земляка и бывшаго нашего совоспитанника по родной семинаріи. Крайне жаль, что большія свои дарованія онъ не употребилъ на служеніе церкви и духовному просвѣщенію. Скончался Н. А. Добролюбовъ, имѣя отъ роду не болѣе 25 лѣтъ. Онъ поступилъ въ Педаг. Институтъ 17 лѣтъ (1853 г.) + 8 (до 1861 г.) = 25 лѣтъ.

Въ старшемъ курсѣ преподавались тогда: догматическое богословіе, нравственное богословіе, обличительное богословіе, исторія и обличеніе русскаго раскола, церковная исторія древняя, церковная исторія новая, русская церковная исторія, литургика, церковное законовѣдѣніе, гомилетика, греческій языкъ, еврейскій и новые языки.

Догматическое богословіе читали у насъ два профессора: ректоръ пр. Іоанникій и инспекторъ архим. Владиміръ (Петровъ).

Пр. Іоанникій, въ званіи ордин. проф.,—Иванъ Рудневъ, 1-й магистръ XIV кіевскаго курса 1849 г., однокурсникъ другого, также 1-го магистра XVIII спбургскаго курса, того же 1849 г., Ивана Янышева († протопресв. І. Л. Янышева),—человѣкъ безъ сомнѣнія очень даровитый, что было видно и изъ его лекцій, но какъ профессоръ далеко не былъ такимъ блестящимъ, какъ его однокурсникъ (на другой, впрочемъ, каѳедрѣ—нравственнаго богословія) и преемникъ, хотя и не непосредственный [1]) по ректурѣ въ Петербургской Академіи. Пр. Іоанникій первый годъ читалъ намъ догматическое богословіе одинъ. Очень большое количество лекцій, чуть ли не въ теченіе цѣлаго года, онъ посвятилъ обозрѣнію ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи—Христѣ Спасителѣ. Говорили у насъ тогда, что эти лекціи не что иное, какъ извлеченіе изъ магистерской его диссертаціи. Расположенный къ изученію Св. Писанія, какъ своею диссертаціею, такъ и первоначальною своею академическою каѳедрою (онъ оставленъ былъ при Кіевской Академіи, по окончаніи курса въ 1849 г., баккалавромъ по Св. Писанію), онъ естественно тяготѣлъ преимуще-

[1]) Послѣ пр. Іоанникія (ректор. съ 5 окт. 1860 до 13 янв. 1864 г.) ректоромъ спб. акад. былъ (съ 13 янв. 1864 г. до 9 ноября 1866 г.) архим. Іоаннъ (Соколовъ, 2-й маг. XIII к. 1842 г. моск. акад.) изъ ректоровъ казанской акад., а съ 27 ноября 1866 г. до 19 октября 1883 г. протоіерей І. Л. Янышевъ.

ственно къ области догматическихъ данныхъ, заключающихся въ Св. Писаніи, и въ этой области обнаруживалъ основательныя и большія познанія. На святоотеческія творенія обращалъ мало вниманія. Изъ другихъ его чтеній очень памятны его лекціи о злыхъ духахъ. Здѣсь поражало насъ мастерское изображеніе психологическаго состоянія падшихъ ангеловъ, направленное, какъ намъ тогда казалось, прямо по адресу нашего тогдашняго душевнаго состоянія, съ явными на него намеками, какъ на состояніе аналогическое съ состояніемъ падшихъ духовъ. Эти лекціи были читаны вскорѣ послѣ 4 окт. 1861 г. Лекціи онъ читалъ, часто, впрочемъ, отрѣшаясь отъ своихъ записей, но хорошимъ даромъ слова и въ особенности дикціею не отличался. Вполнѣ вѣрно замѣчаніе пр. Леонтія объ его лекціяхъ: «лекціи по догматикѣ онъ (пр. Іоан.) читалъ хотя дѣльно, но далеко неувлекательно, и къ тому же какъ-то неразборчиво въ произношеніи». У него былъ, повидимому, природный недостатокъ въ этомъ отношеніи, который немало вредилъ ему на профессорской каѳедрѣ.

Помощникомъ ему по каѳедрѣ догматики былъ экстр. проф. (съ 6 іюня 1862 г.) архим. Владиміръ (Петровъ), прекраснѣйшей души человѣкъ, но какъ профессоръ, еще менѣе, чѣмъ пр. Іоанникій, способенъ былъ увлечь своихъ слушателей. Онъ, точно въ просонкахъ, что-то намъ читалъ, а мы дремали на его лекціяхъ. Читалъ онъ изъ второй части догматики,—читалъ свой первый академическій курсъ лекцій. Изъ его чтеній рѣшительно ничего не осталось въ памяти. Боюсь погрѣшить противъ истины, но, кажется, онъ придерживался догматическаго богословія пр. Макарія (Булгакова). Къ экзаменамъ же, несомнѣнно, мы готовились по этому сочиненію. Мы, однако, такъ любили и почитали архим. Владиміра, что старались усердно посѣщать его лекціи; помнится, его аудиторія никогда не пустовала. Читалъ онъ у насъ одинъ только учебный годъ, $186^{2}/_{3}$, послѣдній годъ нашего пребыванія въ академіи, когда мы всецѣло погружены были въ составленіе своихъ диссертацій, мало вообще интересуясь лекціями.

Лекціи по нравственному богословію читалъ намъ іером. Аѳанасій (Турчановичъ) [1]), въ званіи баккалавра, человѣкъ,

---

[1]) Іером. Аѳанасій Турчановичъ (по Чистов. Турчиновичъ), кіевл., 13 маг. XVIII к. (1857) кіевск. акад., изъ препод. Саратовск. сем., съ 1859 г. бакк. спб. акад., 1863—архим., 1865—ректор. минск., сем., † 1867.

нелишенный даровитости, но довольно болѣзненный, не представительной наружности и не обнаруживавшій дара слова. Читалъ онъ по какому-то нѣмецкому сочиненію, тогда довольно знаменитому, какому именно, теперь не могу припомнить. Хотя его лекціи были вообще хороши и достойны академической каѳедры, но отъ нихъ вѣяло какимъ-то нѣмецко-философскимъ сантиментализмомъ. Онѣ представляли очень стройную систему, но съ какимъ-то, такъ сказать, нерусскимъ привкусомъ. Жаль, что о. Аѳанасій не переработалъ нѣмецкой системы, не перевелъ ее не только по буквѣ, но и по складу съ нѣмецкаго на русскій складъ и вкусъ. Онъ былъ вновѣ на академической каѳедрѣ, читалъ нашему курсу, только второму, по переходѣ съ семинарской службы на академическую. Мы слушали этого преподавателя довольно внимательно. Онъ былъ намъ симпатиченъ, какъ добрый помощникъ инспектора.

Обличительное богословіе читалъ намъ И. Т. Осининъ [1]), сначала баккалавръ, а потомъ къ концу нашего курса (1863 г.) экстр. проф., довольно блестящій молодой профессоръ, обладавшій хорошимъ знаніемъ новѣйшихъ языковъ, даромъ слова и очень хорошей дикціей, съ иностраннымъ, правда, датскимъ выговоромъ (напр. онъ всегда говорилъ було вмѣсто было) и акцентомъ, какъ сынъ датчанки, на которой женился его отецъ, псаломщикъ нашей посольской церкви въ Копенгагенѣ. И. Т. Осининъ читалъ лекціи по запискамъ, но съ весьма частымъ отступленіемъ отъ нихъ на живую рѣчь. Его лекціи о римскомъ католицизмѣ, реформаціи и протестантствѣ съ его сектами, объ англиканскомъ вѣроисповѣданіи, были содержательны и интересны, по временамъ однако нѣсколько расплывчаты и не лишены многословія. Немало мѣшали ему сосредоточиться на его предметѣ и на отдѣлкѣ лекцій его порывы къ расширенію дѣятельности въ область не только литературную, но и практическую. Въ то время онъ напечаталъ немало статей въ «Христ. Чтен.» по своему предмету [2]) и уже тогда началъ проникать въ высшее общество, въ кругъ лицъ, группировавшихся около Вел. Княг. Елены Павловны. Впослѣдствіи онъ составилъ себѣ блестящую карьеру по вѣдомству Императрицы Маріи, но объ этомъ будетъ сказано

---

[1]) Иванъ Терентьевичъ Осининъ, спб. сем., 1-й маг. XXII к. (1857) спб. акад., 1863—экстр. проф.

[2]) И. А. Чистов. „Истор. спб. акад.“ 1858—1888 г.г. стр. 44—45.

въ свое время при обозрѣніи моего служебнаго поприща—въ Петербургской Академіи.

Исторію и обличеніе русскаго раскола читалъ намъ И. Ѳ. Нильскій [1]), товарищъ И. Т. Ос., не менѣе, если не болѣе его даровитый, баккалавръ, а съ 1863 г. экстр. проф. Онъ обладалъ и даромъ слова и громадной памятью, говорилъ свои лекціи совершенно безъ тетрадки, даже бол. частью не сидѣлъ на каѳедрѣ, а ходилъ по классу. Онъ удивлялъ насъ тѣмъ, что читалъ на память выдержки, часто очень длинныя, изъ раскольническихъ сочиненій и рукописей. Хотя въ наше время онъ былъ еще вновѣ на каѳедрѣ, окончивъ курсъ не болѣе 4-хъ лѣтъ (1857 г.), и съ нами началъ только третій курсъ своихъ чтеній, но казался намъ вполнѣ овладѣвшимъ своимъ предметомъ. Взгляда на расколъ держался средняго между крайними взглядами: между взглядомъ, не находившимъ въ расколѣ ничего, кромѣ тупого, невѣжественнаго упорства и приверженности къ старинѣ въ мелочахъ, и взглядомъ на расколъ, какъ на народный протестъ противъ преобразованій Петра В. Этого молодого нашего профессора мы слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ и относились къ нему съ симпатіей.

Церковную исторію читали намъ трое: общую древнюю до раздѣленія церквей ордин. проф. И. В. Чельцовъ, новую—баккалавръ А. М. Иванцовъ-Платоновъ, исторію русской церкви—экстр. проф. М. О. Кояловичъ.

И. В. Чельцовъ [2]), ординарный профессоръ по древней церковной исторіи, пользовавшійся въ академіи большимъ авторитетомъ, читалъ намъ о первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства, времени гоненій на христіанскую церковь, придерживаясь своей печатной исторіи хр. церкви, а потомъ исторію съ IV в.—по своимъ запискамъ. Къ экзаменамъ и репетиціямъ (которыхъ, впрочемъ, не помню) выдавалъ довольно краткій конспектъ. Библейской исторіи не читалъ, хотя она входила въ кругъ его чтеній (отдѣльной для нея каѳедры въ нашей академіи не было). Чтобы заставить насъ хоть немного заняться ею, далъ намъ тему для сочиненія—о желательной постановкѣ

---

[1]) Иванъ Ѳедоровичъ Нильскій, псков., 2-й маг. XXII к. спб. акад. (1857).

[2]) Иванъ Васильевичъ Чельцовъ, рязан., 4-й маг. XIX к. (1851) спб. акад., 1851—баккал., 1856—1859—экономъ академіи, 1859—экстр. проф., 1860—ордин., † 1878.

преподаванія библейской исторіи. Не особенно владѣя даромъ слова, лекціи свои однако говорилъ, а не читалъ, при чемъ отличался остроуміемъ и большимъ мастерствомъ въ выпукломъ изображеніи событій церковной жизни и въ яркой характеристикѣ церковно-историческихъ дѣятелей золотого христіанскаго вѣка и періода вселенскихъ соборовъ. Заботился не о количествѣ фактическаго матеріала, а объ яркомъ его освѣщеніи, въ чемъ и успѣвалъ, сильно поддерживая наше вниманіе. Увлекая насъ своими характеристиками и картинами древней церковной жизни, онъ и самъ видимо увлекался ими, почему по временамъ не чуждъ былъ преувеличеній. Такъ напр., при изложеніи исторіи несторіанскихъ споровъ, болѣе надлежащаго выдвигалъ значеніе элементовъ личныхъ и церковно-политическихъ въ ущербъ чисто религіознымъ, догматическимъ, которые въ его изображеніи отступали на задній планъ. Во всякомъ случаѣ этотъ прекрасный профессоръ пользовался большимъ нашимъ уваженіемъ и расположеніемъ, не смотря на его рѣзкій и довольно желчный характеръ. Между студентами онъ слылъ за самаго строгаго рецензента диссертацій на ученыя степени. Объ немъ говорили, что онъ «проваливаетъ» магистерскія диссертаціи, а потому, когда я узналъ, что мое сочиненіе передано ему на разсмотрѣніе, то не очень этому обрадовался, но вышло нѣчто для меня неожиданное, какъ увидимъ далѣе.

Новую церковную исторію читалъ очень молодой баккалавръ, только что окончившій Московскую Академію, магистръ А. М. Иванцовъ-Платоновъ [1]). Читалъ онъ намъ первый и единственный курсъ своихъ академическихъ лекцій. Очень даровитый преподаватель. Не владѣя бойкимъ даромъ слова, онъ читалъ по запискамъ очень интересныя лекціи по исторіи православной восточной церкви послѣ раздѣленія церквей, въ особенности въ эпоху попытокъ къ ихъ соединенію, въ эпоху ліонской и флорентійской уній. Пользовался нашимъ уваженіемъ и вниманіемъ, характера былъ симпатичнаго. Едва ли не его чтеніямъ я больше всего обязанъ тѣмъ, что для магистерской своей диссертаціи избралъ тему именно

[1]) Александръ Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ, курск., 2-й маг. XXII к. (1860) моск. акад., въ 1863 г.—законоучитель московскаго Александровскаго воен. учил., затѣмъ—проф. церков. исторіи въ москов. университетѣ, 1877 г.—докторъ богословія.

по исторіи попытокъ къ соединенію церквей, хотя тема была дана не имъ.

Исторію русской церкви читалъ экстр.-профессоръ М. О. Кояловичъ. Его чтенія имѣли тотъ же характеръ и успѣхъ у насъ, что и лекціи его по русской гражданской исторіи въ младшемъ курсѣ. Помнятся прекрасныя его лекціи объ Іосифѣ Волоколамскомъ и Нилѣ Сорскомъ, ихъ направленіяхъ и ихъ такъ сказать школахъ.

Литургику читалъ ординарный профессоръ Василій Ивановичъ Долоцкій [1]), старѣйшій, послѣ В. Н. Карпова, изъ профессоровъ академіи. Читалъ онъ литургику очень давно, со времени учрежденія этой каѳедры, съ 1839 г., т. е. въ теченіе 20-ти лѣтъ до нашего курса. Онъ, можно сказать, создалъ науку о православномъ богослуженіи и конечно прекрасно зналъ свой предметъ. Много времени, большую часть своего курса посвящалъ онъ именно «литургикѣ», какъ этотъ предметъ назывался въ нашей академіи [2]), т. е. описанію и анализу различныхъ церковныхъ службъ. Этого рода лекціи у него были очень хороши, но онѣ не особенно привлекали наше вниманіе. Больше интересовали насъ, по крайней мѣрѣ меня, чтенія по церковной археологіи. Но здѣсь онъ слѣдовалъ тому направленію, которое дали ей корифеи стараго времени: Бингамъ, Августи и Бинтеримъ, сообщавшіе отрывочныя свѣдѣнія по исторіи возникновенія въ первыхъ вѣкахъ христіанства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ обрядовъ, по преимуществу при совершеніи церковныхъ таинствъ. Задачею—прослѣдить исторію постепеннаго образованія *цѣлыхъ* богослужебныхъ чинопослѣдованій нашей православной церкви—В. И. Д—кій не задавался. Также не вводилъ онъ въ кругъ своихъ чтеній и новыхъ отдѣловъ—о церковной архитектурѣ и иконографіи. Вообще онъ не шелъ дальше давно установившагося у него курса чтеній. Тѣмъ не менѣе онъ былъ во всякомъ случаѣ прекраснымъ

---

[1]) Василій Ивановичъ Долоцкій, петерб., 5-й маг. XII к. (1837) спбургской акад., 1839—баккалавръ, 1851—экстр. проф., 1852—ординарный.

[2]) Литургикою этотъ предметъ назывался въ нашей академіи, да еще въ казанской, гдѣ въ первое время онъ назывался еще „экклезіастикой“ (П. В. Знам.—Истор. каз. акад. т. II, 313). Въ москов. акад. „литургики“ не было, а была „церковная археологія“. Въ кіевской акад. этотъ предметъ назывался то литургикой, то церковной археологіей, соединяясь съ каноническимъ правомъ (см. „Списки начал. и наставн. кіев. акад.“ стр. 9).

и очень почтеннымъ профессоромъ. Владѣя хорошимъ даромъ слова, не читалъ свои лекціи, а всегда говорилъ ихъ, правда довольно хриплымъ и сиплымъ голосомъ, съ обильными понюшками табаку [1]), спокойнымъ тономъ, но съ значительнымъ оживленіемъ. Характера былъ спокойнаго, ровнаго, очень сдержаннаго и отличался житейскою мудростью и опытностью, такъ что поистинѣ могъ быть названъ мужемъ совѣта. Эти его свойства оказались очень цѣнными, въ особенности по преобразованіи академіи въ 1869 г., въ засѣданіяхъ академическаго совѣта, о чемъ, впрочемъ, намъ еще придется говорить впослѣдствіи. Его интересныя чтенія были причиною того, что по окончаніи академическаго курса, когда мнѣ предложено было, для занятія каѳедры баккалавра въ Московской Академіи, избрать одинъ изъ двухъ предметовъ—патристики, или церковной археологіи, я избралъ именно церковную археологію [2]).

Церковное право читалъ баккалавръ свящ. А. И. Парвовъ [3]), хорошій знатокъ своего предмета, человѣкъ практическаго склада ума. Преподавалъ предметъ примѣнительно къ потребностямъ лицъ, облеченныхъ священнымъ саномъ, священниковъ, сообщая свѣдѣнія необходимыя для нихъ въ ихъ пастырской дѣятельности. Хорошо выражаетъ характеръ его чтеній самое заглавіе изданнаго имъ потомъ печатнаго труда, представляющаго, если не цѣликомъ, то съ нѣкоторою обработкою, сокращеніями, измѣненіями и гдѣ нужно добавленіями, его академическія чтенія по церковному праву: «Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику, при совершеніи важнѣйшихъ требъ

---

[1]) Очень худощавый собою, онъ носилъ у студентовъ прозвище „мощи“. Вѣроятно, не безъ вліянія на происхожденіе такого прозвища былъ и предметъ его чтеній.

[2]) Мои товарищи выражали по временамъ удивленіе, почему я былъ такимъ внимательнымъ слушателемъ и усерднымъ посѣтителемъ лекцій В. И. Д. Вѣроятно, у меня было предчувствіе, что придется преподавать этотъ предметъ, помимо интереса, который онъ самъ по себѣ возбуждалъ во мнѣ и который умѣлъ пробудить своими чтеніями нашъ достопочтенный профессоръ.

[3]) Алексѣй Ивановичъ Парвовъ, новгород., 3-й маг. XXII к. (1857) спб. акад., 1857—бакк. гомил. и основ. бог., 1859—церковн. законов., 1860—свящ. ц. Инженернаго Замка, 1864—экстр. проф., 1865—проф. и наст. ц. Учил. Правовѣдѣнія, 1883—предсѣдат. Учеб. Комит. при Св. Синодѣ, † 1897.

церковныхъ». Лекціи онъ читалъ, а не говорилъ. Намъ хотѣлось бы слышать чтенія по этому, весьма интересному и близкому къ жизни, предмету въ другой болѣе теоретической и широкой постановкѣ, съ выясненіемъ современнаго положенія и устройства нашей православной и въ частности русской церкви, взглядовъ на отношеніе къ ней государства и обратно—ея къ государственной власти и т. п. А потому мы неособенно охотно шли на лекціи А. И. Парвова и неособенно внимательно ихъ слушали, но во всякомъ случаѣ цѣнили ихъ дѣловитость и значительную эрудицію предподавателя.

Гомилетику читалъ намъ родной братъ пр. Нектарія, бывшаго нашего ректора, Ѳ. С. Надеждинъ [1]), магистръ Кіевской Академіи, перешедшій въ академію изъ преподавателей новгородской семинаріи. По росписанію (у И. А. Чистов.—«Истор. Соб. Акад.») онъ обязанъ былъ читать еще введеніе въ богословіе (основное богословіе). Но я рѣшительно не помню чтеній по этому предмету и всегда думалъ, что онъ у насъ не существовалъ въ составѣ предметовъ нашего курса, точно такъ же, какъ и библейская исторія. Гомилетику Ѳ. С. Над—нъ, какъ воспитанникъ Кіевской Академіи, читалъ по методу и образцу чтеній знаменитаго кіевскаго гомилета Я. К. Амфитеатрова, съ значительными, кажется, отъ него заимствованіями. Впрочемъ, о лекціяхъ по гомилетикѣ не сохранилось у меня почти никакихъ воспоминаній. Осталась память только о наружности преподавателя, человѣка довольно болѣзненнаго вида и некрѣпкаго сложенія и впечатлѣніе, что Ѳ. С. Н. былъ нелишенъ даровитости и обладалъ въ значителеной степени даромъ краснорѣчія, такъ что казался намъ лицомъ подходящимъ къ этой каѳедрѣ.

Еврейскій языкъ и новые языки и въ старшемъ курсѣ преподавали тѣ же лица, что и въ младшемъ.

Греческій языкъ, послѣ нашей исторіи 4 октября 1861 г., преподавалъ (съ 10 ноября того же года), магистръ И. Е. Троицкій [2]), въ званіи баккалавра. Онъ вызванъ былъ въ ака-

---

[1]) Ѳедоръ Самойловичъ Надеждинъ, кіевск., 4-й маг. XVIII к. (1855) кіевск. акад. 1855—преп. новг. сем., 1859—бакк. спб. акад., 1863—экстр. проф., † 1866 г.

[2]) Иванъ Егоровичъ Троицкій. олонец., 7-й маг. XXIII к. (1859) спб. акад., 1859—преп. олонец. сем., 1861—бакк. спб. акад. по греч. яз., 1863—по новой церк. исторіи, 1866—экстр. проф., 1875—ордин. и докторъ богословія, † 1901.

демію изъ преподавателей олонецкой семинаріи. Основательно зная греческій языкъ, онъ занималъ насъ, кромѣ переводовъ, лекціями по исторіи древней греческой, классической литературы. Тогда онъ только еще начиналъ свое ученое поприще. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ большой авторитетъ въ ученомъ мірѣ на другой каѳедрѣ—новой церковной исторіи, которую онъ занялъ послѣ А. М. Иванцова—Платонова, поступившаго на священническое мѣсто въ Москву.

Долженъ признаться, что переходилъ я изъ младшаго курса въ старшій съ большимъ предубѣжденіемъ противъ богословскихъ наукъ. Теперь, думалъ я, конецъ всякому научному интересу; остается отбыть какъ-нибудь извѣстный срокъ, два года, до окончанія полнаго академическаго курса, написать диссертацію, получить ученую степень, а затѣмъ относительно дальнѣйшей судьбы у меня тогда еще не было никакихъ предположеній. Каково же было мое удивленіе, когда вмѣстѣ съ слушаніемъ богословскихъ наукъ, началъ замѣчать, что у меня пробуждается интересъ къ богословію, которое начало давать для любознательности не меньшую пищу, чѣмъ свѣтскія науки (философскія, историческія), и въ моемъ настроеніи и симпатіяхъ мало по малу произошелъ большой переворотъ. Къ концу же академическаго курса образовалась уже рѣшительная склонность къ занятіямъ именно богословскими предметами.

Обыкновенныя письменныя работы, «срочныя», какъ тогда ихъ называли, сочиненія назначались только въ первый годъ старшаго курса, послѣдній же годъ предоставленъ былъ исключительно для составленія «курсоваго» сочиненія, или диссертаціи на ученую степень.

Въ учебномъ году, 1861/2, дано было намъ много сочиненій, цѣлыхъ 6 и 1 проповѣдь. Почему такъ много, когда въ первые годы, на младшемъ курсѣ, давали только 4 и 1 проп.? Не въ наказаніе ли намъ за наши грѣхи? Помнится, мы хлопотали объ уменьшеніи ихъ количества, но безуспѣшно. Темы были слѣдующія: 1) «Значеніе богослуженія для Церкви, какъ общества вѣрующихъ» (проф. В. И. Долоцкій); 2) «Объ управленіи Христовой церкви по изображенію свящ. книгъ Новаго Завѣта» (бакк. свящ. А. И. Парвовъ); 3) «Въ какомъ видѣ желательно имѣть учебное руководство для преподаванія исторіи Ветхозавѣтной Церкви» (проф. И. В. Чельцовъ); 4) «Можетъ ли обличительное богословіе способствовать воз-

соединенію христіанскихъ церквей и, если можетъ, то при какихъ условіяхъ»? (бакк. И. Т. Осининъ); 5) «Значеніе просвѣщенія для будущей судьбы русскаго раскола» (бакк. И. Ѳ. Нильскій); 6) «Отличительный характеръ православія въ сравненіи съ католичествомъ и протестантствомъ» (пр. Іоаникій); 7) Проповѣдь на день сошествія Св. Духа» (бакк. Ѳ. С. Надеждинъ). Всѣ эти сочиненія у меня сохранились, изъ нихъ 5 отмѣчены высшимъ балломъ 10 и 2 балломъ $9^1/_2$; всѣ съ очень лестными для меня отзывами. Сочиненія этого курса были настолько удачными, что два изъ нихъ были впослѣдствіи мною напечатаны: одно, по расколу, въ «Днѣ» И. С. Аксакова, а другое объ «отлич. характерѣ православія», въ «Христ. Чтен.», и оба обратили на себя вниманіе читателей.

Четвертый и послѣдній академическій учебный годъ, $186^2/_3$, посвященъ былъ нами исключительно составленію диссертацій. Дана была намъ масса темъ на выборъ [1]), до 150. При такомъ огромномъ количествѣ ихъ, у насъ положительно разбѣгались глаза. Обиліе темъ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей послужило даже во вредъ; они долго, по цѣлымъ мѣсяцамъ колебались, брали то одну, то другую тему, а время, котораго въ сущности было очень немного (съ конца августа до 1 мая), уходило, и они рисковали не представить во время диссертацій, что́ съ нѣкоторыми изъ нихъ и случилось, къ несчастію. Мнѣ довольно скоро удалось остановиться на данной И. Т. Осининымъ темѣ: «Обозрѣніе предпріятій и попытокъ къ соединенію церквей Восточной и Западной»,—безъ ограниченія періода времени, который долженъ подлежать обо-

---

[1]) За это нужно сказать большое спасибо пр. Іоанникію. Не то было при его преемникѣ, пр. Іоаннѣ (Соколовѣ, † еп. смоленскомъ), который, какъ въ казанской академіи, такъ потомъ и въ петербургской, самъ назначалъ тему каждому студенту, ни съ чѣмъ не сообразуясь, ни съ силами, ни съ склонностью студентовъ къ извѣстнаго рода работамъ, при чемъ иногда давалъ темы прямо невозможныя по самому ихъ существу, такъ что случались даже курьезы въ этомъ родѣ, какъ разсказываетъ П. В. Знаменскій въ своей исторіи каз. акад. Тоже было и въ нашей академіи съ слѣдующимъ за нашимъ курсомъ—XXVI-мъ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ студентовъ котораго, А. В. Бѣлецкій, долженъ былъ, изъ за неудачной темы, окончить кандидатомъ. Потомъ, уже долго спустя (въ 1871 г.), получилъ степень магистра за новое сочиненіе. Такая неудача постигла „многихъ изъ этого курса“, какъ замѣчаетъ бывшій студентъ этого курса, А. С. Родосскій, въ своемъ „Біогр. слов. студ.“ (стр. 59).

зрѣнію). Повидимому, назначавшій эту тему полагалъ, что студентъ въ теченіе одного года можетъ обозрѣть всю многовѣковую исторію вопроса о соединеніи церквей. Поработавъ мѣсяца два, я нашелъ, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности довести, какъ слѣдуетъ, обозрѣніе до конца, что съ великимъ трудомъ можно дотянуть только до Флорентійскаго собора и потому обратился къ И. Т. Ос-ну съ просьбою дозволить мнѣ ограничить тему чрезъ прибавку къ ней словъ: «съ половины XI в. до начала XV». Разрѣшеніе было дано, и я съ большимъ рвеніемъ и жаромъ принялся за работу. Задалъ себѣ серьезную, нелегко выполнимую задачу представить не поверхностный очеркъ, а полную, всесторонне очерченную картину 400-лѣтнихъ сношеній Востока и Запада по вопросу о соединеніи церквей. Много трудовъ потратилъ на собираніе матеріала и прямо относившагося къ темѣ и нужнаго вообще для изученія того времени въ различныхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыхъ книгъ не оказывалось въ академической библіотекѣ, приходилось ходить въ Публичную,—въ особенности для чтенія и выдержекъ изъ очень важныхъ для меня лѣтописей (Annal. eccles.) Райнальда, продолжателя Баронія. Работалъ совершенно безъ всякаго руководства профессора [1]) и не имѣя готоваго образца для задуманной работы, такъ какъ извѣстная «исторія» Пихлера (Geschichte der kirchl. Trennung zwischen Orient und Occident) вышла въ слѣдующемъ 1864 г., когда я служилъ уже въ Московской Академіи. Другіе мои товарищи болѣе или менѣе также усердно работали по предметамъ своихъ диссертацій, пробуя свои силы въ большой, настоящей уже ученой работѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ испытывали слишкомъ большой перевѣсъ формальнаго своего развитія, способности обобщеній въ ущербъ способности объективнаго изученія предмета. Такъ напр., одинъ изъ особенно даровитыхъ моихъ товарищей [2]) со слезами на

---

[1]) Не обращался къ Ив. Т. Осинину отчасти, чтобы не лишиться самостоятельности въ работѣ, отчасти потому, что первоначальная формулировка темы поселила во мнѣ, можетъ быть, неосновательную мысль, что самъ профессоръ едва ли хорошо знакомъ съ предметомъ моей темы.

[2]) Н. Г. Благовѣщенскій, тверск., 11-й маг., преп. витебск. сем., инсп. и директ. нар. учил. псков. губ., потомъ ревельск., 1898—въ отставкѣ, † 1899. Тема диссертаціи: „Протест. движенія въ Англіи до времени реформаціи“.

глазахъ говорилъ мнѣ, что онъ несчастный человѣкъ, такъ какъ не можетъ спокойно изучать предметъ своей темы, мысль его едва встрѣчаетъ какой-нибудь фактъ, какъ забѣгаетъ впередъ, пускается въ обобщенія. Другіе мои товарищи писали на слѣд. темы: Ѳ. Г. Елеонскій: «О состояніи русскаго раскола при Петрѣ I», Н. И. Барсовъ—также по расколу: «Братья Денисовы, ихъ жизнь и значеніе въ исторіи раскола» (объ эти диссертаціи напечатаны: Ѳ. Г. Ел.—въ «Христ. Чтен.» 1863 г., Н. И. Б.—въ «Прав. Обозр.» 1865); Т. В. Барсовъ—«Отличит. характеръ православія сравн. съ катол. и протестант. вѣроисповѣданіями» (тема пр. Іоаникія, тождественная съ темою для «срочнаго» соч.). Сочиненіе мое во время было окончено и къ назначенному сроку подано.

Наступили послѣдніе, выпускные для насъ экзамены, съ участіемъ внѣшнихъ членовъ конференціи. Не помню, чтобы эти внѣшніе члены участвовали въ обыкновенныхъ, невыпускныхъ экзаменахъ, въ особенности въ рождественскихъ, но судя по дневнику одного протоіерея (П. К. Херсонскаго), принадлежащаго къ слѣдующему XXVI курсу, они присутствовали даже и на рождественскихъ экзаменахъ въ 1862 г. [1]), слѣдовательно, были и у насъ въ этомъ году. На переходныхъ же экзаменахъ изъ младшаго курса въ старшій, тѣмъ болѣе при выпускныхъ, они должны были присутствовать по положенію [2]). Этихъ членовъ полагалось 10 человѣкъ; такое же количество ихъ было и въ наше время [3]). Всѣхъ ихъ хорошо

---

[1]) См. дневн. прот. П. К. Херсонскаго въ „Памят. кн. за 1913 г.“ изд. „Общ. духов. и матер. взаимопомощи быв. питомцевъ спб. дух. акад.“.

[2]) У И. А. Чистов. въ „Ист. С.-Петерб. Акад.“ (стр. 75) читаемъ: „Переходные для студентовъ низшаго отд. и выпускные для студ. высшаго отд., экзамены производились,—первые академическимъ правленіемъ, послѣдніе—конференціею, съ участіемъ и внѣшнихъ членовъ конференціи, которые назначались депутатами по различнымъ предметамъ академическаго курса“.

[3]) Вотъ эти внѣшніе члены конференціи нашего времени, по старшинству—не окончанія ими академическаго курса, а по порядку назначенія ихъ членами: прот. Морск. Никол. Собора І. Д. Колоколовъ—съ 1831 г., прот. Учил. Правов. М. И. Богословскій—съ 1839 г., архим. Аввакумъ (Честной), членъ цензурн. комит.—съ 1842 г., придв. прот. І. В. Рождественскій—1848 г., прот. Казан. соб. Г. С. Дебольскій—съ 1848 г., прот. Воспит. общ. благ. дѣвицъ І. К. Яхонтовъ—съ 1855 г., свящ. закон. 3-й спб. гимн. К. П. Добронравинъ († еп. Гермогенъ псков.)—1855 г., прот. Никол. сирот. институт. В. В. Гречулевичъ († еп. Виталій)—

помню, кромѣ старѣйшаго изъ нихъ прот. І. Е. Колоколова, который по старости едва ли бывалъ у насъ. Внѣшніе члены были по большей части молчаливыми ассистентами на экзаменахъ, но нѣкоторые отличались говорливостью, таковъ былъ въ особенности прот. І. К. Яхонтовъ, издатель «Духовной Бесѣды», тогдашняго полуофиціальнаго органа Св. Синода. О. Яхонтовъ былъ ассистентомъ на экзаменѣ по гомилетикѣ.

Не говоря уже о прежнихъ экзаменахъ въ старшемъ курсѣ, даже выпускные—совершенно вышли изъ памяти. Помню хорошо только одинъ экзаменъ,—по общей церковной исторіи древней и новой, съ участіемъ внѣшняго члена конференціи, прот. М. Изм. Богословскаго. Этотъ экзаменъ остался памятнымъ мнѣ по многимъ причинамъ. Спрашивали не каждаго студента по древней и новой церковной исторіи, а одного по одной, другого по другой. Мнѣ выпалъ очень счастливый для меня билетъ—по новой церк. исторіи, именно о времени господства латинянъ въ Константинополѣ (1204—1261 г.). А. М. Иванцовъ, заглянувъ (пока отвѣчали другіе вызванные) въ мой билетъ, тихонько сказалъ мнѣ, чтобы я не слишкомъ распространялся въ подробностяхъ, а отвѣчалъ бы покороче; очевидно, онъ зналъ о моемъ курсовомъ сочиненіи и предполагалъ, что мои занятія по сочиненію обогатили меня многими свѣдѣніями по данному вопросу. Когда пришла моя очередь, я отвѣчалъ, конечно, очень обстоятельно, увѣренно, бойко и складно. Послѣ, отъ проф. Н. И. Глоріантова, знакомаго съ прот. М. И. Богословскимъ, слышалъ, что мой отвѣтъ очень понравился послѣднему, и М. И. Бо-

---

1860 г., прот. Казан. соб. Ѳ. Ѳ. Сидонскій—1862 г., прот. ц. спб. унив. П. Ѳ. Солярскій—съ 1862 г. Всѣ они были лицами очень почтенными и извѣстными въ ученомъ, въ особенности духовномъ мірѣ. Изъ нихъ въ особенности выдвигались: докторъ богословія прот. М. И. Богословскій, Ѳ. Ѳ. Сидонскій, извѣстный нашъ философъ, обладавшій кромѣ того огромною эрудиціею и по другимъ наукамъ, и архим. Аввакумъ (Честной, тверск., старш. канд., а потомъ маг. VIII к. 1829 г. спб. акад.) извѣстный синологъ, совершившій съ роман. Гончаровымъ поѣздку на фрегатѣ Паллада и имъ хорошо охарактеризованный, высокопочитаемый ученый. Кажется, онъ страдалъ слабостью къ спиртнымъ напиткамъ. Помню, мы ждали его на экзаменъ по Св. Писанію, а онъ сидитъ себѣ въ сторожевой будкѣ, при входѣ въ академію, съ владимірскою 2-й ст. звѣздою на рясѣ. Отдохнувъ, онъ все-таки чрезъ нѣсколько времени явился на экзаменъ. Отличался онъ очень добродушнымъ характеромъ. Его земляки, тверяки, къ нему ходили.

гословскій по этому случаю замѣтилъ о мнѣ: «изъ него выйдетъ хорошій баккалавръ академіи». Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такого о мнѣ отзыва, со стороны достоуважаемаго внѣшняго члена конференціи, не послѣдовало бы, если бы попался мнѣ другой билетъ—изъ древней церковной исторіи, по которой всѣ отвѣты были не особенно блестящими, благодаря отсутствію подробныхъ записокъ и существованію только очень коротенькаго конспекта. Этотъ экзаменъ былъ памятенъ мнѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Интересенъ былъ споръ профессора И. В. Чельцова, человѣка, какъ уже замѣчено выше, рѣзкаго и желчнаго, съ прот. М. И. Богословскимъ, докторомъ богословія, очень умнымъ и уважаемымъ лицомъ, характера также крутого и еще болѣе, чѣмъ у Чел-ва, рѣзкаго. Сошлись, стало быть, два лица очень характерныя. По какому-то поводу зашла рѣчь о житіяхъ святыхъ. Кажется, М. И. Богословскій обратилъ вниманіе, какъ на нѣчто цѣнное, на историческія данныя въ нихъ заключающіяся. «Какъ вы можете это утверждать, вы М. И., да еще докторъ богословія»!—отвѣтилъ нашъ профессоръ свойственнымъ ему, довольно ядовитымъ тономъ. Затѣмъ, этотъ *послѣдній* изъ всѣхъ выпускныхъ экзаменовъ происходилъ не въ залѣ и не въ одной изъ аудиторій, а въ жилой студенческой комнатѣ и именно въ томъ самомъ №, въ который поселили меня четыре года тому назадъ, по принятіи въ академію, подъ старшинство И. Д. Касаткина († архіеп. Николай Японск.). Конецъ видимо сходился съ началомъ. Наконецъ, передъ тѣмъ, какъ идти на этотъ экзаменъ, оказалось, что у меня украдена вся парадная пара одежды, и я принужденъ былъ у кого-то изъ товарищей или младшихъ студентовъ позаимствоваться платьемъ, чтобы явиться на экзаменъ въ приличномъ видѣ, а не въ затасканномъ, повседневномъ платьѣ. Академія какъ бы выпроваживала меня изъ своихъ стѣнъ, отобравъ отъ меня даже свое платье; такое предзнаменованіе впрочемъ, не приходило мнѣ тогда въ голову.

Публичнаго экзамена не было; по крайней мѣрѣ совсѣмъ его не помню.

По окончаніи курса отправился въ свой Нижній Новгородъ, Ѳ. Г. Ел-кій остался въ Петербургѣ, въ академіи. Каждый годъ, на лѣтніе каникулы, мои родители выписывали меня въ Нижній, присылая прогоны; разъ сопутствовалъ мнѣ Ѳ. Г. Обыкновенно отправлялся домой по Николаевской жел. до-

рогѣ до Твери, а отъ Твери на пароходѣ по Волгѣ до Нижняго [1]).

Но разъ, въ какой-то годъ (вѣроятно 1861 или 1862) рискнулъ поѣхать до Москвы, а оттуда по только-что открывшемуся участку нижегородской желѣз. дороги до Владиміра. Отъ Владиміра до Нижняго (220 верстъ), думалъ я, какъ-нибудь доберусь до Нижняго въ экипажѣ. Поѣздка по новой, только что открывшейся, нижегородской желѣзной дорогѣ была весьма пріятна. Ѣхалъ съ двумя студентами (однимъ товарищемъ, владимірцемъ, К. Ѳ. Надеждинымъ, и другимъ студ. Моск. Академіи), съ большимъ комфортомъ, мы рискнули даже взять билеты 2 кл. Но за все это удовольствіе пришлось очень поплатиться; поѣздка отъ Владиміра до Нижняго окончилась для меня весьма плачевно. Извозчики, избалованные богатыми московскими купцами, ѣхавшими на нижегородскую ярмарку, а теперь ктому же удрученные мыслію, что съ устройствомъ желѣзной дороги пришелъ имъ конецъ, были въ крайне мрачномъ настроеніи и очень несговорчивы на счетъ цѣны, за проѣздъ до Нижняго просили 30 р., а у меня въ карманѣ было не болѣе 5 р. Пришлось пристроиться попутчикомъ къ одному купеческому семейству, которое согласилось, неособенно притомъ охотно, помѣстить меня за 5 руб. на облучкѣ тарантаса, вмѣстѣ съ извозчикомъ. Ѣхали мы около двухъ сутокъ, въ томъ числѣ двѣ ночи, при чемъ въ дремотѣ я нѣсколько разъ подвергался опасности свалиться подъ ноги лошадей и быть раздавленнымъ экипажемъ. Все это мое похожденіе окончилось тѣмъ, что по пріѣздѣ въ Нижній заболѣлъ.

Кстати о денежныхъ нашихъ, съ Ѳ. Г. Ел—мъ, средствахъ, во время студенчества. Мои средства были болѣе, чѣмъ скромными. Мои родители присылали мнѣ, въ теченіе академическаго курса, раза два—три въ годъ, по 5 р., исключая конечно прогоновъ на поѣздку въ Нижній. Этихъ 10—15 р. едва хватало на необходимые расходы, на прибавку къ ка-

---

[1]) Ѣзда на пароходѣ была очень благодѣтельна для студента, истомленнаго экзаменами, такъ что въ какіе-нибудь двое сутокъ я нѣсколько поправлялся въ своемъ здоровьѣ, кстати сказать, отъ сырого петербургскаго климата не ухудшившемся, а напротивъ, вообще говоря, укрѣпившемся. Въ Нижнемъ, благодаря его горному воздуху и сильнымъ вѣтрамъ, я всегда чувствовалъ себя хуже, чѣмъ въ Петербургѣ.

зеннымъ чаю, сахару, булкамъ, на молоко къ чаю и т. п. Къ счастію, тогда я не курилъ и потому не нужно было тратиться еще на табакъ. Объ извозчикахъ мы не имѣли понятія, всегда ходили пѣшкомъ, иногда очень далеко [1]). Ѳ. Г. Ел—кій не имѣлъ и моихъ скудныхъ денежныхъ средствъ; изъ дома не присылали ему ничего или весьма мало и рѣдко. Поэтому онъ принужденъ былъ добывать себѣ добавочныя средства переводами. Ему какъ-то удалось пристроиться къ тогдашнему педагогическому журналу «Учитель», издаваемому І. Н. Паульсономъ и Н. Х. Весселемъ, гдѣ онъ участвовалъ въ переводѣ педагогики Дистервега. Да и я нашелъ подспорье къ своимъ скуднымъ средствамъ, давая въ послѣдніе годы уроки племяннику митр. Исидора, А. П. Богословскому, не окончившему нигдѣ курса и собиравшемуся держать экзаменъ на полученіе чина. Этимъ урокомъ я былъ обязанъ другому племяннику митрополита, моему товарищу, Н. Н. Никольскому, перешедшему къ намъ изъ Кіева [2]).

По пріѣздѣ въ Нижній, пр. Нектарій, бывшій нашъ ректоръ, а тогда нижегородскій епископъ, вздумалъ посватать мнѣ дочь одного почтеннаго нижегородскаго протоіерея К. И. Мил—ва, его товарища по Кіевской Академіи, обѣщая дать мнѣ хорошее мѣсто священника въ Нижнемъ. Поблагодаривъ преосвященнаго за такое предложеніе, я рѣшительно отъ него отказался, заявивъ, что мнѣ хотѣлось бы сначала послужить на педагогическомъ поприщѣ. Меня очень влекла къ себѣ именно академическая каѳедра, хотя я далеко не былъ увѣренъ, что останусь при академіи.

---

[1]) Разъ пѣшкомъ отправились даже въ Большой театръ (тогда итальянская опера) слушать знаменитаго Тамберлика въ роли Отелло и его утъ-діэзъ, выпросились у капельдинера за ничтожную плату постоять въ райкѣ, а потомъ также пѣшкомъ—обратно въ академію. Результатъ для меня былъ тотъ, что я заболѣлъ. Въ другой разъ отправились, также пѣшкомъ, въ Ботаническій садъ, на Аптекарскомъ Островѣ. Это отъ академіи будетъ туда и обратно вѣроятно не менѣе 12 верстъ, не считая ходьбы по саду.

[2]) Н. Н. Никольскій, тульск., 32-й канд., былъ учит. ярославской сем. Сконч. Помнится, мы стѣснялись предлагать ему, изъ-за родства съ митр. Исидоромъ и землячества съ пр. Іоанникіемъ, подписывать заявленіе 16-ти, по поводу исторіи 4 окт. Значитъ, мы не лишены были нѣкоторой доли деликатности и не были совсѣмъ дурными молодыми людьми.

Въ Нижнемъ пробылъ недолго, до августа, спѣшилъ обратно въ Петербургъ, озабоченный вопросомъ о дальнѣйшей своей судьбѣ. По пріѣздѣ въ академію, засталъ своихъ товарищей обитающими въ академической больницѣ, гдѣ академическое начальство поселило ихъ, какъ отрѣзанныхъ ломтей. Жили они въ довольно неприглядной обстановкѣ. Больница была въ это время въ запущенномъ почему-то видѣ, даже, помнится, не всѣ стекла были въ ней цѣлы. Здѣсь пришлось пристроиться и мнѣ. Но я старался, насколько можно, менѣе оставаться въ этомъ нашемъ общежитіи, проживая очень часто у своего родственника, Н. И. Розова, или у земляка, проф. Н. И. Глоріантова.

Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, вѣроятно въ концѣ его, наступилъ день, когда рѣшилась наша судьба: собралась конференція изъ профессоровъ академіи и внѣшнихъ ея членовъ. Мы въ это время, вѣроятно всѣ, или по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ, были въ нашемъ обиталищѣ,—академической больницѣ, въ трепетномъ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Чрезъ нѣсколько времени вдругъ прибѣгаетъ А. А. Некрасовъ († проф. Казанской Академіи), необыкновенно шустрый и всюду, гдѣ онъ появлялся, вносившій шумъ, оживленіе и хохотъ, и говоритъ мнѣ: «ну, Львовичъ, какая изъ-за тебя идетъ рѣзня въ конференціи, не приведи Богъ». «Да въ чемъ дѣло, говори скорѣе»? встревожился я, ожидая себѣ всякихъ золъ за 4 окт. «Противъ тебя ректоръ, а за тебя горой стоитъ Чельцовъ». «Благодарю, не ожидалъ», могъ я только отвѣтить А. А. Н—ву. Дѣйствительно, было чему удивляться, не ректорскому, конечно, ко мнѣ отношенію,—это было вполнѣ для меня ожиданно,—а защитѣ меня Чельцовымъ, этимъ страшнымъ рецензентомъ всѣхъ магистерскихъ диссертацій. Впрочемъ, споръ шелъ не о диссертаціи, а о первомъ мѣстѣ въ спискѣ. Кое-что еще сообщалъ А. А. Н—въ, но теперь не припоминаю. Всѣ эти свѣдѣнія онъ добылъ, подслушивая у дверей № 9 (прежняго моего обиталища на старшемъ курсѣ), смежнаго съ залой, гдѣ происходила конференція.

Нѣкоторыя и другія свѣдѣнія вскорѣ дошли до насъ: о томъ, кому присуждены какія степени, о мѣстахъ въ спискѣ, а равно и баллахъ на курсовыхъ сочиненіяхъ, наконецъ о томъ, кто оставленъ при академіи. Оказалось, что Т. В. Барсовъ поставленъ въ спискѣ первымъ и оставленъ при нашей академіи баккалавромъ по греческому языку, я подъ № вто-

рымъ и предназначенъ къ баккалаврству въ Московской Академіи, Ѳ. Г. Елеонскій подъ № девятымъ и т. д.

Но всѣ интересныя подробности присужденія намъ степеней и въ частности горячихъ изъ-за меня преній я узналъ много позднѣе, уже тогда, когда изъ Москвы перешелъ въ Петербургъ и сдѣлался сослуживцемъ бывшихъ моихъ наставниковъ. Въ особенности много разсказывалъ о томъ, какъ происходила эта конференція, проф. И. Ѳ. Нильскій, восторгавшійся замѣчательною тактикою пр. Іоанникія. А нѣчто, также весьма интересное сдѣлалось извѣстнымъ даже только теперь, черезъ 50 лѣтъ, изъ воспоминаній пр. Леонтія («Богосл. Вѣстн.» янв. 1914 г.).

Сначала шло разсужденіе о диссертаціяхъ и присужденіи ученыхъ степеней. «На конференціи, пишетъ пр. Леонтій, вышли пререканія. Предтеченскому, баккалавру еще тогда (?) и секретарю конференціи, а затѣмъ и ректору, хотѣлось выпустить человѣкъ 10 съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Я возсталъ противъ этого [1])... Списокъ составленъ на основаніи балловъ по успѣхамъ и поведенію—и всѣ (?) выпущены со степенью магистровъ и кандидатовъ. Изъ курса 1863 г., ошельмованнаго, можно сказать, академическимъ начальствомъ, вышли весьма дѣльные люди, которые съ честью служатъ и по духовному, и по гражданскому вѣдомству. Такъ нужно умѣючи обращаться съ молодыми силами» [2])!—заключаетъ свой разсказъ пр. Леонтій.

Кромѣ рѣшенія общаго вопроса о томъ, сколькимъ студентамъ и какія присудить ученыя степени, немало споровъ возбуж-

---

[1]) „Пр—ій въ горячахъ говоритъ: „послѣ этого всѣхъ бунтовщиковъ надо дѣлать кандидатами“. Я строго замѣтилъ: „бунтовщики въ тюрьмахъ содержатся. Академія не тюрьма, да какое право имѣете вы, баккалавръ только, не членъ конференціи, а секретарь ея, возвысить голосъ и давать сужденіе? Ваше дѣло записывать, что опредѣляетъ конференція“. Пр. Леонтій здѣсь ошибается: Пр—ій былъ тогда экстр. проф. и имѣлъ право голоса, если только съ этимъ условіемъ онъ возведенъ былъ въ это званіе. Тогда, по словамъ И. А. Чистовича, возводили въ экстр. проф. съ присвоеніемъ или безъ присвоенія этого права.

[2]) Точно также пр. Леонтій забылъ, что у насъ не всѣ были магистрами и кандидатами, а 4 человѣка выпущены студентами, правда самые слабые по успѣхамъ. Въ заключеніе пр. Леонтій пишетъ: „Пр—ій однакожъ долго служилъ при академіи и дослужился, кажется, до заслуженнаго проф., хотя за его жизнь развратную, слѣдовало во время удалить его изъ академіи“.

дали: составленіе списка и вопросъ о томъ, кого оставить при академіи баккалавромъ по вакантной каѳедрѣ. Наибольшая часть споровъ выпала на долю пишущаго эти строки, что подслушалъ, какъ выше замѣчено, мой товарищъ, А. А. Некрасовъ, и о чемъ потомъ сообщали мнѣ бывшіе мои наставники. Въ видахъ не личнаго моего интереса, а для обрисовки и характеристики дѣйствій тогдашней конференціи, позволю себѣ сообщить все, что слышалъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Моя диссертація встрѣтила большое одобреніе со стороны самаго строгаго моего рецензента—проф. И. В. Чельцова, который поставилъ на ней высшій баллъ 10, хотя надѣлаъ немало замѣчаній на моей рукописи, въ особенности на введеніи, къ чему, впрочемъ, я самъ далъ поводъ, не обработавъ его, какъ слѣдуетъ [1]). Другіе, болѣе снисходительные рецензенты, однако, оцѣнили мое сочиненіе болѣе низкими баллами: И. Т. Осининъ—9½, прот. І. К. Яхонтовъ даже 8½. Послѣ разсмотрѣнія диссертацій и присужденія ученыхъ степеней, приступили къ составленію списка и рѣшенію вопроса о первыхъ въ немъ мѣстахъ и прежде всего конечно о томъ, кого поставить подъ № 1. Вопросъ этотъ былъ важенъ, въ виду слѣдующаго затѣмъ вопроса объ оставленіи кого-либо изъ насъ баккалавромъ при академіи.

---

[1]) Оставалось мало времени на обработку. Писалъ предисловіе по окончаніи всей работы по сочиненію, писалъ сгоряча, не обдумывая выраженій, забывая даже совсѣмъ, что пишу диссертацію, которая подлежитъ критикѣ рецензентовъ. Въ добавокъ, переписывалъ черновикъ свой не самъ; при личной перепискѣ вѣроятно многое измѣнилъ бы. А главное, нужно было мои выводы и общія сужденія помѣстить не въ началѣ, а въ самомъ концѣ сочиненія. Сдѣлай это, избѣгъ бы многихъ возраженій, которыя были бы устранены самымъ содержаніемъ моего сочиненія. Читая общія мои сужденія и выводы, одинъ рецензентъ (прот. Яхонтовъ), къ удивленію, даже замѣтилъ въ концѣ моего введенія, что оно „совершенно лишнее“ (?!). По всей вѣроятности, онъ не сдѣлалъ бы такого замѣчанія, если бы мое введеніе было отнесено къ концу сочиненія и явилось бы его заключеніемъ. Въ печатной моей книгѣ: „Исторія попытокъ къ соединенію церквей греч. и латин. въ первые 4 вѣка по ихъ раздѣленіи. Спб. 1868“ предисловіе совершенно переработано и изъ него исключены всѣ вышеуказанныя общія сужденія и выводы. Но мнѣ жаль было совершенно выбросить ихъ. Въ обработанномъ видѣ я помѣстилъ ихъ въ отдѣльной статьѣ въ „Прав. Обозр.“ (1865 г., янв. и февр.) подъ заглавіемъ: „Вопросъ о соединеніи церквей, истор. попытокъ къ его рѣшенію и будущ. его судьба“.

Кандидатами на первое мѣсто оказались двое: Тим. В. Барсовъ и А. К—ій. Корпорація профессоровъ, у которыхъ у всѣхъ мои сочиненія оказались лучшими, высказалась за меня, а пр. Іоанникій—за Т. В. Барсова. По правдѣ сказать, шансы у насъ были почти равными. Если мой соперникъ имѣлъ высшіе, чѣмъ я, баллы по устнымъ отвѣтамъ, то я имѣлъ большое предъ нимъ преимущество по сочиненіямъ за всѣ курсы [1]), да и курсовое мое сочиненіе заслужило большое одобреніе такого авторитетнаго и строгаго судьи, какъ проф. Чельцовъ, который выразился о немъ, какъ передавали мнѣ, такъ: «12 лѣтъ я уже профессорствую, но еще въ первый разъ пришлось мнѣ читать такое солидное сочиненіе». Въ виду того, что сочиненіямъ какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, давалось предпочтеніе предъ устными отвѣтами (что видно изъ мѣста, занятаго въ спискѣ Ѳ. Г. Елеонскимъ) [2]),

---

[1]) Вотъ для сравненія баллы за оба курса, младшій и старшій:

	Средній балъ по наукамъ.	По срочнымъ сочин.	По курс. сочиненію.	По поведенію.
Тим. Барсовъ . . .	9,85	9,32	9,50	10
А. Катанскій. . . .	9,51	9,71	9,16	10
Н. Барсовъ	9,8	9,25	9,66	9½
Ѳ. Елеонскій. . . .	9,50	6,82	9,57	9½

Эта табель балловъ подписана А. И. Предтеченскимъ. Баллъ по моему курсовому сочиненію 9,16 образовался отъ того, что одинъ изъ рецензентовъ (прот. Яхонтовъ) поставилъ баллъ 8½. Раздѣливъ 10, 9½ и 8½ на 3 части получимъ 9,16.

[2]) Изъ таблицы, въ предъидущемъ прим., именно изъ случая съ Ѳ. Г. Ел—мъ, поставленнымъ въ спискѣ подъ № 9, съ несомнѣнностью усматривается, что сочиненіямъ придавалось наибольшее значеніе. У Ѳ. Г. Ел. баллы по устнымъ отвѣтамъ были почти тождественны съ моими (— 1) и гораздо выше (на 0,42) балловъ Н. Барсова (№ 3 по списку) и однако его ставятъ въ спискѣ гораздо ниже насъ обоихъ и это потому, что у него оказался очень низкій баллъ по сочиненіямъ—только 6,82. Такой баллъ зависѣлъ отъ случайныхъ причинъ (сочиненія у него всегда были очень хороши), именно отъ неподачи нѣкоторыхъ сочиненій въ старшемъ курсѣ. Ихъ было тогда очень много: 6 и 1 проповѣдь; помнится, многіе не подали тогда 2—3 соч. И за неподачу этихъ-то 1—3 сочиненій, у всѣхъ, въ томъ числѣ и у Ѳ. Г. Ел., сбавили съ общаго балла по сочиненіямъ. А когда начали составлять списокъ, низкій баллъ по сочиненіямъ естественно потянулъ всѣхъ ихъ, въ томъ числѣ и Ѳ. Г. Ел., книзу. Почему, въ такомъ случаѣ, мой самый высшій изъ всѣхъ балловъ этой категоріи (9,71), выше балла Тим. Барсова (на 0,39)

есть полное основаніе думать, что первое мѣсто осталось бы за мною, если бы я не былъ въ немилости у ректора [1]). Чью сторону держали внѣшніе члены конференціи, во главѣ съ ревизоромъ академіи пр. Леонтіемъ, неизвѣстно; вѣроятно— сторону пр. Іоанникія и слѣдовательно высказались за Тим. В. Барсова. Это видно изъ того, что, какъ мнѣ передавали, мои адвокаты-профессора должны были уступить противной сторонѣ въ вопросѣ о первенствѣ, въ надеждѣ поставить на своемъ, когда будетъ рѣшаться вопросъ о баккалаврствѣ въ академіи; этотъ вопросъ поставленъ былъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, первое мѣсто въ спискѣ было предоставлено Т. В. Барсову, мнѣ—второе. Затѣмъ слѣдовало дальнѣйшее состаленіе списка. Въ окончательно составленномъ спискѣ оказалось: въ 1-мъ разрядѣ 13 магистровъ [2]), во

не потянулъ меня кверху? Мой низкій баллъ по курсовому 9,16 не помѣшалъ бы тому, какъ не помѣшалъ Ѳ. Г. Ел. его очень высокій баллъ по курсовому соч. 9,57, гораздо выше и моего и Тим. Барсова (9,16 и 9,50), благополучно спуститься внизъ, до № 9. Мой сравнительно низкій средній баллъ по курсовому соч., въ виду блестящаго о немъ отзыва проф. Чельцова, естественно терялъ свою силу.

[1]) Что пр. Іоанникій гнѣвался на меня до послѣднихъ дней моего студенчества, это видно изъ словъ проф. В. И. Долоцкаго. Когда уѣзжая въ Москву на должность, я пришелъ къ нему проститься и за совѣтомъ относительно предстоявшаго мнѣ преподаванія церковной археологіи, этотъ досточтимый мой наставникъ сказалъ мнѣ: „жаль, преосвященный очень сердится на васъ за то, что вы не повліяли (?!) на своихъ товарищей, въ смыслѣ исполненія ими, 4 окт., воли начальства“. Помнится, эти слова не были вызваны ходомъ нашей бесѣды, а вырвались у него какъ-то нечаянно, какъ бы въ объясненіе того, почему я долженъ отправиться въ московскую академію.

[2]) Вотъ магистры нашего курса: Тим. Барсовъ, А. Катанскій, Ник. Барсовъ († и. д. орд. проф. спб. акад.), Е. Мегорскій (ректор. новгор. сем., † наст. Казан. соб. въ СПБ.), А. Тачаловъ (псал., потомъ прот. Висбаденской ц., † наст. Парижской посольской ц.), Ив. Образцовъ († прот. спб. Вознесенской ц., проф. спб. Историко-филол. институт., членъ учебн. ком. при Св. Синодѣ), іером. Владиміръ Никольскій († еп. нижегородскій), Г. Пеньковскій († преп. новгор. сем.), Ѳ. Елеонскій († засл. орд. проф. спб. акад.), О. Щербицкій († инсп. литовской сем.), Н. Благовѣщенскій († директ. народн. учил.), А. Некрасовъ († и. д. орд. проф. казан. акад.), Андрей Вещезеровъ († преп. тверской сем.). Съ правомъ на степень магистра, по представленіи новыхъ сочиненій, Ф. Смирновъ († секр. литовской консист.), П. Іовлевъ († прот. спб. Конюшенной ц.), В. Голубковъ († инсп. яросл. сем.).

2-мъ — 30 кандидатовъ [1]) и въ 3-мъ — 4 студента=47 человѣкъ [2]).

Послѣднимъ на этой конференціи вопросомъ рѣшался вопросъ о замѣщеніи каѳедры новой церковной исторіи, оказавшейся въ то время вакатною, за выходомъ бакк. А. М. Иванцова. При этомъ проф. И. В. Чельцовъ прямо заявилъ, что онъ желалъ бы имѣть меня ближайшимъ сотрудникомъ, коллегою по преподаванію церковной исторіи. Благо, мое курсовое сочиненіе прямо относилось къ новой церковной исторіи, обнимая значительную ея часть. Всѣ профессоры, мои сторонники, очень разсчитывали на это обстоятельство, какъ весьма благопріятное для ихъ замысла—оставить меня при академіи. Пусть, дескать, пр. Іоанникій ставитъ излюбленнаго имъ Тим. Барсова на первое мѣсто, а баккалавромъ при академіи мы все-таки оставимъ К—го. Но они допустили большую тактическую, такъ сказать, ошибку, уступивъ пр. Іоанникію въ первомъ пунктѣ, относительно № 1 въ спискѣ, каковою ошибкою онъ прекрасно и воспользовался къ полному ихъ пораженію, ибо вотъ что случилось далѣе.

Пока проф. Чельцовъ ратовалъ за меня, какъ желательнаго кандидата для занятія каѳедры новой церковной исторіи,

---

[1]) Изъ кандидатовъ нашего курса самымъ выдающимся и занявшимъ самое высокое положеніе среди всѣхъ своихъ однокурсниковъ, оказался Алексѣй Алексѣевичъ Опоцкій, псковской уроженецъ, еще здравствующій, нынѣ высокопреосвященный архіепископъ и членъ Св. Синода Алексій, пребывающій на покоѣ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. А. А. Опоцкій, общій всего курса любимецъ за свою доброту и симпатичный характеръ, 1864 г.—инсп. виленск. дух. учил., 1871—прот. гроднен. Софійск. соб. и законоучитель гроднен. гимн., 1872—утвержд. въ степ. канд. бог., 1891—архим. и ректор. литовск. сем., 1893—еп. балахн. викар. нижег., 1896—еп. вятскій, 1901—архіеп. экзархъ Грузіи, 1905—архіеп. тверской и членъ Св. Синода, 1910—на покоѣ въ моск. Донск. мон., съ управленіемъ его. Не разъ случалось мнѣ слышать восторженные отзывы о немъ, какъ законоучителѣ гимназіи, отъ бывшаго его питомца, орд. академика Акад. Наукъ и директора спбургскаго Истор. Филол. Института, В. В. Латышева. Помнится, въ первый разъ слышалъ ихъ отъ этого глубокоученаго академика, при посвященіи пр. Алексія въ Александро-Невской Лаврѣ, куда горячій его почитатель, В. В. Латышевъ, нарочно прибылъ, чтобы видѣть хиротонію своего бывшаго законоучителя.

[2]) Изъ живыхъ однокурсниковъ могу насчитать, кромѣ себя, только еще троихъ: архіеп. Алексія (Опоцкаго), В. А. Васнецова (вятск., 26-й канд., препод. астрах. сем.), Н. Г. Смирягина (петерб., 41-й канд., прот. Христорожд. ц. въ СПБ.). Можетъ быть, и еще кто-нибудь здравствуетъ, хотѣлось бы о томъ знать.

вдругъ заявляетъ желаніе занять ее баккалавръ по греческому языку И. Е. Троицкій. Весьма вѣроятно, что Чельцовъ объ этомъ желаніи не зналъ, въ противномъ случаѣ едва ли бы усиленно выдвигалъ мою кандидатуру противъ кандидатуры своего сослуживца, хотя и младшаго. Были ли заранѣе извѣстны намѣренія И. Е. Троицкаго пр. Іоанникію—это находится подъ сомнѣніемъ; можетъ быть и были. Долгъ безпристрастія требуетъ при этомъ замѣтить, что академія не только не проиграла, напротивъ очень много выиграла съ избраніемъ на эту каѳедру не меня, а такого, впослѣдствіи прекраснаго ученаго, какъ проф. И. Е. Троицкій [1]). Моя же кандидатура послѣ упомянутаго заявленія, конечно, сейчасъ же отпала.

Затѣмъ возникъ вопросъ о замѣщеніи каѳедры греческаго языка, оказавшейся вакантною съ переходомъ И. Е. Троицкаго на другую каѳедру. Мои приверженцы опять стали настаивать на оставленіи меня хотя бы на этой каѳедрѣ. Но тутъ у нихъ уже совершенно не оказалось почвы подъ ногами; не за что было имъ ухватиться. Навели справки относительно балла по греческому языку у Тим. Барсова и у А. Катанскаго; баллы оказались совершенно одинаковыми. Кому же предоставить эту каѳедру? Конечно, тому, кто стоитъ первымъ по списку, т. е. Г. В. Барсову. «Что же мы сдѣлаемъ съ К—мъ?» спросили мои приверженцы. «А вотъ что, отвѣтилъ на это пр. Іоанникій, если вы такого высокаго мнѣнія о К—мъ, то пошлемъ его въ Московскую Академію, отъ которой есть требованіе на замѣщеніе одной изъ ея каѳедръ, онъ поддержитъ честь нашей академіи». Всѣ вышеуказанные, весьма искусные тактическіе пріемы въ борьбѣ съ оппозиціей и въ особенности послѣдній выпадъ пр. Іоанникія были признаны тогдашними профессорами, моими сторонниками, поистинѣ мастерскими и заслужили слѣдующій отзывъ одного изъ участниковъ этой конференціи: пр. Іоанникій «разбилъ насъ наголову, поразивъ насъ нашимъ же собственнымъ оружіемъ».

---

[1]) Впослѣдствіи я имѣлъ случай слышать отъ И. Е. признаніе, дѣлающее большую честь благородству его характера, именно, что моя диссертація была ему очень полезна (даже, помнится, онъ выразился сильнѣе), при составленіи первыхъ лекцій по новому для него предмету. А когда, въ 1868 г., она была напечатана, то, по предложенію того же И. Е. Тр—го, нѣсколько десятковъ экземпляровъ ея было пріобрѣтено для акад. библіотеки, въ качествѣ пособія студентамъ для приготовленія къ экзамену по нов. церк. исторіи.

Въ этихъ именно выраженіяхъ, много разъ повторяя ихъ, формулировалъ свои впечатлѣнія отъ всей этой исторіи досточтимый мой бывшій наставникъ, а потомъ сослуживецъ, проф. И. Ѳ. Нильскій.

Вскорѣ послѣ конференціи призываетъ меня пр. Іоанникій и предлагаетъ мнѣ на выборъ одну изъ каѳедръ при Московской Академіи—патристики или церковной археологіи. Мой выборъ палъ на церк. археологію. Каѳедру патристики предлагали потомъ Ник. И. Барсову и И. Я. Образцову, а можетъ быть и другимъ, но всѣ они отказались отъ такого предложенія и заняли мѣста преподавателей въ тѣхъ семинаріяхъ, въ которыхъ окладъ жалованья преподавателей равнялся тогда академическому, баккалаврскому, т. е. 429 р., а служить въ семинаріи было, конечно, легче, чѣмъ въ академіи, при повышенныхъ отъ академическаго преподавателя требованіяхъ и при усиленныхъ трудахъ по изученію предмета, безъ предварительной къ тому подготовки. Н. И. Барсовъ поступилъ въ спб. семинарію, И. Я. Образповъ—сначала въ рижскую, а потомъ въ 1864 г.—въ спбургскую.

Ѳ. Г. Елеонскій назначенъ былъ сначала въ казанскую семинарію, но отъ этого назначенія отказался и провелъ, по окончаніи академическаго курса, цѣлый годъ, занимаясь репетиторствомъ по философіи въ одномъ изъ петербургскихъ юнкерскихъ училищъ. Тогда была тенденція придать военно-учебнымъ заведеніямъ общеобразовательный характеръ и потому въ юнкерскихъ училищахъ, при начальникѣ военно-учебныхъ заведеній Исаковѣ, введена была философія. Препреподаваніе ея поручено было въ юнкерскомъ, кажется Павловскомъ училищѣ, проф. И. А. Чистовичу, а онъ въ помощники себѣ въ качествѣ репетитора пригласилъ Ѳ. Г. Ел—го. Ѳ. Г. провелъ этотъ годъ (1863—1864), живя на квартирѣ вмѣстѣ съ А. А. Опоцкимъ (архіеп. Алексій), который нашелъ себѣ занятія въ редакціи «Правит. Вѣстника». Къ концу 1864 г. Ѳ. Г. назначенъ былъ въ литовскую семинарію, гдѣ и служилъ до перехода въ 1870 г. въ Петербургскую Академію на каѳедру библейской исторіи въ званіи доцента, по новому уставу 1869 г. Въ виленской (литовской), какъ петербургской, рижской и, кажется, еще витебской семинаріяхъ былъ окладъ жалованья равный баккалаврскому—429 р.

Такимъ образомъ, въ Московскую Академію я долженъ

былъ отправиться одинъ. Судьба опять, какъ въ началѣ моей жизни, привела меня подъ покровъ преподобнаго Сергія, но на 7 лѣтъ разлучила съ спутникомъ всей моей жизни Ѳ. Г., а затѣмъ, съ 1870 года, снова насъ соединила, на цѣлыя 36 лѣтъ, до конца его жизни († 1906 г.).

Такова, смѣю думать, правдивая лѣтопись нашего многострадальнаго или, какъ сильно выразился пр. Леонтій, «ошельмованнаго» XXV курса.

О тогдашней системѣ академическаго образованія приходится сказать почти то же самое, что и о семинарской того времени. Обѣ эти системы находились въ полной гармоніи. И въ академіи была та же многопредметность, что и въ семинаріи, та же масса письменныхъ работъ, поглощавшихъ наше время и отвлекавшихъ наше вниманіе отъ изученія предметовъ курса. Та же и оцѣнка успѣховъ студентовъ, главнымъ образомъ на основаніи достоинства сочиненій. Все это и профессоровъ и студентовъ мало располагало: первыхъ—къ чисто научной постановкѣ ихъ чтеній, а послѣднихъ—къ возможному углубленію въ изученіе наукъ. А потому у насъ, тогдашнихъ студентовъ, являлось естественное желаніе нѣкоторой спеціализаціи предметовъ академическаго курса и значительнаго уменьшенія письменныхъ работъ, что̀ и осуществилось съ появленіемъ академическаго устава 1869 г., пробудившаго усиленную научную дѣятельность и учено-литературную производительность и профессоровъ и студентовъ. Тѣмъ не менѣе грѣшно было бы не помянуть добрымъ словомъ и старую систему академическаго образованія. Самое дорогое въ ней было то, что она давала студентамъ прекрасное умственное развитіе и дѣлала ихъ способными ко всякой работѣ на всѣхъ возможныхъ поприщахъ служенія церкви, отечеству и просвѣщенію.

IV. Въ Московской Духовной Академіи—начало службы 1863—1867 г.г.

ИЗЪ многомятежнаго Петербурга и отъ волненій Петербургской Академіи суждено было мнѣ переселиться въ Троице-Сергіевъ Посадъ, въ тихую обитель пр. Сергія, въ находившуюся подъ его покровомъ Московскую Академію. Въ ней витали: духъ Филарета, митрополита Московскаго, громадная ученость, необыкновенная сердечность и отеческая доброта тогдашняго идеальнаго ея ректора, прот. А. В. Горскаго, традиціи знаменитаго ея профессора-философа прот. Ѳ. А Голубинскаго и патріарха академической корпораціи, составлявшаго ея душу, соединявшаго ее во единое братство, первенца I-го ея курса, прот. П. С. Делицына. Словомъ, попалъ я въ совершенно особое царство, нисколько не похожее на ту среду, въ которой провелъ четыре года своего студенчества.

Назначеніе мое въ Московскую Академію представляло весьма рѣдкій, всего второй въ ея исторіи, Филаретовскаго періода, случай, когда посылался въ нее воспитанникъ другой академіи [1]). Первый случай—назначеніе, въ 1839 г., на каѳ. словесности, 2-го магистра XIII курса (1839 г.) Петербургской Академіи, Е. В. Амфитеатрова (товарища моего наставника,

---

[1]) Исключая перехода изъ Петерб. академіи ея воспитанника, Н. А. Сергіевскаго (2 маг. XVIII к. 1849), баккалавра математики, москвича родомъ и родственника митр. Филарета. Н. А. Сергіевскій, согласно его прошенію, переведенъ въ 1850 г. на ту же каѳедру въ московскую академію и занималъ ее до 1854 г. † Прот. проф. Московскаго университета, основатель и редакторъ—издатель „Прав. Обозр.“.

К. И. Лучицкаго), родственника митр. кіевскаго Филарета Амфитеатрова. Вызовъ въ 1863 г. изъ Петербургской Академіи двухъ воспитанниковъ въ Московскую для занятія двухъ ея каѳедръ (патристики и церковной археологіи) былъ, вѣроятно, со стороны митр. Филарета (безъ котораго не дѣлалось въ академіи ничего самаго маловажнаго) отплатою Петербургской Академіи за ея вызовъ московскаго воспитанника XXII курса (1860 г., 2-го магистра этого курса), А. М. Иванцова-Платонова, для занятія въ ней каѳедры новой церковной исторіи. А что Московская Академія просила прислать, вмѣсто одного, двухъ воспитанниковъ, это походило на отплату за любезность сугубою любезностью. Митр. Филаретъ, когда хотѣлъ, умѣлъ быть такимъ. Не было ли, однако, у него и какого-нибудь другого умысла? Въ 1861 г. онъ разбиралъ наше октябрьское (4 окт.) дѣло и отнесся къ намъ крайне снисходительно. И вдругъ изъ этого самаго курса октябристовъ (если только онъ не забылъ нашей исторіи) вызываетъ въ свою академію, да еще не одного, а двухъ воспитанниковъ и при томъ безъ всякой настоятельной нужды [1]).

Охотно ѣхалъ я въ Московскую Академію. Она выдавалась тогда изъ ряда другихъ нашихъ духовныхъ академій своею солидною ученостью. О Кіевской у насъ составилось почему-то представленіе, какъ о неособенно симпатичной, проникнутой іезуитскимъ духомъ, о молодой Казанской, какъ приближающейся по типу къ Петербургской. Московская обрисовывалась какъ строго ученое царство, Филаретовскаго закала, своего рода русскій Оксфордъ, какъ ее называли иностранцы, посѣщавшіе Россію.

Правда, о ней въ Петербургѣ слышались не совсѣмъ пріятные отзывы, какъ о царствѣ, полномъ гордаго сознанія своего превосходства предъ другими академіями и нетерпимости ко всему, что вышло не изъ нея, почему мнѣ прихо-

---

[1]) Можно было бы подождать окончанія XXIV курса Моск. акад., въ 1864 г., для замѣщенія обѣихъ каѳедръ, или по крайней мѣрѣ одной, собственными ея воспитанниками. Черезъ полгода послѣ моего пріѣзда въ Посадъ, это и случилось. Изъ означеннаго курса былъ назначенъ на каѳедру патристики 1-й его магистръ, А. А. Смирновъ, родной братъ прот. П. А. Смирнова, бывшаго также баккал. въ этой академіи, по церк. археологіи († предсѣд. Учеб. Ком. при Св. Синодѣ). А потомъ въ слѣдующемъ 1865 г. на каѳедру философіи избранъ былъ 2-й маг. того же курса однофамилецъ перваго, А. П. Смирновъ.

дилось выслушивать совѣты отказаться отъ назначенія въ нее [1]). Несмотря, однако, на такіе охлаждающіе отзывы о мѣстѣ моей будущей службы, я нимало не поколебался въ своемъ рѣшеніи отправиться на мѣсто своего назначенія. Слишкомъ сильно было во мнѣ желаніе попробовать свои силы на академической каѳедрѣ. И потому, собравъ свои пожитки, въ томъ числѣ полный академическій постельный приборъ, считавшійся собственностью каждаго студента, получивъ прогоны и, кажется, еще 50 р. на первоначальное обзаведеніе, 4 декабря 1863 г., отправился въ Москву, а оттуда уже по желѣзной, недавно открытой, дорогѣ, въ Троице-Сергіевъ Посадъ. Пріѣхалъ туда утромъ, 6 декабря, въ Николинъ день, остановился въ старой монастырской гостинницѣ и немедленно отправился къ своему земляку, тогдашнему инспектору архим. Михаилу Лузину. О. Михаила никогда прежде не видалъ, а зналъ только по слухамъ, да по сохранившемуся въ нашемъ семействѣ свѣдѣнію, что онъ былъ другомъ одного изъ моихъ дядей, товарища его по семинаріи (Петра Г. Елеонскаго). Не имѣя ни одного знакомаго въ академіи, счелъ за лучшее явиться прежде всего именно къ нему, какъ къ земляку, въ надеждѣ, что онъ поможетъ мнѣ оріентироваться въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ и въ новой обстановкѣ. Пришелъ къ нему рано утромъ, около 9—10 часовъ. О. Михаилъ, по легкому нездоровью, въ этотъ день не служилъ и былъ очень радъ пріѣхавшему земляку. Среди разговоровъ о Нижнемъ, Петербургѣ и Московской Академіи онъ чуть не съ первыхъ словъ выразилъ сожалѣніе о кончинѣ за нѣсколько дней тому назадъ (30 ноября 1863 г.) старѣйшаго изъ всѣхъ профессоровъ, прот. П. С. Делицына. Вотъ что онъ сказалъ мнѣ. «Вы пріѣхали въ тяжелую для всего нашего академическаго братства годину. Всего три дня тому назадъ мы опустили въ могилу нашего патріарха, человѣка, который соединялъ всѣхъ насъ воедино. Мы потеряли душу нашей академической корпораціи. Что будетъ теперь съ нами не знаю. Думаю, что на-

[1]) Вотъ, напримѣръ, что говорилъ мнѣ проф. А. И. Предтеченскій котораго, забывъ всѣ прежнія огорченія, посѣтилъ я передъ отъѣздомъ въ Посадъ: „не совѣтую вамъ ѣхать въ эту деревенскую академію. Тамъ свой особый духъ и тамъ не любятъ чужихъ. И имѣйте еще въ виду, что если вы тамъ понравитесь, никогда оттуда васъ не выпустятъ, а если не понравитесь,—выгонятъ“. Къ счастію, онъ оказался плохимъ пророкомъ.

ступитъ раздѣленіе и прежняго единодушія не будетъ». Слова моего достопочтеннаго собесѣдника къ несчастію сбылись!

Среди такихъ разговоровъ прошло часа 2—3, окончилась литургія, и о. Михаилъ напомнилъ мнѣ, что нужно явиться къ начальнику академіи, «высокопочтенному и всѣми нами глубокоуважаемому, нашему общему наставнику и руководителю, о. ректору, прот. А. В. Горскому». Сдѣлать это тѣмъ болѣе удобно теперь же, прибавилъ онъ, что вы застанете у него всю академическую корпорацію и съ нею познакомитесь. У насъ существуетъ обычай посѣщать о. ректора во всѣ праздничные и воскресные дни послѣ литургіи. Устрояется у него по этому случаю нѣкое утѣшеніе братіи—небольшая закуска. Но среди разговоровъ мы не замѣтили, что пропустили времени болѣе надлежащаго и когда я явился къ о. ректору, оказалось, что всѣ его посѣтители уже разошлись по домамъ и оставался только одинъ, баккалавръ физики Д. Ѳ. Голубинскій, сынъ покойнаго философа Ѳ. А. Голубинскаго. Обладавшій завиднымъ аппетитомъ, онъ доканчивалъ оставшееся отъ предложеннаго на закуску. Болѣе чѣмъ скромно одѣтый и далеко непредставительной наружности этотъ единственный въ тотъ моментъ представитель академической корпораціи заставилъ меня задать себѣ вопросъ: неужели всѣ здѣшніе профессоры такіе оригиналы? О. ректоръ А. В. Горскій, видной наружности, убѣленный сѣдинами старецъ, съ очень симпатичнымъ лицомъ, глубокими, задумчивыми, куда-то вдаль смотрящими глазами, принялъ меня съ распростертыми объятіями, съ свойственною ему сердечностью и предложилъ мнѣ также закусить, при чемъ, наливая рюмку какого-то виноградного вина, съ милою шутливостью, прибавилъ: «приступите же къ исполненію своихъ обязанностей». Такъ оригинально началъ я службу въ Московской Академіи!

Еще прежде представленія о. ректору, о. Михаилъ простеръ свою любезность ко мнѣ до того, что уговорилъ меня перейти къ нему изъ гостинницы, со всѣмъ моимъ багажемъ, и временно у него поселиться. Послѣ обѣда, несмотря на легкое нездоровье, онъ повезъ меня вечеромъ на такъ называемый «казенный дворъ» (обычное неофиціальное названіе) или въ «замонастырскій академическій домъ» (официальное—см. въ «Истор. акад.» С. К. Смирнова), гдѣ въ принадлежавшихъ академіи двухъ деревянныхъ домахъ занимали квар-

тиры семейные профессоры. Въ большомъ домѣ жили: семейство только что скончавшагося проф. П. С. Делицына, два его сына, уже взрослые и даже служившіе въ Виѳанской семинаріи наставниками (Петръ Петр. 18-й маг. XVI к. и Д. П. 14-й маг. XIX к. моск. акад.) и экстраорд. проф. свящ. Ф. А. Сергіевскій. Въ маломъ домѣ: экстраорд. проф. А. Ѳ. Лавровъ († архіеп. литовскій Алексій) и баккал. П. И. Горскій—холостой (но у него жила его мать). Передъ тѣмъ какъ отправиться туда о. Михаилъ сказалъ мнѣ: «хочу познакомить васъ съ первенцемъ моего академическаго курса, А. Ѳ. Лавровымъ. Онъ человѣкъ семейный. Жена его Марія Николаевна очень симпатичная дама, есть у него и дочка—Саша». Приняли меня очень привѣтливо, но глядѣли на меня, что называется, во всѣ глаза, стараясь распознать, что за-птица прилетѣла къ нимъ изъ Петербурга. Сейчасъ же, какъ только мы явились къ А. Ѳ. Лаврову, къ намъ присоединился его визави по квартирѣ, бакк. П. И. Горскій, однофамилецъ, но не родственникъ А. В. Горскаго, отличавшійся болѣе всѣхъ своихъ сослуживцевъ любопытствомъ, хотя и другіе, въ большей или меньшей степени, не были чужды этого недостатка захолустныхъ провинціальныхъ городовъ и мѣстечекъ. Онъ въ особенности испытующе посматривалъ на меня для того, чтобы на другой день разнести по Посаду вѣсть о новоприѣзжемъ изъ Петербурга баккалаврѣ и подѣлиться своими впечатлѣніями отъ новаго знакомства. Крайняя монотонность жизни академической корпораціи, совершенное отсутствіе разнообразія впечатлѣній въ кругу обыденной жизни дѣлали совершенно естественными и понятными подобныя проявленія житейской любознательности. Въ силу такихъ обстоятельствъ, мнѣ суждено было сдѣлаться, на нѣсколько дней, героемъ, или, какъ теперь выражаются, гвоздемъ декабрьскаго сезона 1863 г. въ Московской Академіи. А встрѣтили меня тамъ вначалѣ, какъ потомъ оказалось, съ большимъ предубѣжденіемъ и подозрѣніемъ. Въ послѣдствіи, когда познакомились поближе, нѣкоторые изъ наиболѣе близкихъ ко мнѣ сослуживцевъ признались, что, питая предубѣжденіе противъ петербуржцевъ, они думали, что въ моемъ лицѣ пріѣхалъ къ нимъ изъ Петербурга «хлыщъ», но теперь въ этомъ разубѣдились. О томъ же предубѣжденіи москвичей противъ петербуржцевъ говорили мнѣ потомъ: прот. Н. А. Сергіевскій, проф. моск. университета и прот. П. А. Преображенскій,

воспитанники Петерб. Академіи. П. А. Преображенскій сказалъ мнѣ разъ, уже долго спустя, при встрѣчѣ на годичномъ актѣ Петерб. Академіи: «насъ, петербуржцевъ, въ Москвѣ вѣдь не любятъ», и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «хорошо, что вы поддержали честь нашей Петерб. Академіи».

Вскорѣ водворили меня въ одну изъ квартиръ профессорскаго или, какъ мы называли его, баккалаврскаго корпуса, примыкавшаго къ главному корпусу или «чертогамъ», гдѣ были вверху квартира ректора и залъ собранія, а внизу жилыя комнаты и спальни студентовъ старшаго курса (младшаго— были въ инспекторскомъ корпусѣ). Всѣ баккалаврскія квартиры были почти совершенно одинаковы по размѣрамъ и расположенію комнатъ, различаясь только большею или меньшею уютностью, зависѣвшею, впрочемъ, отъ ихъ обитателей, да еще тѣмъ, на какую сторону выходили ихъ окна: на сѣверную, обращенную къ зданіямъ академической библіотеки и больницы, или южную, выходившую въ академическій садикъ. На сѣверную выходили только двѣ квартиры: та, въ которой поселили меня,—ближайшая къ главному зданію, и на противоположномъ концѣ корридора — квартира бакк. Е. Е. Голубинскаго. Другія части этой стороны были заняты входною лѣстницею, служительскою комнатою и редакціонною. На южной сторонѣ были лучшія квартиры: противъ моей—бакк. П. М. Хупотскаго, и далѣе по корридору, квартиры — бакк. Н. К. Соколова, бакк. В. Н. Потапова и экстраорд. проф. Н. И. Субботина. Самыми лучшими были квартиры этихъ послѣднихъ—по обстановкѣ и потому, что были оклеены обоями, а не выкрашены свѣтлоголубою клеевою краскою, какъ всѣ остальныя.

Квартира моя состояла изъ трехъ комнатъ и была обставлена въ достаточномъ количествѣ казенною мебелью. Были диванъ, кресла, стулья, обитыя зеленаго цвѣта клеенкой, столы, письменный и для гостиной, шкафъ для книгъ, желѣзная кровать и даже ширмы для спальни. Всѣ эти предметы, не отличаясь изяществомъ отдѣлки, были сдѣланы прочно и способны были долго служить, переходя отъ одного лица къ другому.

Всѣмъ моимъ коллегамъ счелъ долгомъ сдѣлать, конечно, визиты и прежде всего вышеупомянутымъ моимъ сожителямъ по корридору, а потомъ и другимъ, жившимъ въ разныхъ мѣстахъ: орд. профессорамъ: Е. В. Амфитеатрову—въ своемъ

домѣ, П. С. Казанскому—въ инспекторскомъ корпусѣ (противъ квартиры инспектора архим. Михаила, который называлъ его въ шутку своимъ супостатомъ) [1]), С. К. Смирнову—въ квартирѣ близъ «казеннаго двора», В. Д. Кудрявцеву—въ домѣ Е. В. Амфитеатрова. экстраорд. проф. Ф. А. Сергіевскому—на «казенномъ дворѣ», бакк. Д. Ѳ. Голубинскому—на квартирѣ вблизи «казеннаго двора». Экстраорд. проф. А. Ѳ. Лаврову и бакк. П. И. Горскому были сдѣланы также визиты, хотя я уже былъ у нихъ въ первый день моего пріѣзда въ Посадъ.

На святкахъ о. ректоръ повезъ меня въ Москву для представленія митр. Филарету. Условились встрѣтиться у пр. Саввы (Тихомирова) [2]), бывшаго, предъ А. В. Горскимъ, ректора Московской Академіи, а въ то время московскаго викарія, жившаго въ одномъ изъ московскихъ монастырей, чтобы оттуда отправиться къ митрополиту. Былъ какой-то праздничный день, пр. Савва служилъ и послѣ литургіи я явился въ его покои. Здѣсь меня, непривыкшаго къ церемоніалу московскихъ архіерейскихъ пріемовъ, поразила торжественность пріема посѣтителей московскимъ викаріемъ. Въ Петербургѣ викарные епископы держали себя гораздо проще. Отъ пр. Саввы мы съ о. ректоромъ отправились къ митр. Филарету. Принялъ онъ меня благосклонно, задавъ обычные вопросы и выразивъ также обычныя пожеланія и надежду относительно успѣшности предстоявшей моей службы. Ничего особеннаго онъ не сказалъ, но таково было обаяніе этой необыкновенной личности, что все сказанное имъ казалось очень умнымъ. Какъ въ началѣ, такъ и въ заключеніе представленія послѣдовалъ нашъ общій съ о. ректоромъ земной поклонъ владыкѣ. Такъ обычно кланялись ему тогда въ

---

[1]) Переводъ франц. слова „визави“ и двойной намекъ какъ на это обстоятельство, такъ и на принятіе о. Михаиломъ монашества, которымъ онъ былъ обязанъ П. С. К—му. Разсказывали, что проф. Казанскій доставилъ студента М. И. Лузина (о. Михаила) въ академію начальству, въ очень нетрезвомъ видѣ, вслѣдствіе чего оканчивающему уже курсъ студенту было предложено принять монашество съ оставленіемъ при академіи баккалавромъ.

[2]) Іером. Савва Тихомировъ, владим., 10-й маг. XVII к. (1850 г.) моск. акад., изъ вдовыхъ священниковъ, 1850—1859 ризничій моск. синодальной ризницы, 1859—ректор. москов. сем., 1861—ректор. моск. акад., 1862—еп. можайскій, вик. моск., 1866—еп. полоцкій, 1874—архіеп. харьковскій, † архіеп. тверской.

Москвѣ всѣ, не только духовныя, но и свѣтскія лица. Когда митр. Филаретъ пріѣзжалъ въ Сергіевъ Посадъ и представлялась ему академическая корпорація, всѣ поголовно падали предъ нимъ ницъ, въ началѣ и въ концѣ представленія.

Во время моего пріѣзда въ академію, 6 декабря, чтеніе лекцій прекратилось, наступили рождественскіе экзамены. Лекціи начались послѣ святокъ. Когда наступило это время, А. В. Горскій самъ ввелъ меня въ аудиторію старшаго (XXIV к. 1860—1864) курса и по этому случаю сказалъ небольшую рѣчь. Помнится, онъ рекомендовалъ моимъ будущимъ слушателямъ быть внимательными къ изученію православнаго богослуженія, которое представляетъ «цвѣтъ и плодъ» древа жизни церкви Христовой. Сказавъ эту рѣчь, онъ оставилъ классъ и на первой моей лекціи не присутствовалъ.

Началъ я чтенія по церковной археологіи съ общаго обозрѣнія исторіи развитія христіанскаго богослуженія, затѣмъ перешелъ къ краткому обозрѣнію литературы предмета, оживляя свои чтенія и восполняя естественную ихъ сухость и отрывочность общими церковно-историческими обозрѣніями. Потомъ перешелъ къ чтеніямъ объ обрядовой сторонѣ важнѣйшихъ церковныхъ священнодѣйствій, семи церковныхъ таинствъ, согласно совѣту, данному мнѣ моимъ бывшимъ профессоромъ В. И. Долоцкимъ. Въ этого рода чтеніяхъ я слѣдовалъ, на первыхъ порахъ, манерѣ своего бывшаго наставника, не задаваясь трудно исполнимою задачею (какою задался въ слѣдующіе годы)—прослѣдить исторію постепеннаго образованія чинопослѣдованія таинствъ. Пришлось мнѣ читать лекціи оканчивающимъ XXIV курсъ (1860—1864 гг.) студентамъ, въ послѣднее полугодіе ихъ ученья въ академіи [1]).

Кромѣ церковной археологіи, мнѣ пришлось читать еще гомилетику, или «церковное краснорѣчіе», какъ этотъ предметъ назывался въ Московской Академіи. А. Ѳ. Лавровъ

---

[1]) Къ этому курсу принадлежали: А. А. Смирновъ (1-й маг., съ 1864 г. бакк. патристики), А. П. Смирновъ (2-й маг., съ 1865 г. бакк. психологіи и нравств. философіи), Д. Ѳ. Касицынъ (3-й маг., съ 1867 г. бакк. новой церк. исторіи), П. И. Казанскій (4-й маг., съ 1867 г. бакк. педагогики), Н. Я. Фортинскій (7-й маг., съ 1864 г. бакк. матем.), И. Кратировъ (9-й маг., послѣ службы въ волгод. сем., секретарь правл. моск. акад. послѣ 1869 г., препод., а потомъ архим. Іоаннъ, ректоръ харьк. сем., викарій харьк. епарх., ректоръ спбург. акад., еп. саратовскій, † на покоѣ).

(† архіеп. литовскій Алексій) признался мнѣ, что это онъ наградилъ меня этимъ предметомъ, который былъ до тѣхъ поръ соединенъ съ «церковнымъ законовѣдѣніемъ» и который ему былъ не по душѣ, въ особенности потому, что приходилось читать студенческія проповѣди,—занятіе далеко не изъ интересныхъ. Въ первое полугодіе моей службы къ чтеніямъ по этому предмету я не приступалъ, отложивъ ихъ на одинъ изъ слѣдующихъ двухъ лѣтъ курса XXV-го.

Мои сослуживцы на первыхъ же порахъ сообщили мнѣ, что у нихъ въ академіи лекціи не пользуются вниманіемъ студентовъ, не то, что, какъ они слышали, въ петербургской, поэтому совѣтовали не особенно заботиться о составленіи и отдѣлкѣ лекцій, а изучать предметъ для себя. Кромѣ того, грозили мнѣ такъ называемымъ «первымъ выстрѣломъ», на публичномъ экзаменѣ, отъ митрополита Филарета, который имѣлъ обычай смирять гордость молодыхъ баккалавровъ, немилосердо обрывая ихъ и раздавая имъ очень нелестные комплименты, до дурака включительно [1]). Изъ слышанныхъ мною разсказовъ оказалось, однако, что подобныхъ комплиментовъ, по временамъ, удостоивались отъ владыки даже и старшіе заслуженные профессоры, вродѣ прот. Ѳ. А. Голубинскаго [2]).

---

[1]) Изъ разсказовъ этого рода помнится одинъ, именно—какъ митр. Филаретъ отнесся, на первомъ публичномъ экзаменѣ, къ одному изъ ближайшихъ моихъ предшественниковъ по каѳедрѣ церковной археологіи, бакк. П. А. Смирнову († прот. Предсѣд. Учебн. Комит. при Св. Синодѣ). Этотъ молодой баккалавръ вздумалъ выдать къ публичному экзамену лекціи по катакомбной символической живописи. Митр. Филаретъ, незнакомый съ этою тогдашнею новинкою, напалъ на молодого преподавателя и сильно разбранилъ его. Окончился, однако, этотъ инцидентъ тѣмъ, что когда, послѣ уже экзамена, митрополиту разъяснили (кажется, А. В. Горскій) важность открытій западныхъ археологовъ для церковной исторіи и археологіи, митр. Филаретъ смягчился и даже косвенно извинился за свою рѣзкость, а потомъ далъ П. А. Смирнову хорошее священническое мѣсто въ Москвѣ. Подробный разсказъ объ этомъ случаѣ пришлось мнѣ слышать изъ устъ самого прот. П. А. уже въ Петербургѣ, лѣтъ 25—30 тому назадъ.

[2]) Разсказывали тогда о слѣдующей забавной сценѣ. Разъ какъ-то, Ѳ. А. Голубинскій, крайне огорченный подобнымъ обращеніемъ съ нимъ митр. Филарета, сидитъ пригорюнясь на крыльцѣ своего дома. Къ нему подходитъ также старѣйшій сослуживецъ, товарищъ его по студенчеству и сожитель по замонастырскому академическому дому, П. С. Делицынъ, и спрашиваетъ: „что вы, Ѳ. Ал., такъ пригорюнились?“ „Да какъ же не

Пророчество о «первомъ выстрѣлѣ» не сбылось. Ни перваго и никакого выстрѣла отъ митр. Филарета мнѣ не послѣдовало. На публичныхъ экзаменахъ по моему предмету ни въ этотъ первый, ни въ послѣдующіе годы онъ не присутствовалъ. Публичные экзамены въ Московской Академіи продолжались два дня; первый день назначался для главныхъ предметовъ, второй—для второстепенныхъ, къ числу которыхъ относились церковная археологія съ церковнымъ краснорѣчіемъ, церковное законовѣдѣніе и нѣк. друг. На первомъ экзаменѣ всегда присутствовалъ самъ митрополитъ, на второмъ, въ мое время, его викарій, пр. Савва. Въ виду возраженій митр. Филарета, на публичные экзамены избирались трактаты съ большимъ разборомъ и осторожностью, по большей части бывшіе уже не разъ на испытаніи. И по моему предмету студенты откопали гдѣ-то тетрадки старыхъ временъ. Были извѣстны по преданію и возраженія, какія обыкновенно дѣлалъ митрополитъ.

Оба дня публичныхъ экзаменовъ заканчивались обѣдами для всѣхъ служащихъ въ академіи лицъ, въ первый день у митрополита, во второй—у ректора. На эти обѣды приглашались и начальство и преподаватели виѳанской семинаріи, въ свою очередь приглашавшіе и насъ, академическихъ преподавателей, также на свои обѣды, по случаю публичныхъ экзаменовъ въ семинаріи. Эти празднества вносили немалое оживленіе въ нашу монотонную жизнь. Митр. Филаретъ на своихъ обѣдахъ держалъ себя довольно привѣтливо съ академическою братіею и не стѣснялъ насъ своимъ присутствіемъ, по крайней мѣрѣ мы, молодежь, порядочно шумѣли на своемъ концѣ стола. У ректора на обѣдѣ онъ не присутствовалъ. Въ виѳанской семинаріи проводили время еще пріятнѣе, гуляли въ Платоновскихъ рощахъ и около Виѳанскихъ прудовъ и заходили послѣ обѣда къ тогдашнимъ виѳанскимъ преподавателямъ, изъ которыхъ особенно выдавались: М. И. Каринскій, впослѣдствіи долголѣтній мой сослуживецъ по Петер-

---

горевать мнѣ; вѣдь вы слышали, какъ назвалъ меня владыка". „Такъ-то, такъ. Но, Ѳ. Ал., если хорошо поразмыслить, да взвѣсить, то окажется, что тутъ нѣтъ достаточнаго основанія обижаться и огорчаться. Вѣдь владыка—такой великій, необыкновенный умъ, что, по правдѣ сказать, всѣ мы предъ нимъ въ сущности оказываемся дураками". „А вѣдь и то правда", будто бы отвѣтилъ Ѳ. Ал. и совершенно успокоился и повеселѣлъ.

бургской Академіи, братья Делицыны, Петръ и Димитрій Петровичи, и С. Линьковъ (6-й маг. XXIII к. 1862 г. москов. акад. † Симеонъ, еп. минскій, или витебскій?). Первые трое отличались общительностью и гостепріимствомъ. Всего чаще собирались у М. И. Каринскаго.

На лѣтніе каникулы 1864 г. на родину не ѣздилъ, въ видахъ приготовленія за это время къ лекціямъ слѣдующаго учебнаго года, 1864—1865 г.

50-ти-лѣтній юбилей Московской Академіи—1 октября 1864 г. Немного не заставъ 50-ти-лѣтній юбилей Петербургской Академіи, праздновавшійся (17 февр. 1859 г.) за 6 мѣсяцевъ до моего въ нее поступленія (въ августѣ того же 1859 г.), я имѣлъ зато рѣдкое счастье участвовать въ юбилейномъ торжествѣ Московской Академіи, 1 октября 1864 года.

Въ памяти осталось, однако, немногое. Какъ теперь вижу двухъ преклонныхъ старцевъ, подруку вступающихъ въ академическій залъ для торжественнаго засѣданія. Это были: митрополитъ Филаретъ и, какъ тогда говорили, его учитель, архіепископъ Евгеній Казанцевъ, бывшій ярославскій, а въ то время управлявшій московскимъ Донскимъ монастыремъ [1]). Онъ былъ тогда слѣпецъ и потому-то митрополитъ Филаретъ велъ его подруку. Помню рѣчь ректора А. В. Горскаго и чтеніе исторической записки проф. С. К. Смирнова. Изъ привѣтствій очень живо помнится рѣчь ректора Московскаго Университета С. И. Баршева, бывшаго воспитанника Московской Академіи [2]), произнесенная чрезвычайно громкимъ, высокаго тембра голосомъ. Нѣсколько словъ произнесъ также отъ себя и знаменитый нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, бывшій въ составѣ депутаціи отъ Московскаго Университета, поражавшій своимъ цвѣтущимъ здоровьемъ, несмотря на усиленные труды

---

[1]) Евгеній Казанцевъ, 1800 г.—изъ Троице-Лаврской сем., 1804—постриженъ, 1809—инсп. петерб. акад., 1810—ректор. троицкой сем., 1814—московск. сем., 1817—архим. Донского мон., 1818—еп. курскій, 1822—архіеп. псковской, 1825—тобольскій, 1831—рязанскій, 1837—ярославскій, 1853—на покоѣ, управл. Донск. мон. съ зван. Члена Св. Синода, † 1876 г. 27 іюля.

[2]) Былъ въ составѣ VII к. (1830) моск. акад., товарищъ по студенчеству архіеп. Филарета Гумилевскаго, но пробылъ въ академіи только 3 года, на четвертомъ былъ вызванъ въ Петербургъ для изученія права подъ руководствомъ гр. М. М. Сперанскаго, а потомъ посланъ заграницу.

и выпускъ ежегодно по одному тому исторіи. По поводу этихъ выпусковъ тогда острили, что у С. М. каждый годъ, вмѣстѣ съ очереднымъ томомъ исторіи, появляется на свѣтъ и новый, также очередной членъ семейства. Изъ остальныхъ рѣчей и привѣтствій помнятся: привѣтствія настоятеля московскаго, тогда каѳедральнаго Архангельскаго собора (нынѣ придворный), прот. П. Е. Покровскаго († главн. свящ. арміи и флотовъ) [1]) и делегата отъ С.-Петербургскаго Университета проф. прот. В. П. Полисадова [2]). Характерныя фигуры ихъ обращали на себя вниманіе, а о. прот. В. П. Полисадовъ, кромѣ того, выдавался еще своею живостью, общительностью и говорливостью. Замѣтно было, что за П. Е. Покровскимъ ухаживали нѣсколько болѣе, чѣмъ за другими членами московскаго духовенства. Тогда говорили о какомъ-то значительномъ денежномъ пожертвованіи, изъ его ли личныхъ средствъ или изъ суммъ, собранныхъ имъ у московскаго духовенства. Наконецъ, помнятся, хотя и не такъ живо: тов. Оберъ-Прокурора Св. Синода кн. С. Н. Урусовъ, съ его невзрачною фигурою, и затѣмъ—М. Н. Катковъ, И. С. Аксаковъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

Здѣсь же, на актѣ, были объявлены, по случаю юбилея, и награды профессорамъ и баккалаврамъ академіи. Денежныя—профессорамъ П. С. Казанскому и В. Д. Кудрявцеву (по 500 р.), С. К. Смирнову и экстраординарному профессору священнику Ф. А. Сергіевскому (по 429 р.), баккалаврамъ — П. И. Горскому-Платонову, Н. К. Соколову, Евг. Евс. Голубинскому и П. М. Хупотскому (по 214 р.). Другого рода награды получили: баккалавры—Дм. Ѳед. Голубинскій — званіе ординарнаго профессора, В. Н. Потаповъ—экстраординарнаго профессора, бакк. іеромон. Іоаннъ Митропольскій — званіе соборнаго іеромонаха московскаго Донского монастыря, бакк. А. Л. Катанскій—благословеніе Св. Синода, вмѣстѣ съ

---

[1]) Петръ Евдокимовичъ Покровскій, москв., 8-й маг. VI к. (1828) моск. акад., 1828—преп. виѳан. сем., 1834—свящ. Параскіев. ц., 1855—настоят. Арханг. соб., 1871—глав. свящ. арм. и флотовъ.

[2]) Василій Петровичъ Полисадовъ, костром., 5-й маг. XIII к. (1842) моск. акад., товар. по студ. Іоанна Соколова († еп. смолен.) и проф. П. С. Казанскаго; 1842—препод. спб. сем., 1845—свящ., 1847—въ Женевѣ въ Швейцаріи, 1848—1854 причисленъ къ миссіи въ Парижѣ, 1854—настоят. посольской ц. въ Берлинѣ, 1858—проф. богословія въ спб. универс. и настоят. Петропавловскаго собора, 1871—1874—при Исакіевск. соб., † 1878 г.

экономомъ академіи іером. Геронтіемъ и внѣшними членами конференціи (числомъ 6). Въ списокъ награжденныхъ не вошли: ректоръ А. В. Горскій, инспекторъ архим. Михаилъ, орд. проф. Е. В. Амфитеатровъ и экстраординарные профессоры Н. И. Субботинъ и А. Ѳ. Лавровъ. Всѣ эти лица, за исключеніемъ Е. В. Амфитеатрова, не оказались въ числѣ награжденныхъ, вѣроятно, потому, что въ предшествовавшіе два года получили тѣ или другія награды и для нихъ не наступилъ еще срокъ (трехлѣтній) полученія слѣдующей очередной награды [1]). Оказался обойденнымъ только одинъ, старѣйшій послѣ ректора, профессоръ Е. В. Амфитеатровъ. Но это произошло по совершенно независѣвшимъ отъ учебнаго и вообще духовнаго начальства причинамъ [2]).

---

[1]) Ректоръ прот. А. В. Горскій въ декабрѣ 1862 г. награжденъ митрою, инсп. архим. Михаилъ получилъ въ 1863 г. званіе ордин. проф., а А. Ѳ. Лавровъ, въ томъ же 1863 г., экстраорд. проф., Н. И. Субботинъ—орд. св. Анны 3-й ст.

[2]) Онъ оказался тогда состоявшимъ нѣкоторымъ образомъ подъ судомъ, по слѣдующему случаю. Разсказывали, что вскорѣ по открытіи участка желѣзной дороги отъ Посада до Москвы, находясь у кассы III кл. для полученія билета въ Москву, онъ оттолкнулъ жандарма, недопускавшаго его до кассы внѣ очереди, при многочисленномъ стеченіи пассажировъ. Почему Е. В. Ам—въ дозволилъ себѣ такой поступокъ или, какъ теперь любятъ выражаться, „жестъ", объясняли такъ. Старѣйшій въ академіи, заслуженный профессоръ, считавшій себя первымъ, послѣ ректора и намѣстника Лавры, лицемъ въ Посадѣ, ктому же человѣкъ довольно гордаго характера, онъ возмущенъ былъ непочтительнымъ къ себѣ отношеніемъ жандармскаго унтеръ-офицера и притомъ гдѣ же?—въ вокзалѣ, строившемся на глазахъ Е. В., почти возлѣ его дома, какъ бы въ области его владѣній. Таковъ, какъ тогда говорили, былъ источникъ, изъ котораго возникъ у него конфликтъ съ жандармомъ. Жандармъ донесъ о поступкѣ профессора своему ближайшему начальству, а то—въ Петербургъ, въ III тогдашнее отдѣленіе, шефу жандармовъ, всесильному тогда, гр. Петру Андр. Шувалову; III-е же отдѣленіе сообщило объ этомъ происшествіи духовному начальству. Словомъ, возникло очень непріятное дѣло о нанесеніи оскорбленія нижнему чину, при исполненіи имъ обязанностей по службѣ. Какъ шло это дѣло, не могу сказать; возникла, конечно, переписка, потребовано было отъ Е. В. объясненіе и т. д. Навѣрное могу сказать только одно, что долго, вѣроятно до 1867 или даже до 1869 г., тяготѣло надъ Е. В. обвиненіе въ его поступкѣ съ жандармомъ, пока мой тесть, прот. І. В. Васильевъ, сдѣлавшійся въ 1867 г. предсѣдателемъ Учеб. Комит. при Св. Синодѣ, не упросилъ гр. П. А. Шувалова, большого своего почитателя, замять это дѣло и возстановить почтеннаго, уважаемаго профессора, ктому же земляка (орловца), во всѣхъ его правахъ по части наградъ. Объ исходѣ этого дѣла слышалъ отъ самого прот. І. В. Васильева, уже въ Петербургѣ, слѣд. не ранѣе 1867 года.

Юбилейный обѣдъ былъ, сколько помнится, въ помѣщеніи конференціи, гдѣ находится монументальная, изъ старинныхъ изразцовъ, печь (вѣроятно она сохранилась донынѣ). Рѣчей не помню.

Два учебныхъ года 186⁴/₅—186⁵/₆ были годами усиленныхъ моихъ трудовъ по изученію предметовъ преподаванія, въ особенности церковной археологіи.

Громадную пользу при этомъ принесли мнѣ указанія незабвеннымъ о. А. В. Горскимъ источниковъ и пособій для изученія разныхъ отдѣловъ этой науки. При началѣ каждаго новаго отдѣла я неизмѣнно отправлялся къ многоученому своему ректору, который съ видимымъ удовольствіемъ принималъ эти мои посѣщенія. Встрѣчая меня сначала съ нѣкоторою напускною, не свойственною ему, ректорскою важностью, затѣмъ, когда заходила рѣчь о книгахъ, совершенно преображался, видимо забывалъ, что онъ ректоръ, а передъ нимъ младшій изъ баккалавровъ, лазилъ подъ диваны и кресла, доставая оттуда нужныя книги и нагружалъ меня ими, обыкновенно въ большомъ количествѣ. При чемъ никогда, однако, не указывалъ, гдѣ что взять и въ какомъ именно отношеніи важно то или другое сочиненіе, предоставляя мнѣ самому разбираться въ грудѣ полученныхъ книгъ. Въ одномъ только можно было быть увѣреннымъ, что уносишь съ собою все, что въ тогдашней литературѣ было самаго лучшаго, важнаго и новѣйшаго. Считаю нелишнимъ еще прибавить, что библіотека Московской Академіи была чрезвычайно богата (гораздо богаче, чѣмъ библіотека Петербургской) книгами по церковной исторіи вообще и церковной археологіи въ частности, да, кажется, и по другимъ предметамъ академическаго курса. Здѣсь сказалось также вліяніе проф. А. В. Горскаго, въ его 20-ти лѣтнее библіотекарство (1842—1862 г.).

Началъ и на сей разъ съ церковныхъ таинствъ, но при этомъ задался другою, несравненно болѣе трудною, чѣмъ въ первое полугодіе (съ января 1864 г.), задачею, именно—прослѣдить исторію постепеннаго образованія литургической стороны семи церковныхъ таинствъ въ нашей православной восточной церкви. Трудность выполненія такой задачи обусловливалась какъ отсутствіемъ въ литературѣ пособій, преслѣдовавшихъ эту цѣль, такъ и крайнею отрывочностью съ одной стороны и скудостью матеріала съ другой—для связнаго и послѣдовательнаго изображенія исторической судьбы каждаго изъ чино-

послѣдованій церковныхъ таинствъ. Для первыхъ IV—V вѣковъ имѣлось, правда, достаточно матеріала въ трудахъ западныхъ протестантскихъ и римско-католическихъ литургистовъ (Бингама, Августи и Бинтерима) [1]), но этотъ матеріалъ былъ сырой, разбитый на рубрики и требовалось немало труда и искусства, чтобы изъ этой мозаики составить нѣчто цѣльное, а для исторіи православнаго восточнаго обряда, начиная съ V—VI вѣковъ, не оказывалось и такого матеріала, и тутъ уже приходилось по крупицамъ самому собирать историческія данныя, сюда относящіяся. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ, особенно въ послѣднемъ, незамѣнимую помощь оказалъ А. В. Горскій рекомендаціей различныхъ ученыхъ трудовъ. Такъ, для исторіи литургіи и другихъ важнѣйшихъ священнодѣйствій усиленно рекомендовалъ трудъ Гоара (Евхологіонъ), и въ частности для выясненія схемы литургіи, въ первоначальной стадіи ея развитія, сочиненіе Бунзена—Hyppolitus und seine Zeit—и трудъ Людольфа (Historia Aethiopica—XVII в.,—она также была у меня въ рукахъ), на которомъ этотъ ученый (Бунзенъ) построилъ свою гипотезу о древнѣйшей схемѣ литургіи, затѣмъ труды Ренодота (Liturgiarum orientalium collectio) и Даніеля (Codex liturgicus—важный для сравненія всѣхъ литургій, восточныхъ и западныхъ, древнихъ и новыхъ) и нѣсколько другихъ сочиненій, менѣе капитальныхъ. Для исторіи литургической стороны таинствъ въ послѣдующее, съ V—VI в., время огромное значеніе имѣлъ для меня послѣдній томъ «Описанія рукописей Московской Синодальной библіотеки», данный мнѣ незабвеннымъ А. В. Горскимъ—въ корректурныхъ листахъ (тогда этотъ томъ только еще печатался). Этотъ томъ содержалъ по истинѣ богатую сокровищницу драгоцѣнныхъ указаній на то, что въ православномъ восточномъ обрядѣ явилось съ XI—XII вѣковъ и чего не было до того времени. Правда, имъ не восполнялась огромная пустота, недостатокъ историческихъ данныхъ для промежуточнаго періода между V, VI и XI и XII вѣками. Тутъ уже приходилось прибѣгать по большей части къ догадкамъ, вѣроятнымъ предположеніямъ, пробавляясь тѣми крупицами фактовъ, которыя можно было находить или въ тво-

---

[1]) Bingam—Origines eccles., Augusti—Denkwürdigkeiten aus der chistl. Archeologie, Binterim—Die vorzuglichsten Denkwürdigkeiten der christl. Kirche.

реніяхъ отцевъ и писателей церкви или въ трудахъ римско-католическихъ ученыхъ, вродѣ Бинтерима, въ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ православный восточный обрядъ совпадалъ съ средневѣковымъ римскимъ. Изъ нашей отечественной литературы очень полезными были труды архіеп. Филарета (Гумилевскаго) по патрологіи («Историч. ученіе объ отцахъ церкви»), въ особенности же—«Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви» и изданіе СПБ. Академіи—«Писанія св. отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія». О характерѣ моихъ чтеній по этому отдѣлу церковной археологіи можно судить по напечатаннымъ мною впослѣдствіи статьямъ: «Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви» («Христ. Чтен.» 1868 г.), «Къ исторіи литургической стороны таинства брака» («Христ. Чтен.» 1880 г.) и «Очеркъ исторіи обрядовой стороны таинства елеосвященія» («Христ. Чтен.» 1880 г.). Въ основѣ этихъ статей лежатъ прежнія, московскія мои лекціи, правда съ значительною ихъ переработкою и дополненіемъ.

Ту же задачу преслѣдовалъ и того же въ сущности метода держался въ своихъ чтеніяхъ и по другимъ отдѣламъ литургики, т. е. стремился представить историческій очеркъ постепеннаго развитія различныхъ частей и сторонъ православнаго восточнаго богослужебнаго обряда, какъ ни трудно было подчасъ удовлетворить такого рода цѣлямъ и задачамъ. Вдобавокъ, всегда по возможности старался проводить параллель между восточнымъ и западнымъ (римскимъ, англиканскимъ и лютеранскимъ) обрядами, по большей части въ окончательно уже сложившемся ихъ видѣ, по временамъ только входя въ изслѣдованіе исторической судьбы нѣкоторыхъ частностей западнаго обряда.

Покончивъ съ отдѣломъ о семи церковныхъ таинствахъ, перешелъ къ отдѣлу о храмѣ, какъ мѣстѣ общественнаго богослуженія, разсматривая его съ двухъ сторонъ: со стороны внѣшняго его вида — архитектурной и со стороны внутренняго его устройства, расположенія и назначенія его частей.

Въ первомъ отношеніи, — послѣ трактата о домашнихъ церквахъ и катакомбахъ первыхъ христіанъ и древнихъ базиликахъ,—долженъ былъ пуститься въ область архитектуры, изучать различные ея стили, начиная съ ассирійско-вавилонскаго, египетскаго, древне-греческаго и древне-римскаго, продолжая византійскимъ, переходнымъ къ готическому (ломбардо-

флорентійскимъ), средневѣковымъ готическимъ, романскимъ и оканчивая древнерусскимъ, постройками деревянныхъ церквей въ древней Россіи и каменныхъ, разныхъ смѣшанныхъ стилей, церквей на Руси—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. При этомъ, подъ руками оказалось, благодаря конечно тому же А. В. Горскому, все, что было тогда самаго лучшаго и даже рѣдкаго и дорогого по этой части. Для изученія базиликъ было сочиненіе Шестермана—Die antiquen und christl. Basiliken, для изученія стилей ассиро-вавилонскаго и египетскаго—рѣдкое и очень дорогое изданіе наполеоновской экспедиціи въ Египетъ — Description de l'Egypte (t. 1—26) [1]), для древне-греческаго, римскаго, готическаго и романскаго стилей—нѣсколько руководствъ по церковной археологіи на французскомъ языкѣ (подъ церковной археологіей у французовъ разумѣлась исключительно архитектурная археологія), для византійскаго стиля—Зальценберга—Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel VI—XII Jahrh.), для русскихъ храмовъ—труды гр. Строганова («Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ»), Снегирева («Москва», «Памятники московскихъ древностей»), Мартынова («Памятники московскихъ древностей»), сборники матеріаловъ Севастьянова и нѣкотор. друг.

По исторіи внутренняго расположенія частей храма находились данныя отчасти въ западныхъ археологическихъ трудахъ Бингама, Августи, Бинтерима и др., отчасти въ нашихъ отечественныхъ изслѣдованіяхъ. Изъ послѣднихъ въ особенности важную услугу оказало соч. Филимонова—«Церковь св. Николая на Липнѣ», для рѣшенія вопроса объ алтарныхъ преградахъ, русскомъ иконостасѣ.

Отдѣлъ о церковной иконографіи началъ съ катакомбныхъ символическихъ изображеній, пользуясь, главнымъ образомъ, трудомъ Ажинкура (Histoire de l'art) и отчасти Мартиньи (Dictionnaire d'antiqu. chret.) и статьями русскихъ духовныхъ журналовъ («Христ. Чтен.» 1864—«Катакомбы», Дух. Вѣстн.» 1864, іюнь и др.), потомъ перешелъ къ византійскому иконо-

---

[1]) Замѣчательно, что это по истинѣ драгоцѣнное, роскошное и многотомное изданіе пріобрѣтено московскою академіею дешевле, чѣмъ за грошъ,—только за 50 р. (?!!), по смерти архіеп. тобольскаго Аѳанасія, а имъ куплено за 1.000 р. ассигнаціями. См. С. К. Смирнова—Истор. моск. дух. акад. 1814—1870 г., стр. 286.

писанію, при чемъ имѣлъ подъ руками «Менологій имп. Василія Македонянина» (какое-то очень старинное изданіе) и Дидро—объ аѳонскихъ иконописцахъ XII в. (Didrot—Manuel d'iconographie greque et latin [1]). Для ознакомленія съ русскимъ иконописаніемъ пользовался трудами Ѳ. И. Буслаева («О русскомъ иконописномъ подлинникѣ» — въ очеркахъ, «Общія понятія о русскомъ иконописаніи»—въ «Сборн. общ. древне-русск. искус.»), И. П. Сахарова («О русскомъ иконописаніи»—1 и 2 вып.), «Древности и символика Кіево-Софійскаго Собора» (Твор. св. отп. 1859) и др. Въ концѣ этого отдѣла представилъ характеристику византійской религіозной живописи, нашей древнерусской иконописи, съ ея различными школами до суздальской включительно, наконецъ, западной итальянской, оказавшей вліяніе чрезъ Новгородъ и Псковъ и на старую московскую живопись (въ XVI в.—дѣло дьяка Висковатаго). Въ заключеніе, воспользовавшись очень интересной статьей въ одномъ нѣмецкомъ сочиненіи, далъ очеркъ развитія всей вообще западной живописи не только религіозной, но и свѣтской, въ связи съ возвышеніемъ или упадкомъ религіозности или возвышавшейся до недосягаемой высоты (вѣкъ Рафаеля, Микель-Анджело и др.), или постепенно падавшей до очень низкаго уровня, какъ и въ переживаемое нами время.

Въ отдѣлѣ о свящ. одеждахъ и сосудахъ прежде всего рѣшался вопросъ: были ли богослужебныя одежды первыхъ вѣковъ христіанства вообще отличны отъ обыкновенныхъ одеждъ и не были ли онѣ заимствованы отъ одеждъ, употреблявшихся въ ветхозавѣтной церкви. Для рѣшенія этого вопроса пользовался очень хорошею статьею Гефеле (въ Beitrage zur Kirchengesch., Archeol. und Liturgik 1864), затѣмъ, въ частности, трактовалъ объ одеждахъ діаконскихъ, священническихъ и архіерейскихъ—съ опредѣленіемъ сравнительной ихъ древности. Окончательный результатъ: древнѣйшія свящ. одежды: подризникъ съ его видоизмѣненіемъ стихаремъ, фелонь, орарь съ епитрахилью и омофоръ. Изъ позднѣйшихъ ранѣе другихъ явилась митра, позднѣе—саккосъ, палица, панагія и, наконецъ, набедренникъ (особенность нашей русской церкви). Кромѣ западныхъ археологическихъ трудовъ пользовался, между прочимъ, «Обозрѣніемъ москов-

[1]) Былъ у меня въ рукахъ и трудъ Пипера—описаніе берлинскаго музея (т. 1). Но тогда вышелъ только первый томъ, своимъ содержаніемъ не представлявшій для меня интереса.

ской патріаршей ризницы»—пр. Саввы, гдѣ встрѣчается немало цѣнныхъ историческихъ и археологическихъ замѣчаній.— Въ отдѣлѣ о священныхъ сосудахъ трактовалось прежде всего о сосудахъ, употребляемыхъ при совершеніи таинства Евхаристіи: потирѣ («Древности» въ Труд. моск. археол. общ. 1865), дискосѣ, звѣздицѣ, лжицѣ, копьѣ, дарохранительницѣ, а потомъ и о другихъ свящ. сосудахъ и принадлежностяхъ богослуженія. Пособія были тѣ же, что и для трактата о свящ. одеждахъ. Въ заключеніе трактата о свящ. одеждахъ и сосудахъ проводилась параллель между тѣмъ, что сохранено отъ древнихъ временъ нашею православною церковью и что есть въ римской церкви и осталось въ англиканствѣ и лютеранствѣ.

Чтенія по церковной археологіи заканчивались обширнымъ отдѣломъ о временахъ богослуженія въ кругѣ годичномъ, седмичномъ и суточномъ. Начиналъ съ круга годичнаго, продолжалъ — седмичнымъ и оканчивалъ суточнымъ. Въ годичномъ кругѣ, около великихъ праздниковъ Пасхи, Пятидесятницы и Богоявленія Господня, съ Рождествомъ Христовымъ, какъ около трехъ центровъ, группируются всѣ праздники и посты года, а потому и разсматривались они, какъ части трехъ цикловъ: Пасхи, Пятидесятницы и Рождества Христова. Начиналъ съ цикла пасхальнаго, переходилъ къ циклу Пятидесятницы и заканчивалъ цикломъ Рождества Христова. Вмѣстѣ съ исторіею праздниковъ и постовъ, группировавшихся около этихъ центровъ, занимался исторіею пасхаліи, календаря, мѣсячной минеи и тріоди постной и цвѣтной. Что касается круга седмичнаго богослуженія, то послѣ рѣшенія вопроса о томъ, откуда и когда явилось дѣленіе года не только на мѣсяцы, но и на недѣли, трактовалось о характерныхъ чертахъ и особенностяхъ богослуженія въ различные дни недѣли. Въ связи съ этимъ трактатомъ сообщались свѣдѣнія объ октоихѣ. Суточное богослуженіе сформировалось въ окончательномъ видѣ въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ, а потому вмѣстѣ съ трактатомъ о различныхъ частяхъ его (повечеріи, вечернѣ, полунощницѣ, утренѣ, всенощномъ, часахъ и литургіи), сообщались свѣдѣнія о трудахъ по этой части Василія Вел. и объ уставахъ іерусалимскомъ и студійскомъ. Этотъ важный отдѣлъ литургики (разумѣемъ весь отдѣлъ о временахъ богослуженія и различныхъ церк. службахъ и богосл. книгахъ) былъ тогда очень мало разработанъ въ нашей литературѣ. Разработка его весьма значительно подвинулась впередъ впо-

слѣдствіи, благодаря солиднымъ трудамъ профессоровъ: И. Д. Мансветова (моего преемника по каѳедрѣ церк. археологіи), А. А. Дмитріевскаго (кіевск. проф.) и Н. Ѳ. Красносельцева (казан. проф.+проф. новороссійскаго унив.). Приходилось по частямъ отвсюду собирать историческія данныя, относящіяся къ указаннымъ предметамъ и вопросамъ. Много помогало извѣстное сочиненіе прот. Дебольскаго—«Дни богослуженія», но далеко не удовлетворяло всѣмъ научнымъ запросамъ по части историческихъ свѣдѣній. Для исторіи праздниковъ находились пособія въ отечественной литературѣ, въ статьяхъ «Твор. св. отц.» (1857 г. XVI—праздн. Пятидесятницы, 1858 г. XVII—праздн. Вознесенія Господня). Для исторіи праздника Рождества Христова было въ рукахъ весьма хорошее сочиненіе берлинскаго проф. Касселя—Weihnachten, Ursprung, Brauche und Aberglauben 1856. Для исторіи постовъ—диссертація, изданная при Моск. Акад. (точнаго заглавія не помню). Для исторіи пасхаліи, календарей, началѣ новаго года и т. п.—трудъ Араго, посвященный изложенію популярной астрономіи.

Вообще для всѣхъ моихъ лекцій по церк. археологіи старался собирать данныя отвсюду, не только изъ духовныхъ журналовъ, но и изъ свѣтскихъ. Чего изъ всѣхъ моихъ предположеній осуществить мнѣ не удалось, это составить очеркъ исторіи церковнаго пѣнія вообще и у насъ, въ нашей отечественной церкви, въ частности. Въ этомъ случаѣ помѣшало мнѣ совершенное отсутствіе музыкальнаго образованія и даже природная къ нему неспособность и потому пришлось ограничиться только краткими замѣчаніями по этому предмету, хотя подъ руками были уже нѣкоторые матеріалы для болѣе обстоятельнаго очерка исторіи церковнаго пѣнія [1]).

Соединенному съ церковною археологіею предмету—гомилетикѣ или (какъ она называлась въ Моск. Акад.) «церковному краснорѣчію» посвящалъ гораздо менѣе вниманія, удѣляя этому предмету не болѣе 1/4 всего двухгодичнаго курса, читалъ гомилетику въ теченіе одной половины года, въ первую его треть, до Рождества Христова. Этого рода чтенія

[1]) В. М. Ундольскаго—„Замѣчанія для исторіи церк. пѣнія въ Россіи“ („Чтен. въ общ. истор. и древн. 1846—1847), Безсонова—„Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ“ („Прав. Обозр.“ 1864 г., май), Сахарова—„Изслѣдов. о русск. церковн. пѣснопѣ“. („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1849 г.) и даже труды извѣстнаго знатока русскаго церк. пѣнія, прот. Разумовскаго, о нашихъ крюковыхъ нотахъ и напѣвахъ.

имѣли также характеръ историческій, а не теоретическій. Они состояли изъ очерковъ исторіи церковной проповѣди, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства. Для исторіи древнѣйшаго ея періода, до V в., прекраснымъ пособіемъ былъ извѣстный трудъ Паниля — Pragmat. Gesch. der christl. Bereds. Для очерковъ дальнѣйшихъ періодовъ—съ V по X в., средневѣковаго и на протестантскомъ и римско-католическомъ Западѣ (о знаменитыхъ французскихъ проповѣдникахъ — Боссюэтѣ, Бурдалу, Фенелонѣ и Массильонѣ)—различныя менѣе выдающіяся пособія. Впрочемъ, нужно признаться, эти очерки имѣли довольно общій, поверхностный характеръ. Исторіи же нашей отечественной проповѣди не коснулся вовсе, спѣша перейти къ любимымъ своимъ занятіямъ по церковной археологіи. Лекціи по гомилетикѣ читалъ только одинъ разъ за все время службы въ Моск. Академіи, XXV ея курсу (1862—1866 г.).

Лекціи свои читалъ, а не говорилъ, не надѣясь на небогатый свой даръ слова и опасаясь природной застѣнчивости и конфузливости.

Мои идеалы академическаго профессора совершенно расходились съ идеалами сослуживцевъ, которые, какъ замѣчено уже выше, совѣтовали больше всего заниматься изученіемъ предмета для себя и обращать поменьше вниманія на составленіе лекцій, не посѣщаемыхъ студентами. Мнѣ же хотѣлось, вмѣстѣ съ серьезнымъ изученіемъ церк. археологіи, имѣть у себя поболѣе и внимательныхъ слушателей и въ концѣ концовъ мнѣ удалось до нѣкоторой степени достигнуть желаемаго. Студенты посѣщали мои лекціи, правда, въ умѣренномъ количествѣ, но во всякомъ случаѣ моя аудиторія никогда не была пуста. Всего болѣе бывало слушателей при началѣ каждаго отдѣла и постепенно уменьшалось къ его концу. Мои слушатели замѣтили мое усердіе и даже однажды поручили одному изъ своихъ товарищей, посѣщавшему меня, сказать мнѣ: «зачѣмъ вы такъ усердно занимаетесь составленіемъ лекцій, онѣ у насъ мало посѣщаются и цѣнятся. Вѣдь, если бы Ангелъ пришелъ къ намъ съ неба и началъ читать намъ лекціи, на первыхъ порахъ мы бы конечно его послушали, сказали бы, что его лекціи прекрасны, а потомъ... все-таки перестали бы ходить къ нему». Но на меня не особенно подѣйствовало и это предупрежденіе студентовъ и я продолжалъ вести свое дѣло попрежнему. Результатомъ было крайнее мое переутомленіе въ двухлѣтній учебный курсъ 1864—

1866 гг., но зато моя репутація, какъ хорошаго лектора, прочно утвердилась между студентами, что и выразилось разъ въ лестныхъ по моему адресу надписяхъ въ классномъ журналѣ [1]) и аплодисментами на одной изъ лекцій [2]).

Нельзя сказать, чтобы студенты мало занимались. Они много читали серьезныхъ научныхъ книгъ; но особенно много времени употребляли на составленіе сочиненій. Замѣчательно, какъ они держали себя на экзаменахъ. Съ поразительнымъ спокойствіемъ, нимало не безпокоясь относительно удовлетворительнаго отвѣта на вопросы. Кто мало зналъ, тотъ прямо такъ и заявлялъ, что онъ не можетъ ничего сказать на извѣстный билетъ (экзамены производились по билетамъ, какъ и въ петербургской академіи), а когда къ нему приставали, что не можетъ быть, чтобы онъ не зналъ того или другого изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, неохотно отвѣчалъ кое-что, повторяя въ заключеніе, что въ сущности онъ все-таки ничего не знаетъ. Вообще, отъ студенческихъ отвѣтовъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто, присутствуя на экзаменахъ, студенты дѣлаютъ нѣкоторое одолженіе экзаменаторамъ, проявляютъ нѣкую къ нимъ любезность. Происходило это отъ того, что экзаменскимъ отвѣтамъ придавалось въ Московской Академіи еще меньшее значеніе, чѣмъ въ Пе-

---

[1]) Разъ студенты дозволили себѣ одну очень дерзкую выходку: испещрили классный журналъ замѣчаніями относительно достоинства лекцій преподавателей и вообще краткими характеристиками личностей профессоровъ и баккалавровъ. По большей части эти замѣчанія были очень грубыми и неблагопріятными для тогдашняго состава академической корпораціи; исключеніе составляли очень немногія надписи, въ томъ числѣ, противъ бакк. А. К—го надпись: „достоинъ профессора". Эта дерзкая выходка студентовъ довольно благополучно сошла имъ съ рукъ. Виновные не найдены.

[2]) Прервавъ свои лекціи по археологіи, я вздумалъ однажды посвятить одну лекцію гомилетикѣ, съ цѣлію подѣлиться своими впечатлѣніями отъ чтенія студенческихъ проповѣдей, о чемъ, въ концѣ предшествующей лекціи, и сообщилъ своимъ слушателямъ. Въ назначенный день собрался весь курсъ, аудиторія была полна, какъ никогда. И хотя мои слушатели услышали отъ меня весьма мало для себя лестнаго, такъ какъ со всею откровенностью я высказалъ довольно безотрадныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ чтенія ихъ произведеній, они однако сочли нужнымъ наградить меня въ концѣ лекціи громкими аплодисментами. Потомъ сообщили мнѣ, что о. ректоръ А. В. Гор., которому ежедневно приносили классный журналъ съ записями о содержаніи лекцій, спрашивалъ дежурнаго, что именно говорилъ я о студенческихъ проповѣдяхъ. Со мною объ этомъ предметѣ разговора у него не было.

гербургской, можно сказать, почти никакого. Кстати, экзамены по церковной археологіи и гомилетикѣ соединялись съ экз. по канонической праву, такъ что А. Ѳ. Лавровъ († Алексій, архіеп. литовскій) и А. К—кій были одинъ у другого ассистентами, а студенты отвѣчали одинъ по одному предмету, другой—по другому. Предсѣдательствовалъ на этихъ экзаменахъ ректоръ, А. В. Горскій. Жутко было мнѣ, такому, такъ сказать, пигмею выступать съ результатами своихъ чтеній предъ такимъ колоссомъ науки богословской вообще и церковно-исторической вчастности, какъ А. В. Горскій, но о. ректоръ по своей деликатности и такту ниразу не далъ мнѣ почувствовать громадной между нами разницы и не дѣлалъ никакихъ возраженій по поводу моихъ тезисовъ; по крайней мѣрѣ ничего подобнаго не припоминается.

Студенты Московской Академіи, какъ уже замѣчено выше, были мало похожи на насъ петербуржцевъ. Они держали себя съ большимъ сознаніемъ своего достоинства, такъ какъ составляли единственную интеллигенцію Посада и не видѣли ничего выше себя. Вели себя очень свободно и по отношенію къ своимъ наставникамъ. Нисколько не стѣсняясь ихъ, едва удостоивая на улицѣ раскланиваться съ ними, преспокойно продолжали ухаживать за мѣстными дамами и барышнями, такъ что мы, по крайней мѣрѣ молодые баккалавры, болѣе стѣснялись ихъ, чѣмъ они насъ. Иногда они задавали концерты, играя на скрипкахъ, віолончеляхъ и флейтахъ въ студенческихъ комнатахъ съ открытыми окнами, между тѣмъ какъ въ академическомъ садикѣ, предъ жилыми студенческими комнатами, прогуливалась посадская публика, наслаждаясь музыкою академическихъ артистовъ. Впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ такихъ концертовъ они прекратились, вслѣдствіе протеста лаврскихъ монастырскихъ властей. И послѣ того, однако, этотъ студенческій оркестръ не разъ игралъ, но уже не публично, а въ квартирахъ академическихъ профессоровъ, напр. у С. К. Смирнова, Ф. А. Сергіевскаго и, кажется, у А. Ѳ. Лаврова, когда собирались у нихъ гости. Разъ, помнится, былъ такой вечеръ у Ф. А. Сергіевскаго и на немъ между прочимъ присутствовалъ родной его братъ Н. А. Сергіевскій [1]) (одно-

[1]) Ник. Ал. Сергіевскій, 3-й маг. XX к. (1856 г.) моск. акад., 1856—1858 бакк. библ. исторіи и греческаго языка, 1858—чин. особ. поруч. при Оберъ-Прок. Св. Синода, 1861—чин. особ. пор. при мин. Нар. Просв., 1862—оберъ-секретарь канц. Св. Синода, 1864—инсп. моск. акад. комм. наукъ,

именникъ проф. Моск. унив., прот. Н. А. С.), бывшій въ то время инспекторомъ московской практической академіи коммерческихъ наукъ, замѣчательный типъ необыкновенно холоднаго, выдержаннаго бюрократа. Былъ онъ со своею супругою, москвичкою, изъ купеческаго рода. Солидные люди играли въ карты, а мы молодежь танцовали, подъ музыку студенческаго оркестра. Особенно много такихъ вечеровъ провели мы у проф. С. К. Смирнова, у котораго было много дочерей подростковъ. Студенческій оркестръ составляли: С. И. Миропольскій (извѣстный потомъ педагогъ, † вице-дир. Синод. канцеляріи), Н. Н. Корсунскій (шуринъ А. Ѳ. Лаврова), М. Свѣтовидовъ и др.

Наиболѣе даровитыми въ этомъ XXV курсѣ студентами были: С. И. Миропольскій, В. П. Сланскій († на служ. въ Госуд. Контролѣ), Д. Извѣковъ (преп. Спб. сем.), А. Кудрявцевъ († прот. проф. одного изъ университетовъ, одесскаго или харьковскаго), вдовый свящ. Петръ Леонтьевичъ Лосевъ († епископъ пермскій), П. Ѳ. Комаровъ (и. д. бакк. въ спб. акад., потомъ библіотекарь ея, наконецъ свящ.) [2]).

1866—директоръ канц. Оберъ-Прок. Св. Синода, 1869—попечитель виленскаго учебн. округа.

[2]) Изъ нихъ: С. И. Миропольскій, воронеж., 8-й маг., В. П. Сланскій, вонеж. 9-й маг., Д. Извѣковъ, калуж. 1-й маг., А. Кудрявцевъ, виѳан., 2-й маг., свящ. П. Лосевъ рязан., 5-й маг., П. Ѳ. Комаровъ не получилъ никакой степени, хотя стоялъ въ спискахъ подъ № 1. Правда, какъ теперь помню, при составленіи списка въ теченіе курса на вопросъ, кого ставить подъ № 1, обыкновенно отвѣчали: „не кого“, „ну, такъ поставимъ Комарова“, замѣчалъ А. В. Гор. Зависѣло это отъ того, что даровитѣйшіе студенты (Миропольскій и Сланскій) не удовлетворяли требованіямъ или дисциплины или аккуратнаго исполненія учебныхъ студенческихъ обязанностей, а Комаровъ, не выдаваясь особенно своею даровитостью, казался подходящимъ для занятія этого мѣста. Судьба П. Ѳ. Комарова, вызваннаго пр. Іоанномъ (смоленскимъ, тогда ректоромъ спб. акад.) для занятія каѳедры нравств. бог. въ спб. академіи, въ надеждѣ, что онъ приметъ монашество, оказалась довольно необыкновенною: монашества онъ не принялъ, диссертаціи не представилъ и хотя прослужилъ, не имѣя никакой ученой степени, баккалавромъ съ 1866 до 1869 г., но съ уставомъ 1869 г. долженъ былъ оставить каѳедру, сдѣланъ былъ библіотекаремъ, а затѣмъ принялъ священство и былъ гдѣ-то въ калужск. епархіи священникомъ. Въ этомъ курсѣ были еще довольно замѣчательныя личности, люди не безъ способностей, но хромавшіе относительно поведенія: С. Раевскій, тульск., 42 канд., и М. Семеновскій, владим., 43 канд. († прот. цер. Лазенковскаго дворца въ Варшавѣ). О нихъ говорили тогда, что они „составляютъ больное мѣсто инспектора о. Михаила“.

Начальство и сослуживцы. По истинѣ великій святитель, московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ [1]), 46 лѣтъ занимавшій московскую каѳедру (съ 1821 по 1867 г.), былъ для академіи болѣе, чѣмъ обыкновенный высшій начальникъ. Онъ, можно сказать, исключительно дѣлалъ въ ней хорошую и дурную погоду. Въ мое время, доживая послѣдніе годы своей долгой жизни († 19 нояб. 1867), онъ былъ только солнцемъ, освѣщавшимъ ее своимъ сіяніемъ и пересталъ быть грознымъ громовержцемъ, какимъ онъ былъ въ прежніе, болѣе ранніе годы своего начальствованія надъ академіей. До насъ, молодыхъ преподавателей, доходили только преданія прежняго времени и отзывы о суровомъ его режимѣ. Но замѣчательное дѣло, что ни отъ одного человѣка, даже изъ молодежи, обыкновенно не склонной къ преклоненію предъ старыми людьми, не приходилось слышать рѣчи объ ослабленіи умственныхъ его способностей, вродѣ того, что дескать выжилъ старикъ изъ ума. Его необыкновенный умъ и авторитетъ непоколебимо стояли въ сознаніи академіи, можно сказать, загипнотизированной его геніемъ. Дѣятельное участіе въ академической жизни проявлялъ онъ попрежнему. Такъ попрежнему онъ, между прочимъ, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы изъ «его академіи» не выходило ничего слабаго въ ученомъ отношеніи или неудобнаго въ цензурномъ, будутъ ли то труды академическихъ наставниковъ или диссертаціи студентовъ. Поэтому магистерскія (студенческія) диссертаціи, отсылаемыя въ Св. Синодъ, подвергались имъ самой строгой цензурѣ, непосредственному его разсмотрѣнію и прочтенію, по крайней мѣрѣ въ отрывкахъ, на конференціи [2]). Въ виду чего академическимъ преподавателямъ самимъ приходилось очень много работать для приведенія ихъ въ болѣе совершенный видъ, такъ что нѣкоторыя изъ студенческихъ магистерскихъ диссертацій чуть не на половину составляли трудъ профессоровъ-руководителей магистрантовъ. Перспективою такого труда угрожали и мнѣ, но мнѣ не пришлось испытать ничего по-

[1]) Филаретъ Дроздовъ, москов., 1803—изъ Троице-Лаврской сем., 1808—постриженъ, 1811—архим., 1812—ректор. с.-петерб. акад., 1814—докторъ бог., 1817—викар. ревельскій, 1819—архіеп. тверской, 1820—ярославскій, 1821—архіеп. московскій, 1826—митр. моск., † 1867 г. ноября 19.

[2]) Какъ происходили эти конференціи, не могу сказать, такъ какъ на нихъ не присутствовалъ, да и не могъ присутствовать, не будучи профессоромъ.

добнаго, такъ какъ 2—3 диссертаціи, писанныя по моему предмету, не попали въ число магистерскихъ. Памятно мнѣ еще мнѣніе м. Филарета о темахъ для диссертацій на ученыя степени. Въ одномъ изъ засѣданій въ собраніи академическихъ наставниковъ, при обсужденіи вопроса объ этихъ темахъ, ректоръ А. В. Гор., по поводу темъ о вселенскихъ соборахъ, замѣтилъ: «владыка—противъ такого рода темъ, онъ находитъ, что молодымъ людямъ онѣ не по силамъ; мало ли чего не бывало на вселенскихъ соборахъ». Послѣдняя фраза очень живо помнится и она очень меня поразила, какъ мнѣніе очевидно самого митрополита. Затѣмъ, помню еще одинъ случай, ярко выставляющій заботу м. Филарета о томъ, что выходитъ изъ его академіи изъ подъ пера не студентовъ только, но и профессоровъ. Прихожу разъ къ инспектору о. Михаилу, когда онъ только что воротился домой, вижу его въ страшной испаринѣ, съ краснымъ лицомъ, точно онъ только что вышелъ изъ бани, и говорю ему: «вы, вѣроятно, были въ банѣ?». «Да отвѣчаетъ онъ, былъ дѣйствительно въ банѣ, только не въ обыкновенной, а Филаретовской». Оказалось, что о. Михаилъ печаталъ тогда свои статьи: «О Евангеліяхъ и евангельской исторіи, по поводу книги Ренана—Жизнь Іисуса» и долженъ былъ предварительно, предъ ихъ напечатаніемъ, прочитывать свою рукопись м. Филарету, жившему въ ту пору въ Виѳаніи, въ своемъ скитѣ. Это было лѣтомъ, въ одинъ изъ обычныхъ его туда пріѣздовъ. Между прочимъ, о. Михаилъ сообщилъ, что митрополитъ очень неохотно согласился на напечатаніе его статей, опасаясь смущенія умовъ читателей приводимыми въ нихъ взглядами Ренана на лицо Христа Спасителя. Кстати о пріѣздахъ м. Филарета въ Сергіевъ Посадъ, а оттуда въ Виѳанію. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, вѣроятно послѣдній или предпослѣдній (въ 1866 или 1867 г.), онъ былъ очень любезенъ съ академическою корпораціею. При представленіи, онъ сказалъ намъ: «очень радъ, что снова нахожусь среди васъ, мнѣ всегда пріятно быть въ средѣ академическаго братства; а какъ идетъ дѣло по изданію церковно-историческаго словаря?» На этотъ словарь онъ далъ 10.000 р. Ректоръ отвѣчалъ, что дѣло идетъ довольно успѣшно (?—далѣе будетъ видно, насколько это было вѣрно). «Вы меня извините, продолжалъ митрополитъ; я и самъ долженъ бы принять дѣятельное участіе въ этого рода вашихъ трудахъ, но по старости не могу; силы мои оскудѣли».

Если къ сказаному прибавить то впечатлѣніе, какое я вынесъ, при моемъ представленіи м. Филарету, по случаю испрошенія его благословенія на вступленіе мое въ бракъ (объ этомъ сказано будетъ ниже), то это будетъ все, что у меня осталось въ воспоминаніяхъ объ этой замѣчательнѣйшей личности. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его на публичномъ экзаменѣ въ іюнѣ 1867 г. (здѣсь онъ поразилъ меня необыкновенно блестящими живыми глазами) и на обѣдѣ, по этому случаю, въ его лаврскихъ покояхъ, за 4—5 мѣсяцевъ до его кончины (19 ноября 1867 г.—въ то время я уже служилъ въ Петербургской Академіи, съ 30 іюля 1867 г.—и къ сожалѣнію не участвовалъ въ отданіи послѣдняго долга поистинѣ великому святителю). Такимъ образомъ, лично у меня остались одни только свѣтлыя воспоминанія о м. Филаретѣ.

Ректоръ академіи (съ 23 окт. 1862 г.) о. прот. Александръ Васильевичъ Горскій [1]),—такая рѣдкая, необыкновенная и многосторонняя по своей ученой дѣятельности и по своему вліянію личность, что весьма трудно въ краткихъ словахъ дать исчерпывающую его характеристику. Полную и необыкновенно удачную, всестороннюю его характеристику можно читать въ превосходномъ, мастерскомъ очеркѣ (преемника Евг. Евс. Голубинскаго) проф. С. И. Смирнова («А. В. Горскій»—Богосл. Вѣстн. 1890 г. № 11), а краткую, но весьма выразительную—у Н. П. Гилярова-Платонова («Сборн. его сочин.» изд. К. П. Побѣдоносцова, т. 2, стр. 464—5), гдѣ этотъ замѣчательный ученый и публицистъ, весьма строгій и злой на языкъ критикъ, преклоняясь предъ личностью А. В., какъ «личностью колосальною», пишетъ: «этотъ аскетъ профессоръ, этотъ инокъ мірянинъ, съ подвижническою жизнью соединявшій общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаніями и трудами,—это было необыкновенное явленіе. Оно едва ли повторится. Оно было созданіемъ особаго духовнаго строя въ извѣстный періодъ Московской Академіи, гдѣ А. В. Горскому предшествовалъ первообразъ его—Ѳ. А. Голубинскій, съ тою же бездною эрудиціи, съ глубокимъ мыслительнымъ умомъ и

---

[1]) А. В. Горскій, костром., 3-й маг. VIII к. 1832 г. москов. акад., товар. по студ. Филофея (Успенскаго, 1-го маг. курса, † митр. кіевск.), 1832—препод. москов. сем., 1833—бакк. церк. исторіи, 1837—экстраорд. проф., 1839— ординарный, 1860—священникъ, безъ вступленія въ бракъ и прот., причисленный къ моск. Архангельскому соб., 1862—ректоръ москов. академіи, 1864—въ февр. докторъ богословія, † 11 окт. 1875 г.

не только съ отсутствіемъ тщеславія, но съ смиреніемъ, о которомъ трудно составить даже понятіе». Вполнѣ присоединяясь къ этой мѣткой и совершенно вѣрной характеристикѣ, прибавимъ отъ себя только нѣсколько словъ о немъ, какъ ректорѣ академіи. А. В. Горскій былъ незамѣнимый, можно сказать идеальный ректоръ академіи, какъ *ученый* ея руководитель, что впрочемъ ясно видно изъ всей этой главы нашихъ воспоминаній. Какъ администраторъ, онъ не выдавался способностями этого рода, имѣлъ даже недостатки въ этомъ отношеніи, но эти небольшіе дефекты сугубо покрывались громадными достоинствами ума и сердца незабвеннаго старца, великаго ученаго и необыкновенной доброты человѣка. Къ студентамъ относился съ большимъ снисхожденіемъ, но эта видимая какъ бы его слабость вела только къ тому, что студенты боялись чѣмъ нибудь огорчить своего ректора—«папашу», какъ они обыкновенно его называли и при своихъ проказахъ нерѣдко останавливали другъ друга словами: «узнаетъ папаша, расплачется». Какъ мы видѣли выше, онъ дозволилъ даже студенческому оркестру играть пьесы въ студенческихъ комнатахъ съ открытыми окнами. Видѣли также, что это дозволеніе было взято назадъ по протесту со стороны лаврскаго начальства. Послѣднее имѣло, конечно, вполнѣ достаточныя для того основанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ сказался и нѣкоторый антагонизмъ Лавры съ Академіею,—антагонизмъ, который давалъ себя знать во многихъ и другихъ случаяхъ, что̀ весьма естественно при сожитіи, въ одной оградѣ, двухъ различныхъ самостоятельныхъ и независимыхъ одно отъ другого учрежденій. И ректору, протоіерею А. В. Горскому, при всей его кротости, смиреніи и миролюбіи, трудновато было сохранять добрыя отношенія съ лаврскими властями, такъ что у него по временамъ вырывалась фраза: «не знаю, что дѣлать съ Лаврою». Тѣмъ труднѣе было его положеніе, что во главѣ Лавры стоялъ тогда очень вліятельный и имѣвшій большой вѣсъ у м. Филарета, намѣстникъ, архим. Антоній, недружелюбно относившійся къ академіи и по нѣкоторымъ личнымъ мотивамъ [1]). Къ профес-

[1]) Разсказывали, будто архим. Антоній задумалъ получить степень магистра, не прослушавъ академическаго курса. Для этой цѣли будто бы приготовлена была диссертація, составленная, какъ гласила молва (можетъ быть сплетня?), проф. С. К. Смирновымъ. Но все это предпріятіе окончилось ничѣмъ. Когда былъ этотъ инцидентъ, не могу сказать. Во всякомъ случаѣ эта исторія относится не къ описываемому времени, а къ болѣе раннему.

ской корпораціи, въ томъ числѣ и къ младшимъ ея членамъ, молодымъ баккалаврамъ, ректоръ А. В. относился крайне деликатно и сердечно. Въ академическомъ правленіи не обнаруживалъ деспотическихъ наклонностей, предоставляя, какъ тогда говорили, много простора вліянію и опытности тогдашняго секретаря правленія, старѣйшаго послѣ себя профессора, Е. В. Амфитеатрова, котораго тогда называли «воротилой» академической администраціи. И такая уступчивость ректора служила, безъ сомнѣнія, только въ пользу успѣшнаго теченія административныхъ академическихъ дѣлъ. Единственнымъ, довольно чувствительнымъ его недостаткомъ были: необыкновенная мнительность, медлительность и нерѣшительность въ веденіи академическихъ изданій. Эти его свойства обусловливались, можно думать, крайнею ученою его добросовѣстностью и требовательностью и отчасти вліяніемъ Филаретовской безпощадной критики. Изданіе академическаго журнала—«Твор. св. отцевъ» почти пріостановилось, книжки его выходили неаккуратно, въ годъ—двѣ, три. Насколько сказался тутъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ—слабость подписки, неизвѣстно. Объ этомъ не было тогда рѣчи, а взваливали вину всецѣло на ректора. Упомянутый церковно-историческій словарь, задуманный самимъ А. В., о чемъ и заявлено было имъ въ юбилейной рѣчи, по случаю празднованія 50-ти-лѣтія академіи (въ 1864 г.), нисколько не двигался впередъ. Преподаватели разныхъ наукъ представляли о. ректору алфавитные списки трактатовъ, имѣвшихъ войти въ словарь, но все это падало точно въ Лету. По этому поводу живо вспоминается слѣдующая характерная сцена—въ квартирѣ ректора, въ одинъ изъ праздниковъ, когда академическая корпорація по обычаю собралась у него послѣ литургіи. О. ректоръ, А. В., сидитъ на диванѣ, а на креслахъ вокругъ стола—старѣйшіе профессоры, въ томъ числѣ П. С. Казанскій. Мы, совсѣмъ или сравнительно молодые, въ томъ числѣ А. Ѳ. Лавровъ († архіеп. Алексій), В. Н. Потаповъ, П. И. Горскій, Н. К. Соколовъ стоимъ въ кучкѣ недалеко отъ старѣйшихъ профессоровъ. Возлѣ насъ очутился и нашъ тогдашній академическій докторъ Нилъ Петр. Страховъ (который носилъ у насъ прозвище—«Нилъ легкомысленный»). Вдругъ, среди старѣйшихъ профессоровъ, заходитъ рѣчь о церковно-историческомъ словарѣ, почему не налаживается это изданіе, а кстати и объ журналѣ «Твор. св. отц.», почему и онъ ведется неисправно. Тогда

П. С. Казанскій, указывая рукою на ректора, съ живостью, кажется даже привставъ, замѣчаетъ: «это все *онъ* виноватъ, всему причиной *онъ*» (эти слова врѣзались съ буквальною точностью въ мою память). Добрѣйшій А. В., отъ природы «живаго, воспламеняющагося темперамента, не могшій иногда удержаться отъ гнѣвной вспышки или выраженія досады» (собственное его признаніе въ его дневникѣ), отъ этихъ словъ П. С. К—го сильно покраснѣлъ, даже приподнялся на диванѣ и началъ горячо оправдываться. Произошла такимъ образомъ довольно бурная сцена, указывая на которую стоявшій возлѣ насъ докторъ, Н. П. Страховъ, замѣтилъ: «вотъ они (А. В. Гор. и П. С. Каз.) теперь поссорились, потомъ заболѣютъ, а затѣмъ меня къ себѣ потянутъ: дескать, лечи, а что лечить напр. у П. Сим. Каз., когда у него внутри уже ничего нѣтъ, все сгнило», намекая на застарѣлый катаръ легкихъ достопочтеннаго стараго профессора. Эта сцена, конечно, нисколько не нарушила давнихъ дружескихъ отношеній старыхъ сослуживцевъ—ректора и П. С. К., обоихъ, отличавшихся благородствомъ и искренностью характера, при исключительной добротѣ А. В. Г. Эта характерная сцена хорошо иллюстрируетъ тогдашній складъ московской академической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ ту старую истину, что и на солнцѣ есть пятна. Невольно напрашивается мысль на сопоставленіе московскаго ректора, прот. А. В. Горскаго, съ тогдашними ректорами Петербургской Академіи: пр. Іоанникіемъ и пр. Іоанномъ (Соколовымъ, † еп. смоленск.). Какая громадная между ними разница!

Инспекторъ, орд. проф. архим. Михаилъ (Лузинъ) [1]), пользовавшійся большимъ вниманіемъ и уваженіемъ студентовъ, какъ хорошій, краснорѣчивый профессоръ по Св. Писанію, не пользовался среди академической корпораціи одинаковой симпатіею всѣхъ ея членовъ. У нѣкоторыхъ онъ находился подъ сомнѣніемъ относительно искренности и особенно правдивости. Впрочемъ, многое въ послѣднемъ отношеніи, кажется, должно быть отнесено болѣе къ игривости его ума и фантазіи, чѣмъ къ недостаткамъ нравственнаго характера. Къ сослуживцамъ,

---

[1]) Іером. Михаилъ Лузинъ (въ мірѣ Матвѣй Ив.), нижег., 3-й маг. XIX к. 1854 г. моск. акад., 1854—бакк. по Св. Писанію, 1861—инсп. акад., 1863—орд. проф., 1876—ректор. моск. акад., 1878—ректор. кіевской акад. и еп. уманьскій, † еп. курскій.

даже младшимъ, относился вполнѣ корректно, къ ректору—съ большимъ почтеніемъ, а протоіерей ректоръ съ уваженіемъ—къ его сану архимандрита, такъ что при нечастыхъ, впрочемъ, совмѣстныхъ своихъ съ нимъ богослуженіяхъ, ставилъ его въ рядъ съ собою, подобно тому, какъ становятся въ храмѣ, въ своемъ сослуженіи, епископы.

Старѣйшій послѣ ректора, орд. проф. общей словесности Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ [1]), пользовался огромнымъ вліяніемъ на студентовъ, какъ очень даровитый, прекрасный, краснорѣчивый профессоръ словесности, и большимъ вѣсомъ и авторитетомъ среди академической корпораціи. Отличался рѣшительнымъ, твердымъ, довольно гордымъ характеромъ. Въ профессорской средѣ не всѣ его любили, но всѣ уважали.

Петръ Симоновичъ Казанскій [2]), ординарный проф. общей гражданской исторіи, весьма солидный, многосвѣдущій ученый, извѣстный многочисленными печатными цѣнными трудами, не пользовался, къ сожалѣнію, должнымъ вниманіемъ студентовъ. Мѣшала тому крайняя его болѣзненность, о которой упомянуто уже выше. Студенты шутя говорили о немъ, что онъ не читаетъ, а «кашляетъ свои лекціи». Къ его несчастью, при крайне плохомъ здоровьѣ, онъ былъ страстный любитель табакокуренія, сидя въ своей квартирѣ не выпускалъ изо рта трубки, такъ что его квартира была полна табачнымъ дымомъ и среди облаковъ его едва можно было разглядѣть почтеннаго профессора. Отличался религіозностью и прямотою, искренностью характера, что̀ видно изъ разсказанной выше сцены въ квартирѣ ректора. Ко всѣмъ членамъ корпораціи относился очень доброжелательно и пользовался любовію и уваженіемъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ.

Сергѣй Константиновичъ Смирновъ [3]), ординарный проф. русской гражданской исторіи, также одинъ изъ старѣйшихъ

---

[1]) Е. В. Амфитеатровъ, орловскій, 2-й маг. XIII к. 1839 г. с.-петербургской акад., 1839 — бакк., 1844 — экстраорд., 1848 — ординарн. проф. Былъ потомъ град. головою Посада.

[2]) П. С. Казанскій, москв. виѳанск., 4-й маг. XIII к. 1842 г. моск. акад., съ 1842—бакк. моск. акад., 1850—экстраорд., 1858—ординарный, 1873—доктор. богосл., 1874—въ отставкѣ, † 1878 г.

[3]) С. К. Смирновъ, москов., 3-й маг. XIV к. 1844 г. моск. акад. 1844—бакк., 1857—экстраорд., 1859—ординарн. проф., 1873—докторъ богосл., 1870—1878—инспект. моск. акад., 1878—ректоръ моск. акад. и протоіерей.

профессоровъ, очень трудолюбивый и талантливый ученый, авторъ весьма многочисленныхъ трудовъ и изслѣдованій по самымъ разнообразнымъ предметамъ, преимущественно по исторіи академій (славяно-греко-латинской и московской), Троице-Сергіевской Лавры, различныхъ монастырей, московскихъ церквей и другихъ памятниковъ древности, былъ популярнымъ у студентовъ профессоромъ. По слухамъ, онъ увлекалъ ихъ своими лекціями, полными курьезовъ и пикантныхъ подробностей, выбранныхъ имъ изъ лѣтописей, нарочито для возбужденія вниманія слушателей. Аудиторія его, говорили тогда, всегда была полна. Въ корпораціи былъ очень покладистымъ коллегою, со всѣми дружественнымъ и ко всѣмъ привѣтливымъ. Надъ нимъ, однако, подсмѣивались, что онъ дружилъ и съ лаврскими монахами, ожидая себѣ, какъ человѣку многосемейному [1]), нѣкоторыхъ отъ того выгодъ и льготъ.

Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ-Платоновъ [2]), ординарн. проф. метафизики и исторіи древней философіи, стоявшій тогда во главѣ преподавателей философскихъ наукъ въ академіи, достойный преемникъ знаменитаго нашего философа, прот. Ѳ. А. Голубинскаго, пользовался глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ и студентовъ и академической корпораціи не только какъ прекрасный профессоръ, но и какъ очень

---

[1]) Изъ многочисленнаго его семейства, состоявшаго преимущественно изъ дочерей (кажется 6), большую (даже политическую) роль играетъ въ настоящее время одна его дочь—Анна Сергѣевна, вышедшая замужъ за П. Н. Милюкова. Въ мемуарахъ пр. Саввы („Богосл. Вѣстн.“) помѣщено письмо, въ которомъ проф. С. К. Смирновъ извѣщаетъ, что одна изъ его дочерей выходитъ замужъ за П. Н. Милюкова, тогда доцента Моск. Унив. (нынѣ глава кадетской партіи). По слухамъ, Анна Серг. Милюкова имѣетъ на своего супруга огромное вліяніе. Говорятъ даже, что если Милюковъ—въ политическомъ мірѣ есть то, что онъ есть, то этимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ вліянію своей супруги. Не могу пройти молчаніемъ личности супруги проф. С. К. Смирнова, Софіи Мартыновны, прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ женщины, весьма умной, очень симпатичной, съ огромнымъ тактомъ. Это была рѣдкая женщина, мать и супруга, выдававшаяся среди другихъ, также достопочтенныхъ тогдашнихъ профессоршъ. Вся корпорація академическихъ преподавателей относилась къ ней съ большимъ почтеніемъ и симпатіею.

[2]) В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ, черниг., 1-й маг. XVIII к. 1852 г. моск. акад., 1852—бакк. библейск. ист. и греч. языка, 1854—бакк. метафиз. и истор. древн. фил., 1858—ордин. проф., 1861—препод. философіи Госуд. Цесаревичу Николаю Александровичу, 1873—докторъ бог.

симпатичная личность. Онъ былъ ровнаго, сдержаннаго вмѣстѣ привѣтливаго характера, вполнѣ корректный во всѣхъ своихъ поступкахъ, сосредоточенный, довольно молчаливый.

Николай Ивановичъ Субботинъ [1]), товарищъ В. Д. Кудрявцева по студенчеству, экстраорд. профессоръ герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ и расколахъ (предметовъ, соединявшихся въ московской академіи въ одну каѳедру), извѣстный большой знатокъ русскаго раскола, не пользовался симпатіями академической корпораціи, отчасти благодаря дружбѣ своей съ нелюбимымъ въ академіи бывшимъ ея инспекторомъ и ректоромъ Сергіемъ Ляпидевскимъ († митр. московскій), отчасти потому, что самъ держалъ себя отъ нея довольно далеко; онъ былъ близокъ только къ кружку профессоровъ Е. В. Амфитеатрова и В. Д. Кудрявцева. Тяготѣлъ больше къ Москвѣ, въ которую и самъ ѣздилъ очень часто и къ нему постоянно пріѣзжали изъ нея какія-то довольно странныя личности изъ раскольническаго міра. Частенько приходилось видѣть ихъ выходящими изъ его квартиры,—визави съ моей. Одѣвался очень хорошо, даже щеголевато и вообще всею своею внѣшностью выгодно отличался отъ прочей академической братіи, въ огромномъ ея большинствѣ не блиставшей внѣшнимъ лоскомъ.

Протоіерей Филаретъ Александровичъ Сергіевскій [2]), экстраординарный и потомъ ординарный профессоръ нравственнаго и пастырскаго богословія, одинъ изъ довольно близкихъ родственниковъ м. Филарета, считался очень основательнымъ и серьезнымъ профессоромъ. Былъ сдержаннаго, молчаливаго характера. Въ сущности онъ очень походилъ на своего роднаго брата Н. А. Сергіевскаго († попечит. виленскаго учебнаго округа), упомянутаго выше, но, благодаря средѣ, его характеръ не могъ отлиться въ бюрократическую форму, и онъ остался добрымъ, покладистымъ коллегою, нелишеннымъ общительности и до извѣстной степени сердечности, не прочь былъ участвовать въ разныхъ развлеченіяхъ.

---

[1]) Н. И. Субботинъ, владим., 3-й маг. XVIII к. 1852 г. моск. акад., 1852—преп. виѳанск. сем., 1855—бакк., 1859—экстр. проф., 1874—докт. бог. и ордин. проф.

[2]) Прот. Ф. А. Сергіевскій, московск., 2-й маг. XIX к. 1854 г. моск. акад., 1854—бакк. библ. ист. и греч. яз., 1856—бакк. логики и исторіи средней и новой фил., 1857—нравств. богосл. и пастырскаго, 1860—экстраорд., 1865—ординарный, 1874—ректоръ виѳанской семинаріи.

Александръ Ѳедоровичъ Лавровъ-Платоновъ (въ монашествѣ Алексій, † архіеп. литовскій) [1]), баккалавръ, а съ 1864 г. экстраординарный профессоръ церковнаго законовѣдѣнія, глубокій знатокъ своего предмета, самый выдающійся нашъ канонистъ, представлялъ по виду довольно могучую, внушительную фигуру, въ которой обитала очень кроткая, добрая душа. Характера былъ скромнаго, тихаго, привѣтливаго, общительнаго и вообще симпатичнаго. Въ семейной его обстановкѣ, при привѣтливости его супруги М. Н., чувствовалось легко и хорошо. Былъ онъ и въ ту пору очень религіозенъ, неуклонно посѣщая всѣ богослуженія и, кажется, почти одинъ только изъ всей корпораціи произносилъ въ мое время, разъ или два въ году, проповѣди въ трапезной лаврской церкви (тамъ тогда, за неимѣніемъ собственной академической церкви, совершалось богослуженіе академическимъ духовенствомъ), по назначенію академическаго начальства. Прежде обязаны были проповѣдывать всѣ академическіе наставники, да и въ мое время назначались проповѣди всѣмъ, но никѣмъ почти онѣ не представлялись. Разъ, какъ преподаватель церковнаго краснорѣчія, я счелъ долгомъ представить о. ректору назначенную мнѣ проповѣдь, но не произносилъ ее за богослуженіемъ. Кромѣ А. Ѳ. Л., помнится, проповѣдывалъ еще Дм. Ѳ. Голубинскій.

Дмитрій Ѳедоровичъ Голубинскій [3]), сынъ знаменитаго философа прот. Ѳ. А. Голубинскаго, баккалавръ, а потомъ съ 1864 г. ординарный профессоръ физики, былъ по истинѣ

---

[1]) А. Ѳ. Лавровъ-Платоновъ, ярослав., 1-й маг. XIX к. 1854 г. моск. акад., 1854—бакк. церк. законовѣдѣнія, 1864—экстраорд. проф., 1878—монахъ и епископъ можайскій, † архіеп. литовскій. Не получилъ степени доктора богословія (хотя болѣе, чѣмъ кто-либо былъ ея достоинъ), потому что не представилъ сочиненія, а не представилъ, какъ онъ самъ заявилъ мнѣ, потому, что „боялся критики“. Тогда же въ разговорѣ (это было въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ его хиротоніи) онъ сообщилъ мнѣ, что принялъ монашество по настоянію пр. Михаила (Лузина), его товарища по студенчеству и друга. „Не будь его вліянія, не былъ бы я монахомъ“, прибавилъ пр. Алексій.

[2]) Пришлось мнѣ слышать въ Москвѣ слѣдующій восторженный о немъ отзывъ отъ извѣстнаго также канониста, А. С. Павлова, бывшаго бакк. казанской академіи, а тогда профессора университета. „Я могу быть только его ученикомъ и даже горжусь тѣмъ, что могу имъ быть“, сказалъ А. С. Павловъ.

[3]) Дм. Ѳед. Голубинскій, виѳан., 5-й маг. XIX к. 1854 г. моск. акад., 1854—бакк. геометріи и физики, 1864—ординарн. проф., 1870—сверхштатный преподав. „естественно-научной апологетики“.

человѣкъ не отъ міра сего, страстно любилъ свой предметъ, подобно петербургскому своему коллегѣ (проф. Н. И. Гло-ріантову) и былъ еще болѣе его чудаковатый. Былъ очень любимъ студентами, хотя они нерѣдко подтрунивали надъ нимъ и среди нихъ ходило много разсказовъ объ его чуда-чествахъ, въ особенности на экзаменахъ. Жилъ на особой квартирѣ, съ своей старой тетушкой. Былъ очень религіозенъ и отличался еще благотворительностью къ бѣднымъ. Нѣсколько разъ въ году (кажется, въ дни памяти родителя и въ его именины) собирались у него толпы нищихъ, которыхъ онъ одѣлялъ подаяніемъ. Въ отношеніи къ сослуживцамъ былъ весьма привѣтливъ и предупредителенъ, хотя держался отъ нихъ въ сторонѣ.

Василій Никифоровичъ Потаповъ [1]), баккалавръ, а съ 1864 г. экстраординарный профессоръ логики и новой философіи, въ своемъ родѣ также довольно оригинальная личность. Очень даровитый профессоръ отличался философскимъ глубокомысліемъ и сосредоточенностью, изъ которыхъ по временамъ выходилъ и проявлялъ много сердечности и какой-то милой наивности. Въ отношеніи къ сослуживцамъ держалъ себя очень корректно и пользовался общими, безъ исключенія, ихъ симпатіями. Любилъ музыку, хотя, кажется, не имѣлъ особыхъ музыкальныхъ способностей, игралъ на фортепьяно, которое у него одного было въ нашемъ баккалаврскомъ корпусѣ, и чрезъ то нѣсколько оживлялъ нашу монотонную жизнь въ казенной обстановкѣ.

Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ, однофамилецъ, но не родственникъ ректора (родственникъ проф. П. С. Казанскаго, его племянникъ [2]), баккалавръ, а потомъ съ 1867 г. экстраорд. профессоръ библейской исторіи и еврейскаго языка, очень почтенный ученый, большой знатокъ своего предмета, не пользовался, однако, симпатіями большинства сослуживцевъ, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ его характера.

---

[1]) В. Н. Потаповъ, москов., 1-й маг. XXI к. 1858 г. моск. акад, 1858—бакк. логики и истор. новой филос., 1864—экстр. проф., 1870—истор. древн. и новой философіи.

[2]) П. И. Горскій-Платоновъ, виѳан., 2-й маг. XXI к. моск. ак., 1858—бакк. библ. ист. и евр. яз., 1867—экстр. проф., 1870—библейск. археол. и еврейск. яз., 1878—инспекторъ москов. акад. Былъ потомъ градскимъ головою Троице-Серг. Посада.

Николай Кирилловичъ Соколовъ [1]), родственникъ ректора А. В. Г. (двоюродный его братъ), баккалавръ, а съ 1865 г. экстраорд. проф. новой церковной исторіи, при большой даровитости, былъ, что называется, человѣкъ съ огонькомъ въ душѣ. Съ нимъ мы были въ большой дружбѣ. Къ сожалѣнію, по временамъ онъ страдалъ отъ свойственной многимъ у насъ на Руси слабости и мнѣ, какъ очень близкому къ нему человѣку, приходилось переживать много тяжелыхъ минутъ, за которыя, по миновании кризиса, былъ вознаграждаемъ проявленіями горячей, преданной его дружбы. Впослѣдствіи состоя съ 1867 г. профессоромъ церковнаго права въ московскомъ университетѣ, онъ заявилъ себя многочисленными, талантливыми трудами по этому предмету, между прочимъ, велъ горячую полемику съ проф. А. Ѳ. Лавровымъ по жгучему тогда вопросу о преобразованіи церковнаго суда. Крайне жаль, что Н. К Сок—въ такъ рано (1874 г.) скончался.

Евгеній Евсигнеевичъ Голубинскій [2]), однофамилецъ, но не родственникъ прот. Ѳ. А. Голубинскаго, получившій эту фамилію въ память знаменитаго его земляка, въ свою очередь и самъ сдѣлался впослѣдствіи знаменитостью, какъ авторъ капитальныхъ трудовъ по исторіи русской церкви. Онъ окончилъ свою жизнь (7 янв. 1912 г.) ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. Въ описываемое время Евг. Евс. былъ молодымъ баккалавромъ, большимъ оригиналомъ [3]), нелюдимымъ, замкнутымъ кабинетнымъ ученымъ, не

---

[1]) Н. К. Соколовъ, костр., 3-й маг. XXI к. 1858 г. моск. акад., 1858—бакк. русск. церк. истор., 1861—заграницей въ командировкѣ, 1863—бакк. новой общей церк. истор. (вновь открытой каѳедры), 1865—экстр. проф., 1867—проф. москов. универс. по каѳедрѣ церковнаго права, † 1874 г. (ордин. профессоромъ моск. унив.).

[2]) Евг. Евс. Голубинскій, костром., 5-й маг. XXI к. 1858 г. моск. акад., 1858—преп. виѳанской сем., 1861—бакк. русск. церк. исторіи, 1870—экстраорд. проф., 1872—командированъ, на полтора года, съ ученою цѣлію, заграницу, въ Грецію и прав. славянскія земли, 1881—докторъ богосл. и ординарн. проф., 1902—ординарный академикъ Академіи Наукъ, † 7 янв. 1912 г.

[3]) Такимъ онъ остался и до конца жизни. Вотъ, напримѣръ, какъ мы встрѣтились, у меня на квартирѣ въ Петербургѣ, въ 1905—7 году, черезъ 40 лѣтъ послѣ совмѣстной нашей службы. Первыя его слова, обращенныя ко мнѣ, были; „вы краситесь? почему у васъ не сѣдые волосы?“ Онъ былъ старше меня только на $2^3/_4$ года (род, 28 февр. 1834 г.), между тѣмъ совершенно убѣленъ сѣдинами. Оригинальна была и пер-

безъ рѣзкости въ обращеніи. Въ сущности, однако, онъ былъ очень добродушенъ, рѣзкое слово почти всегда заканчивалось у него раскатистымъ, какимъ-то дѣтски наивнымъ смѣхомъ. Прекрасную и очень полную и вѣрную его характеристику можно читать въ очеркѣ его преемника по каѳедрѣ и родственника, проф. С. И. Смирнова (вѣроятно, въ «Бог. Вѣстн.» 1812 г., у насъ подъ руками—отдѣльный оттискъ).

Петръ Макаровичъ Хупотскій [1]), товарищъ А. М. Иванцова по студенчеству, баккалавръ опытной психологіи и нравственной философіи (3-я каѳедра по философіи; въ нашей петерб. академіи было ихъ только двѣ), человѣкъ даровитый, но, къ сожалѣнію, подверженъ былъ слабости къ спиртнымъ напиткамъ, служилъ въ академіи до 1865 г. Отличался большою общительностью и добродушнымъ характеромъ. Его можно было встрѣтить во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ собирались сослуживцы. Имѣлъ хорошій голосъ и очень охотно пѣлъ въ компаніи, когда о томъ его просили.

Іеромонахъ Іоаннъ Митропольскій [2]), баккалавръ древней церковной исторіи, преемникъ по каѳедрѣ проф. А. В. Горскаго и товарищъ по студенчеству кіевскихъ профессоровъ А. Воронова и Ф. Терновскаго и петербургскаго проф.—М. И. Каринскаго, не считался особенно даровитымъ. Былъ онъ человѣкъ добродушный, не обладавшій, однако, тактомъ вообще и въ отношеніи къ студентамъ въ частности, почему инспекторъ о. Михаилъ не нашелъ возможнымъ предложить ему должность своего помощника, а настойчиво убѣждалъ принять ее меня [3]).

вая наша встрѣча, 50 лѣтъ тому назадъ, когда я дѣлалъ ему, по пріѣздѣ въ Посадъ, въ 1863 г., первый визитъ. Первыя его слова были: „вы любите покушать?“ „Предупреждаю васъ, что здѣсь прескверно кормятъ“. Евг. Евс. разумѣлъ столъ, который для всѣхъ жильцовъ корпуса приготовлялъ одинъ изъ нашихъ служителей (ихъ было два).

[1]) П. М. Хупотскій, рязан., 1-й маг. XXII к. 1860 г. моск. акад. 1860—бакк. психол. и нравств. фил., 1865—оставилъ службу, былъ потомъ заграницей (на свой ли счетъ, или командированъ отъ Минист. Нар. Просв., не помню), но заграничное путешествіе не принесло ему пользы. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

[2]) Іером. Іоаннъ Митропольскій, калуж., 3-й маг. XXIII к. 1862 г. моск. акад., 1862—бакк. древней церк. истор., 1868—архим., 1870—еп. алеутскій, 1877—членъ моск. Синод. Конторы, 1881—наст. моск. Симонова мон., 1889—еп. аксайскій, 1910—на покоѣ, † 2 іюн. 1914 г.

[3]) Я всячески отказывался отъ его предложенія, доказывая, что ему, какъ монаху, всего удобнѣе имѣть своимъ помощникомъ монаха же,

Съ 1864 г. оказались моими сослуживцами еще три лица изъ бывшихъ моихъ слушателей:

Александръ Алексѣевичъ Смирновъ [1]), баккалавръ патристики, родной братъ прот. П. А. Смирнова († предсѣд. Учебн. Ком. при Св. Синодѣ), видной, представительной наружности, человѣкъ съ довольно высокимъ о себѣ мнѣніемъ.

Александръ Петровичъ Смирновъ [2]) (однофамилецъ А. А. Смирнова), баккалавръ опытной психологіи, считавшійся болѣе даровитымъ, чѣмъ его однофамилецъ. А. П. См—въ былъ преемникомъ П. М. Хупотскаго по каѳедрѣ, человѣкъ скромный, симпатичнаго характера, не лишенъ былъ слабости своего предшественника, хотя въ несравненно меньшей степени.

Николай Яковлевичъ Фортинскій [3]), баккалавръ математики, отличался скромностью, большимъ добродушіемъ и покладистостью характера, пользовался симпатіями всѣхъ сослуживцевъ.

Жизнь академической корпораціи сосредоточивалась исключительно въ ней самой, ограничиваясь взаимнымъ общеніемъ ея членовъ. Никакого другого общества въ Посадѣ не было и потому академическимъ преподавателямъ приходилось поневолѣ жить въ очень близкомъ общеніи между собою.

Пока живъ былъ Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, академическая корпорація представляла единое тѣло, имѣвшее въ немъ единую душу. Всѣ шли къ этому академическому патріарху и старый и молодой профессоръ и всѣ около него группировались. Разсказывали, что у П. С. Делицына въ его квартирѣ была даже комната, съ нѣсколькими кроватями, предназначенная спеціально для засидѣвшихся въ гостяхъ профессоровъ, преимущественно молодыхъ баккалавровъ, жившихъ въ академическомъ корпусѣ, когда они, послѣ 10 ч.

т. е. о. Іоанна. Среди разговора по этому предмету, когда я допытывался, почему онъ не хочетъ имѣть своимъ помощникомъ іером. Іоанна, о. Михаилъ откровенно наконецъ признался, что онъ боится, какъ бы о. Іоаннъ, по своей безтактности, не сочинилъ ему студенческаго бунта.

[1]) А. А. Смирновъ, яросл., виѳан. сем., 1-й маг. XXIV к. 1864 г. моск. акад., 1864—бакк. патрист., 1871—свящ. законоучит. 1-й моск. военн. гимн.

[2]) А. П. Смирновъ, яросл. 2-й маг. XXIV к. 1864 г. моск. акад., 1864—преп. моск. семинаріи, 1865—бакк. психологіи, 1871—экстраорд. проф.

[3]) Н. Я. Фортинскій, рязанск., 7-й маг. XXIV к. 1864 г. москов. акад., 1864—бакк. математики, 1870—священ., законоуч. 4-й москов. военной гимназіи. По слухамъ, здравствуетъ

вечера, не могли попасть въ свои квартиры изъ-за запертыхъ лаврскихъ воротъ. Просыпаясь утромъ, старецъ, П. С. Д., обыкновенно задавалъ прислугѣ лаконическій вопросъ: «есть кто-нибудь?». Есть, отвѣчала она, двое или трое. «Ну, такъ зови ихъ пить чай, когда проснутся» и затѣмъ, когда гостиночлежники являлись къ чаю, начиналась дружеская, непринужденная бесѣда между авторитетнѣйшимъ, заслуженнымъ профессоромъ-хозяиномъ и его часто совсѣмъ юными гостями, чувствовавшими себя у него точно въ родительскомъ домѣ. Но все это было уже въ прошломъ. Въ мое же время начало сбываться предсказаніе инсп. о. Михаила, о которомъ онъ говорилъ въ первое мое съ нимъ свиданіе—относительно распаденія академической корпораціи.

Скоро образовалось нѣсколько кружковъ, которые потомъ (впрочемъ уже послѣ моего выхода изъ академіи) превратились даже въ партіи, по слухамъ немало враждовавшія между собою, въ особенности со времени введенія устава 1869 г., съ засѣданіями совѣта, отдѣленій, диспутами и т. п. Въ мое время все это было еще только въ зачаточномъ состояніи, не идя далѣе обособленія и образованія кружковъ. Такихъ было два главныхъ.

Первый состоялъ всего изъ 4-хъ лицъ: Е. В. Амфитеатрова, В. Д. Кудрявцева, Н. И. Субботина и доктора Н. П. Страхова. Это былъ, такъ сказать, аристократическій кружокъ. Во главѣ его стоялъ Е. В. Амфитеатровъ, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, задававшій и здѣсь свой тонъ. Онъ и В. Д. Кудрявцевъ были свояками, женатыми на двухъ родныхъ сестрахъ, и жили въ первое время въ одномъ домѣ (Е. В. Амф—ва), пока В. Д. Кудрявцевъ не построилъ собственнаго. Н. И. Субботинъ по студенческому товариществу съ В. Д. Куд—мъ и по симпатіи къ семейству Е. В. Амф—ва также тяготѣлъ къ этому кружку.

Второй кружокъ имѣлъ своимъ центромъ «казенный дворъ»—замонастырскій домъ. Въ этотъ кружокъ входили жившіе въ этомъ домѣ: экстр. проф. Ф. А. Сергіевскій, А. Ѳ. Лавровъ и бакк. П. И. Горскій [1]), главный заправило этого кружка.

---

[1]) Въ большомъ домѣ, въ квартиру покойнаго П. С. Делицына перешелъ Ф. А. Сергіевскій, а квартиру послѣдняго занялъ А. Ѳ. Лавровъ, перешедшій туда изъ малаго дома. Въ маломъ домѣ въ квартиру А. Ѳ. Лаврова перешелъ П. И. Горскій, а его квартиру занялъ Евг. Евс. Голубинскій, перешедшій туда изъ нашего баккалаврскаго корпуса.

Къ нему же примыкали: проф. С. К. Смирновъ, жившій вблизи означеннаго дома и инсп. о. Михаилъ Лузинъ, состоявшій, какъ тогда говорили, въ нѣкоторыхъ контрахъ съ Е. В. Амфитеатровымъ по академическому правленію, да еще дружившій съ своими товарищами по студенчеству: Ф. А. Сергіевскимъ и А. Ѳ. Лавровымъ, въ особенности съ послѣднимъ.

Ни къ какому кружку не примыкали жившіе отшельниками: П. С. Казанскій, Дм. Ѳедор. Голубинскій и Евг. Евсигн. Голубинскій, наконецъ мы обитатели баккалаврскаго корпуса: В. Н. Потаповъ, Н. К. Соколовъ, П. М. Хупотскій, А. Л. Катанскій, А. А. Смирновъ (другой Смирновъ, Ал. Петр., былъ женатъ и жилъ на частной квартирѣ) и Н. Я. Фортинскій. Мы одинаково охотно посѣщали семейныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ тому и другому кружку, лишь бы представлялся какой-нибудь случай пріятно и безъ особенной скуки провести вечеръ. У насъ, холостыхъ насельниковъ корпуса, было очень близкое взаимное между собою общеніе, было своего рода какъ бы общежитіе, ходили другъ къ другу постоянно, каждый день, иногда по нѣсколько разъ, за исключеніемъ Н. И. Субботина, который устранялся отъ общенія съ нами, отъ котораго и мы сторонились, и отчасти—мало сообщительнаго Евг. Евс. Голубинскаго, который, впрочемъ, очень скоро оставилъ нашъ корпусъ, переселившись на казенный дворъ, что, между прочимъ замѣчу, дало мнѣ возможность занять его квартиру.

Наиболѣе дружескія отношенія завязались у меня съ В. Н. Потаповымъ и въ особенности съ Н. К. Соколовымъ. Къ первому привлекалъ весьма симпатичный, благородный его характеръ, а къ послѣднему—очень сходное наше настроеніе. Дѣло въ томъ, что мы оба сильно скучали въ Посадѣ, я послѣ жизни въ такихъ городахъ, какъ Нижній-Новгородъ и Петербургъ, онъ—послѣ двухъ лѣтъ заграничной жизни, преимущественно въ Лондонѣ, куда онъ отправился въ 1861 г., сначала въ качествѣ домашняго учителя въ семействѣ извѣстнаго адмирала Е. В. Путятина, а потомъ былъ тамъ въ ученой командировкѣ для приготовленія къ занятію вновь открывшейся, въ 1863 г., въ Моск. Академіи, каѳедры новой церковной исторіи. Н. К. Соколовъ ко времени моего пріѣзда въ Посадъ только что возвратился изъ этого заграничнаго путешествія и занялъ новую каѳедру, вмѣсто прежней (русской церковной исторіи). Такимъ образомъ оказалось еще одно

обстоятельство, насъ сближавшее: оба вновѣ, хотя и на разныхъ каѳедрахъ. Живой умъ, не безъ поэтической складки, горячій темпераментъ, большая общительность Н. К. С. очень привлекали меня къ нему.

Встрѣчи и знакомства. Въ августѣ 1864 г. посѣтила академію Великая Княгиня Елена Павловна, извѣстная покровительница просвѣщенія, составлявшая центръ группировавшагося около нея кружка. Собрались въ академической залѣ, гдѣ представлялась ей академическая корпорація, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Великая Княгиня, при представленіи меня, какъ преподавателя церковной археологіи, видимо поражена была полнымъ несоотвѣтствіемъ моей наружности съ характеромъ предмета моего преподаванія. Она не могла сдержать улыбки на лицѣ, видя очень юнаго археолога, не представлявшаго по фигурѣ ни малѣйшей солидности, хотя бы сколько-нибудь соотвѣтствовавшей спеціальности его занятій. Въ 1865 г. въ квартирѣ ректора академическіе преподаватели представлялись новому оберъ-прокурору Св. Синода гр. Дм. Андр. Толстому, только что назначенному, тогда молодому человѣку, живому и показавшемуся намъ мало солиднымъ для высокаго, занятаго имъ поста. Почему-то (вѣроятно, въ связи съ недавно явившимся соч. гр. Толстаго— Le Catholicisme en Russie. 1863,—соч., которому, кстати замѣтить, онъ обязанъ былъ своимъ назначеніемъ на должность об.-прок.) зашла рѣчь о только что вышедшемъ, въ 1864 г., соч. Пихлера о соединеніи церквей и попыткахъ къ тому. Гр. Дм. Андр. спросилъ: извѣстно ли это сочиненіе въ академіи? А. В. Горскій по этому случаю, не безъ видимаго удовольствія, доложилъ, что не только извѣстно, но что объ этомъ сочиненіи есть уже замѣтка въ печатной статьѣ одного баккалавра, именно А. Катанскаго, при чемъ указалъ на меня. Нужно замѣтить, что нашъ великій библіофилъ, о. ректоръ, сейчасъ же какъ только вышло это сочиненіе, выписалъ его и, зная о моей диссертаціи на ту же тему, далъ его мнѣ, а я составилъ статью для «Прав. Обозр.» (1865 г., янв. и февр.) подъ заглавіемъ: «Вопросъ о соединеніи церквей, исторія попытокъ къ его рѣшенію и будущая его судьба», гдѣ, между прочимъ, помѣстилъ коротенькую библіографическую замѣтку о вновь вышедшей заграницей книгѣ Пихлера. Главное содержаніе статьи составляло переработанное введеніе къ моему магистерскому сочиненію (см. гл. III).

Кстати о печатныхъ моихъ трудахъ. Первыя мои печатныя произведенія, которыми я дебютировалъ на литературномъ поприщѣ, были двѣ статьи въ газетѣ «День», издававшейся тогда извѣстнымъ славянофиломъ, И. С. Аксаковымъ: «Какое значеніе имѣетъ распространеніе просвѣщенія въ русскомъ народѣ для будущей судьбы русскаго раскола» (1864 г. дек.), «О движеніи религіозной мысли образованнаго класса въ Россіи» (1865 г. № 1). Затѣмъ слѣдовали двѣ вышепоименованныя статьи въ «Прав. Обозр.» 1865 г.

Отчасти въ связи съ этими первыми моими опытами публицистической дѣятельности завязывались у меня въ Москвѣ и знакомства. Изъ нихъ самыми интересными были—съ И. С. Аксаковымъ и Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ.

У И. С. Аксакова былъ нѣсколько разъ. Въ редакцію газеты «День» рѣшился отправить первую мою статью о расколѣ (представлявшую въ нѣсколько передѣланномъ видѣ студенческое мое сочиненіе, писанное на ту же тему), такъ сказать на авось: въ рукописи своей не обозначилъ ни своей фамиліи, ни адреса. Статья оказалась, однако, напечатанною, послѣ чего отправилъ И. С. Ак—ву письмо съ обозначеніемъ моей фамиліи и адреса. Отвѣтилъ онъ мнѣ очень интереснымъ письмомъ [1]), а затѣмъ я явился къ нему, чтобы познакомиться съ нимъ лично и получить гонораръ. Бывалъ у него еще нѣсколько разъ, по случаю напечатанія второй статьи. Между прочимъ И. С. Аксаковъ очень жаловался на несправедливое отношеніе къ нему петербургскихъ властей и извинялся за скромную плату за мои статьи, ссылаясь на денежныя затрудненія по изданію газеты, поглощавшей, по его заявленію, личныя его средства.

Въ связи съ этимъ знакомствомъ стояло другое, не менѣе интересное. Пришлось мнѣ встрѣтиться, при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ, съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, Никитою Петровичемъ Гиляровымъ-Платоновымъ, бывшимъ въ то время

---

[1]) Въ немъ между прочимъ сообщалось, что въ числѣ выдержекъ изъ газетныхъ и журнальныхъ статей, представляемыхъ Государю Императору Александру II, были выдержки и изъ моей статьи и что эти выдержки не заслужили одобренія Государя. И. С. Аксаковъ приписывалъ это обстоятельство тенденціозному подбору дѣлавшаго эти выдержки чиновника (Капниста), враждебно настроеннаго въ отношеніи къ славянофильству. Такимъ оказался мой „первый“ литературный „блинъ“.

управляющимъ московской синодальной типографіи [1]). Много слышалъ о немъ отъ сослуживцевъ, но лично знакомъ съ нимъ не былъ. Вдругъ однажды онъ самъ приходитъ ко мнѣ въ мою баккалаврскую квартиру. Оказалось, что онъ слышалъ обо мнѣ отъ И. С. Аксакова и желалъ со мною познакомиться. Среди разговоровъ съ неожиданнымъ гостемъ я пораженъ былъ массою самыхъ разнообразныхъ его познаній [2]), оригинальностью его взглядовъ и кипучестью его мысли. Взялъ онъ съ меня слово, что я буду у него въ Москвѣ, въ синодальной типографіи. Въ Москвѣ при свиданіи, послѣ осмотра этой замѣчательной типографіи, онъ повезъ меня къ себѣ на дачу (собственную въ Петровскомъ Разумовскомъ), гдѣ пришлось ночевать. Здѣсь, среди разговоровъ и массы разнообразныхъ проэктовъ, которыми была полна горячая его голова, онъ высказалъ между прочимъ мысль, что намѣренъ издавать большую общенародную газету. Намѣреніе это, какъ оказывается изъ его біографіи, онъ питалъ еще съ юныхъ лѣтъ, къ осуществленію его началъ стремиться съ 1859 г. и осуществилъ въ концѣ 1867 г. (въ изд. «Соврем. Извѣстій»). Въ этой проэктируемой газетѣ предлагалъ участвовать и мнѣ въ качествѣ ближайшаго своего сотрудника, помощника. Но я былъ тогда еще такъ юнъ и незрѣлъ (это было въ 1865—6 г.г.), что чувствовалъ себя совершенно ему не «подъ пару», да кромѣ того несовсѣмъ былъ увѣренъ въ осуществимости этого проэкта,—одного изъ многочисленныхъ

---

[1]) Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ, москов., 2-й маг. XVI к. 1848 г. моск. акад., 1848—бакк. герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ, 1854—по русск. расколу, 1855—выбылъ изъ академіи, сотрудникъ славянофильскихъ изданій кружка Хомякова и Аксаковыхъ, 1856—членъ московскаго цензурнаго комитета, 1862—чиновникъ особыхъ порученій при Мин. Нар. Просв. (А. В. Головинѣ), 1863—управляющій москов. Синодальной Типогр., 1867—оставилъ службу и началъ издавать газету „Соврем. Извѣстія“ (съ 1 дек. 1857 г.). Скончался 13 окт. 1887 г. 20 лѣтъ издательства газеты, при 20 карахъ, его постигшихъ, совершенно его раззорили и истощили его силы. См. „Гиляр.-Платоновъ. Сборникъ сочиненій“ т. 1. Москва 1899 г. предисл. стр. 1—LX.

[2]) Очень удивило меня, что Н. П. изучалъ даже многотомныя Acta Sanctorum. Въ то время занималъ меня вопросъ, какъ образовалась наша служба всенощнаго бдѣнія. Н. П. совѣтовалъ мнѣ поискать данныхъ для исторіи этой службы въ одномъ изъ мѣсяцевъ Acta Sanctorum (помнится сент.—ноябрь), что я потомъ и сдѣлалъ и дѣйствительно нашелъ нѣчто, относящееся къ исторіи первой половины службы.

его проэктовъ. Нѣкоторое предубѣжденіе противъ Н. П. Гилярова поселили во мнѣ и отзывы о немъ бывшихъ его сослуживцевъ. Дѣло въ томъ, что этотъ даровитѣйшій человѣкъ не пользолался любовью академической корпораціи, главнымъ образомъ за свой злой языкъ и увлекающійся характеръ. Не отрицали большой его даровитости, но считали его неособенно основательнымъ человѣкомъ, разбрасывающимся въ разныя стороны, увлекающимся то однимъ, то другимъ предметомъ, не входившимъ въ кругъ академической его спеціальности. Вдругъ, напр., онъ увлечется политической экономіей, или статистикой, запирается на нѣсколько мѣсяцевъ въ квартирѣ, усиленно занимается этимъ предметомъ, потомъ бросаетъ, переходитъ къ другому.

Прочими знакомствами я обязанъ былъ сослуживцамъ и друзьямъ. У о. ректора, А. В. Г., познакомился съ Кап. Ив. Невоструевымъ, маг. XII к. (1840 г.) моск. акад., до 1849 г. препод. симбир. сем., съ 1849 г. въ Москвѣ, помощн. А В. Горскаго по описанію рукописей моск. синод. библіотеки. К. И. Нев—въ, замѣчательный, выдающійся археологъ, поражалъ оригинальностью своей наружности и привычекъ. Напр., онъ не признавалъ, подобно м. Филарету, желѣзной дороги и направлялся изъ Москвы въ Посадъ, къ своему другу А. В. Гор—му, пѣшкомъ, на подобіе странника, съ котоммою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ. М. Филаретъ пріѣзжалъ въ Лавру также не по желѣзной дорогѣ, а въ экипажѣ. У своихъ сослуживцевъ я встрѣчался еще съ А. Е. Викторовымъ (орлов., кандид. XVII к. 1850 г. моск. акад.), также извѣстнымъ московскимъ археологомъ. Н. К. Соколовъ познакомилъ меня съ проф. Моск. Унив. прот. Н. А. Сергіевскимъ и съ своимъ братомъ прот. А. К. Соколовымъ (6-й маг. XIII к. 1842 г. Моск. акад., первый бакк. ц. археол. до 1854 г.). Живо помню двухъ его сыновей учившихся тогда въ московской семинаріи, въ томъ числѣ В. А. Соколова, впослѣдствіи талантливаго, краснорѣчиваго профессора Московской Академіи. В. Н. Потаповъ познакомилъ меня съ своимъ зятемъ, прот. Василіемъ Петровичемъ Нечаевымъ († пр. Виссаріонъ, еп. костромской, 3-й маг. XVI к. 1848 г. моск. акад.), тогда настоятелемъ одной изъ замоскворѣцкахъ церквей и редакторомъ «Душеполезнаго Чтенія». У проф. С. К. Смирнова познакомился съ его товарищемъ по студенчеству и своякомъ, прот. Инп. Мих. Богослов-

скимъ-Платоновымъ (1-й маг. XIV к. 1844 г. моск. акад., до 1850 г. бакк. логики и истор. средн. и нов. философ.), очень почитаемымъ въ Москвѣ и распространеннымъ среди московской аристократіи и наконецъ съ ихъ общимъ товарищемъ по студенчеству, прот. Вас. Ив. Романовскимъ (19-й маг. того же, XIV курса), очень оригинальною личностью.

Москва всегда отличалась хлѣбосольствомъ и широкимъ гостепріимствомъ, что пришлось испытать и мнѣ при посѣщеніяхъ моихъ московскихъ знакомыхъ. Но рекордъ въ этомъ отношеніи, какъ говорятъ нынѣ, побилъ о. прот. В. И. Романовскій. Нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ у проф. С. К. Смирнова. Но вотъ однажды ѣду въ Москву и встрѣчаюсь съ нимъ на вокзалѣ. «Куда ѣдешь и зачѣмъ?», спрашиваетъ меня, обращаясь почему-то ко мнѣ на «ты», хотя мы не пили съ нимъ такъ называемаго «брудершафта». Въ Москву, чтобы, провѣтриться. «Гдѣ остановишься»? Въ гостинницѣ, отвѣчаю. «Вотъ какой вздоръ, глупости, ѣдемъ ко мнѣ». Не смотря на мой деликатный отказъ, онъ увезъ таки меня въ собственномъ экипажѣ, на парѣ, и привезъ въ свой домъ, въ Замоскворѣчьѣ, возлѣ Пятницкой церкви, при которой былъ настоятелемъ. Послѣ осмотра дома, началъ (не смотря на то, что было раннее утро) усиленно и, можно сказать, насильно угощать меня виномъ; отказаться не было никакой возможности и кончилось тѣмъ, что мнѣ сдѣлалось дурно. Вечеромъ отправилъ насъ съ сыномъ въ театръ, изъ театра позвалъ насъ, чрезъ прислугу, нить чай и закусить въ домъ одного богатаго купца, въ томъ же Замоскворѣчьѣ (Рыб—на), гдѣ находился самъ, чувствуя себя здѣсь какъ дома и обращаясь со всѣми безъ всякой церемоніи. По пріѣздѣ домой, началъ сватать мнѣ дочь этого купца. Какъ ни былъ я благодаренъ о. протоіерею за его болѣе чѣмъ радушный пріемъ, но испытать его въ другой разъ не рѣшился. Вообще о. В. И. Р. былъ рѣдкій типъ широкой русской натуры въ рясѣ. Онъ пользовался большою популярностью у московскихъ купцовъ, въ особенности желѣзнодорожныхъ строителей и подрядчиковъ, вродѣ Губонина, и называлъ себя въ шутку желѣзнодорожнымъ архіереемъ, совершая освященіе мостовъ, вокзаловъ и т. п. Какъ самъ называлъ себя всегда полуименемъ, такъ звали его и другіе. Разсказывали, что онъ велъ широкую жизнь еще въ студенчествѣ, получивъ довольно большое наслѣдство отъ родителей. Былъ высокаго роста, очень видной наружности и атлетическаго сложенія.

Всѣ мы очень любили ѣздить въ Москву. Эти поѣздки доставляли много удовольствія и были очень полезны въ смыслѣ освѣженія и отдыха послѣ усиленныхъ трудовъ, въ особенности для молодыхъ баккалавровъ, составлявшихъ первый двухлѣтній курсъ лекцій. Къ сожалѣнію, скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала возможно чаще доставлять себѣ это удовольствіе. Изъ 35 р. жалованья истратить 10 р. на поѣздку въ Москву значило лишить себя возможности сдѣлать потомъ хотя бы самый незначительный расходъ, напримѣръ для обновленія и ремонта костюма, да и помимо того, и безъ этихъ тратъ, являлось крайне трудно разрѣшимою задачею прожить, безъ дефицита и займа, мѣсяцъ на оставшіеся 25 р.—при платѣ ежедневно за столъ 1 р., да еще при неизбѣжномъ расходѣ на чай, сахаръ, табакъ (увы! я началъ курить). Правда, къ концу 1865 г. послѣдовала, благодаря митр. Филарету, прибавка жалованья баккалавру къ прежнимъ 429 р. еще 271 (=700 р.) изъ суммъ московской каѳедры,—первый примѣръ, которому послѣдовали и другія каѳедры: несомнѣнно петербургкая и вѣроятно кіевская, а можетъ быть и казанская. И еще лично для меня, съ 6 сент. 1866 г., денежныя средства увеличились на 10 р. въ мѣсяцъ съ назначеніемъ меня на должность помощника инспектора академіи (128 р. 70 к. въ годъ). Но это было уже черезъ два слишкомъ года послѣ начала службы, да и эти новыя средства, около 58 р. въ мѣсяцъ, требовали большой сдержанности и осмотрительности въ тратахъ на экстренные расходы, вродѣ поѣздокъ въ Москву. А потому я былъ счастливъ, если у кого-либо изъ моихъ московскихъ знакомыхъ находилъ себѣ пріютъ, при посѣщеніи Москвы, и былъ избавленъ отъ тратъ на наемъ номера въ гостинницѣ, къ чему все таки нерѣдко долженъ былъ прибѣгать, чтобы не обременять собою московскихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ. Въ особенности часто останавливался у одного почтеннаго московскаго діакона И. Г. Богоявленскаго, близкаго родственника м. Филарета. Сынъ этого о. діакона К. И. Богоявленскій (впослѣдствіи старшій зять проф. С. К. Смирнова, былъ настоятелемъ ц. Василія Блаженнаго, 14-й маг. XXIV к. 1864 г. моск. акад.) былъ моимъ слушателемъ по академіи. Кстати, этотъ отецъ діаконъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какимъ блестящимъ наставникомъ, кажется по Св. Писанію, былъ у нихъ въ московской семинаріи митр. Исидоръ (Никольскій), въ бытность его архим. ректоромъ москов-

ской семинаріи, а его, о. діакона,—ученикомъ. Мы, ученики, говорилъ онъ, слушали своего ректора, можно сказать, затаивъ дыханіе и крайне были недовольны, когда слышали звонокъ къ выходу изъ класса. Архиман. Исидоръ часто, однако, засиживался въ классѣ и послѣ звонка и уходилъ только тогда, когда являлся другой наставникъ давать слѣдующій урокъ. «Почему у васъ въ Петербургѣ митр. Исидоръ оказался такимъ... (кажется, прибавилъ мой собесѣдникъ) безцвѣтнымъ?» Не знаю, что отвѣчалъ ему тогда, а теперь сказалъ бы, что такимъ его сдѣлали: Петербургъ, имѣющій несчастное свойство обезцвѣчивать личности, затѣмъ традиціи исторіи синодальнаго періода (вродѣ высылки изъ Петербурга двухъ Филаретовъ московскаго и кіевскаго, что очень помнилъ мудрый и осторожный м. Исидоръ и о чемъ какъ-то разъ прямо заявилъ нашему петербургскому ректору, о. І. Л. Янышеву) и наконецъ личность м. Филарета, который былъ главнымъ заправителемъ нашей церковной жизни и безъ котораго у насъ тогда ничего не дѣлалось. Мудрый петербургскій святитель, м. Исидоръ, если хотѣлъ чего-либо достигнуть, дѣйствовалъ чрезъ глубоко имъ чтимаго м. Филарета, самъ оставаясь въ тѣни. У о. діакона И. Г. Б—го познакомился съ очень интересною и уважаемою въ Москвѣ личностью, съ настоятелемъ церкви, при которой служилъ о. діаконъ, съ протоіереемъ церкви Никиты мученика въ Басманной, Пл. Ив. Капустинымъ (2-й маг. XII к. 1840 г. моск. акад., 1840—преп. тобольск. сем., 1842—бакк. филос., 1844 — математики, 1850 — свящ. и прот. ц. Ник. муч.). Этотъ о. протоіерей считался не только очень умнымъ человѣкомъ, но и большимъ знатокомъ и любителемъ физики. Онъ былъ, если не ошибаюсь, роднымъ братомъ извѣстнаго настоятеля нашей палестинской миссіи, знаменитаго архим. Антонина.

Троице-Сергіевъ Посадъ, прекрасное мѣсто для серьезныхъ ученыхъ занятій, былъ, однако, очень скученъ въ часы отдохновенія отъ нихъ, въ особенности для молодежи. Мы молодые положительно не знали куда дѣваться въ свободное отъ занятій время. Негдѣ было даже погулять; во всемъ Посадѣ совсѣмъ не имѣлось тротуаровъ, приходилось совершать прогулки по немногимъ грязнымъ или пыльнымъ улицамъ: Переяславской, Виѳанской или около вокзала желѣзной дороги. Крошечнымъ бульваромъ возлѣ монастырской стѣны, близъ входа въ главныя, святыя ворота, завладѣли студенты, которые стѣсняли

насъ, сами однако, какъ выше замѣчено, нисколько не стѣсняясь отъ встрѣчи съ нами. Приходилось для прогулокъ избирать даже монастырскія стѣны, на верху которыхъ были довольно широкіе проходные корридоры, или же топтаться въ маленькомъ академическомъ саду. Въ этомъ саду нерѣдко можно было встрѣтить и о. ректора, обычно здѣсь прогуливавшагося. Памятна мнѣ одна такая встрѣча, по одному съ нимъ разговору. «Знаете ли, говоритъ А. В., есть книжная новинка: вышло въ свѣтъ Догм. Богословіе пр. Филарета Черниговскаго» (1864 г.). Какъ вы его находите, рѣшился я спросить о. ректора. «Да что сказать вамъ. Была у насъ догматика католическая (пр. Макарія Булгакова), теперь явилась—протестантская, а православной все-таки нѣтъ». Вѣроятно о. А. В. Горскій словами «католическая» и «протестантская» хотѣлъ обозначить не довольно полную самостоятельность указанныхъ имъ догматикъ нѣкоторую зависимость авторовъ отъ западныхъ пособій и образцовъ не только относительно матеріала, но и относительно метода изложенія, но конечно не имѣлъ намѣренія набросить тѣнь на сущность догматическихъ возрѣній нашихъ православныхъ догматистовъ. Такъ я понялъ его тогда, а потомъ и самъ въ свое время убѣдился въ справедливости такой, хотя и очень рѣзкой характеристики. Лучше бы, однако, выразиться такъ: одна «католичествующая», другая «протестанствующая»...

Послѣдній четвертый годъ (1866—1867) моей службы въ Московской Академіи, кромѣ обычныхъ занятій по составленію новыхъ лекцій, исправленію и дополненію старыхъ, прошелъ въ попыткахъ устроить себѣ семейную жизнь, недостатокъ которой почувствованъ былъ теперь особенно сильно. Гнетущей ежеминутной заботы о составленіи лекцій, благодаря составленному двугодичному курсу, не было, а потому оставалось болѣе, чѣмъ прежде, свободнаго времени подумать о себѣ, о прочномъ устройствѣ своей жизни на выпавшемъ на мою долю и симпатичномъ для меня поприщѣ службы.

Хотя Троице-Сергіевъ Посадъ, незавиднымъ своимъ мѣстоположеніемъ и скучнымъ складомъ крайне однообразной жизни, не удовлетворялъ человѣка, выросшаго въ такомъ выдающемся красотою городѣ, какъ Нижній, и проведшаго 4 года среди чрезвычайнаго оживленія петербургской жизни 60-хъ годовъ, но, думалось мнѣ, стоитъ породниться съ Москвою чрезъ же-

нитьбу и Москва восполнитъ мнѣ то, чего не достаетъ въ Посадѣ. Первопрестольная же, сразу привлекшая къ себѣ, еще при проѣздѣ въ Петербургъ для поступленія въ академію, стала мнѣ нравиться все болѣе и болѣе, среди нерѣдкихъ ея посѣщеній изъ Посада, удовлетворяя и эстетическимъ моимъ потребностямъ и тяготѣнію къ умственнымъ и общественнымъ движеніямъ. А потому я рѣшилъ жениться непремѣнно на москвичкѣ. Нашлись и люди, которые охотно взялись устроить меня въ этомъ отношеніи. И былъ одинъ моментъ, когда мнѣ казалось, что всѣ мои предположенія и планы осуществились. Но какъ-то совершенно все разстроилось [1]). А затѣмъ случилось со мною нѣчто совершенно неожиданное и далеко необыкновенное. При чемъ невольно приходишь къ мысли, что пути нашей жизни направляются не нами, а Тѣмъ, Кто ведетъ насъ къ намѣченной Имъ цѣли нашей жизни. Вскорѣ послѣ несостоявшагося московскаго сватовства мнѣ сдѣлано предложеніе [2]) познакомиться съ семей-

---

[1]) Задумалъ я взять себѣ подругу жизни въ семействѣ одного изъ самыхъ почтенныхъ московскихъ протоіереевъ и хотя не сдѣлалъ еще предложенія моей избранницѣ, но былъ принятъ въ семействѣ и имѣлъ полное основаніе думать, что не встрѣчу отказа ни съ ея стороны, ни со стороны ея родителей. Дѣло настолько уже подвинулось, что выписалъ мою мать изъ Нижняго въ Посадъ, чтобы получить отъ нея благословеніе на женитьбу. Мать пріѣхала, видѣла мою невѣсту, но послѣдняя ей не совсѣмъ понравилась... Тѣмъ не менѣе благословеніе матери было получено и проводивъ ее до Москвы, а въ Москвѣ—на нижегородскую желѣзную дорогу, я въ тотъ же вечеръ отправился къ своей невѣстѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сдѣлать ей предложеніе, но такъ его и не сдѣлалъ... Что-то помѣшало, слова ли матери,—или недостатокъ собственнаго влеченія къ будущей моей подругѣ, очень умной, прекрасно образованной, симпатичной. Вѣроятно, и то и другое. Такъ это дѣло и разстроилось. Послѣдствія имѣли огромное значеніе для всей моей жизни и службы. Въ упомянутый вечеръ рушились всѣ мои планы относительно Посада и Москвы и по истинѣ этотъ день имѣлъ роковое вліяніе на мою судьбу.

[2]) Предложеніе это сдѣлано было чрезъ бывшаго моего товарища по семинаріи, П. И. Покровскаго, тогда доктора одной изъ московскихъ больницъ, шурина свящ. П. И. Раева (тогдашняго ректора спб. семинаріи, архим. Палладія, † спб. митроп.). Въ бытность свою въ Петербургѣ, П. И. Покровскій, въ разговорѣ съ о. Палладіемъ, упомянулъ о мнѣ, какъ землякѣ, служащемъ въ Моск. Академіи, и сообщилъ о моемъ намѣреніи жениться, а равно и о томъ, что дѣло это почему-то не налаживается. Архим. Палладій въ свою очередь передалъ объ этомъ разго-

ствомъ протоіерея и настоятеля нашей Парижской посольской церкви, о. Іосифа Васильевича Васильева, имѣющаго пріѣхать, съ двумя изъ своихъ дочерей, въ Петербургъ въ концѣ 1866 года. Совершенно не вѣря въ возможность такой необычайной женитьбы, больше для развлеченія и разсѣянія томившей меня скуки, рѣшился, однако, поѣхать въ Петербургъ, для свиданія съ почтеннымъ семействомъ парижскаго протоіерея. Взялъ на 14 дней отпускъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ октября, въ самый день въѣзда туда датской принцесы Дагмары, невѣсты тогдашняго Государя Наслѣдника Александра Александровича, нынѣшней Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Гостиницы были переполнены и я едва нашелъ мѣсто въ одной изъ нихъ и, удивительное дѣло, — въ той самой (противъ Казанскаго Собора), въ которую мы втроемъ были привезены 7 лѣтъ тому назадъ извозчикомъ съ Николаевскаго вокзала, при пріѣздѣ въ первый разъ въ Петербургъ для поступленія въ академію. Петербургъ видимо началъ влечь меня къ себѣ послѣ трехлѣтняго моего удаленія. Недолго продолжалось мое сватовство, чрезъ недѣлю послѣ перваго моего свиданія съ невѣстой, мы были обручены. Вскорѣ я уѣхалъ въ Посадъ продолжать чтеніе лекцій до Рождественскихъ каникулъ, а семейство будущаго моего тестя осталось пока въ Петербургѣ, въ квартирѣ старшаго свояка о. Васильева, протоіерея В. П. Полисадова, проф. спб. университета и настоятеля Петропавловскаго собора. Рѣшено было сыграть свадьбу въ Парижѣ, куда всѣ Васильевы, гостившіе въ Петербургѣ, должны были, вмѣстѣ со мною, отправиться, въ концѣ декабря 1866 г., предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова. Когда настало это время, взялъ я официальное разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ и отпускъ на 28 дней на заграничную поѣздку. Кромѣ того, долженъ былъ явиться

ворѣ своему товарищу по семинаріи, свящ. церкви спб. Смоленскаго кладбища П. А. Матвѣевскому, также нашему общему земляку по семинаріи. О. же Матвѣевскій, слыша отъ о. Палладія хорошіе отзывы о мнѣ и о всемъ моемъ семействѣ, которое послѣдній прекрасно зналъ, задумалъ предложить меня въ женихи многосемейному своему свояку, прот. Парижской посольской церкви о. І. В. Васильеву, для одной изъ шести его дочерей. Возникла по этому поводу переписка между мной, док. П. И. Покровскимъ и о. архим. Палладіемъ. Произошелъ обмѣнъ фотографическихъ карточекъ—моей и невѣсты, старшей дочери о. Васильева, Софіи Іосифовны Васильевой.

къ м. Филарету, чтобы лично получить отъ него благословеніе. Митрополитъ принялъ меня очень благосклонно. Когда хотѣлъ, онъ умѣлъ быть привѣтливымъ и даже любезнымъ. Съ улыбкою на лицѣ, выразивъ удивленіе, что я не могъ найти себѣ невѣсту въ Москвѣ и долженъ былъ искать ее такъ далеко, м. Филаретъ, благословляя меня, въ заключеніе произнесъ слѣдующія памятныя слова, врѣзавшіяся въ память съ буквальною точностью: «*передайте отъ меня почтеніе о. протоіерею*» (т. е. о. І. В. Васильеву). Онъ прекрасно зналъ о. Васильева и очень его уважалъ, что неудивительно послѣ знаменитыхъ писемъ о. І. В. къ нантскому епископу и постройки русскаго православнаго храма въ Парижѣ. Эта постройка заставила о. І. В. В. нѣсколько разъ ѣздить въ Москву и Нижній отчасти для сбора пожертвованій на построеніе храма, отчасти по поводу освященія—построеннаго уже храма—однимъ изъ нашихъ епископовъ, при чемъ приходилось вести продолжительныя бесѣды съ м. Филаретомъ, чтобы получить отъ него на то согласіе. Отъ согласія м. Филарета зависѣлъ благополучный исходъ ходатайства предъ Св. Синодомъ, какъ это было во всѣхъ сколько-нибудь выдающихся дѣлахъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ тотчасъ же отправились заграницу. Ѣхали вшестеромъ [1]). Проѣзжая черезъ Кельнъ, успѣли осмотрѣть тамошній знаменитый соборъ, чудо готическаго стиля. Здѣсь о. І. В. В—въ обратилъ мое вниманіе на одно барельефное изображеніе св. крещенія—чрезъ погруженіе. Пріѣхали въ Парижъ 23 дек. Послѣ святокъ, 18 янв. 1866 г., состоялось наше бракосочетаніе въ великолѣпномъ нашемъ парижскомъ храмѣ, при пѣніи прекраснаго хора изъ французскихъ оперныхъ пѣвцовъ, въ присутствіи всей, тогда очень знатной русской колоніи, во главѣ съ тогдашнимъ русскимъ посломъ, барономъ Будбергомъ [2]). Вѣнчалъ насъ

---

[1]) Самъ прот. І. В. Васильевъ, его супруга Анна Ѳеимовна, моя невѣста Софія Іосифовна, ея сестра Надежда Іосифовна, нынѣ супруга настоятеля нашей русской церкви во Флоренціи, прот. В. И. Левицкаго, и 8-ми мѣсячный братъ ихъ—С. І. Васильевъ, нынѣ членъ спб. Окружнаго Суда.

[2]) Изъ наиболѣе значительныхъ лицъ были: гр. Муравьевъ Амурскій съ супругою (близкій другъ о. Васильева), свѣтлѣйшая кн. Чернышева, княг. Барятинская (супруга кн. Барятинскаго, по болѣзни не при-

самъ о. прот. І. В. В. Васильевъ. Стеченіе публики на свадьбу было такъ велико, что каретами русской знати была запружена даже часть ближайшей къ русской церкви улицы—Faubourg St. Honoré. А громкая извѣстность русскаго митрофорнаго протоіерея въ Парижѣ сдѣлала то, что французскія газеты не преминули описать бракосочетаніе одной изъ дочерей русскаго «епископа» (eveque) съ проф. Московской Академіи Mr Katansky, при чемъ даже перечислили многочисленные свадебные подарки, полученные новобрачною отъ русскихъ знатныхъ лицъ. Послѣ свадьбы, двумя знатнѣйшими изъ нихъ, свѣтл. кн. Чернышевою и фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ были даны новобрачнымъ свадебные обѣды. Въ особенности остался памятнымъ обѣдъ у кн. Барятинскаго. Этотъ покоритель Кавказа, въ то время прикованный сильнѣйшею подагрою къ креслу, показывалъ намъ, между прочимъ, великолѣпную, усыпанную крупными брилліантами саблю, Высочайшій подарокъ за покореніе Кавказа.

До свадьбы о. І. В. Васильевъ знакомилъ меня съ Парижемъ и его достопримѣчательностями. Были мы въ парижскомъ каѳедральномъ соборѣ Notre Dame, въ ризницѣ котораго находится нѣсколько предметовъ изъ нашей русской церковной утвари, взятыхъ французскими войсками во время крымской войны. Здѣсь поразилъ меня французъ служитель, показывавшій намъ эту ризницу. Онъ ораторствовалъ съ такимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и жаромъ, точно ему пришлось говорить намъ первымъ. Мой спутникъ и руководитель объяснилъ мнѣ, что означенный служитель не составляетъ исключенія изъ общаго правила, что всѣ французы большіе ораторы, что какой-нибудь уличный продавецъ, напр., карандашей, говоритъ большія патетическія рѣчи собравшейся вокругъ него публикѣ, рекомендуя свой товаръ. Посѣтили мы Пантеонъ, съ необыкновенно широкимъ видомъ на весь Парижъ,—съ рѣшетки вокругъ его купола, и съ замѣчательною статуею Вольтера, въ его подземельѣ, церковь св. Женевьевы,

---

сутствовавшаго на бракосочетаніи), кн. Инсиланти, кн. Кочубей, графиня Радзивиллъ (представит. гр. Киселева, не присутствовавшаго лично по болѣзни), кн. Оболенскій съ супругою, гр. Самойлова, княжна Мещерская (впослѣдствіи Демидова Санъ-Донато), генер. Чертковъ, генер. Новицкій съ супругою (зять гр. Адлербергъ, мой посаженый отецъ) и мн. др.

ц. Инвалидовъ (съ гробницею Наполеона I), Клюни и мн. др. Въ Клюни, въ этомъ музеѣ французскихъ древностей, меня поразили въ особенности французскія иконы XII в., чисто византійскаго стиля.

Парижъ, съ его легкими изящными зданіями, веселыми бульварами, необыкновенною чистотою [1]), крайнею оживленностью уличной жизни, изысканною любезностью, привѣтливостью и веселостью парижанъ, прекраснымъ климатомъ (хотя въ тотъ годъ, въ январѣ мѣсяцѣ, были порядочные морозы, до 10 и болѣе град.) прямо очаровалъ меня. И неудивительно: изъ болѣе, чѣмъ скромнаго русскаго Посада попалъ я точно въ волшебное царство изящества, красоты, веселья, въ центръ утонченной европейской цивилизаціи. Было отъ чего закружиться головѣ и естественно являлось желаніе остаться здѣсь навсегда, или по крайней мѣрѣ потомъ, со временемъ, перейти сюда чрезъ заграничную службу гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, въ санѣ священника, къ чему представлялась полная возможность. Эту комбинацію и предлагалъ мнѣ мой тесть, человѣкъ очень вліятельный и имѣвшій большія связи и въ духовномъ мірѣ и въ свѣтскомъ высшемъ обществѣ. Искушеніе было великое. Тѣмъ не менѣе, мнѣ удалось побѣдить его. Помогли мнѣ въ этомъ случаѣ: мое увлеченіе академическою службою и отчасти укоренившееся во мнѣ сознаніе моей непригодности къ служенію въ священномъ санѣ [2]), не говоря уже объ упомянутыхъ (гл. I) моихъ взглядахъ на высоту пастырскаго служенія. Вотъ почему, скрѣпя сердце, долженъ былъ оставить Парижъ, безъ всякой надежды когда-нибудь въ него возвратиться и вообще служить заграницей, въ составѣ нашего русскаго заграничнаго духовенства. Вернулись мы новобрачные сначала въ Петербургъ [3]), а потомъ въ Москву и Посадъ,

---

[1]) Не нужно забывать, что это было при Наполеонѣ III, въ эпоху самаго блестящаго состоянія французской столицы. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1866 г., уже при республикѣ, когда мы съ женою снова посѣтили Парижъ, картина получилась другая: не было уже такой чистоты въ городѣ, да и характеръ парижанъ довольно рѣзко измѣнился къ худшему.

[2]) Недостатокъ представительной наружности, а главное слабость голоса и неумѣнье пѣть, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія музыкальнаго слуха (во всю мою жизнь я не могъ взять вѣрно ни одной ноты),— все это очень живо чувствовалось и отклоняло отъ принятія священства.

[3]) Въ Петербургъ изъ Парижа я отправленъ былъ, между прочимъ, курьеромъ съ депешами въ министерство иностранныхъ дѣлъ,—благодаря

явились къ назначенному сроку (6 февр.), наняли себѣ квартиру на Переславской улицѣ (за 200 р. въ годъ, цѣлый этажъ довольно большаго дома) и зажилъ я, наконецъ, семейной жизнью. Жалованья было тогда, благодаря милости м. Филарета [1]), по должности баккалавра 700 р., да еще 128 р. по должности помощника инспектора, и къ концу службы въ Моск. Акад. (съ 14 мая 1867 г.) квартирнаго пособія 120 р., такъ что можно было жить довольно безбѣдно,—при нетребовательности моей молодой супруги. Нужно замѣтить, что переѣздъ изъ блестящей міровой столицы въ скромную русскую деревню она перенесла, къ удивленію, очень благодушно. Въ этомъ случаѣ, кромѣ серьезнаго домашняго воспитанія, сказались, вѣроятно,—несоизмѣримость такихъ величинъ, какъ Парижъ и Посадъ, невозможность ихъ сопоставленія, подобно тому, какъ какому-нибудь путешественнику изъ цивилизованнаго міра въ страны, совершенно нетронутыя культурой, не приходитъ даже и въ голову сопоставлять, сравнивать несравнимое. Многое заинтересовывало мою молодую жену своею необычайностью, каково, напримѣръ, зрѣлище огромныхъ горъ снѣга очень суровой, снѣжной зимы 1867 года.

Въ этотъ четвертый и послѣдній годъ службы въ Московской Академіи, XXVI-му (1864—1868 г.) ея курсу [2]), читалъ отдѣлы о внѣшнемъ, съ архитектурной стороны, и внутреннемъ устройствѣ храма и о священныхъ изображеніяхъ—церковной иконографіи.

Къ концу учебнаго года $186^{7}/_{8}$, по обычаю, былъ публичный экзаменъ, на которомъ въ первый день (по главнымъ предметамъ) присутствовалъ самъ м. Филаретъ, а во второй (по второстепеннымъ)—пр. Савва, тогдашній московскій ви-

---

любезности парижскаго посла бар. Будберга, конечно, не ко мнѣ, а къ моему тестю. Курьерскихъ мнѣ было выдано 1,000 франковъ.

[1]) Моск. акад., какъ замѣчено выше, шла въ этомъ отношеніи впереди другихъ академій. Въ ней первой, по милости незабвеннаго митр. Филарета, совершилась прибавка къ казенному жалованью, „изъ неокладныхъ суммъ московской каѳедры“: орд. проф. вмѣсто 858—1200 р., экстр. проф., вмѣсто 429 р.,—900 р., баккал., вмѣсто 429 р.,—700 р. См. С. К. Смирнова—„Истор. моск. акад. до ея преобраз.“, стр. 344—345.

[2]) Въ этомъ курсѣ моими слушателями были, между прочимъ, мой преемникъ по каѳедрѣ, И. Д. Мансветовъ (1-й маг.), Н. Елеонскій (2-й маг., впослѣдствіи протоіерей проф. моск. университета), П. И. Цвѣтковъ (6-й маг., впослѣдствіи проф. москов. акад. по латинскому языку).

карій. Послѣ экзаменовъ были обычные два обѣда, первый— у митрополита въ его лаврскихъ покояхъ, второй—у ректора въ его помѣщеніи, а затѣмъ слѣдовали два обѣда въ виѳанской семинаріи.

По окончаніи экзаменовъ и всѣхъ учебныхъ дѣлъ потянуло насъ снова заграницу. Въ этотъ годъ, лѣтомъ 1867 г., въ Парижѣ была всемірная выставка. Въ этотъ же годъ и именно весной устроилось назначеніе моего тестя, прот. І. В. Васильева, въ предсѣдатели вновь учрежденнаго Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, вмѣсто прежняго духовно-учебнаго управленія. Предстоялъ переѣздъ всего его семейства изъ Парижа на постоянное жительство въ Петербургъ, послѣ 21 года пребыванія заграницей. Трудно было противостоять искушенію снова повидать очаровавшій меня городъ, да сверхъ того побывать на всемірной выставкѣ, а молодой моей женѣ проститься съ мѣстомъ ея родины и всей дѣвической жизни, до самаго замужества. На половину удешевленные билеты спеціальныхъ поѣздовъ (train de plaisir), по случаю всемірной выставки, дѣлали наше предпріятіе удобоисполнимымъ и съ денежной стороны. Получивъ изъ Парижа прогоны, мы съ радостью покатили заграницу.

Моя женитьба естественно потянула меня въ Петербургъ. Не будь этого обстоятельства, я окончательно осѣлъ бы въ Московской Академіи, тяготѣя къ милой издавна моему сердцу Москвѣ. Одновременно со мною потянуло изъ Посада и ближайшаго моего друга проф. Н. К. Соколова. Ему предложено было занять въ Московскомъ Университетѣ каѳедру церковнаго права [1]) и его выходъ изъ академіи, въ 1867 г., совершенно совпалъ съ моимъ выходомъ.

---

[1]) Потянула его туда вліятельная въ то время на юридическомъ факультетѣ кучка профессоровъ: Чичеринъ, Капустинъ и Дмитріевъ. Посредникомъ былъ проф. Капустинъ, который обратился къ Н. К. С—ву съ означеннымъ предложеніемъ и все время велъ съ нимъ переговоры. Впрочемъ, дѣло это наладилось не вдругъ. Профессоры университета долго торговались относительно признанія степени магистра богословія достаточною для занятія въ университетѣ профессорской каѳедры по церковному праву. Предлагали Н. К. то сдать экзаменъ на университетскаго магистра, то представить диссертацію на степень доктора юридическихъ наукъ, обѣщая оказать съ своей стороны, при полученіи этой степени, всевозможное снисхожденіе. Но Н. К. С—въ твердо стоялъ на томъ, чтобы (если они желаютъ имѣть его своимъ профессоромъ) при-

Еще на каникулахъ, въ то время, когда мы гостили въ Парижѣ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что переводятъ меня въ Петербургскую Академію на каѳедру догматическаго богословія, помощникомъ тогдашнему экстраординарному профессору и инспектору архим. Хрисанѳу (Ретивцеву), совмѣщавшему въ своемъ лицѣ преподавателя и основнаго и догматическаго богословій. Это назначеніе состоялось 30 іюня 1867 года.

Такъ моя судьба снова привела меня въ Петербургъ, но предварительно провела чрезъ строгую Филаретовскую школу, чрезъ полную ученыхъ традицій высокочтимую Московскую Академію, поставивъ подъ ближайшее руководство великаго ученаго, незамѣнимаго научнаго руководителя и въ особенномъ смыслѣ «отца» ректора. прот. А. В. Горскаго. Московская Академія была поистинѣ второю моею матерью, довершившею мое образованіе, какъ академическаго преподавателя. Она направляла и укрѣпляла мои первые, еще нетвердые шаги на ученомъ поприщѣ. Проведенные въ ней годы были для меня важнѣе, чѣмъ всякое заграничное путешествіе. И если впослѣдствіи мнѣ удалось совершить нѣчто не совершенно безполезное для богословской науки, то этимъ, безспорно, во многомъ обязанъ тому закалу и направленію, которые я получилъ въ русскомъ Оксфордѣ.

знали степень магистра богословія достаточною для званія экстраординарнаго и даже ординарнаго профессора моск. университета и чтобы дали ему формальное въ этомъ удостовѣреніе. Въ концѣ концовъ онъ взялъ верхъ и поступилъ въ университетъ въ званіи экстраорд. проф. Впослѣдствіи онъ былъ ординарнымъ проф. Представилъ ли онъ докторскую диссертацію потомъ, состоя уже на службѣ университета, мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, нѣтъ, судя по тому, что онъ говорилъ, когда ему предлагали, ио снисхожденію, дать степень доктора, при переходѣ изъ академіи въ университетъ. „Какой я докторъ юридическихъ наукъ, мнѣ стыдно носить это званіе, когда я сознаю, что не имѣю на него права“. Вотъ подлинныя его слова. Единственную уступку настойчивости профессоровъ юристовъ онъ сдѣлалъ, представивъ, вродѣ какъ бы диссертаціи pro venia legendi, небольшой трудъ по какому-то предмету, близкому къ области юридическихъ наукъ. Темы этой диссертаціи не помню. Вся эта исторія дѣлаетъ большую честь стойкости Н. К. Соколова въ отстаиваніи правъ нашихъ богословскихъ ученыхъ степеней. Не то было въ с.-петерб. универс. съ М. И. Горчаковымъ, котораго заставили и онъ согласился выдержать всѣ экзамены на университетскія степени: кандидата, магистра и доктора и представить соотвѣтствующія диссертаціи.

Считаю себя крайне счастливымъ, что удалось дожить до 100-лѣтняго юбилея (1 окт. 1914 г.) дорогой Московской Академіи, которой и посвящаю этотъ очеркъ (IV гл.) своихъ «Воспоминаній» въ знакъ глубоко почтительной и сердечно благодарной о ней памяти. Vivat Academia, vivant professores! *)

А. Катанскій.

Гатчина, 25 сент.,
1914 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

*) Этою главою заканчиваю 1-й выпускъ своихъ „Воспоминаній“. Продолженіе ихъ зависитъ отъ наступленія болѣе спокойнаго времени въ нашемъ Отечествѣ, которое подверглось нынѣ нападенію враговъ еще болѣе, чѣмъ въ 1812 г., „буіихъ и звѣронравныхъ“,—нѣмецкихъ полчищъ съ новымъ Наполеономъ, Вильгельмомъ II во главѣ. Если Богу будетъ угодно продлить мою жизнь и сохранить мои силы, хотѣлось бы въ слѣдующемъ выпускѣ обозрѣть годы моей службы (29 лѣтъ) въ Петроградской Академіи: 1867—1896 г.г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . 3—5

I. Дѣтство и нижегородское духовное училище.

Родители и родственники. Система воспитанія. Поступленіе въ училище. Пятилѣтнее ученье въ II, III и IV классахъ. Старшіе, нотаторы. Помѣщеніе училища, игры. Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ училища . . . . . 5—26

II. Въ нижегородской духовной семинаріи (1852—1858 гг.)

Поступленіе въ семинарію и ея помѣщеніе. Низшій классъ семинаріи, или классъ словесности. Средній, или философскій. Высшій, или богословскій. Двухлѣтній курсъ каждаго класса (1852—1858 гг.). Предметы преподаванія, преподаватели, сочиненія и темы для нихъ. . . . . 26—45

Характеръ преподаванія. Учебныя занятія и экзамены. Нижегородскіе преосвященные. Высочайшія посѣщенія семинаріи. Природа Нижняго Новгорода и ея вліяніе; приходъ моего отца. Назначеніе въ казанскую духовную академію и отказъ отъ него. О системѣ тогдашняго семинарскаго образованія . . . . . 45—72

III. Въ Петербургской духовной академіи—XXV курсъ (1859—1863 г.).

Отъѣздъ изъ Нижняго. Пріемные экзамены . . . . 73—87

Младшій курсъ 1859—1861 гг. Предметы преподаванія и преподаватели — профессоры и баккалавры. Начальствующія лица. Лекціи, экзамены, сочиненія и темы для нихъ. Публичные экзамены. Академическіе порядки и дисциплина . . . . . 87—113

Старшій курсъ 1861—1863 гг. „Случай въ греческомъ классѣ“, причины его и весьма важныя послѣдствія . . 113—141

Профессоры и баккалавры богословскихъ наукъ. Сочиненія и ихъ темы въ первомъ году. Курсовое сочиненіе (на степень) въ послѣднемъ году. Выпускные экзамены. Конференція, присужденіе ученыхъ степеней, составленіе разряднаго списка. О системѣ тогдашняго академическаго образованія . . . . . 141—165

стр.

IV. Въ Московской духовной Академіи начало службы (1863—1867 г.).

Пріѣздъ въ Троице-Сергіевъ Посадъ и первыя впечатлѣнія. Баккалаврскій корпусъ и его обитатели. Начало чтенія лекцій. Публичные экзамены . . . . . 166—176

Пятидесятилѣтній юбилей Московской Академіи . . 176—179

Два учебныхъ года 1864—1866 гг. Отдѣлы лекцій по церковной археологіи. Чтенія по гомилетикѣ. Отношеніе студентовъ къ лекціямъ. Экзамены. Студенты Московской академіи . . . . . 179—189

Начальство и сослуживцы. Митр. Московскій Филаретъ. Ректоръ прот. А. В. Горскій. Профессоры и баккалавры тогдашняго времени. . . . . 189—203

Жизнь академической корпораціи въ Посадѣ. Кружки. 203—206

Встрѣчи и знакомства . . . . . 206—213

Послѣдній годъ (1866—1867) службы въ Московской академіи. Сватовство въ Москвѣ и Петербургѣ. Двукратная поѣздка въ Парижъ. Переходъ на службу въ Петербургскую академію. Посвященіе IV гл. высокочтимой Московской академіи въ благодарную о ней память . . . 213—222

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР